

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

2

Москва
Кучково поле
2010

УДК930.1
ББК63.1
Р89

*Сборник издается во взаимодействии с Комиссией при Президенте
Российской Федерации по противодействию попыткам
фальсификации истории в ущерб интересам России*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. В. Грицков, В. Л. Егоров, Г. Э. Кучков,
В. М. Лавров (главный редактор),
В. В. Лобанов (ответственный секретарь),
И. А. Настенко, А. Н. Сахаров, И. И. Сирош

Р89 Русский исторический сборник. Том II. — М.: Кучково
поле, 2010. — 448 с.

ISBN 978-5-9950-0059-4

УДК 930.1
ББК 63.1

ISBN 978-5-9950-0059-4

© Институт российской истории РАН, 2010
© Кучково поле, 2010

Предисловие

Вниманию читателя предлагается второй выпуск научного издания «Русский исторический сборник» (первый вышел в свет в 2004 г.), продолжающего традиции одноименного сборника, издаваемого Обществом истории и древностей российских при Императорском Московском университете с 1837 по 1844 г. под редакцией секретаря общества известного историка М. П. Погодина.

Тематически сборник делится на несколько частей, отражающих различные аспекты исторического знания. В нем представлены материалы научных дискуссий, статьи и размышления ученых, публикации исторических источников. Отдельный раздел посвящен работам молодых авторов.

Издание открывается вступительной статьей главного редактора журнала «Русская история», председателя оргкомитета Всероссийского конкурса на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым» В. В. Грицкова, знакомящего читателей с особенностями проведения упомянутого ежегодного конкурса молодых историков.

В разделе «Историки спорят» помещена полная стенограмма круглого стола «Февральская революция 1917 г. в российской истории», проходившего в Институте российской истории РАН 15 марта 2007 г. Дискуссию открыл и вел директор ИРИ РАН, член-корреспондент РАН А. Н. Сахаров. В центре внимания ученых оказались острые спорные моменты, связанные с причинами Февральской революции, ее характером, соотношением

Предисловие

Февраля и Октября 1917 г., аналогиями между кануном 1917 г. и рубежом 1980—1990-х гг. Особое внимание уделялось духовным аспектам причин и последствий русских революций.

Раздел «Статьи и размышления» открывает статья члена-корреспондента РАН Я. Н. Шапова о судьбе старинной усадьбы Александрово-Шапово. Предмет научного интереса М. В. Корогодиной — проблема изучения русских исповедных текстов, которые лишь в последнее время стали привлекать внимание отечественных исследователей как ценный источник по истории Средневековья и Нового времени. Над книгой Л. Ф. Писарьковой «Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы» размышляет О. В. Новохатко, соглашаясь с основной мыслью автора о том, что ни одно из предпринятых государственно-административных преобразований в исследуемый период не привело к долговременному положительному эффекту, что объяснялось отрывом России XVIII в. от национальных корней, делающим бесперспективным любое реформирование.

Духовный опыт Марфо-Мариинской обители, основанной великой княгиней св. Елизаветой Федоровной, — тема статьи Е. В. и Н. А. Беляковых. К личности видного политика, талантливого публициста, депутата IV Государственной думы, впоследствии одного из апологетов Белого движения А. И. Савенко обращается А. А. Иванов. Не менее интересен жизненный путь Марии Бочкаревой, женщины-воина, одной из загадочных фигур отечественной истории XX в., — это предмет исследования С. В. Дрокова. Трагическую судьбу Б. В. Талантова, автора «Открытого письма верующих Кировской епархии» патриарху Алексию I, прослеживает протоиерей Александр Балыбердин.

Среди впервые вводимых в научный оборот документов письмо П. И. Иванова А. М. Горькому с описанием ужасов голода 1932—1933 гг. на Украине, предваряемое обширной вступительной статьей И. А. Курляндского. Архивные документы о репрессиях против обновленческого духовенства во второй по-

Предисловие

ловине 1930-х гг. публикует В. В. Лобанов. Это материалы следственного дела по обвинению группы священнослужителей-обновленцев в организации «контрреволюционной монархической группы церковников», враждебно настроенной к существующему политическому строю.

В заключительном разделе представлены лучшие работы молодых ученых, участников Всероссийского конкурса по русской истории.

К теме апокрифов в русском летописании обращается Д. А. Ляпин, делая попытку точного установления апокрифического источника рассказа «Повести временных лет» о разделе земель сыновьями Ноя по жребию, а также исследуя пути возможного попадания апокрифического текста в ПВЛ. Надгробные надписи братьев Романовых в контексте политической борьбы начала XVII в. исследует Г. Г. Донской. Древнерусское предание, которое легло в основу всем известной пушкинской «Сказки о царе Салтане», реконструирует В. И. Меркулов.

Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья в предреформенный период и первые годы после реформы отмены крепостного права — предмет изучения И. В. Шаповаловой. Важной составляющей социальной структуры Российской империи был офицерский корпус, что определяет актуальность статьи Е. Г. Чуниной. Автор стремится пересмотреть сложившиеся стереотипы, упрощенные представления о русском офицерстве и его роли в жизни страны и отчасти повлиять на массовое сознание, зачастую негативно воспринимающее офицерство и его жизнь в период правления последних русских императоров.

Быт и досуг жителей южноуральского города в начале XX в. исследует Т. В. Раева, рассматривая процесс формирования городского быта в указанный период в качестве целостного феномена. Историю борьбы и сотрудничества общественных организаций и самодержавной административной системы на Дальнем Востоке анализирует Н. В. Котляр. С историей усадь-

Предисловие

бы Измалково, впоследствии знаменитого Городка писателей Переделкино, знакомит читателя Н. А. Александрова.

К «Сборникам Русского исторического общества», крупнейшей серийной публикации источников по истории России XVIII–XIX вв., обращается М. Ю. Агапова.

И, наконец, завершает подборку работ молодых историков обзор Р. С. Лунева, посвященный особенностям социально-экономического развития Шебекинского района Белгородской области в конце 1920–1930-х гг., в котором на примере одного из российских регионов прослеживаются закономерности, общие для всей российской глубинки в годы «раскулачивания» и насильственной коллективизации сельского хозяйства.

В следующем выпуске сборника редакция планирует познакомить читателей с материалами круглого стола «Октябрьская революция 1917 г. и разгон Учредительного собрания (Институт российской истории РАН, 23 октября 2007 г.)», продолжить публикацию новых документов, представить статьи как известных ученых, так и начинающих исследователей.

Редакционная коллегия благодарит авторов за участие в сборнике, желает им дальнейших творческих успехов и приглашает к сотрудничеству молодых ученых и всех тех, кто неравнодушен к судьбам нашего Отечества.

В. М. Лавров,
доктор исторических наук,
главный редактор
«Русского исторического сборника»

В. В. Лобанов,
кандидат исторических наук,
ответственный секретарь
«Русского исторического сборника»

НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ — МОЛОДЫМ

«Наследие предков — молодым» — название ежегодного Всероссийского конкурса на лучшую работу по русской истории. Предыстория появления конкурса такова. Московское отделение Русского исторического общества много лет участвовало в проведении исторического лектория, который проходил под председательством руководившего Обществом В. В. Каргалова, а затем сменившего его Е. П. Толмачева. Проблема смены поколений в исторической науке была наглядна на заседаниях Общества, когда практически весь зал заполнялся одними лишь седовласыми людьми. Подобная же картина наблюдалась на мероприятиях иных историко-культурных организаций. Обеспокоенность по этому поводу стала причиной организации конкурса, который бы способствовал привлечению молодежи к историческим исследованиям, поднимал бы престиж звания историка.

Конкурс проводится с 2005 г. и в 2009 г. проходил уже в пятый раз. Первое торжественное награждение его победителей состоялось в мае 2006 г. в библиотеке-фонде «Русское зарубежье». В последующие годы оно стало проходить в Московском доме национальностей. Майская традиция закрепилась, и в текущем году на 21 мая намечено подведение итогов конкурса 2008 г.

Стало также традиционным приглашать для чествования победителей профессиональных или самодеятельных артистов, а в

* Главный редактор журнала «Русская история», председатель оргкомитета Всероссийского конкурса на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым».

конце встречи устраивать дружественный ужин. Так, подлинным украшением праздника 2007 г. стало выступление фольклорного ансамбля «Наследие» — победителя в 2006 и 2007 гг. Московского международного форума «Одаренные дети — будущее России» по номинации «Юные историки». Московские мальчишки и девчонки увлеченно разыгрывали навеянные русскими традициями сцены, пели народные песни, создавая атмосферу стародавней эпохи наших далеких предков.

Официальная цель конкурса состоит в активизации изучения и научной разработки истории России, формирования нового поколения историков посредством выявления, содействия становлению и развитию молодых и талантливых специалистов, а также популяризации исторического знания. Эта несколько забюрократизированная формулировка довольно точно отражает сложившуюся практику его проведения.

В конкурсе предусмотрены четыре номинации, выбор которых был продиктован его целями. Послепетровская эпоха довольно хорошо представлена в сохранившихся документах и свидетельствах. В ней еще осталось много загадочного, но только в отношении частных деталей. Общие же исторические контуры российской истории не вызывают в ученом мире больших споров. Но как только мы от эпохи Петра I начинаем удаляться в глубь времен, особенно в X в. и далее, наши знания становятся отрывочными, а затем вообще след славянского племени теряется. Поэтому номинация «История Руси (допетровская эпоха)» стоит на первом почетном месте.

Пресловутое призвание варягов, остатки славянской руники, Черноморская Русь, южная предшественница Киевской Руси, — вот те жгучие тайны, которые долгие годы вызывают ожесточенные споры. Сюда нужен приток свежих сил, так как старшее поколение историков уже выдохлось и потеряло интерес к этим темам, так и не разобравшись по существу.

Есть исторические проблемы, при решении которых социальное значение важнее научного. От того, как будет определен

приход варягов, зависит наше представление об истоках русской государственности. Кто мы — наследники славных и великих родов или безвестной горстки скандинавских бродяг, умудрившихся создать мощное государство, тогда как вся Скандинавия еще пребывала в родоплеменной стихии?

Немецкое засилье при российском императорском дворе, порабощение крестьян и многое другое оправдывалось как раз исторической неспособностью диких местных жителей создать цивилизованное общество без участия благородных пришлых немцев. Унизительные трактовки в рамках варяжской теории привели к ущербности менталитета части русской интеллигенции, ненавидевшей свой «отсталый» народ и восторгавшейся всем чужеземным. Уродство всегда губительно, и поэтому пораженная тлетворным духом норманизма русская интеллигенция породила экстремистские партии и сгорела в огне развязанных ими революций и социальных чисток.

Один из основных показателей укорененности народа в истории и культуре — время появления у него письменности. Мы можем гордиться тем, что наша письменность появилась уже в раннее Средневековье. Но задающие тон в современном мире народы, за исключением американцев, обзавелись алфавитами гораздо раньше и могут причислять нас к северным дикарям, относительно недавно получившим начатки цивилизации. Сведения русской руники подают надежду существенно удревнить истоки славянской цивилизации. Однако рунические памятники имеют очень сложную судьбу, их исследование затруднено, мутный поток псевдонаучных публикаций отпугивает серьезных ученых.

Темы, имеющие колоссальный научный и социальный потенциал, очень опасны для занимающихся ими исследователей. Подобно безжалостным сиренам, они зачаровывают и уводят в мир безбрежных фантазий даже недюжинных академиков. Рядовых же математиков они косят целыми институтами. Прочтение египетских иероглифов и этрусских надписей по-славянски,

поиск русских корней в лучшем случае в цивилизации шумеров, египтян, майя и ацтеков, в худшем — в эпоху динозавров, открытия культуры гипербореев-атлантов на Русском Севере — далеко не полный перечень успешного приложения сил нормальных в обычной жизни лириков и физиков. Но, несмотря на неизбежные потери, все-таки желательно сосредоточить скромные силы современной русской исторической науки именно на прорывных направлениях, где успех послужил бы делу духовного здоровья общества, росту престижа российской государственности.

Номинация «Переломные точки русской истории» посвящена знаковым событиям, от которых зависел выбор русским народом своего исторического пути. Эта номинация позволяет молодежи исследовать опыт положительного реформирования государственного устройства в прошлом, с тем чтобы найти спасительные решения для нынешней очередной трагической эпохи перемен.

Публикация документов государственных деятелей прошлого, исследования по истории российской государственности были характерной чертой Русского исторического общества (РИО) эпохи Российской империи. Поэтому внимание к ключевым точкам развития российской государственности — своего рода наследие дореволюционного РИО.

В номинации «Доходчиво и интересно о нашем прошлом» молодые люди могут проявить свою любовь к родной истории, выбрав любую тему. Здесь необязательны научные достижения, хотя они приветствуются. Это самая демократичная из номинаций, позволяющая попробовать свои силы даже начинающему любителю родной истории.

Большая часть научных находок по русской истории остается достоянием только узкого круга специалистов. Ученые удовлетворяют свое собственное любопытство за счет средств общества и удивляются не тому, что общество остается в неведении относительно их деятельности, а тому, что средств по-

ступает мало. Историческая наука по своей сути отгородилась от социальных потребностей народа в исторических знаниях, и историки в материальном отношении влчат скромное существование, что закономерно.

В результате мы имеем большей частью полуфабрикат — знание как таковое, которое зачастую труднодоступно даже узким специалистам. Конечная же цель всякого знания — служить благу своего народа — не достигается. Поэтому новое поколение молодых историков с самого начала нужно воспитывать в духе народного служения, а не научного самолюбования — знаю, но не скажу, а если и скажу, то только в узком кругу.

Школа доходчивого и популярного изложения своих мыслей не помешает любому историку. Молодежь в погоне за «солидностью» изложения своих, естественно, гениальных теорий часто увлекается псевдонаучной трескотней, обильно пересыпая текст замысловатыми иноземными терминами. В результате получаются совершенно жалкие работы, тешащие самолюбие только автора и горе-ученых, скрывающих скудость и разрушительность своих мыслей тарабарщиной. Но то, что естественно для «прогрессивного» ученого, жаждущего грантов от врагов России, непристойно для русского историка.

Широкая популяризация накопленных наукой знаний о русской истории позволит поднять престиж историка, обеспечит привлечение в историческую науку молодых свежих сил.

В номинации «Русское краеведение» достойно соединяются возможности всех остальных номинаций. Рассказ о своих предках, доме, улице, селе, городе, крае — важнейшая социальная задача. Космополит на самом деле это не тот, кто любит весь мир, а тот, кто любит только себя, прикрывая свою нелюбовь к окружающим красивыми словами. Ему хорошо только там, где нас нет. Но мы везде. И от этого беды и страдания космополита.

Не бывает абстрактной любви к родине. Она возникает из знания ее прекрасных, хотя порою и трагичных страниц про-

шлого. Нельзя достичь успеха на поприще русской истории, не любя России. Невозможно любить Россию, ничего не зная о ее творцах, о составляющих ее плоть селах, городах, землях — всем том, что мы привыкли называть «малой родиной».

Изучая жизнь прошлого не в целом, а в конкретных ее проявлениях, мы получаем представление о том, как жили наши прямые предки, даже если нить своего собственного рода утеряна во мгле времен. За века существования народа родственные связи столь сильно переплелись, что все мы — дальние родственники. Знание родного края позволяет зримо представить, как жил наш предшественник, и таким образом повстречаться с ним на перекрестках истории. В русской истории нам хорошо везде, так как нас окружают родные люди, породившие нас, создавшие и сохранившие нашу державу, оставившие славные деяния, которые позволяют гордиться принадлежностью к русскому племени. В этом наше счастье и сила.

Растет число участников конкурса. Так, в 2005 г. к конкурсу было допущено 35 работ (28 участников), в 2006 г. — 27 работ (21 участник), в 2007 г. — 48 работ (35 участников), в 2008 г. — 155 работ (126 участников). Расширяется его география. В 2005 г. работы пришли из 12 городов и населенных пунктов, в 2006 г. — из 13, в 2007 г. — из 18, в 2008 г. — из 80. В 2005 г. участниками были жители Владивостока, Воронежа, Ельца, Кирова, Красноярска, Москвы, Луховиц, Одинцова, Самары, Санкт-Петербурга, Тулы, Челябинска; в 2006 г. — Белгорода, Владивостока, Кирова, Козельска, Кургана, Москвы, Одинцова, Самары, Санкт-Петербурга, Тольятти, Тулы, Читы, Химок; в 2007 г. — Белгорода, Вичуги, Владивостока, Елецка, Козельска, Кургана, Москвы, Новосибирска, Орехово-Зуева, Рязани, пос. Ракитное Белгородской области, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Смоленска, Тольятти, Химок, Ярославля, в 2008 г. — Архангельска, Артема, Астрахани, Барнаула, Белгорода, Бийска, Благовещенска, Благодарного, пос. Борское Ленинградской области, Брянска, Владимира,

Волгограда, Волжского, Вологды, Воркуты, Воронежа, Воскресенска, Горно-Алтайска, Гусь-Хрустального, Дзержинска, Домодедова, Екатеринбурга, с. Ежово Республики Марий Эл, Ессентуков, пос. Ефимовский Ленинградской области, Зеленограда, Зеленодольска, Иркутска, Казани, д. Катунино Костромской области, Кемерово, Кирова, Курска, Коммунара, Красноярска, Москвы, Мурманска, Муроме, Набережных Челнов, Новосиля, с. Новобирилюссы Красноярского края, Новосибирска, Омутнинска, Оренбурга, Орла, с. Орловка Ставропольского края, Пензы, с. Первомайское Саратовской области, Первоуральска, Перми, Подольска, хут. Потапово Ростовской области, Прокопьевска, пос. Пролетарский Белгородской области, Рязани, Санкт-Петербурга, Саранска, Саратова, Сасова, Светлограда, пос. Синявино Ленинградской области, Смоленска, пос. Смолино Нижегородской области, с. Средняя Лукавка Липецкой области, Ставрополя, пос. Старокучергановка Астраханской области, ст. Таловка Республики Бурятия, Тамбова, Тольятти, Томска, Тюмени, Улан-Удэ, Усолья-Сибирского, Уфы, Фрязина, Челябинска, Черногорска, Шебалина, Энгельса, Якутска.

Среди участников конкурса традиционно жители наших двух столиц. Если в 2005 г. в конкурсе было представлено 8 центров субъектов Российской Федерации и только 3 рядовых города, то в 2006 г. соотношение было 7 и 4, в 2007 г. — 9 и 7, в 2008 г. — 37 и 28. Но в 2008 г. к конкурсу присоединились жители 14 сел и деревень. Жители столиц составили около одной пятой части участников, остальное количество участников распределилось примерно поровну между жителями центров субъектов и жителями глубинки с небольшим преобладанием первых.

Конкурс оказывается все более востребованным молодежью российской глубинки, нежели жителями крупнейших городов, где условия для работы молодых историков значительно более благоприятные. Это значит, что основные приращения исторической науки ожидаются за счет нашей провинции.

В адрес конкурса поступали приветствия от Московской патриархии, Федерального собрания, Государственной думы, правительства города Москвы, министерств и ведомств, общественных и научных организаций. Все это показывает, что социальное значение конкурса для патриотического воспитания молодежи оценивается высоко.

Победителям конкурса выплачиваются премии — по три в каждой из номинаций. Их размер на фоне оплаты труда нефтяных менеджеров достаточно скромнен, но относительно других подобных историко-культурных мероприятий вознаграждение выглядит вполне достойным. На конкурс 2008 г. Рособразование выделило в рамках правительственной программы поддержки талантливой молодежи три гранта, которые значительно выше обычных конкурсных премий. Так что наметилась перспектива по увеличению материального поощрения победителей.

Включение конкурса в правительственную программу стало очередным важным знаком общественного признания конкурса и подняло его статус. В результате резко увеличилось количество поданных на конкурс 2008 г. работ. С этим же связано единственное существенное изменение условий конкурса за всю историю его существования.

Первоначально в соответствии с правительственными критериями по определению молодых ученых возраст участников конкурса был ограничен только верхним пределом в 33 года. Но затем правительство понизило предельный возраст молодого ученого до 25 лет. Соответственно пришлось изменить и условия конкурса, ограничив число его участников лицами от 18 до 25 лет.

Имеются иные ограничения участия в конкурсе. Они касаются объема представляемых работ, который ограничен одним издательским листом (40 тысяч знаков), и их количества — по одной работе по каждой номинации. Из квалификационных ограничений по приему работ самым существенным является

необходимость соответствия основному принципу конкурса — что можно рекомендовать из русской истории молодому поколению в его духовный багаж.

Мы всегда будем находиться в условиях идеологического давления недружественных нам сил. Наиболее любимый ими прием — преувеличение имеющихся при любой эпохе и у любого народа отрицательных явлений. Бичевание «проклятого царского прошлого» советского периода сменилось в разгар перестройки разоблачениями коммунистических преступлений.

В первый раз это совпало с истреблением старой национальной элиты, в результате чего обезглавленный народ попал в еще более жесткую систему эксплуатации, нежели до революции. Во второй раз смены элиты не произошло, но созданный многими поколениями промышленный потенциал и наиболее ценные природные ресурсы оказались в руках немногих.

В том и другом случае назойливое, а подчас и истеричное разоблачительство преследовало цели разрушения, маскировки и оправдания передела собственности. Как только эти цели достигались, оно резко шло на убыль, хотя его остаточное влияние ощущается, в том числе в конкурсных работах, и по сию пору. Если поднимается громкий крик о том, что у народа что-то было плохое вчера, значит, у него какие-то «хорошие» люди что-то собираются отнять сегодня.

В истории не должно быть запретных тем. Любые стороны прошлого достойны исторического исследования. Но специфика конкурса в его молодежной направленности. Не все то, что годится для взрослых ученых, можно рекомендовать молодежи. Простое описание стародавних «язв общества» в отрыве от исторического контекста имеет характер их скрытой рекламы, внедрения у читателя на подсознательном уровне бациллы саморазрушения. Любование историческим негативом порождает отчуждение молодого человека от общества, отталкивает от творческого и созидательного труда, в котором только и может

сформироваться полноценная и социально ответственная личность.

Если уж у кого-то возникло нездоровое желание с молодых лет посвятить свою жизнь ковырянию в исторических гнойниках, то пусть он задастся вопросом, почему Россия вот уже много веков остается великой державой. Потому что благородных и самоотверженных людей в ней всегда было больше, чем негодяев и эгоистов. Так уж лучше направить молодые силы на сохранение памяти о трудах и свершениях русского народа, подвижниках и радетелях земли Русской, а к острым и печальным темам обращаться лишь в поисках рецептов преодоления помех на пути строительства нашего будущего, чтобы отдать дань памяти тем, кто противостоял нашим недугам и недругам. Прежде чем отправить работу, каждый должен подумать, соответствует ли ее содержание основному принципу конкурса.

Входной контроль на конкурс кроме проверки на нравственность включает еще проверку на научность. Псевдонаучные фантазии по мотивам русской истории получили в наше время широкое распространение. Выдумки насчет колоссальной древности русской цивилизации, историческая шизофрения в форме новой хронологии и тому подобные глупости, несмотря на всю их кажущуюся патристичность, вредны.

Жить не по правде противоречит нашим традициям. В русской истории столько замечательных страниц, что даже в благой лжи никакой нужды не имеется. Прошлое хранит столько реальных и пока еще не раскрытых тайн, что их хватит для многих поколений историков. Поэтому приветствуется соблюдение традиционных научных принципов ведения исторических исследований — объективность, документальное подтверждение излагаемых мыслей, рассмотрение исторического материала в широком контексте изучаемой эпохи. Так как историческая наука должна снабжать общество ценным опытом прошлого, то еще более приветствуется использование полученных в ходе

исследований исторических знаний для решения современных проблем.

Информационную поддержку конкурсу с самого его возникновения оказывают журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия». Но так как это не специальные исторические издания, возможности публикации в них конкурсных работ ограничены. По мере накопления работ проблема их публикации возрастала. Поэтому родилась идея основать исторический журнал. Конкурс посвящен русской истории, что определило название журнала — «Русская история».

В журнале «Русская история» конкурсу отведен постоянный раздел, в котором освещаются его результаты, помещаются работы молодых историков. В силу журнальной специфики научные статьи в полном объеме публиковать сложно, а подчас и невозможно, поэтому их приходится подавать в сокращенном журнальном варианте.

Своим появлением журнал обязан конкурсу «Наследие предков — молодым», и он в полном объеме унаследовал идеологию, сложившуюся за время проведения конкурса. Но не только конкурса. Сам конкурс возник как один из проектов Русского исторического общества. Но это был далеко не первый проект. Общество кроме ведения исторического лектория уже имело опыт издательской деятельности.

В 1992 г. Обществом в форме историко-литературного альманаха был возрожден дореволюционный журнал «Москвитянин», издававшийся Михаилом Петровичем Погодиным в 1841–1856 гг. Но в то тяжелое время удалось выпустить только один том.

С 1996 г. благодаря подвижническому труду одного из основателей постсоветского Русского исторического общества Анатолия Анатольевича Парпаре стала выходить «Историческая газета». В 1999 г. был возрожден «Сборник Русского исторического общества», десять томов которого вышли в свет благодаря энергии члена Общества Игоря Анатольевича Настенко.

В 2004 г. было возрождено еще одно издание Погодина — «Русский исторический сборник», выходивший в 1837–1844 гг.

В возглавляемых членами Общества издательствах увидело свет большое количество книг по русской истории (А. Р. Андреев «Белый волк», Г. Э. Кучков «Кучково поле», И. А. Настенко «Русская панорама», В. А. Федоров «Русское слово»), другие члены Общества известны как авторы многочисленных исторических публикаций и монографий (В. А. Захаров, В. В. Каргалов, И. В. Левочкин, Е. П. Толмачев).

В основу идеологии журнала «Русская история» был положен накопленный при подготовке предшествующих проектов Общества опыт. Отсюда тематическая направленность каждого из номеров, приверженность материалам, имеющим большую социальную и научную значимость. Единственным существенным новшеством явилось богатство внешнего оформления журнала. Красочные иллюстрации облегчают восприятие научных текстов. Художественный вкус талантливого дизайнера А. П. Зарубина позволил сделать из журнала парадную визитную карточку русской истории и российской исторической науки.

При разработке экономической стратегии существования журнала выбор был сделан в пользу движения к его самоокупаемости. Поэтому при формировании стоимости подписки были учтены реальные затраты на создание и необходимость бесплатного распространения части тиража. В результате стоимость получилась сопоставимая со стоимостью инженерных профессиональных журналов, существующих на таких же принципах.

Но аналогичные «Русской истории» историко-культурные журналы существуют преимущественно за счет поддержки бюджета или спонсоров и реализуются на рынке по ценам кратно ниже себестоимости. Естественно, что в таких условиях можно рассчитывать только на подписку финансово состоятельных организаций, то есть по большей части промышленных.

Для того чтобы журнал был доступен рядовому любителю русской истории, принято решение о выделении бесплатных подписок крупнейшим библиотекам и размещении его в Интернете. Для любителей истории со скромным достатком предусмотрена возможность льготной подписки за четверть подписной цены. Благотворительное распространение журнала будет расширяться по мере укрепления его финансовой базы.

Журнал издается на таком уровне, который позволяет достойно представлять отечественную историю и государственность как в России, так и за рубежом. Так как важным проводником правдивых представлений о России в мировое сознание является русская диаспора, русскому зарубежью посвящена постоянная рубрика. Журнал светский, но основан на православных ценностях, так как основу духовности наиболее здоровой части нашего общества составляют верующие православные люди. Поэтому истории православия и православным традициям уделяется постоянное внимание.

В каждом номере публикуются материалы, раскрывающие выбранную основную тему с разных сторон. Материалы остальных разделов по возможности подбираются так, чтобы их содержание дополняло основную тему.

Историческая символика имеет важное значение для нашей духовной культуры. Поэтому для обложки журнала берутся изображения, дающие зримое представление о мощной поступи нашего государства на всем пути его развития. Так как журнал молодежный, то приводятся хорошо известные старшему поколению рассказы об образах русской славы и державности.

Для формирования духовного мира молодого человека очень важно доброе напутствие уважаемых и умудренных жизненным опытом людей. Поэтому радуется, что представители Церкви, руководители государства, заслуженные ветераны войны, науки, промышленности и культуры участвуют на страницах журнала

в формировании нового поколения русских историков и любителей русской истории. А от них главным образом и зависит будущее здоровье нации.

Предыстория появления журнала предопределила его основную направленность — информационную поддержку историко-культурных проектов, направленных на сохранение, приумножение и популяризацию русского исторического наследия. Здесь тематика самая разнообразная — рассказы о книжных новинках, выставках, деятельности исторических институтов и издательств, музеев, библиотек, архивов, историко-культурных обществ и фондов, историко-культурной деятельности общественных движений.

Все это необходимо, чтобы показать молодому человеку важность и красоту русской истории, а молодому ученому подсказать места возможного приложения своих сил. Поэтому особую значимость имеет освещение исторических конкурсов, премий и иных проектов, где молодежь может побороться за достойную награду.

Поступающие в редакцию материалы по русской истории во много раз превышают возможности их публикации. Количество участников конкурса год от года растет. Поэтому все острее встает необходимость в издании, которое было бы не столько парадно-представительское, сколько вместительное, хотя бы и скромное по оформлению. Из изданий, контролируемых Русским историческим обществом, только два нацелены на публикацию научных статей. Традиция «Сборника Русского исторического общества» за многолетнее существование уже устоялась. Его высокий академический уровень затрудняет создание в нем постоянного раздела с работами начинающих ученых. Иное дело — «Русский исторический сборник», который изначально создавался как информационная площадка для дерзких прорывных исследований. Таких исследований как раз и следует ожидать только от молодых историков.

Конкурсные работы показывают, что благодаря накопленной инерции еще сильны традиции воспевания классовой борьбы и восстаний угнетенных масс, возникшее в эпоху свержения компартии «мемориальское» изучение сталинских репрессий и идеализация либерализма и многое другое. Подобные направления исторических исследований имеют право на существование, но они второстепенны для формирования исторического самосознания русского народа, для выбора главных направлений развития исторической науки. Радует, что даже эти темы в работах молодых историков утрачивают изначальный яркий русофобский окрас.

Но номинация по древнерусской истории, первенствующая по своему потенциальному значению для русской исторической науки, все еще остается самой слабой как по количеству работ, так и по их уровню среди всех номинаций. Сказывается фактический запрет на древнерусскую историю, который существовал весь советский период.

Так что прорывные исследования — дело будущего, будем надеяться недалекого. В ближайшие же годы «Сборник» можно смело использовать для информационной поддержки конкурса. Естественно, что он будет существовать в лоне уже сложившейся традиции комплексного освещения исторической тематики, при котором найдется место научным статьям как молодых, так и маститых авторов, историческим документам, новостям, библиографическим материалам и многому другому. Главное — откликаться на реальные запросы исторической общественности.

В отличие от научно-популярного журнала «Русская история», «Русский исторический сборник» — специальное научное издание. Своим разделом взрослых историков он должен подавать молодежи образцы академического исследования исторических проблем. Научная планка для раздела молодых ученых, конечно, должна быть посильна для тех, кто только начинает свой творческий путь в истории, но достаточно высока, с тем

чтобы в перспективе «Сборник» можно было включить в список изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК).

По мере становления «Сборника» в нем следует во все большей степени применять принцип тематической направленности — подбора ряда работ для освещения одной темы. Это позволяет более углубленно изучать проблему, повышает научную значимость издания.

Исходя из условий конкурса включаемые в «Сборник» работы целесообразно ограничить объемом один издательский лист. Этого объема вполне достаточно, чтобы молодому ученому полноценно изложить свои взгляды. Для корифеев русской истории, ценных исторических документов или освещения особо значимых для исторической общественности мероприятий можно делать исключения или публиковать материалы по частям.

Строгую периодичность «Сборника» устанавливать нет нужды. Но в соответствии с требованиями ВАК он должен выходить не менее двух раз в год. Превышение же этого требования будет определяться востребованностью «Сборника» и материальными возможностями его организаторов.

Главными научными экспертами конкурсных работ стали руководители Института российской истории. Поэтому ведущее участие этого института в научном сопровождении «Сборника» и естественно, и желательно. Славные традиции нашего головного центра исторической науки необходимо прививать молодому поколению российских историков с самого начала его творческого пути.

Далеко не все поступающие от молодых историков материалы можно разместить на страницах указанных изданий. Есть такие, которые представляют собой первую достаточно робкую и неумелую попытку изложить свои взгляды, имеются работы, добросовестно переписанные из учебных пособий и книг или материал для которых позаимствован из Интернета без существенного творческого вклада присылающего. Но, несмотря на

все это, перед нами уже начальные шаги на пути самообразования, выработки навыков исследовательской работы.

Все допущенные к участию в конкурсе работы размещаются на сайте www.moscowia.su. Учитывая, что благодаря демократизму конкурсных условий число не допущенных к конкурсу работ незначительно, минимальная информационная поддержка оказывается почти всем обратившимся. Многочисленные исторические издания имеют возможность подбирать на основе этого информационного ресурса молодых перспективных авторов.

Сейчас вводится практика размещения на сайте moscowia.su материалов, по тем или иным причинам не попавших на страницы журнала «Русская история» или опубликованных в сокращенном виде. Естественно, что как журнал, так и «Сборник» будут размещаться на сайте в полном объеме. Имеются многочисленные иные сайты исторической направленности, на основе которых возможна реализация самых разных информационных проектов — от дискуссионных клубов до систем рейтинговых оценок книг, статей, исторических проектов.

Пока что возможности Интернета используются далеко не в полном объеме. Но дальнейшее расширение этого использования уже зависит от самого сообщества молодых историков. Взрослыми историками все необходимые для этого материальные предпосылки созданы.

В целом под понятием «Наследие предков — молодым» скрывается комплекс взаимосвязанных и постоянно развивающихся проектов. Основная направленность их — помочь молодежи обрести историческое самосознание, утвердиться в решимости служить своему народу, стать полноценной творческой личностью, способной к созидательному труду, а значит, способной ковать собственное счастье и благополучие своей будущей семьи.

Но развитие этого духовного движения взрослых людей и соответственно увеличение размеров помощи напрямую зависит от того, насколько ощутимы будут дела привлеченной

В. В. Грицков

к проектам молодежи. Взрослый человек — реалист. Он готов вкладывать средства в будущее только в том случае, если видит, что они доходят по адресу, а не растворяются где-то по дороге. Потому успехи молодой талантливой молодежи — главное условие жизненности конкурса, журнала, «Сборника» и иных начинаний.

ИСТОРИИ СПОРТА

СТЕНОГРАММА круглого стола

«Февральская революция 1917 г. в российской истории» **в Институте российской истории РАН** **15 марта 2007 г.**

А. Н. САХАРОВ, член-корреспондент РАН, директор Института российской истории РАН:

— Уважаемые руководители нашего круглого стола, участники круглого стола и те, кто решил участвовать в его работе, — сотрудники нашего института, гости!

Сегодня мы проводим круглый стол, исторический круглый стол, необычный круглый стол, посвященный 90-летию Февральской революции 1917 г. и значению Февральской революции в российской истории. Сразу хочу подчеркнуть, что мы с вами проводим научное заседание и занимаемся научными проблемами. Нас мало интересуют вопросы, связанные с политическими бурями, которые сегодня бушуют вокруг Февральской революции. Мы ученые, и у нас есть проблемы науки, которые решались, решаются и будут решаться впредь — и никогда до конца решены не будут. В этом смысл науки, смысл исследования и движения научной мысли. Я думаю, все это прекрасно понимают. В основном у нас участники круглого стола — крупные ученые, которые непосредственно занимались этим периодом,

Стенограмма круглого стола

непосредственно занимались Февральской революцией как таковой, и нам, конечно, интересно будет услышать их точку зрения на события тех дней, их оценку исторического значения этой революции, ее влияния на цивилизационные судьбы России, на наш сегодняшний день и т. д. и т. д.

Мы предлагаем к обсуждению четыре проблемы. Первая проблема — причины Февральской революции. Вторая — характер Февральской революции. Третья — соотношение Февральской революции и Октябрьской революции 1917 г. Последний вопрос — Февральская революция 1917 г. и Демократическая революция рубежа 1980–1990-х гг. Конечно, эти четыре пункта не исчерпывают всей полноты проблемы, потому что мы могли бы в ходе этого обсуждения поставить и другие вопросы: о генетической связи событий Февральской революции и революции 1905 г., о еще более глубокой генетической связи этих событий с реформистскими устремлениями XIX в. — скажем, с Программой М. М. Сперанского, с Программой Н. Н. Новосильцева. Мы могли бы сопоставить эти события и с умеренной Программой декабристов в 1823–1825 гг., и со многими другими событиями, которые генетически дают основу, платформу для будущего развития тех идей, которые прозвучали и частично были реализованы в 1905 г. и в феврале 1917 г. Здесь можно было бы поставить вопрос, который, наверное, всех интересует: вопрос о роли Николая II в этих событиях, о смысле и значении отречения от престола, потому что у историков на этот счет имеются самые разнообразные взгляды; взгляды и на то, какие последствия имел сам акт отречения для судеб тогдашней России февраля 1917 г. и для последующих ближайших нескольких лет в истории нашей страны. Все эти вопросы тоже могут быть в круге нашего обсуждения, как и многие другие, которые возникнут спонтанно.

Поскольку у нас круглый стол (а он действительно почти круглый), я думаю, что и обсуждение мы будем проводить так, как положено на круглом столе: мы ставим проблему и даем

Стенограмма круглого стола

возможность нашим участникам высказаться по этой проблеме. Время, конечно, мы не ограничиваем, но тем не менее здесь у нас не повод для выступлений с докладами, с большими сообщениями. Дается возможность заявить свою точку зрения по поставленной проблеме. Потом по такому же кругу мы пойдем дальше и обсудим второй вопрос, третий вопрос, четвертый вопрос и какие-то другие вопросы, которые неожиданно могут возникнуть.

Что касается порядка обсуждения, то он заранее не нормирован. Мы можем пойти по часовой стрелке или против часовой стрелки, можем пойти по желанию — кто, как и когда захочет выступить. Так что здесь каких-то канонов у нас нет. Всю работу мы рассчитываем закончить в течение двух часов.

Полагаю, что материалы нашего круглого стола будут в дальнейшем обработаны. Ведется стенограмма. По-видимому, эти материалы мы напечатаем, дадим им возможность выйти в свет либо в журнале нашего института, а может быть, одновременно и в других наших изданиях — таких, как «История и историки» и т. д. Вот что мне хотелось бы вам сказать в качестве вступления.

Здесь присутствует председатель Научного совета по революциям академик Севостьянов Григорий Николаевич. Может быть, он что-то добавит? Григорий Николаевич предлагает прямо перейти к обсуждению. «Добро» от Совета по революциям получено.

Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, председатель Научного совета по революциям:

— Мне кажется, тема очень большая и, безусловно, актуальная. Сегодня многие выступают по этому вопросу: и специалисты, и намного чаще неспециалисты. Выдвигается много разных версий, часто неубедительных, и сегодняшний круглый стол как раз отличается тем, что здесь встретились профессионалы. Я поддерживаю Андрея Николаевича, сказавшего, что надо

Стенограмма круглого стола

сугубо академически подойти к обсуждению истории Февральской революции, оценить ее последствия, сравнить с другими историческими событиями и явлениями и в целом поставить вопрос о том, чтобы в дальнейшем эта проблема изучалась как можно больше и серьезнее, находя отражение в исследовательских статьях и монографиях. Очень приветствую публикацию материалов дискуссии в академических изданиях.

Желаю успеха!

А. Н. САХАРОВ:

— Спасибо, Григорий Николаевич.

Итак, первый вопрос — причины Февральской революции. Кто хотел бы начать? Тогда пойдем по часовой стрелке.

Пожалуйста, Владимир Михайлович.

В. М. ЛАВРОВ, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН:

— Революции начинаются не на улицах. Они начинаются в сердцах и умах людей. Русское православное самодержавие зашаталось тогда, когда оскудела и превратилась в формальность православная вера. А произошло это задолго до февраля — марта 1917 г. Произошло тогда, когда сотворили идолов из серебряных и золотых рублей, из демократии и социализма, из соответствующего им «прогресса». В 1915 г. священнослужители — депутаты Государственной думы констатировали «оскудение в Церкви религиозного духа и охлаждение к ней всех слоев общества».

При этом имелись и социально-экономические причины революции, примерно те же, что и в 1905 г. Однако они могли и не привести к революциям, тем более победившим. Октябрьскую и Февральскую революции спровоцировали прежде всего страдания и ожесточение народа от страшной войны, которая так и не стала действительно народной.

Одновременно имелась и такая причина, которую можно назвать изменой высшего генералитета и ряда известных по-

Стенограмма круглого стола

литиков (прежде всего А. И. Гучкова), вошедших вскоре во Временное правительство. Дворцовый переворот или заговор не только готовился, но и осуществился по меньшей мере в том, что генералитет во главе с Алексеевым поддержал революцию.

Императора многократно предупреждали о назревающей революции. 3 декабря 1916 г. по поручению ряда членов царской семьи великий князь Павел Александрович даже советовал скорее даровать конституцию или хотя бы правительство, пользующееся поддержкой Думы. В конце декабря великий князь Александр Михайлович предупреждал, что революцию следует ожидать не позднее весны 1917 г. 10 февраля 1917 г. председатель Думы Родзянко заявил государю, что происходящая между ними встреча может стать последней из-за революции.

Почему же император не даровал сверху ответственного перед Думой правительства или конституцию, чтобы предотвратить революционный взрыв снизу?

Еще С. Ю. Витте и П. А. Столыпин пытались привлечь в свои правительства ответственных политиков из оппозиции и не нашли таковых. Летом 1906 г. государь даже встретился с Г. Е. Львовым и А. И. Гучковым (в будущем первый станет председателем, второй — военным и морским министром Временного правительства). «Говорил с каждым по часу. Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т. е. государственного управления, в особенности Львов. Поэтому приходится отказаться от старания привлечь их в совет министров», — писал государь Столыпину.

К 1917 г. Львов, Гучков, Милюков и другие ведущие политики из среды кадетов и октябристов не стали более ответственными политиками, не обогатились историческим опытом. Возглавив Временное правительство, они проявили себя бездарными руководителями и не удержали власть в своих руках.

И лидеры тогдашних демократов, и лидеры социалистов оказались способными только проиграть почти выигранную

Стенограмма круглого стола

войну и втравить народ в более кровавую гражданскую войну. Николай II в конце 1916 г. не согласился на правительство, ответственное перед Думой, и на конституцию, так как считал, что надежнее сохранять существующее положение, чем ринуться во время войны в радикальные преобразования, которые могут обернуться неконтролируемым развитием событий, бедой. Ведь реальными силами в России являлись не кадеты, октябристы и умеренные социалисты, а самодержавная власть и воспитанный в общине неграмотный и уставший от войны народ. Передавать власть тем, кто не стал реальной силой?

«Конечно, мы должны признать, что ответственность за совершившееся лежит на нас, то есть на [Прогрессивном] блоке Государственной думы, — писал позднее П. Н. Милюков. — Вы знаете, что твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, знаете также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали б в стране взрыв патриотизма и ликования. История проклянет пролетариев, но она проклянет и нас, вызвавших бурю».

А. Н. САХАРОВ:

— Слово имеет доктор исторических наук А. Н. Медушевский.

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ, доктор исторических наук:

— Уважаемые господа! Я считаю, что причина Февральской революции состоит в конфликте новых социальных условий развития, связанных с появлением массового общества, и с широкой социальной мобилизацией, с одной стороны, и архаичной политической надстройкой Российского государства — с другой. По-моему, это главная причина.

Стенограмма круглого стола

Причина, как и всех революций, состоит в том, что реформы не проводятся вовремя. Запоздание с реформами ведет к появлению революционной ситуации. И, конечно, это связано с неадекватной реакцией правительства на ситуацию. Что вытекает из предшествующих двух положений?

Я полагаю, что Февральскую революцию можно рассматривать как мощный рывок в развитии демократии, первую революцию такого рода в XX в., которая породила целое направление либеральных революций в XX в. Этот факт сам по себе уже говорит о том, что данная революция, если и была случайной по времени начала, не была случайной по характеру перемен.

Такого рода революции произошли примерно в одно время в очень многих странах. Связано это с распадом крупных империй по результатам Первой мировой войны, с распадом Германской империи, Австро-Венгерской империи, Османской империи, а также и Российской империи. Поэтому говорить о какой-то исключительности Февральской революции и демократического перехода я бы не стал. Думаю, что это как раз типичная реакция общества на традиционализм и отставание политической системы от новых социальных условий.

В связи с этим нам важно посмотреть на те социологические схемы объяснения русской революции, которые были предложены в России, и понять, в чем их неадекватность, в чем их неэффективность.

Полагаю, что существует три таких основных схемы, и все они до сих пор работают в историографии.

Первая из таких схем была предложена А. Богдановым в его известной «Тектологии», где он говорит о том, что революции (в том числе Февральская революция) — это просто кризис организационных форм. Это верно, но слишком статично, и я сказал бы, что это слишком абстрактное, метафизическое объяснение.

Другое объяснение было предложено структурными, или классовыми, теориями. Например, Рожковым, Покровским или Крицманом. Эти теории объясняют революцию динами-

Стенограмма круглого стола

кой соотношения классовых сил и, по существу, моделируют российский революционный процесс по аналогии с западно-европейскими демократическими революциями. Недостаток этих теорий, на мой взгляд, состоит в том, что они слишком телеологичны, фаталистичны в том плане, что если революция уже началась, то она должна идти определенным образом по законам классовой борьбы.

Третья теория, которая возникла непосредственно в связи с Февральской революцией, это бихейвиористская (психологическая, поведенческая) теория Сорокина в его книге «Социология революций», где он объясняет Февральскую революцию спонтанной реакцией масс на предшествующие лишения, угнетения по ряду основных базовых потребностей.

Есть также различные комбинированные теории. Например, Ону написал книгу «Социология революций» о необходимости сочетания рассмотренных подходов.

Полагаю, что все эти теории содержат долю истины, но они не объясняют явления по существу. Такое объяснение может быть найдено в институциональных подходах, выяснении того, какие были институты, механизмы их функционирования и технологии. Это позволит нам понять, как развивался революционный процесс, каковы были его основные стадии и как мы можем поместить Февральскую революцию в сравнительный контекст.

С этих позиций, я думаю, мы можем рассматривать Февральскую революцию как первую массовую демократическую революцию XX в., поставить ее в контекст теории демократических переходов, которая, как известно, говорит о трех волнах демократических революций в XX в.

Первая волна как раз начинается с Февральской революции, охватывает 20-е гг. (это создание парламентских режимов повсюду в Европе) и заканчивается установлением авторитарных диктатур: в России — после переворота 25 октября 1917 г., в Италии — переворот Муссолини, в Германии — крушение Вей-

Стенограмма круглого стола

марской республики и т. д. по всей Европе, за исключением ряда стран со стабильными демократическими порядками.

Вторая волна демократического перехода — возрождение парламентских систем после Второй мировой войны. Причем во всех странах их создатели апеллировали к периоду начала XX в.

Эта волна (по крайней мере в Восточной Европе) завершается установлением номинального конституционализма по образцу советской Конституции 1936 г., то есть она оказалась также оборвана.

Наконец, третья волна появляется уже в конце XX в. Она связана с перестройкой и демократизацией в Советском Союзе и означает только то, что в конце XX в. Россия, как и другие страны, решала те задачи, которые были поставлены, но не решены Февральской революцией. Таким образом, Февральская революция с этой точки зрения является незавершенной революцией. Ее задачи мы решаем до сих пор, и в этом смысле существует глубокая историческая преемственность рассматриваемых процессов.

В заключение я бы хотел сказать, что если мы применяем эту методологию, связанную с изучением институтов, процессов и механизмов, то можем легко отказаться от фаталистического взгляда на события. Мы можем постараться понять, где были сбои, почему первая попытка создать демократическую республику в России кончилась неудачей и где, собственно, были те институциональные ловушки, в которые попали Временное правительство и Февральская революция. В этом контексте, думаю, мы можем конструктивно мыслить и сравнивать Февральскую революцию в том числе и с демократическими процессами в современном мире.

А. Н. БОХАНОВ, доктор исторических наук:

— Уважаемые коллеги, дамы и господа! Тема, поставленная сегодня, конечно, актуальна во всех смыслах. Она будет всегда интересовать публику, и не только нашу, но и заграничную,

Стенограмма круглого стола

и здесь, конечно, я не очень согласен с уважаемым Андреем Николаевичем, что мы должны углубиться в какие-то академические затворы и там, минуя шум времени, который за окном, заниматься чисто академическим изучением процессов, происходивших тогда-то или тогда-то. (*А. Н. Сахаров*: — Вы меня хорошо страхуете...). Историк вообще никогда не бывает вне времени. Можно себе представить Карамзина или Ключевского вне времени? Да конечно нет! Историки вообще такой категорией, как время, не занимаются. Занимаются этим философы. Я хочу здесь сослаться на мнение блаженного Августина, относящееся к IV в., когда он говорил, что не бывает «вчера», «сегодня», «завтра». Есть настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего, и интерес нашего настоящего обуславливает наш интерес к прошедшему, потому что мы думаем о будущем. Конечно, прошло уже 90 лет, почти пять поколений появилось на свет, но вопросы тем не менее остаются, и их не становится меньше по мере того, как мы удаляемся от эпицентра этих событий.

Февральская революция, с моей точки зрения, никаких задач не решила и никаких идей не осуществила, потому что те задачи и те идеи, которыми руководствовались лидеры и поводыри, были фальшивыми. Керенский убаюкивал себя в эмиграции мыслью, которая потом широко тиражировалась (она и до сих пор востребована в историографии), — что Россия в 1917 г. стала самой свободной страной в мире. «В Европе», как он писал. Но ведь надо отличать демократию от охлократии. К сожалению, до сих пор далеко не все историки в состоянии эту грань различительную провести.

В 1918 г. Струве поставил, с моей точки зрения, очень точный диагноз. Он назвал революцию национальным банкротством и позором. Я думаю, это совершенно верно. Очень часто сравнивают Французскую революцию 1789 г. и нашу революцию 1917 г. Полагаю, что они не сравнимы ни по целям, ни по задачам, ни по результатам. Все прекрасно знают эту

Стенограмма круглого стола

триаду Французской революции — *Либерте, Эгалите, Фратерните* — то, что было, кстати, еще в конце февраля 17-го года намалевано на первых красных тряпках, которые появились в Петрограде. Так вот помимо *Либерте* и *Эгалите* там было еще одно очень важное положение Французской революции, которого напрочь не было у нашей. Там был призыв к собственности. Французская революция создала массовый класс собственников, мелких собственников. Русская революция такую задачу не ставила и ее не решала. Мало того, я могу сказать (я не беру социалистические фракции), что те фракции, которые до сих пор почему-то называют либеральными, к европейским аналогам не имели никакого касательства, только очень слабое касательство по каким-то общеполитическим понятиям, потому что русский либерализм — либерализм маниловский, барский. Это либерализм не дела, а либерализм мечты и страданий, в то время как Французская революция утвердила психологию и философию лавочника. В России лавочник существовал, но никакого заметного влияния на ход событий он не оказывал.

Бердяев (ну это великий русский путаник) сначала Петра I называл Робеспьером, потом так же называл и Ленина (у него есть такое высказывание: «Владимир Ильич — это Робеспьер»). Если их сравнить, то формально общее у них только то, что оба они были адвокатами. Но если сравнить, скажем, Петра I и Ленина, то, как ни странно, в отношении к национальному творчеству, в отношении к русскому национальному наследию, в отношении к русской традиции у них достаточно много точек соприкосновения, хотя, казалось бы, это совершенно не сопоставимые ни по времени, ни по характеру, ни по должности фигуры.

Русская общественность — та, которая алкала вот это «либерте», которое никто так и не определил, что это такое: что такое «свобода», до сих пор не определили, — она же была совершенно лишена чувства, во-первых, государственного со-

Стенограмма круглого стола

знания, во-вторых, государственного мировоззрения, в-третьих, вообще национально-государственного инстинкта. Ни национальной, ни государственной проблематики в их багаже фактически не было. Очень хорошо 140 лет назад написал об этом Ф. М. Достоевский. Он назвал эту философию русского западничества «идеологией государственного отщепенства». Те люди, которые пришли к власти, которые рвались к власти и которые встали у власти, они как раз представляли вот это направление людей, исповедующих идеологию государственного отщепенства. Кстати, здесь существует переключка с нашими событиями 15-летней давности, когда наша демократическая общественность обуреваемая опять этим «либерте», в багаже не несла никаких конструктивных идей. Та же самая идеология государственного отщепенства: долой все, и потом все само собойотрегулируется... Здесь прямая переключка с событиями как раз Февральской революции.

Я думаю, что сейчас чисто фактурный анализ причин, следствия, движущих сил не очень интересен и не очень конструктивен, потому что о Февральской революции известно все или почти все. Никаких новых комплексов документов, материалов, каких-то исследований, которые перевернули бы наше представление, в обращение, видимо, уже не поступит. Полагаю, сейчас наступило время уже другого уровня — я бы сказал, историософского уровня осмысления тех событий, потому что в едином пространстве и времени Февральская революция занимает очень важное и очень особое место, так как революции, как правило, если брать другие революции, — это всегда прорыв. Русская же революция была провалом.

И последнее, что я хочу сказать. Федор Степун — один из последних русских культурфилософов — очень хорошо написал, что революционные пожары начинаются с поджогов господствующего мировоззрения. Если мы начнем искать, когда же был зажжен «фитиль», то это, конечно, не предреволюционные годы. Это даже не эпоха «Союза благоденствия» Пестеля. Это,

Стенограмма круглого стола

конечно, по крайней мере эпоха Петра I. Я думаю, что революция нуждается в новом уровне, в новом масштабе, в глубине и высоте осмысления.

Благодарю за внимание.

С. М. ИСХАКОВ, доктор исторических наук:

— Россия в начале XX в. находилась в состоянии острого соперничества с другими державами, которые значительно продвинулись по пути капиталистической индустриализации. Шансы в этом международном противоборстве зависели от способности русской монархии в краткий срок мобилизовать огромные ресурсы, умело использовать их.

В результате Первой мировой войны, потребовавшей предельной концентрации сил и ресурсов, произошел коллапс, повлекший для страны самые тяжкие последствия. Прежде всего была подорвана прочность государства, началось банкротство царской России. Проблема изыскания средств на войну стала особенно острой. На пути ее решения возникли большие трудности. В январе 1917 г. ежедневные государственные расходы увеличились в 4–5 раз по сравнению с начальным периодом войны и достигли огромной суммы.

Правительство могло оплачивать не более половины своих затрат, что означало финансовый провал, банкротство государства, не выдержавшего «гонки» военных расходов. Наступление финансового краха, в свою очередь, привело к возникновению многогранного кризиса, парализовавшего производство и транспортную систему, вызвавшего необузданную инфляцию, обвальное падение фондового рынка. Банкротство, с одной стороны, ослабляло государство, с другой — давало обществу ясный сигнал о слабости власти.

Февральская революция возникла из военно-политического и финансово-экономического кризиса монархического строя, явилась результатом неспособности устаревшей системы адекватно реагировать на угрозу со стороны экономически более

Стенограмма круглого стола

развитых держав, стала следствием банкротства самодержавного государства, его административной и военной машины, которая обеспечивала основу политического и социального порядка в обществе. И только возникшие вследствие этого возможности позволили действовать революционным элементам и недовольным массам.

Не подкрепленные ни престижем, ни принудительной властью существующие общественные отношения становились уязвимыми для атак снизу. Господство сословного строя было несовместимо с дальнейшим развитием общества. При этом межнациональные проблемы оказали сильное влияние на ход событий, поскольку прежняя власть лишилась поддержки многочисленных нерусских народов, составляющих большинство населения Российской империи.

Весной 1916 г. депутат Государственной думы А. Ф. Керенский констатировал, что налицо сильное недовольство этих этносов проводимой в их отношении политикой: «В начале войны такого настроения не было... Национальный вопрос в стране назрел, и его надо поставить на первую очередь, ибо он важнее всяких земских и городских реформ». В 1921 г. русские политики, оказавшиеся в Париже, выслушали упрек в том, что национальный вопрос «всегда старались скомкать и в думах, и в земствах, и везде, где преобладали реакционеры...».

П. Н. Милюков уже в 1918 г., хоть и с опозданием, признал справедливой критику той политики, которую в отношении к нерусским народам проводили не только царская власть, но и Временное правительство.

Таким образом, следуя принципу «разделяй и властвуй», используя межэтнические и другие противоречия в своих целях, власть запаздывала с проведением назревших реформ, не решала накапливавшиеся проблемы. Наоборот, принимались такие внутри- и внешнеполитические решения, которые лишь обостряли эти противоречия, разжигая социальную ненависть и межнациональные конфликты.

Стенограмма круглого стола

А. К. СОКОЛОВ, доктор исторических наук:

— Как мне кажется, когда мы сейчас говорим о Февральской революции, то во многом следуем старому большевистскому разделению на Февральскую буржуазно-демократическую революцию и Великую октябрьскую социалистическую революцию. По-моему, революцию 1917 г. надо рассматривать в едином контексте, — начинается она с падения самодержавия и заканчивается установлением большевистской диктатуры в октябре 1917 г. Думаю, что из этого следует очень многое. Я приветствую идею рассматривать события 1917 г. в России в более широком, международном контексте. Не одна Россия пережила революцию, поэтому сравнительно-исторический анализ всегда полезен.

Но что сразу бросается в глаза согласно современным подходам? Это теория революции, которая происходит в крестьянских по преимуществу странах, вступивших на путь модернизации. Когда имеют место новые ожидания, новые настроения, новые вызовы и когда существующая власть не способна ответить на эти веления времени, тогда возникают крупные проблемы.

Я считаю, что среди причин, которые обусловили падение самодержавия в России, события февраля 1917 г., мы должны учитывать не объективные предпосылки, а то внутреннее напряжение, которое существовало в стране. Заметьте, Россию в начале XX в. начало буквально трясти. Вопрос революции был вопросом времени. Конечно, война ускорила это, она усилила напряженность, обозначила те острые углы, которые существовали в стране. И достаточно было бросить спичку в этот «котел», чтобы произошел взрыв. Так случилось в феврале 1917 г.

А. Н. САХАРОВ:

— Слово предоставляется доктору исторических наук В. П. Булдакову.

Стенограмма круглого стола

В. П. БУЛДАКОВ, доктор исторических наук:

— Теорий революции очень много. Предпосылки имеют чрезвычайно сложный характер. Я думаю, что для того, чтобы объединить все теории, все факты, все концепции, надо исходить из двух простых вещей.

Первое — то, о чем я писал очень давно и что сейчас, кстати, начинает находить некоторый отклик. Всякая революция, всякая смута должна быть вписана в длительный период существования той или страны, той или иной империи. И до меня, еще в 1918 г., некоторые из лиц, которые здесь упоминались, говорили совершенно откровенно: никакая это не революция, это некое подобие смутного времени, которое Россия однажды уже пережила. Это было сказано не единожды.

На мой взгляд, походя к проблеме предпосылок революции, прежде всего надо исходить из понятий *империя* и *кризис империи*.

Что такое империя? Ее можно рассматривать как набор определенных иерархий: прежде всего иерархии духовной, иерархии военной и иерархии бюрократической. Все эти иерархии должны находиться в состоянии некоторого динамического равновесия.

И зададимся вопросом: когда было нарушено это равновесие, в какую эпоху?

Что касается духовной иерархии, то колоссальный удар по ней был нанесен еще в XVIII в. Если говорить о XIX в., то примерно в то же время, когда Россия была объявлена империей, которая базируется на принципах православия, самодержавия и народности, православие-то как раз находилось в самом что ни на есть плачевном состоянии.

С бюрократической иерархией тоже была весьма странная ситуация. Достаточно сказать, что вся высшая российская бюрократия (практически вся) была масонами или масонствующей. Дело не в том, плохо масонство или нет. Дело в том, что с традиционными иерархиями, с традиционной и особенно народной культурой это не стыковалось.

Стенограмма круглого стола

Что касается военной иерархии, то и она была довольно странная, поскольку в высших чинах значительно преобладал инонациональный элемент. Если мы возьмем другие иерархии — допустим, иерархию торгово-промышленную, то здесь тоже известные всем перекосы, очень значительная часть старообрядческого капитала, инославного капитала, иностранного капитала. Это показатели того, что все упомянутые иерархии оказались несостыкованными. Если мы возьмем инновационные иерархии — допустим, сферу образования, положение также оставляло желать много лучшего. К XX в. единой системы образования не существовало. «Внизу» имелись школы двух типов: с одной стороны, приходские, с другой — земские, которые противостояли друг другу, а классическое гимназическое образование плохо с этим стыковалось. Короче говоря, здесь иерархии не существовало, а самое главное — российская наука, как ни парадоксально, на промышленность, на инновации в самом широком смысле слова не работала. Достаточно привести такой пример: только в годы Первой мировой войны под руководством Вернадского возник пресловутый КЕПС (Комиссия по изучению естественных производительных сил России. — *Ред.*), когда наконец-то поняли, что природные ресурсы надо разрабатывать внутри страны и внедрять в производство, а не завозить их откуда-то из Германии.

Что касается реформ. Тут всегда возникает вопрос: что такое реформа в России, как она действовала? На мой взгляд, совершенно очевидно, что так называемые «великие реформы» носили несистемный характер, что бы ни говорили на этот счет современные легковесные экономисты. Простой пример. В Японии в эпоху Мэйдзи, практически в то же время, реформы проводились примерно в такой последовательности: наделение крестьян землей, фактическая ликвидация самурайского сословия (они все перекинулись в сферу управления), затем внедрение всеобщего начального образования. Крестьяне по-

Стенограмма круглого стола

лучили права гражданства. Естественно, проводились военные реформы, осуществлялась официальная поддержка синтоизма, и, наконец, открылся парламент.

Я не хочу сказать, что это был идеальный путь реформирования, но в конечном счете реформы Мэйдзи имели далекоидущие последствия. В Русско-японской войне России уже противостояли не отсталые азиаты. Вот пример системного ведения реформ.

Что касается Первой мировой войны, то ее влияние на упомянутые иерархии, конечно, совершенно отрицательное. Достаточно сказать о сфере управления, которое резко разделилось на военное и гражданское, что сопровождалось страшными неувязками. Я не буду говорить о таких вещах, как колоссальные миграционные потоки. Депортации сыграли колоссальную роль в дестабилизации обстановки.

И несколько забегаю вперед, приведу такой простой пример, относящийся уже к Октябрю. Кто защищал Временное правительство в Зимнем дворце? Юнкера. Из кого они этнически состояли? Оказывается, в значительной степени из евреев и латышей. Откуда они взялись? Да очень просто: это те самые беженцы, которые переполнили столицу в феврале 17-го года. И, кстати, если говорить о Феврале, — то же самое: в списках убитых очень много беженцев, латышей.

То есть все взаимосвязано, и отдавать предпочтение какому-то одному ряду предпосылок ни в коем случае нельзя.

А. Н. САХАРОВ:

— Спасибо, Валерий Прохорович.

Слово имеет доктор исторических наук Нежинский Леонид Николаевич.

Л. Н. НЕЖИНСКИЙ, доктор исторических наук:

— Уважаемые коллеги, я хотел бы обратить внимание еще на один узел проблем, толчком к образованию которого послужили

Стенограмма круглого стола

события февраля 1917 г. Речь идет о дальнейшей международной политике России, а точнее о том, что мы в последние 15–20 лет стали называть в нашей отечественной исторической литературе дуализмом международной политики России, то есть ее двойственностью. В чем было дело?

К февралю 17-го года абсолютное большинство населения России очень устало от войны и ее последствий, что было одной из главных причин февральских событий 1917 г. и краха самодержавия. Этим воспользовались руководители большевистской партии, которые начали активно подогревать антивоенные настроения населения.

Как вы знаете, Временное правительство летом 1917 г. потерпело полную неудачу, когда попыталось не только остановить немцев, австрийцев и т. д., но и повернуть их обратно. В то же время событиями в России очень обеспокоились некоторые крупные государства. Очень любопытно (Григорий Николаевич Севостьянов это знает лучше меня), что только в апреле 17-го года Соединенные Штаты объявили о том, что они участвуют в войне. Ничего себе — сколько времени прошло! А до этого они находились как бы в стороне, хотя, конечно, большей частью были на стороне Антанты. Всем этим воспользовались руководители большевиков, чтобы захватить власть в октябре 1917 г. Однако еще раньше, еще со знаменитой работы Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», они очень активно начали пропагандировать идею так называемой мировой революции со всеми вытекающими последствиями, и, придя к власти, руководство партии большевиков уже в знаменитейшем ленинском Декрете о мире, с одной стороны, провозгласило курс на мир без аннексий и контрибуций, а с другой — обратилось к рабочим Франции, Великобритании, Германии с призывом полностью покончить с угнетением, с капиталистическим рабством и т. д. и т. п.

С этого времени можно говорить о двойственности руководства Советского государства в проведении обоснования вы-

Стенограмма круглого стола

работки концептуально-доктринальных основ и практических основ международной политики.

Я не буду долго на этом останавливаться, но примерно с лета 1921 г., когда большевики вынуждены были объявить переход к нэпу, с одной стороны, с другой — они всячески не только проповедовали, но и помогали дальнейшему процессу «мировой революции». Имел место дуализм международной политики: с одной стороны, полезный и правильный курс на мирное сосуществование государств с различным социальным строем, что было правильно и полезно; с другой стороны, курс на всемерную поддержку мировой пролетарской, а потом и социалистической революции, который проводило советское руководство, в том числе с помощью созданного в 1919 г. по инициативе Москвы Коминтерна.

Эта двойственность (дуализм) советской международной политики давала о себе знать и продолжала существовать несколько десятилетий. Могу вам напомнить, что она была и после смерти Сталина, который тоже очень активно проводил двойственную политику, при Хрущеве, при Брежневе, и только (извините меня, здесь я твердо стою на этом) при Горбачеве наконец была признана разнвариантность исторического развития стран и народов, был взят более последовательный курс на мирные отношения нашего государства с другими странами и народами.

Так события февраля 1917 г. сказались на важнейшей стороне жизни нашего населения, нашего государства.

А. Н. САХАРОВ:

— Слово имеет доктор исторических наук Б. С. Илизаров, Институт российской истории РАН.

Б. С. ИЛИЗАРОВ, доктор исторических наук:

— Сейчас каждый заявляет свою позицию, я тоже попробую ее обозначить: в России было не меньше реформ и револю-

Стенограмма круглого стола

ций, чем в других странах. И в этом отношении Россия мало чем отличается от любой другой крупной державы современного мира. С моей точки зрения, революция как явление совершенно неизбежна: революции были, революции будут, и на наших глазах революции происходят. Это естественная форма существования любого развивающегося социального «организма».

Хотел бы провести аналогию (она не нова) и сказать, что любая революция — это, конечно же, насилие, это, конечно же, кровь, это, конечно же, ужас. Но это, если говорить об аналогии, примерно такое же событие, как и рождение нового существа, рождение младенца в недрах старого организма, организма матери. Поэтому, с моей точки зрения, революции будут всегда как необходимые формы обновления социального «организма».

Что касается истории России. Как любая другая страна, она развивается от этапа к этапу. В начале каждого этапа закладывается некая парадигма, некая исходная модель. Она всегда создается и закладывается конкретным человеком. Это, как правило, творческая личность, исторический герой, человек, который способен на какие-то очень крупные свершения.

Очень интересные были высказывания, но почему-то никто не вспомнил о конкретной личности. Я хочу напомнить, — личность играет гораздо большую роль, чем даже самые массовые социальные или классовые движения или события, связанные с деятельностью элит и т. п., потому что личность всегда определяет характер, она является мозгом любого социального движения.

Я являюсь сторонником идеи С. Соловьева, который говорил о том, что та модель развития, которая была заложена Петром Великим, с его точки зрения, продолжала осуществляться вплоть до реформенного времени. Он говорил о реформах 1860-х гг. Я думаю, что это действительно так.

Стенограмма круглого стола

То, что заложил Петр Великий, это было не только «окно в Европу», это было нечто иное, — это было начало поэтапного освобождения рабского народа. Народ, который получил Петр в наследство, в целом был народ-раб, и он получил его в таком состоянии. Петр — сознательно или это было интуитивное решение — начал с того, что освободил от рабства верхушечный слой. И первыми свободными людьми в России стали дворяне. И этап освобождения дворянства и части городского населения продолжался весь XVIII в., потом эту линию подхватила Екатерина II. И, наконец, важнейший этап — реформа 1861 г., когда была освобождена большая часть населения империи.

Если рассматривать поставленный нами вопрос с изложенной выше позиции, то Февральская революция 1917 г. — это результат, это следствие отказа от кропотливой, но неуклонной реформаторской деятельности в сторону демократизации, которую должны были осуществлять российские правители после великих реформ Александра II. Февраль 1917 г. — это результат отката, реакции Александра III и трусливых метаний Николая II. Обвинения в бездеятельности и политической бездарности, брошенные А. И. Солженицыным в адрес Николая II, очень справедливы. Революция февраля 1917 г. есть по существу попытка радикально решить вопросы, которые не решались реформаторским, постепенным путем. Поэтому если нет реформ, если вовремя не проводятся преобразования, любое общество обречено на революции и взрывы и в конечном счете на развал.

И еще несколько соображений — о роли личности. Если взглянуть на XX в. и посмотреть, как меняется страна (особенно страна недемократическая) там, где личность, находящаяся у власти, определяет практически все от начала до конца, то предстанет калейдоскопическая смена картин: Россия Николая II, Россия времен Ленина, Сталина, Россия времени Брежнева и современная Россия — совершенно разные не только государства, это разные социальные устройства. Постоянные сломы,

Стенограмма круглого стола

постоянные преобразования, которые происходят на очень глубинном уровне, как правило, всегда определяются конкретной личностью.

Монархическая форма правления на примере судьбы Николая II показала, что она одна из самых неудачных, во всяком случае для России. Потому что монархическая система правления — это не выбор наиболее яркого, наиболее талантливого, наиболее способного государственного деятеля. Наследственная монархия — случайность, и мы видели, что одно дело — когда у власти был Александр II, другое дело — Александр III, Николай II и т. д. И мы видим, насколько категоричной стала ситуация, связанная с появлением на исторической арене Николая II.

В связи с Февральской революцией здесь упоминались масоны. Я всегда настораживаюсь, когда привлекают мифологические силы. Звучало также и то, что защищали Зимний дворец в основном латыши и евреи. Это у меня тоже вызывает определенную настороженность, потому что а кто же тогда их выбивал оттуда? Те же латыши и те же евреи?

Я этого тоже не могу понять. Когда мы переходим на такие маркеры, как говорят философы, здесь всегда есть опасность вульгаризации, недостойной ученого.

Так вот, Февраль 17-го года — это попытка продолжить ту самую парадигму, которая была заложена Петром, — продолжить реформаторскую деятельность в условиях XX в. Самое же главное — 17-й год показал вот еще что: да, к власти пытались прийти либералы. Без сомнения, это были либералы очень разного плана: и князь Львов — совершенно особенный, и Керенский. Можно говорить о Мартове. Я считаю его также левым либералом. Это разные оттенки разных либеральных течений того времени. Кстати, демократические революции, как правило, проводятся как раз такого типа людьми, и не только в нашей стране. Это характерно для любого развитого государства. Эти люди обладают, мне кажется, очень интересными особенностями.

Стенограмма круглого стола

ми. С одной стороны, это талантливые, как правило, люди. Это люди, имеющие большой запас интеллектуальных сил. Люди, которые могут быть очень смелыми, решительными и т. д. Но самое главное, чего всегда не хватает либералам (это видно особенно и у наших, хотя сейчас, может быть, меня за это будут «казнить»), — им не хватает сил переступить через кровь, через большую кровь, потому что любое преобразование, а тем более в нашей стране... (*А. Н. Сахаров: — Плохо это или хорошо?*). Я ставлю вопрос. Я не знаю, хорошо ли рожать детей. Любой ребенок рождается, как известно, в муках и крови матери. Я не знаю, хорошо это или нет. (*Оживление в зале.*) Подождите секундочку, дайте мне договорить. Так вот, либералы и демократы как раз и не могли «родить» новое общественное устройство, потому что они не смогли переступить через кровь. Мы видим это и сейчас, в наше время. Они не способны переступить через большую кровь, чья бы это кровь ни была.

В такой ситуации либералы всегда терпят поражение, в любое время и везде они терпят поражение. И тогда появляются лидеры крайностей: или правой, или левой. То же самое было в Февральской революции. Это могла быть крайность правая — и тогда пришел бы Корнилов, и тогда была бы тоже огромнейшая кровь (генерал не боялся этой крови), или пришли большевики, и они, как известно, не только не испугались большой крови, а напустили могучий океан.

А. Н. САХАРОВ:

— Спасибо, Борис Семенович.

Мы с вами проделали небольшую интеллектуальную историческую разминку. Давайте подумаем над вопросом о характере Февральской революции. Мы привыкли, как правило, все укладывать в прокрустово ложе определенных дефиниций. Так было десятилетиями, и сегодня, наверное, мы от этого принципа не откажемся, хотя многие считают, что смысла в определении характера той или иной революции нет, поскольку это вопрос

Стенограмма круглого стола

сложный, многофакторный и очень широкий. Но все-таки, согласно нашим традициям, давайте подумаем над характером Февральской революции: что это была за революция — буржуазная, демократическая, буржуазно-демократическая, а может быть, ни та и ни другая? Каково мнение участников нашего круглого стола по этому вопросу?

Владимир Михайлович, ваше мнение.

В. М. ЛАВРОВ:

— После победы РСДРП (б) в октябре 1917 г. закрепились социал-демократическая точка зрения, что Февральская революция и первая российская революция были буржуазно-демократическими. Такая характеристика, на мой взгляд, упрощает происходившее в соответствии с марксистской (марксистско-ленинской) доктриной.

Собственно, буржуазная революция успешно происходила «сверху», начиная с крестьянской реформы 1861 г., и сопровождалась постепенными переменами, имевшими демократическую направленность. Февральская революция 1917 г. прервала реальную буржуазную революцию с демократической перспективой. Февральскую революцию совершили рабочие, солдаты и генералы, распропагандированные октябристами и кадетами. Февраль, на мой взгляд, был победившим русским бунтом, началом «красной смуты».

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ:

— Я, следуя своей логике, хотел бы подчеркнуть, что Февральская революция есть незавершенная демократическая революция, или, можно сказать, оборванная революция, или упущенная революция. Можно, конечно, называть революцию «смутой», так как всякая революция есть смута в каком-то смысле. Но если мы признаем объективное стремление людей к демократии и тот факт, что это стремление время от времени выражается в спонтанных взрывах, то должны констатировать,

Стенограмма круглого стола

что это была именно незавершенная революция. Я бы так ее и определил по сравнению с завершенными демократическими революциями.

Почему она была не завершена? Я думаю, по трем причинам. Первая — это, конечно, нерешенность проблемы преемственности власти в ходе и после Февральской революции. Вторая проблема — это соотношение конституирующей и конституционной власти. Третья — это невозможность достичь консенсуса политических сил.

Что касается первой из этих возможностей и первой из этих особенностей революции, то всем хорошо известно, что в любой революции возникает конфликт легитимности и законности, то есть представления о справедливости и действующего позитивного права. В зависимости от того, может ли эта революция перевести легитимность в позитивное право, может ли она обеспечить преемственность, правовую преемственность власти, может ли она создать стабильные рамки для дальнейшего развития политических институтов, — эта революция бывает успешной или неуспешной. Хорошо известно, что Февральская революция эту проблему не решила. Общеизвестно, что имела место юридическая неопределенность в отношении Государственной думы и монарха накануне революции. Здесь можно напомнить о существовании такого явления, как мнимый конституционализм, чрезвычайное законодательство, роспуск Государственной думы указом от 26 февраля накануне революции. То есть новая власть оказалась подвешенной в воздухе. Далее — это, конечно, некорректность акта об отречении. Царь мог отречься только за себя, но не за сына и не передать власть брату. Далее — это некорректность акта отказа самого Михаила Александровича, поскольку он должен был отречься в пользу Учредительного собрания в крайнем случае, но не Думы, если бы даже был монархом. Это также юридическая противоречивость деклараций Временного правительства, которое выступало то как Временный комитет Государственной думы, то как

Временное правительство. В целом можно констатировать, что вопрос о преемственности и легитимности власти решен не был. Последующая легитимация также не была осуществлена.

Другой важный момент — это особая конструкция конституирующей и конституционной власти, которая была реализована в России. Выскажу, может быть, несколько парадоксальный тезис, но мне кажется чрезвычайно деструктивной роль идеи Учредительного собрания. В связи с этим я бы хотел отметить, что та концепция демократии, которая господствовала в умах демократов того времени, в умах деятелей Временного правительства, — это была популистская концепция демократии, в основе которой лежала руссоистская вера в возможность народа самостоятельно решать сложные государственные вопросы. Эта идея и воплотилась в идеале Учредительного собрания. Неэффективность идеи Учредительного собрания проявилась даже в той стране, откуда эта идея была взята (я имею в виду Францию), поскольку там существовали, во-первых, различные концепции Учредительного собрания — от Конвента до модели 1875 г., которая была заимствована в России. Концепция 1875 г. — это Третья республика — модель, которая была взята за основу российскими либералами в период Февральской революции. Так вот, там это приводило к чередованию парламентских режимов (или учредительных режимов) и бонапартистских диктатур. Все это чередование (некоторые связывают его с конфликтом идеи народного суверенитета и разделения властей) закончилось только при де Голле: Конституцию Пятой республики (1958 г.), как вы знаете, разрабатывали в закрытом режиме, без всякого Учредительного собрания, а впоследствии в готовом виде вынесли на всенародный референдум. Закрепили смешанную форму, а не парламентскую форму правления.

Де Голль считал, что та концепция учредительной власти, которая доминировала во Франции предшествующего периода, является основной причиной поражения Франции во Второй мировой войне, поскольку эта модель не обеспечивает сильной

Стенограмма круглого стола

исполнительной власти, способной принимать решения, а дает всю власть законодательному собранию.

Я думаю, что модель, которая была принята, модель конституанты 1875 г., к таким же последствиям привела и в России. Во Франции эта модель являлась компромиссом между республиканцами и монархистами. Идея состояла в том, чтобы заимствовать английский парламентаризм, парламентскую монархию. Но в результате монархическая надстройка не была принята по ряду причин, остались только очень сильная парламентская власть и очень слабое правительство. Парламент, по существу, занимался тем, что каждый год менял правительство.

Это привело к нестабильности Третьей и Четвертой республик во Франции, вело к кризису парламентских режимов повсюду в Европе, поскольку французская модель была чрезвычайно популярной. И это привело соответственно к тем же последствиям в России.

Вследствие этого в России:

— во-первых, существовало иллюзорное представление о возможности достижения единства подходов всех политических партий на базе Учредительного собрания. Но они понимали его диаметрально противоположным образом;

— во-вторых, это привело к отказу от немедленного созыва Думы, превращения ее в Национальное собрание, и, таким образом, был упущен конституционный момент: возможность принять демократическую конституцию на волне демократических ожиданий;

— в-третьих, это невозможность достижения консенсуса между политическими партиями. Последующие попытки такого рода в виде Демократического совещания, Предпарламента, Директории имели уже запоздалый характер;

— и последнее, что стоит отметить, — это невозможность преодоления двоевластия, которое, более того, было усилено тем, что Временное правительство пролонгировало ситуацию неопределенности до Учредительного собрания. Наивно было

Стенограмма круглого стола

объявить себя Временным правительством, нужно было объявить себя Постоянным правительством.

Все это, как мне представляется, позволяет констатировать, что был упущен шанс добиться консолидации умеренных политических сил, преодолеть на этой основе двоевластие, добиться легитимации новой власти и осуществить последовательную передачу власти. Здесь говорилось о том, что всякая революция — это кровь и что выход возможен только через насилие.

История, однако, знает примеры, когда эти проблемы решались на правовой основе. Если мы сравним Февральскую революцию с некоторыми другими революциями (даже аграрными), то эта проблема решалась. Возьмите Ататюрка в Турции, Чан Кайши в Китае, президента Карденеса в Мексике. Кровь была минимальна. Речь идет не об уничтожении миллионов людей, а только сотен и тысяч. Это совершенно другой масштаб.

РЕПЛИКА — В гражданской войне в Китае 9 млн покалечены.

— Гражданская война в Китае имела характер внешней войны с Японией, поэтому в данном случае мы не можем сравнивать эти показатели с Россией. Я имею в виду характер стабилизации временной власти, который позволяет выйти из конфликта без гражданской войны. На это я хотел бы обратить ваше внимание.

А. Н. САХАРОВ:

— Вы поставили очень любопытный вопрос о незавершенности революции. У меня возникает к вам следующий вопрос: какие революции были завершены и вообще может ли любая революция быть завершенной? Если да, то какую революцию вы назвали бы завершенной в принципе? Есть ли такая революция в мире?

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ:

— Я считаю, что завершением революции является принятие демократической конституции, которая обеспечивает

Стенограмма круглого стола

стабильные институты, позволяющие политической системе работать бесконфликтно. И таких революций очень много. Если брать пример Франции, то из этого ничего не выйдет, потому что там каждые 50 лет революция, хотя там тоже были относительно бескровные революции или перевороты. Здесь называли революцию Мейдзи. Кстати, это пример революции, которая бескровно решила многие социальные проблемы. В Японии не было такого масштабного применения насилия, как в России или Китае в последующее время. И вот вам пример того, как можно решать сложные социальные вопросы на основе права.

РЕПЛИКА — Вы забываете уровень социализации японского общества. Это несколько не соответствует российским образцам.

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ:

— Хорошо, давайте возьмем более близкий к нам пример — пример демократического перехода в Восточной Европе. Это были демократические революции, которые начинались с протеста против коммунизма и завершились принятием демократических систем, демократических конституций, созданием плюралистических демократий, на основании чего возможно было дальнейшее развитие гражданского общества. Таким образом, такие примеры существуют.

А. Н. САХАРОВ:

— Александр Николаевич. Пожалуйста, ваша точка зрения по поводу характера Февральской революции.

А. Н. БОХАНОВ:

— Здесь возникло уже столько всяких чувств и эмоций, что хочется обсуждать самый широкий спектр вопросов, но я постараюсь себя сдерживать.

Если мы говорим о Февральской революции и вообще о революции, почему пало царство, прежде всего надо ответить

Стенограмма круглого стола

на вопрос: а чем это царство держалось многие сотни лет? Этой темы вообще никогда не возникает.

В этой связи я хочу обнажить один момент, который прозвучал вскользь, тем не менее он один из самых сложных и запутанных в современной историко-социологической понятийной системе, — это вопрос об империи.

Империя отличается от государства не размерами и не какой-то иерархической структурой. Империя отличается от простого государства всемирным устремлением. Нет этого устремления, значит, нет империи, есть большое государство.

Если отбросить частности, есть две модели империи: *первая римская*, языческая, перед Цезарем, и *вторая римская*, или константинопольская. В первом случае это трансляция мощи, силы, цивилизационного миропорядка. Вторая модель — несение веры. Русская, российская империя была образцом второримской модели. Поэтому очень важно понять истоки основы той системы, которая существовала сотни лет.

Ресурс монархизма был исчерпан не потому, что был плохой Протопопов, и не потому, что экономика была плохой. Экономика была блестящей. Русская экономика в некоторых областях развивалась в 15–20 процентов годовых. Сейчас бы за 10 процентов Грефу дали бы Ленинскую премию. Экономическая революция в России была совершенно не обоснована и бессмысленна. Что касается продовольственного или военного кризисов, ничего подобного в России не было до такой степени, как это было, скажем, во Франции или в Германии, где к 17-му году была просто катастрофа. В России, как мы знаем, даже карточки не вводили, за исключением сахара.

ВОПРОС:

— А в Германской империи какой тип?

А. Н. БОХАНОВ:

— Безусловно, языческий, перворимский.

Стенограмма круглого стола

Февральская революция — конечно, увертюра Октября. Ленин был логичен, уместен, он как раз был самым главным цивилизатором. Культура потерпела крушение, и к власти пришли те самые цивилизаторы, которые захотели всех сделать грамотными, всех посадить на электрические стулья и т. п. Никакая это не демократическая революция, потому что никто ничего не решал. Здесь правильно говорили, что в формально-юридическом смысле Россия так и осталась монархией, потому что не было какого-то легитимного учреждения и законодательного акта, и просто хочется сказать: «Да здравствует Учредительное собрание!».

Сказать сейчас, по прошествии ста лет. А Россия формально осталась монархией, потому что все, что потом приходило, было самозванчество, политическое самозванчество — люди, которые не получали никакой легитимизации, когда одна клика сменила другую, другая — предыдущую, и т. д. Не было ничего легитимного. Это была социалистическая революция в результате прихода к власти охлократии.

А. Н. САХАРОВ:

— Да, но был все-таки один акт, который мы недооцениваем, акт абсолютно легитимный, формальный: 14 сентября 1917 г. Россия официально была объявлена республикой. Об этом объявило Временное правительство. (*Оживление в зале.*) Россия была объявлена республикой тем правительством, которое управляло ею в течение полугода. Это был факт, который можно, конечно, оспаривать с точки зрения легитимности, но он вошел в историю, и мы должны с этим считаться.

С. М. ИСХАКОВ:

— После падения монархии в стране получили возможность интенсивно действовать множество социальных движений — крестьянское, рабочее, солдатское, национально-освободительное, культурно-автономистское, казачье, молодежное, женское и

Стенограмма круглого стола

другие, которые отражали протестные настроения масс. Это дает основание считать, что Февральская революция приобрела общенациональный характер. В результате революции началась постепенная демократизация жизни народов России.

А. Н. САХАРОВ:

— Спасибо. Пожалуйста, Андрей Константинович.

А. К. СОКОЛОВ:

— Я считаю, что, если мы сегодня всерьез задумаемся о построении демократического гражданского общества, нам очень внимательно нужно посмотреть на характер тех событий, которые начали происходить после Февраля 17-го года, и с этой точки зрения я лично высоко ставлю те события, которые начали происходить, даже если мы извлекаем оттуда какой-то негативный урок. Мы должны сделать определенные выводы. Очевидно, что задачи, которые должна была решить революция, все были прописаны, между прочим, на знаменах, с которыми на улицы выходили эти толпы, эта охлократия, о которой говорил Александр Николаевич. Это скорейший созыв Учредительного собрания, это выход из войны, которая всех измотала. Написано было: «Мир без агрессии и контрибуции». Это проведение аграрной реформы, это осуществление демократических преобразований. Все это было прописано на лозунгах, поэтому я не одобряю такого уничижительного отношения к тем, кто участвовал в этой революции.

Другое дело — почему из этого ничего не вышло. Да, царь был свержен, но взамен что возникает? Да, были выборы, но вместе с революцией на арену исторического действия выходят толпы. Да, пена наблюдается. Но тем не менее, если мы посмотрим, что образуется, что проводится в жизнь под знаменами этой революции, это все-таки организации. Возникают профсоюзы, возникают Советы. Они тоже стараются навести порядок — и т. д., и т. п.

Действительно, субъективный фактор имеет очень большое значение в этих условиях. И мы должны учитывать еще мас-

Стенограмма круглого стола

совую поддержку — насколько она может быть оказана всем этим преобразованиям. То есть многое зависит от состояния того общества, которое приходит в революцию. Вот здесь мы натываемся на целый ряд аспектов, которые связаны с тем, что к осуществлению таких демократических преобразований общество в то время было не готово. Мы писали в нашем центре работу по событиям 17-го года, писали о том, что происходило в армии, об истории с Учредительным собранием. Большинство населения просто не понимало, что это такое.

Я думаю, что поэтому не в последнюю очередь и созыв его затягивался, хотя Комиссия по выборам подготовила избирательный закон, где намечался день. Нужно было быстрее созывать Учредительное собрание и решать вопрос о государственном устройстве, о новом «хозяине земли русской».

А. Н. САХАРОВ:

— Спасибо, Андрей Константинович.

Вот такая в истории России парадоксальная вещь складывается. В начале XIX в. российское общество было не готово к демократическим преобразованиям, даже к отмене крепостного права. В 70-е гг. оно тоже не было готово к демократическим преобразованиям. В 1905 г. оно тоже не было готово к демократическим преобразованиям. В 1917 г. оно тем более было не готово к февральским демократическим преобразованиям. В 90-е гг. все уже согласилось с тем, что наше общество не готово к демократическим преобразованиям. У меня возникает вопрос к вам как к специалисту по советскому периоду, специалисту по политологии: когда российское общество будет готово? Ну хотя бы примерно. И будет ли готово?

А. К. СОКОЛОВ:

— У меня как раз противоположная точка зрения, которая состоит в том, что многие вопросы, стоявшие на повестке дня, назрели. Со всеми существующими традиционными

Стенограмма круглого стола

структурами нашей власти, строя и т. д. они не проводились в жизнь.

Вот реформа 1861 г. Вы говорите, что народ к ней был не готов. Я же считаю, что она явно запоздала. (*А. Н. Сахаров*: — К демократии, к социализму, к отмене самодержавия и т. д.). Все зависит от народа, и я думаю, что большинство населения это поддерживало. Другое дело — есть ли силы, способные превратить это в жизнь, и что это за силы, и каким образом это будет поддержано. Например, мы занимались армией. Армия тоже нуждалась в демократизации, хотя шла война. Значит, естественно было выйти из войны. Кому нужна была эта война? Зачем Россия ввязалась в нее? Мы же знаем, какую роль в революции 17-го года сыграла армия. Она воевать просто не хотела. Какой вывод из этого следует? Для умного политика — выйти из войны, и тогда бы не было всех этих событий. (*Оживление, шум в зале.*) Почему мы считаем себя умнее, чем современники тех событий? А я лично считаю, что там были и очень умные, добропорядочные люди.

А. Н. САХАРОВ:

— По-моему, дело все в том, что все эти периоды — XVIII в., XIX в. и конец XX в. — Россия с трудом, но поэтапно все-таки идет путем демократизации, никогда не останавливаясь на идеальной конечной точке. Безусловно.

В. П. БУЛДАКОВ:

— Мне кажется, наша дискуссия разворачивается по сценариям марта 1917 г.: все стремятся высказаться, но при этом никто даже не пытается услышать друг друга.

Прежде чем вернуться к событиям 1917 г., хотелось бы сделать одно замечание. Здесь говорили о том, что империи бывают различными. Действительно, к началу XX в. были известны империи традиционные (по преимуществу сухопутные) и новейшие (буржуазно-индустриальные) с огромными замор-

скими территориями. Некоторые из империй пытаются черпать силы, используя теологический компонент (это относится и к России). Я хотел бы особо подчеркнуть этот момент, поскольку в дискуссии прозвучали ссылки на очень древние времена и отдаленные страны.

Если исходить из того, что российская власть оглядывалась на византийское наследие, то позволю себе напомнить следующее. За всю историю Византии в ней правило свыше ста императоров. Из них насильственной смертью погибли 74 или около того. Это считалось «нормой». В некоторых случаях император (вроде Маврикия) до такой степени ощущал себя бессильным перед волей «рока», что безвольно взирал на то, как обезглавливают шестерых его детей. Он воспринимал это как «небесную кару». Если вернуться к Николаю II, то создается впечатление, что и он фатально следовал своей собственной несчастной «судьбе». Я вовсе не собираюсь его упрекать, как это делали многие его современники. Хотелось бы только заметить, что на должность императора-самодержца, способного противостоять судьбе — своей империи, он никак не тянул.

Теперь позвольте вернуться к вопросу о характере Февральской революции. В свое время нам настойчиво внушали, что она была «буржуазно-демократической». Впрочем, даже во времена марксизма-ленинизма ее называли и «общенародной», что, в общем, вполне соответствовало истине. Ленин не случайно говорил о «верхах» и «низах». Строго говоря, это не марксистское, а бихейвиористское объяснение истоков революции. В основе его лежит понимание того, что существующий режим люди перестают оценивать объективно — для них он становится нестерпим, они больше так «жить не могут».

Я обратил бы особое внимание на то, что императора никто не поддержал, включая Церковь, официальным главой которой он считался. Практически все епископы сразу же встали на сторону Временного правительства и дружно принялись сочинять присягу новой власти. Это ли не показатель того, что власть

Стенограмма круглого стола

развалилась сама? Относительно «измены» генералитета своему главнокомандующему здесь уже говорилось. Впрочем, лично я не верю в решающую роль подобных «измен», скептически отношусь и к всевозможным конспирологическим версиям.

Относительно так называемых движущих сил революции. Я обратил бы внимание на то, что революция началась как рабочая, «пролетарская». При этом одними из первых взбунтовались работницы текстильных фабрик — сработал «истерический» фактор; затем волнения перекинулись на металлообрабатывающие предприятия. Но судьба революции была решена только тогда, когда на сторону восставшего народа перешли солдаты столичного гарнизона. Впрочем, не только солдаты — известен случай, когда казак зарубил жандарма. Власть оказалось некому защищать. Здесь уже говорили об охлократии. В общем, это справедливо даже применительно к Февралю. Если вчитаться в газеты того времени — не только столичные, но и провинциальные, — то обнаружится, что о забастовках, о «движении пролетариата» там говорится не много. Зато очень часты упоминания о бытовых бесчинствах, о выпадении людей из этоса «нормального» времени. О реальном ходе революции на этом уровне — уровне устремлений «человека толпы» мы сегодня, увы, знаем не много. Более того, по известного рода этатистской привычке даже и знать не хотим.

В связи с этим хотелось бы обратить особое внимание на следующий недооцененный фактор развала имперского управления. «Сухой закон» — плод добрых устремлений последнего императора — сыграл совершенно катастрофическую роль в судьбе России. После Февральской революции не случайно последовала череда винных погромов — сначала вблизи столицы, затем в других городах. Кстати, возможность такого развития событий предсказывали. Во время войны запасы спиртного складировались в определенных местах, об этом всем было известно — солдаты, которые переполняли города, давно уже кружили вокруг винных складов. Самое худшее началось, ко-

Стенограмма круглого стола

нечно, осенью, когда Россию затопила волна так называемых пьяных погромов. Но это была только часть общероссийского хаоса — последовала также серия продовольственных бунтов и погромов. В это же время начались и еврейские погромы, а в марте 1918 г. все еврейское население трепетало в ожидании все новых и новых антисемитских бесчинств.

Говоря об этой стороне революции, я хотел бы поставить вопрос: в чем причина разгула охлоса? Глубинная причина, на мой взгляд, в одном: «верхи» и «низы» российского общества (если уместно употреблять этот термин) при всей общей нетерпимости к власти существовали в разных социокультурных измерениях, говорили на разных «языках». Если в феврале 1917 г. массы ждали от правительства (не важно, как оно назовется!) своего рода магических действий, которые мгновенно удовлетворят наиболее насущные социальные потребности, то «верхи» вели себя совершенно по-другому. Обложившись существующими «прогрессивными» конституциями европейских государств, власти стали составлять «самую лучшую» конституцию, придумывать «самую совершенную» систему выборов в Учредительное собрание. Это тоже была своего рода магия — магия веры в формальное право и демократию, которая якобы сама по себе способна решить самые наболевшие вопросы. Разумеется, от власти ждали вовсе не самых справедливых законов — ждали моментальных «магических» действий или просто жестов.

В само понятие Учредительного собрания «низамы» вкладывали вовсе не тот смысл, который вкладывали в него образованные «верхи». Как понимали конститутанту массы? Очень просто! Соберется новый «хозяин земли Русской» — своего рода «коллективный царь», нечто подобное народным Соборам XVII в. — и все жизненно важные вопросы будут раз и навсегда решены «по справедливости». Кстати, если бы Учредительное собрание собралось в 3-месячный срок, как это обычно случалось в истории европейских революций, эффект от него был

Стенограмма круглого стола

бы куда более значительным. Не думаю, чтобы оно решило все стоящие перед страной вопросы, но нарастанию хаоса оно в известной степени смогло бы противостоять. Остается только удивляться, насколько самоубийственно может вести себя российская власть — не важно, как она себя при этом называет.

В связи с этим хотелось бы напомнить о «предсказаниях» дурного развития событий, а также о том, насколько близорукой оказывается власть по отношению к ним. Удивительно, но Февральскую революции предсказывали еще до начала мировой войны, а также в самом ее начале! При этом «пророчества» исходили из самых различных кругов: возьмем записку Дурново, вспомним также о небезызвестном Парвусе. Все знали сценарий 1905 г., все знали, к чему ведет «смута в умах» в России. Все понимали, что падение самодержавия создаст совершенно необычную квазиполитическую ситуацию: «без царя, а правительство рабочее» (Троцкий). Главное же было в том, что после падения самодержавия все то, что было связано с ним, обесмыслилось — прежде всего война. Что можно было ожидать теперь от народа, которого нелепейшим образом гонят на войну под лозунгом «мир без аннексий и контрибуций»? Вопрос о мире стал решающим фактором развития тогдашних событий. И оценивая сегодня Февральскую революцию, об этом нельзя забывать.

Попутно замечу, что и развитие событий в октябре 1917 г. также предсказывали. Выступления большевиков ожидали до такой степени, что им попросту нельзя было отказаться от захвата власти. Ожиданиями переворота пестрели заголовки всех газет, кроме, разумеется, большевистских. При этом бросается в глаза, что руководители большевиков (за исключением Ленина) скорее упирались, медлили, нежели рвались осуществить «замысел истории». Не случайно накануне Октября был столь ошутим раскол в верхах «монолитной» партии. Любая революция всегда напоминает пьесу, написанную неведомым сочинителем, от реализации замысла которого никто из действующих

Стенограмма круглого стола

лиц уклониться не может. И самое нелепое, что может в связи с этим сделать историк, — это попытаться навязать революции логику и мораль своего времени, то есть оценивать прошлое по неведомым прошедшей эпохе критериям.

Если людям, оказавшимся в эпицентре социального хаоса, трудно понять происходящее, то это должны суметь историки.

А. Н. САХАРОВ:

— Спасибо. Пожалуйста, ваша точка зрения, Леонид Николаевич.

Л. Н. НЕЖИНСКИЙ:

— Все, что хотел, я в основном сказал. Поэтому если у кого-то есть конкретные вопросы, я могу ответить.

А. Н. САХАРОВ:

— Борис Семенович, пожалуйста, вам слово.

Б. С. ИЛИЗАРОВ:

— Думаю, что характер Февральской революции можно определить как либерально-демократический. В связи с этим хотелось бы высказать следующие соображения.

Я согласен с Андреем Николаевичем в том, что на исторических путях Россия движется кругами, петлями и тем не менее постепенно выбирается на какую-то магистральную цивилизационную линию. Надеюсь, что в общем и целом в перспективе реальная форма демократии станет для России предпочтительнее виртуальной.

Одна из таких «петель» произошла как раз в феврале 1917 г. Хочу обратить внимание на то, что сегодня также не прозвучало. Сначала забыли человека, а теперь забыли то, что наша империя была особенной: она была многонациональной империей. Мы совсем этот фактор упустили. Не случайно либерально-демократические реформы, которые выдвигались

Стенограмма круглого стола

в многонациональной империи, автоматически, объективно зависали в воздухе. Они не могли быть реализованы в такой империи, с ее культурным, этническим и цивилизационным разнообразием.

Колониальные империи (во всяком случае, в конце XIX — начале XX вв.) сложились, с моей точки зрения, двух типов. Один тип — это классическая, предположим, Британская империя: метрополии находятся далеко от своих колоний, они разбросаны по всему миру, и это, с одной стороны, очень затрудняет сохранить целостность империи. В то же время, когда начинается кризис в метрополии, очень легко избавиться от своих колоний, и метрополия остается самостоятельной и может преобразовываться в той форме, как это задумывается элитой. Другой тип империи — это империя Российская или Австро-Венгерская, когда вокруг метрополии формируются различные национальные окраины, которые срастаются с метрополией. Поэтому распад такой империи — это всегда очень тяжелое, очень кровавое и очень опасное явление. Мы видим, что произошло с Австро-Венгрией. Мы видим, что произошло сейчас, уже в наше время, с Югославией и СССР. Так вот, как раз тогда, в феврале 1917 г., в преддверии либерально-демократических преобразований вопрос встал так: как возможны демократические преобразования в многонациональной колониальной империи? Ее народы в первую очередь ринутся решать вопросы своей государственной самостоятельности и реальной независимости, в то время как метрополия — вопросы модернизации и демократизации. В таких условиях развал колониальной империи неизбежен. Это и произошло со всеми империями Новейшего времени.

Второй момент. Если бы все-таки не либералы пришли к власти, а предположим, правые (я имею в виду — Корнилов и т. д.), то они бы сделали все, чтобы сохранить ту империю, которая бы продолжала колониальную традицию, и опять вопрос бы не решался. Поэтому тот выход, который нашли

Стенограмма круглого стола

большевики, был, может быть, единственным. Старая имперская традиция была переориентирована сначала на мировую революцию, а затем на создание сталинской сверхдержавы и т. д. Можно по-разному здесь говорить, но тем не менее это была переориентация. Поэтому обреченность либерально-демократических начинаний в феврале 17-го года очевидна. Иное, т. е. демократизация, могло происходить только при одном условии. Если бы либералы, которые, подчеркиваю, действительно были яркими личностями, это не ничтожества, как постоянно пытаются толковать и толковали в свое время, а это разные люди и по-разному интересные, — если бы эти люди поставили вопрос о том, что либерально-демократические преобразования в огромной стране нужно все же провести, то им пришлось бы распустить все национальные окраины, т. е. большую часть колоний. Им пришлось бы прийти примерно к тому же финалу, к какому пришли мы сейчас в 1991 г., когда были сброшены все колонии и когда метрополия так или иначе сохранила себя и могла попытаться стать уже демократической. Похожий процесс намечался и после Февраля, когда все окраины начали заявлять о своей самостоятельности, когда во всех так называемых теперешних независимых республиках, во всевозможных национальных районах и т. д. началась, по существу, Гражданская война за размежевание, в том числе и война за независимость против метрополии.

Поэтому считаю, что демократическая революция февраля 17-го года была обречена и она должна была привести к развалу страны, а диктатура — правая или левая — была, что называется, предопределена. В какой-то степени сейчас мы опять находимся на пороге этих очень похожих событий. Слава богу, советская империя была распущена, а попытка собрать ее вновь может привести к развалу уже новую Россию.

А. Н. САХАРОВ:

— Спасибо, Борис Семенович.

Стенограмма круглого стола

Давайте подумаем над проблемой «Февраль и Октябрь 17-го года», над соотношением этих событий в нашей стране.

Пожалуйста, Владимир Михайлович.

В. М. ЛАВРОВ:

— Февральская революция отняла власть у государственной власти, у главной в России созидательной силы, и создала власть не другой реальной силы, не власть простого народа (солдат, рабочих и крестьян), а временную и переходную полувласть, переходную к единственно оставшейся силе — к власти этого самого народа во главе с социалистами-радикалами. Лидером последних в лучшем случае мог стать автор аграрной программы эсеров В. М. Чернов, но в его характере не было необходимой решительности; оставались те, кто был левее Чернова, в том числе Ленин.

В России не было выбора между императором Николаем II, с одной стороны, и цесаревичем Алексеем, великим князем Михаилом Александровичем, князем Г. Е. Львовым, А. Ф. Керенским или В. М. Черновым — с другой. Или самодержавная власть законного императора (со всеми минусами существовавшей власти), или сползание в беззаконие и самодержавие крайних революционеров.

Еще в 1910 г. в Государственной думе премьер-министр П. А. Столыпин предупредил: «Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил бы политические свободы России, то завтра же в Петербурге заседал бы совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования верг бы Россию в геенну огненную».

Сказано: по плодам их узнаете их. Плодом Февраля был Октябрь.

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ:

— Я должен начать с антитезы. Считаю, что не было никакой предопределенности в том, что Февраль сменился Октябрем,

Стенограмма круглого стола

и я думаю, что этот вывод можно вывести, исходя из анализа механизма власти в переходный период. Когда я говорил о том, что Февральская демократическая революция была оборвана, я имел в виду прежде всего ситуацию двоевластия. Думаю, что настало время переосмыслить вообще это понятие «двоевластие», отказаться от его классовой интерпретации и рассматривать его просто как столкновение конституционной власти и антиконституционной власти. Я полагаю, что в этом смысле, конечно, Советы — очень интересный феномен. Это такой суррогатный орган власти, напоминающий различные комитеты, хунты, которые были в разных революциях, начиная от Кромвеля, но которыми очень легко манипулировать, и сами большевики, например, не кто иной, как Троцкий, в своей «Истории Октябрьской революции» пишет о них с презрением, говорит о том, что «это чернь, которую нужно использовать для свержения власти». В этом смысле функция Советов в революции состояла в том, чтобы противопоставить съезд Советов Учредительному собранию, а затем установить партийную диктатуру над Советами. Вот такой механизм власти. Соответственно, возникает вопрос: было ли это предопределено, действительно должен был так развиваться процесс от Февраля к Октябрю, как у нас говорят? Я думаю, что нет. И продолжая сравнительную линию, хотел бы сказать, что были революции, где события шли именно так, как в России (а двоевластие не уникальный феномен, я считаю), а были революции, где события шли по-другому. Пример первого — это Иранская революция: после свержения шаха в 1979 г. было создано Временное правительство Базаргана, которое разработало демократическую конституцию, ожидало Учредительного собрания. Параллельно возникла система комитетов, где доминировало духовенство во главе с Хомейни. Хомейни создал такой институт, как Совет религиозных экспертов (это аналог нашего 2-го съезда Советов), который, захватив власть, отстранил Временное правительство и установил теократическую диктатуру, существующую ныне, и если вы посмотрите

Стенограмма круглого стола

Конституцию Ирана 1979 г., она очень похожа на российскую Конституцию 1918 г., только «Советы» надо заменить на «религиозных экспертов» и вместо «Политбюро» поставить Совет религиозных экспертов во главе с Хомейни. Так что история повторяется.

(А. Н. Боханов: это разные вещи. Ислам и Советы все-таки на одну доску нельзя ставить).

Исламские специалисты говорят о том, что идея Советов проникла в Иран еще в 1905 г., была очень популярна среди исламского духовенства и влияла на сознание людей в 1979 г. Это ссылка на литературу. Можно спорить.

Второй пример — это революция в Португалии, известная как «революция гвоздик» 1974 г. После свержения диктатуры Каэтано образовалось двоевластие: с одной стороны — правые партии, с другой — коммунисты-сталинисты, которые активно претендовали на власть. В центре оказалась социалистическая партия во главе с Суарешем. Когда Суареш год назад приехал в Россию, я беседовал с ним и спросил, как он вообще вышел из этой ситуации, которая очень напоминает российскую ситуацию февраля 17-го года. Он сказал: «Очень просто. Генри Киссинджер позвонил мне и сказал: «Не повторяйте ошибок Керенского». Таким образом, ситуация в Португалии развивалась уже по другому сценарию. Это значит, что Суареш договорился с правыми партиями, коммунизм был подавлен, и далее постепенно из конституции изъяли положение о необходимости строительства коммунизма. Это, кстати, пример еще одной бескровной революции или относительно бескровной, потому что они действительно потеряли все колонии, просто отказались от них. Там началась гражданская война. Тут я согласен: быстрое решение проблемы демократизации в колониальной империи имеет издержки. Но я хотел бы завершить эту часть своего анализа следующей констатацией.

Мне представляется, что основная причина крушения февральской системы состоит в ошибках той концепции демо-

кратии, которой руководствовалось Временное правительство. Временное правительство, где преобладали юристы, исходило из концепции классического парламентаризма, которая сформировалась в условиях сословного общества, цензовой демократии и которая не годилась для новых социальных условий массового общества и массовой мобилизации.

Поэтому возникла совершенно новая техника государственных переворотов, к которой Временное правительство было не готово. Эта техника включала массовую мобилизацию внепарламентских сил, осуществление так называемых невидимых маневров, направленных на захват стратегических коммуникаций вместо штурма непосредственных институтов власти, и далее использование таких институтов, как Советы, архаичных по своей природе, против действительно рациональных институтов политической власти.

Этот анализ давал, во-первых, Троцкий, во-вторых, я могу напомнить книгу известного итальянского авантюриста Курцио Малапарте «Техника государственных переворотов», где он сравнивает большевистский переворот с захватом власти итальянским фашизмом и говорит о том, что это была одна и та же техника, то есть «Муссолини учился у большевиков», как писал позднее Троцкий, а Гитлер учился у большевиков и у Муссолини.

Очень важно, что эта техника не имеет никакого отношения к классовой направленности движений. Это именно технология. Если бы демократия могла научиться использовать эти технологии, она была бы ничуть не хуже большевиков с точки зрения консолидации власти.

Проблема состоит в том, что у Временного правительства не было людей, которые понимали бы, как можно осуществлять такие перевороты или контрперевороты. В настоящее время это становится более или менее понятно, и если мы возьмем «цветные» революции, то там делается акцент не на парламентские формы борьбы, а именно на массовую мобилизацию.

РЕПЛИКА — На заграничные фонды...

— Между прочим, заграничные фонды были и у большевиков. Если вы посмотрите литературу, например книгу Каткова о февральской революции, вы найдете там свидетельства того, что немецкие деньги работали именно в период Февральской революции. Так что этот вопрос дискуссионный, но мы его оставим, как не относящийся к существу дела. Деньги ведь можно брать у кого угодно, весь вопрос в том — как их использовать. Использовали их неправильно. Временное правительство вполне могло бы использовать поддержку Антанты, получить от них деньги и разработать адекватную стратегию защиты демократических институтов от этих так называемых Советов.

Так что вывод у меня совершенно другой: никакой фатальной предопределенности не было, предопределенность возникает из цепочки ошибок Временного правительства и, я согласен, из личностного фактора. Личностный фактор проявился в том, что Керенский в июне не уничтожил Советы. Это очень существенная ошибка Временного правительства. То есть Керенский не сделал того, что сделал Суареш в Португалии в 1970-е гг.

А. Н. БОХАНОВ:

— Все разговоры о либеральных ценностях абсолютно абсурдны. Да, в России был капитализм, который очень интенсивно развивался, но не хватало того, что называл С. Франк «буржуазным мирозерцанием», или, как по Макс Веберу, «духа капитализма» не было в России. Другая этика, другая мораль, другое непонимание. И вне православия русскую культуру рассматривать нельзя, потому что русский архетип — главный субъект русской истории — формировался под сенью системы православия, и православие в отличие от других это не иерархия.

Что касается вообще широкого подхода. Этот какой-то «бермудский» треугольник — плохое правительство, обуреваемая жадой прогресса общественность и изнывающий в тяготах

народ — ничего нам не объясняет. Это какой-то заколдованный круг, потому что надо шире смотреть и глубже смотреть.

Один философ очень хорошо сказал, что «история — страшный суд над правителями». Я думаю, что надо не только правителей судить (не те ресурсы, не те резервы, не те технологии использовались), надо и к народу обратить эти претензии. Трумэн в свое время правильно писал, что «народофильство русской интеллигенции — «сифилис» русской мысли». Это абсолютно правильно, потому что народ хороший, а элита — не та.

Надо предъявлять претензии и к народу, и к тому, что мы называем «основной толщей населения». Народ поддержал большевиков. Да, было избрано Учредительное собрание, но это были не выборы, а общероссийский опрос. И социалистические партии, в том числе большевики, получили подавляющее большинство голосов. Именно поэтому вслед пришли Ленин, Сталин... и наступила кара. Я не исключаю, что через некоторое время опять та же самая история повторится. И мне совсем не жалко этих страдающих и рыдающих членов Политбюро в казематах Лубянки, потому что казематы были уже и в 18-м, 19-м, 20-м... 29-м, а вот большой террор это ужасно, — номенклатуру тронули... Все виновные свое получили. Это было возмездие.

А. Н. САХАРОВ:

— Спасибо, Александр Николаевич. Вы ставите нашу дискуссию в другую плоскость: с точки зрения оценки ответственности за события не только Николая II, Думы, Временного правительства, Керенского, но и непосредственно народных масс. Я думаю, что такая точка зрения имеет право на жизнь.

Что касается того, что у нас идет спор глухих. Вы же знаете, мы дети своей страны, мы дети и Февраля, и Октября, и 1991 г... Когда пройдет определенная цивилизационная пора, тогда будем внимательно прислушиваться друг к другу, искать, как говорил незабвенный классик, консенсус.

Пожалуйста, следующая точка зрения.

Стенограмма круглого стола

С. М. ИСХАКОВ:

— Временное правительство за 8 месяцев своего правления ничего не сделало для удовлетворения насущных потребностей большинства населения. Не было продвижения в отношении мира, земли, продовольствия и других вопросов. Естественно, любой должен был бы понимать это как пренебрежение его интересами, его правами и надеждами. В этом смысле здесь ничего странного нет. Это простая, нормальная логика.

В результате плодами начавшейся в феврале 1917 г. социальной революции воспользовались люди, которые осуществили в октябре политический переворот, предложив большинству граждан то, что они хотели. Дальнейший ход событий показал, что большевикам пришлось столкнуться с такими проблемами, которые разошлись с их собственными представлениями: надо было защищаться от вооруженной интервенции и тем самым решать проблему сохранения страны. С таким результатом, собственно говоря, и закончилась Октябрьская революция, приведшая к установлению уже другого режима, о котором надо говорить отдельно. Никакой сталинской эпохи в 1917 г. еще не было.

А. К. СОКОЛОВ:

— Тоже буду очень краток. Я не являюсь сторонником широких историко-философских обобщений. Есть логика исторического факта. Причем факты 17-го года изучены очень подробно, расписаны буквально по дням. Смотри, изучай, делай соответствующие выводы! Конечно, у каждого есть право делать обобщения, но в данном случае я сторонник той линии, которая в свое время была обозначена нашим Советом по Октябрьской революции. И яснее всего ее выразил П. В. Волобуев: «События в течение 1917 г. принимали все более и более опасный поворот; страна все больше погружалась в состояние хаоса, анархии». Вывести из этого состояния могла только диктатура.

Вопрос стоял так: чья это будет диктатура — левая или правая. Здесь нельзя недооценивать роль личности, я согласен. И в этом смысле, конечно, на мой взгляд, Ленин и Троцкий являлись действительными вождями масс. Если говорить об альтернативах в истории, я сторонник того, чтобы рассматривать только реально существующие альтернативы, а такие альтернативы (здесь я согласен с Владимиром Михайловичем [Лавровым]) были в 1917 г. Надо посмотреть, в какой момент они были упущены и почему. (*В. М. Лавров*: — Почти сразу же были упущены). Да, почти сразу. Вопрос о войне оттягивался. Попытки превратить ее в революционную войну, оборонческую при таком состоянии армии были невозможны.

Аграрная реформа. Давайте посмотрим. Она назрела, что-то надо было делать. Создаются многочисленные комиссии и бесконечно обсуждают проект аграрного законодательства. Кстати, с чего, собственно, начало свою деятельность Учредительное собрание, которое собралось уже при большевиках? Опять же с обсуждения аграрного закона, все того же аграрного закона, к сожалению, без решения вопроса о власти.

В. П. БУЛДАКОВ:

— Позволю себе вернуться к сюжету дискуссии, связанному с выступлением Солженицына. Я вовсе не его поклонник, скорее наоборот. Тем не менее должен частично согласиться с его определением: после Февраля наступил хаос с невидимым стержнем. Солженицын, как видно, угадал (не думаю, чтобы он был знаком с теорией динамического хаоса, с синергетикой). Однако «стержень» этот просматривался давно. К сожалению, его лучше всех разглядел не кто иной, как Владимир Ильич Ленин. Впрочем, стержень был «двойным» — вопрос о мире и вопрос о земле. Первый вопрос, известный с 1915 г., слился со вторым, превратившись в вопрос о власти. Нормальные политики должны были это понять. В действительности понял это только Ленин. Все остальные политические лидеры 1917 г.,

Стенограмма круглого стола

будучи доктринерами, а не политиками в полном смысле слова, всего этого не поняли, то есть не поняли самой природы происходящего.

Я уже говорил о том, что российское общество (если этот термин в данном случае уместен) было не просто многоукладным. Оно было расколото в культурном отношении, причем расколото давно и очень основательно. Культура интеллигентских верхов при всей их партийно-политической пестроте ничего общего не имела с «политической» культурой низов. Строго говоря, они жили в разных столетиях. В связи с этим обсуждать вопрос о том, готова ли была Россия к демократии вообще, не стоит: существовало совершенно различное — можно сказать, противоположное — представление о демократии (как и законе) в верхах и низах. К демократии — к гражданскому существованию — народ надо готовить заранее. Решающую роль в этом призвана сыграть школа. Ничего подобного в России сделано не было. Разумеется, и о ликвидации общины надо было говорить задолго до Столыпина и соответственно решать вопрос. Кстати сказать, запоздалое решение вопроса об общине также сыграло «роковую» роль. События 1917 г. показали, что решающее значение приобрела так называемая общинная революция — консолидация традиционалистских масс (прежде всего крестьян) против враждебного, как им казалось, окружающего мира. По сути дела, произошел консервативный откат в прошлое. Иного решения своих проблем сами массы придумать не могли — это тоже закон всякой социальной революции. Существуящая власть лишь провоцировала массы, ибо не понимала их образа мысли. Характерно, что разжег разрушительные инстинкты крестьянства не кто иной, как «селянский министр» Виктор Чернов. Случай с Черновым символичен, здесь я должен согласиться с Владимиром Михайловичем [Лавровым]. В начале июля 1917 г. из бунтующей толпы ему было сказано: «Бери власть, сукин сын!» И что? Был ли он, представитель самой массовой партии, уже находясь во власти, в состоянии решить

Стенограмма круглого стола

вопрос? Он уклонился! Так какова должна была стать судьба представляемой им власти?

Символично и то, что спас Чернова от расправы толпы не кто иной, как многократно упоминавшийся здесь в чисто негативном контексте Троцкий. Он сказал буквально: «Оставьте его!» (как говорят о людях, не заслуживающих серьезного внимания), и толпа не тронула Чернова. Судьба революции была тем самым уже прописана. Ленину оставалось только прибрать к рукам эсеровскую (крестьянскую) программу решения вопроса о земле (известную с 1905 г.), что он и сделал в октябре 1917 г. Тем самым и вопрос о власти был решен.

Вообще, говоря о 1917 г., надо исходить не из идеи «захвата власти», а из понимания, что за вопросом о власти стоял целый спектр социальных движений, революций, если угодно. А это было известно со времен Французской революции. И на первое место стоит поставить не «пролетарскую революцию», как теоретически полагали большевики (они тоже, как всякие интеллигенты, оставались доктринерами), а «солдатскую революцию». Развал армии обусловил окончательный развал старой государственности. На выборах в Учредительное собрание большевики в значительной степени опирались на голоса солдат, которым было дано право голоса — отказать им в этом было уже невозможно. Избирательный ценз был понижен — специально для них — до 18 лет. И это сыграло громадную роль.

Возвращаясь к крестьянству, нельзя забывать, что с 1905 г. они требовали одного: «Земли, земли, земли!» Ясно было, что происходящая под этим лозунгом «общинная революция» затронет буквально всех — не только помещиков. Крестьяне не случайно начали с грабежа хуторян — их проще было грабить, они оставались теми «своими», которые некогда пошли против воли общины. Тем более осмелевшие крестьяне, войдя в азарт «справедливого» грабежа, не пощадили помещичьих имений. Неудивительно, что «народ-богоносец» поприжал при этом и

Стенограмма круглого стола

сельских батюшек — отбирали общинные наделы и у них. И в этом была виновата старая власть, не сумевшая материально обеспечить своих собственных «идеологов» (также вопреки опыту 1905 г.). Конечно, так происходило не везде — на юге России, где люди были побогаче, крестьяне более снисходительно отнеслись к сельским священникам. Что касается Центральной (нечерноземной) России, то там священников сгоняли с общинной земли постоянно.

Примечательны в этом контексте так называемые национальные революции. Они в действительности, как и другие, носили не агрессивный, не «сепаратистский» (при всей своей разрушительности), а оборонительный характер. Все социальные силы руководствовались инстинктом выживания в условиях хаоса. Каждый социальный слой думал о том, как улучшить условия своего существования за счет других, проще говоря, «хапнуть».

Национальные революции, как я уже не раз писал, носили «этноизоляционистский» характер — люди руководствовались стремлением отгородиться от «русского» хаоса. Политикам, напротив, казалось, что объединение по интернационалистскому сценарию будет спасительно. Но такое было возможно в мирных условиях, а не в ситуации системного развала империи. И если аграрный вопрос соединялся с вопросом «национальным», судьба центральной власти оказывалась предрешенной. Классический тому пример — Украина. Украинские эсеры говорили селянам просто: «Лучшие земли на Украине. Придут москали и эти земли заберут». Вот и весь сценарий так называемой украинской революции, о которой сегодня столь много пишут на Украине. Увы, историки слишком охотно подстраиваются не только под свое собственное скудное (сравнительно с реалиями прошлого) воображение и этические императивы современности (не говоря уже о текущей политике). Мы не составляем исключения — нынешняя дискуссия это подтверждает.

Стенограмма круглого стола

Если современники не в силах осмыслить то или иное событие истории в силу его чрезмерной для их умственного горизонта масштабности, то со временем оно почти автоматически превращается в набор противоречивых апокрифов. При этом оказывается, что из них со временем попеременно используется то один, то другой. Сегодня мы выложили весь набор «концепций», каждая из которых стоит другой. До системного осмысления революции, увы, все еще далеко — этому мешают наши неостывшие эмоции.

Б. С. ИЛИЗАРОВ:

— Хочу подхватить предыдущего оратора и сказать, что в данном случае я во многом согласен. Хочу подчеркнуть только несколько моментов.

Характер Февральской революции — все-таки либерально-демократический. Напомню, что большевики пришли к власти под лозунгами либерально-демократических преобразований. Они сами этого не скрывали, и Ленин об этом постоянно говорил. Благодаря этому они получили поддержку довольно широких слоев населения. «Декрет о земле» и особенно «Декрет о мире» и другие декреты — как раз часть вопросов, которые волновали большинство аграрного населения страны. Другое дело — что из этого получилось.

Второй момент, который хотелось бы отметить. Говоря о том, что революции неизбежны в истории человечества, для XX в. требуется корректировка. Революция, которую совершили большевики, и особенно та идея, которую внес в нее Троцкий, привели к тому, что весь XX в. для нашей страны, да и для всего мира, стал эпохой перманентной революции.

Я понимаю это как реализацию троцкистской идеи, правда, в сталинистской форме. Отсюда отношение к революции как к таковой должно быть резкое, отрицательное, особенно в теперешних условиях. Революция после Октября 1917 г. в нашей стране по крайней мере это уже совершенно новый этап, когда

Стенограмма круглого стола

революция превращается в орудие «перманентной» диктатуры, диких периодических репрессий, которые привели в XX в. к тому, о чем мы с вами прекрасно знаем. Между подлинной революцией, когда происходит смена модели общественной организации, и «перманентной» революцией, как формой «маятникового», периодического террора, существует огромная разница. Советская история открыла новую эпоху управления обществом, когда перманентный террор в корне пресекает любые попытки любого развития общества. С тех пор наша власть постоянно испытывает соблазн вновь и вновь использовать этот сталинский механизм.

А. Н. САХАРОВ:

— И последний вопрос, который мы хотим сегодня обсудить, — «Февральская революция 1917 г. и демократическая революция рубежа 1980—1990-х гг.».

В. М. ЛАВРОВ:

— Февральская революция 1917 г. начала процесс сползания страны в социалистическую эпоху. Демократическая революция рубежа 1980—1990-х гг. начала выводить страну из социалистической эпохи. Это объективно разнонаправленные революции. И в этом главное.

А затем мы можем говорить об общем и особенном в данных революциях. Ведь есть и то, и другое. Причем особенно бросается в глаза, что все русские революции породили похожие типы политических деятелей.

Главный исторический урок Февраля в том, что революция может застать врасплох руководителей России. Наличие и почти свободное распространение антиправительственной идеологии, совпадение во времени и пространстве нескольких дестабилизирующих событий (включая спровоцированные) на фоне нелегкой жизни народа — и революция. Поэтому нельзя

Стенограмма круглого стола

убаюкивать себя заклинаниями, что лимит на революции исчерпан.

А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ:

— Хотел бы сказать, что, по-моему, нам надо отказаться от морализирующих оценок, которые были в старой литературе. Например, Вишняк писал, что «Февральская революция потому погибла, что она не хотела гильотинировать, поэтому сама была гильотинирована».

Я думаю, что точка зрения, которая здесь высказывалась, имеет право на существование. Но нам следует более трезво и прагматично посмотреть на эти события. Я думаю, что Февральская революция впервые в России выдвинула те идеи, которые реализовались в конце XX в. или которые по крайней мере мы сейчас пытаемся реализовать; что не было фатальной неизбежности октябрьского переворота и что основное внимание мы должны обратить на те ошибки Временного правительства, которые были сделаны, и на возможность их избежания в настоящее время.

Несколько таких ошибочных решений я зафиксировал и хочу сравнить их с решениями 1993 г.

Временное правительство, как и правительство в 1990-е гг., не было легитимным, то есть произошел разрыв правовой преемственности. Тогда последующая легитимация не была обеспечена. Здесь она была обеспечена путем референдума. Разрыв конституирующей и конституционной власти был и там, и здесь, но этот разрыв при Ельцине был завершен тем, что была быстро разработана Конституция в закрытом режиме, и она была вынесена на референдум без всякого Учредительного собрания.

Вместо дискуссии по вопросу о соотношении социальных реформ и политических реформ такие реформы в 1993 г. начали проводиться сразу (я имею в виду политические реформы), а социальные реформы были отложены на последующее время. Ры-

Стенограмма круглого стола

чаги договорных механизмов, которые Временное правительство не смогло активизировать (в частности, договоренности с армией), здесь были реализованы. Далее, конституционный момент, то есть быстрое создание Конституции, упущенный в Февральской революции, здесь не был упущен, хотя Ельцин в своих мемуарах пишет, что перед ним встала дилемма после августовского путча — распустить Верховный Совет или нет, он не распустил его сразу и не назначил новые выборы, и это, как пишет он, «было ошибкой». Если бы Верховный Совет, говорит он, был распущен сразу после августовского путча, его не пришлось бы распускать с помощью вооруженных сил в 1993 г.».

Таким образом, двоевластие на исходе XX в. было ликвидировано именно так, как это должен был сделать Керенский в начале XX в. Поэтому можно сказать, что все-таки известный опыт Февральской революции был использован. Поэтому мы получили выход из того конституционного тупика, который возник в России в 1991 г., и характер Конституции 1993 г., которая является либеральной, хотя она была принята крайне нелиберальными методами, показывает, что из острых политических конфликтов можно выходить без гражданской войны. Россия начинает выходить из той циклической смены анархий и диктатур, которые были в предшествующей истории, и в этом смысле можно сказать, что современный политический режим является наследником именно тех процессов, которые начались в России в период Февральской революции.

А. Н. БОХАНОВ:

— Хочу вернуться к событиям 1985–1993 гг. Хотя, естественно, Горбачев и его соратники задумывали это как реформу, их реформа привела к политической революции, а политическая революция соответственно привела к социальной революции и в конечном счете к распаду Советского Союза. Все это, конечно, совершенно не напоминает Февральскую революцию

Стенограмма круглого стола

и события 17-го года. Никаких аналогий здесь быть не может, поскольку Февральская революция — это классическая, можно сказать, подлинная революция, которая произошла по другим сценариям, если так можно выразиться, была обусловлена историческим ходом, а события 1985—1989 гг., еще раз повторю, были обусловлены другими причинами и происходили в совершенно другую историческую эпоху. Могу сказать только одно: та же самая афганская война явилась одним из важных факторов этих событий, поскольку, как вы хорошо знаете, ввод советских войск в Афганистан был обусловлен тем, что появилась некая угроза со стороны американцев, которые хотели установить там «першинги». Потом выяснилось, что это была дезинформация, которую не смогли вовремя разоблачить, и с этого момента началась эта неудачная и позорная война.

Поэтому главное, что есть между всеми этими событиями, — это неудачные действия руководящих слоев, действия правительства, отдельных личностей и групп — элитных и неэлитных, идеологов, практиков и т. д. Естественно, везде есть человеческий фактор, который сближает любую революцию, хотя, конечно, каждая революция уникальна, но есть в ней то, что позволяет найти какие-то общие вещи. Естественно, сравнительный анализ нужен, но этот анализ должен быть ограничен исторической эпохой, и ни в коем случае нельзя переносить события 17-го года в период перестройки и пост-перестроечное время.

Каждая революция имеет общие черты и индивидуальные, и если говорить о Феврале и августе, то я думаю, что здесь один генеральный признак, который сближает эти явления. И в том и в другом случае к власти пришли люди, и каждый человек сам по себе был замечательный, честный, образованный, но люди совершенно не государственного склада ума. Пришли те самые носители идеологии государственного отщепенства, поэтому все, что они делали, было заведомо обречено на провал.

Стенограмма круглого стола

Говорят, в 17-м году Временное правительство что-то упустило, что-то могло...

Знаете, историк имеет дело с тем, с чем имеет. Ни на чем это не основано. Ничего Временное правительство не могло. Оно не могло заключить мир по той простой причине, что оно свергало прежнее правительство, обвиняя его в сепаратных переговорах с Германией. Оно не могло разделить крестьянскую собственность, потому что не было никаких инструментов и т. д. Это огромный комплекс проблем, которые реально тогда стояли, а вот сейчас можно сказать: да, вот они упустили; была демократическая альтернатива, либеральная и т. д.

Думаю, что какие-то выводы, конечно, делать надо всем и как гражданам, и как историкам. Февральская революция показала, что петровский эксперимент завершился, то есть не получилась «Голландия», как написал Н. М. Карамзин. Русско-голландский эксперимент закончился, ничего не получилось. Вторая революция была одержима идеей сделать из России некую «Америку». Ну, мы сделали какое-то подобие протектората. Не знаю, что у нас сейчас за государство. Я это не очень понимаю. Но, во всяком случае, решение одной проблемы национальной самоидентификации и власти, и нашей политики, и идеологии — не националистической (у нас любят передергивать слова), а именно национальной самоидентификации власти, общества и каждого из нас, я думаю, тогда даст нам шанс на существование как некоего социокультурного образования. Если этого процесса не будет, мы превратимся в некое отстойное болото, признаки которого вполне различимы.

А. К. СОКОЛОВ:

— Я присоединяюсь к тому, что сейчас было сказано. Считаю, что проводить какие-то аналогии, параллели между событиями 17-го и 1991 г. неправомерно. Это другое время, совершенно иные исторические условия, совершенно другой народ, совершенно другие классы или, если хотите, социальные образования.

Стенограмма круглого стола

Ну, просматриваются какие-то формы протестных действий, которые существовали не только в феврале 17-го года. Они всегда существовали. Это толпы на улицах, это лозунги и т. д., и т. п. Но тем не менее те события, которые стали происходить в 1991 г., это очень специфические события. Они требуют особого подхода, индивидуального объяснения. Я вообще не придавал бы этому слишком большого значения. Для нашей истории очень своеобразным было развитие конституционалистских идей, конституционализма. Страна шла не в сторону конституционализма и гражданского общества: определяющим было служение на благо народу, социальной справедливости. Поэтому вообще кто из нас сейчас Конституцию 1993 г. знает, что там прописано? Чтобы мы действовали и руководствовались ею в тех событиях, которые происходят у нас сейчас, я бы не сказал.

В. П. БУЛДАКОВ:

— Два слова. Мне приходилось уже не раз сравнивать революцию или, точнее, «смуту» начала XX в. и события конца XX в. Я пришел к выводу, что сходства больше, нежели различий. Самое основное сходство: в том и ином случае решающее значение приобрел фактор десакрализации власти. Я не говорю, какая была власть (в данном случае эмоции бесполезны), но, так или иначе, историческая власть в первом случае предстала во всем мыслимом безобразии в глазах большинства народа, всех слоев общества. То же самое случилось и в конце XX в.

И второй момент, который я хотел бы подчеркнуть и от обсуждения которого мы здесь совершенно напрасно ушли. И в том, и в другом случае мы имели, без всякого сомнения, психопатологическое состояние общества. Происходило полное «депрограммирование» социальной среды. Иначе и быть не могло, — в империи, которая строится по определенным законам, не мог не сработать этот фактор.

И еще один момент. И в том, и в другом случае — и в начале, и в конце XX в. — у власти, вне всякого сомнения, оказались

Стенограмма круглого стола

не просто демагоги, но и доктринеры. Те самые доктринеры, для которых на первом месте стояла та или иная доктрина, а не те импульсы, требования, пожелания, которые исходили от народной массы. И это в большей или меньшей степени пред-
решило ход событий.

Я не стал бы обсуждать проблему современной революции, поскольку ситуация, на мой взгляд, все еще достаточно неясна. Хотя надо сказать, что выход из системного кризиса уже происходит по тем же законам, что и в начале XX в. Это вне всякого сомнения. В конце концов, еще Платон говорил, что «демократия имеет обыкновение перерастать в определенные времена в охлократию, а там верх берет уже демагогократия». В большей или меньшей степени сегодня мы это наблюдаем.

Б. С. ИЛИЗАРОВ:

— Я думаю, что есть достаточно близкая аналогия с теми событиями, которые были в 17-м году, с теми событиями, которые мы с вами пережили и все еще переживаем.

Здесь два коренных момента.

Во-первых, произошла очень наглядная и глубинная смена социальной парадигмы. Сталинскую модель, которая была заложена в 30-х гг., пытался реформировать Хрущев. Эта попытка была «задушена», а система законсервирована во времена Брежнева, что и привело к взрыву, очень напоминающему то, что случилось после консервации Александром III и Николаем II парадигмы, которая была заложена Петром I. Это первый вывод, который нужно сделать.

Во-вторых, события, которые происходят в нашей стране, во всех отношениях подлинно революционные, потому что революции бывают очень разные. В этом плане то, что произошло, и то, что было сделано в 1986–1991 гг., т. е. в эпоху «перестройки», напоминает события 17-го года. Но здесь есть и другая параллель: те люди, которые участвовали в «перестройке» (включая Горбачева, Ельцина и особенно их окружение), очень

Стенограмма круглого стола

напоминают людей 1917 г., особенно люди демократического толка. Поэтому, кстати, Горбачев и не смог, с моей точки зрения, перешагнуть через большую кровь. Был вариант, была возможность сохранения страны (я имею в виду СССР), но для этого требовалось принять очень решительные карательные меры, на которые он был не способен как интеллигентный человек в хорошем смысле слова.

Поэтому роспуск СССР — единственно возможный путь сохранения России, который, будем надеяться, в будущем все же приведет к подлинной демократизации страны.

Что касается возможных вариантов выхода из кризиса 90-х гг. Их было три. Мы об этом тоже забыли.

Первый проект — горбачевский: создать нечто вроде Соединенных штатов Европы и Азии. Как бы вернуться к ленинскому варианту, но юридически более обоснованному, когда был бы создан новый союз республик, имеющих очень большую самостоятельность, но при ослабленном центре. К чему это привело, мы знаем.

Второй вариант был выдвинут академиком Сахаровым. Это, с моей точки зрения, очень перспективный вариант: отказаться от любого национально-территориального деления; всю страну разделить по экономическим и территориальным районам, где не имел бы никакого значения национальный признак. Такой вариант, мне кажется, позволял бы уйти от национальных проблем с сохранением, может быть, даже СССР, но совершенно в новом качестве.

И третий вариант, который выдвинул А. И. Солженицын, когда, как предполагалось, Россия должна освободиться от своих колоний и превратиться из колониальной империи в мультинациональную, имея в виду то понятие *национальность*, о котором сегодня говорили, т. е. не только русский народ, а россияне.

Эта идея, с моей точки зрения, как раз сейчас и реализуется. Хорошо это или плохо — это другой вопрос.

Стенограмма круглого стола

И несколько слов о перспективах. Действительно, на очередном распутье видно, что «вертикаль», которая была на наших глазах построена, очень уж смахивает на те события, которые были в 30-х гг. Надеюсь, полного восстановления сталинизма не произойдет, поскольку нет ни возможностей, ни сил. А альтернативы дальнейшего развития могут быть разные и, к сожалению, даже трагические. Их надо хотя бы проговорить. Очень надеюсь, что ни одна из них не превратится в реальность.

Первая альтернатива — превращение России в некую внутреннюю колонию, когда народ используется для охраны тех национальных богатств, которые удалось удержать теперешней элите. Когда довольно рыхлое внутреннее содержание государства, но мощные границы и вооруженные силы, которые будут их охранять, и территории, которые будут эксплуатироваться в интересах достаточно узкого круга людей, хотя какие-то крохи, как всегда, будут перепадать и остальным. Это тот путь, по которому мы движемся последние лет десять.

Второй вариант еще более мрачный — дальнейший, третий этап распада России. Она может окончательно расколоться на очень «выпуклые» части. Они уже намечались в 90-х гг. Это Центральная Россия, это Кавказ, это Краснодарский край, это Сибирь, это Дальний Восток и т. д. То есть это создание конгломерата самостоятельных государств. С одной стороны, для теперешней России это гибель, это гибель для той элиты, которая сейчас набрала силу; но одновременно с этим, может быть (как бы кощунственно это ни звучало), это спасение для российского народа, как стал спасением для современных британцев, французов, испанцев, португальцев, голландцев... окончательный отказ в XX в. от своих колоний.

А. Н. САХАРОВ:

— Дорогие друзья, мы с вами обсудили четыре вопроса. И несколько минут я хотел бы предоставить для нашей аудитории.

Стенограмма круглого стола

Может быть, у кого-то есть вопросы, реплики или замечания. Пожалуйста.

С. Ю. РАЗИН (Государственная академия славянской культуры):

— Я хотел бы обратить внимание на два аспекта.

Если мы говорим о связи с современностью, то сегодня, как и в 17-м году, перед нашей политической элитой стоит, на мой взгляд, одна очень важная проблема — проблема сочетания военно-политической и технико-экономической модернизации страны с политической культурой и ментальностью большинства населения страны. Это проблема, о которой часто говорят как о проблеме либерально-консервативного типа.

Второй момент. Естественно, что события 17-го года можно понять, только исходя из того, что необходимо вглядываться в российскую историю и культуру, и понять многомерный процесс.

Если мы не посмотрим на Россию с позиций христианского Востока (я говорю об этом в социокультурном смысле), то трудно понять то, что происходило в России в феврале 17-го года и после него.

И еще один момент, который, может быть, я прослушал, но который, по-моему, все-таки не прозвучал: это геополитический, международно-политический аспект событий 17-го года. На мой взгляд, тогда не только решался вопрос о том, каким путем пойдет Россия, но вопрос о ее существовании как государства независимого. Большевики, насильственным путем восстановив империю, опираясь при этом по крайней мере на политически нейтральную позицию 85% крестьянского населения страны и опять-таки на политически нейтральную позицию (если не сказать — поддержку) национальных меньшинств, это сделать смогли.

И еще буквально два слова по поводу русской интеллигенции и ее роли. Выскажу просто свои личные соображения.

Стенограмма круглого стола

На мой взгляд, начиная со второй половины XVIII в., весь XIX в., все начало XX в. русская интеллигенция, о которой один из ее виднейших представителей Петрункевич говорил, что мы разделяемся не столько по программам, сколько, может быть, по темпераменту, занималась тем, что мостила дорогу к власти тому, кто в конце концов к ней и пришел. Радищев, Пушкин («И на обломках самовластья напишут наши имена»), Чернышевский и т. д. и т. д. — все они занимались в какой-то степени разрушением России. Не созиданием, не государственным строительством, а ее разрушением. В конце концов (здесь прозвучала эта мысль), за что боролись, на то и напоролись: разрушили государственную власть — получили 37-й год.

О. В. БУДНИЦКИЙ:

— Во-первых, совершенно замечательная получилась дискуссия, и полезно было бы, чтобы текст ее был опубликован. В условиях публицистической вакханалии, которая сейчас изливается на страницы газет, это был бы голос рассудка.

Во-вторых, я хотел бы поддержать Бориса Семеновича [Илизарова]. Реформы, конечно, были. В 1913 г. в России была законодательная Государственная дума, как в социал-демократической Франции, где заседали, и в то, что произошло 10 лет спустя, никто бы, наверное, не поверил. Безусловно, был прогресс, хотя экстраполировать эти темпы на будущее не представляется возможным, и говорить о том, что, если бы не революция, то Россия стала бы первой страной в мире, — это, конечно, очень сильное преувеличение.

В-третьих, я хотел бы вступить за русских либералов, за русскую интеллигенцию. Либералы были, конечно, государственниками (некоторые из них даже государstвооведами), патриотами, националистами и империалистами. Достаточно посмотреть, что они делали, что они писали и говорили. Здесь нет никаких сомнений, с моей точки зрения.

Стенограмма круглого стола

Другое дело (и это следующий момент), здесь Андрей Николаевич говорил, что это диалог глухих, и когда я прочитал список выступающих на этом круглом столе, то подумал: ни с кем, начиная с А. Н. Боханова, у меня никаких совпадений быть не может. Ничего подобного! В самом главном вопросе я с ним согласен — это о народе, об охлократии. И все рассуждения о том, своевременно или несвоевременно было создано Учредительное собрание и т. д., — все это теряет смысл, если учитывать, так сказать, качество населения и его умственное состояние.

Я позволю себе привести цитату моего любимого политического писателя, умнейшего русского человека XX столетия Маклакова. В апреле 1930 г. он писал в частном письме: «Озираясь назад на большевиков, я все-таки скажу, что в некоторых отношениях это было самое национальное русское правительство; все дурные черты русского народа, то есть черты, распространенные в массах в глубине души каждого человека, все соответствовали той власти, которая в России водворилась. В народе были привычки рабства, подчинение силе и приказу. Большевизм этим привычкам соответствовал, и в двух направлениях. И тем, что он, во-первых, приказывал и доставил радость послушания; и тем, во-вторых, что он давал возможность приказывать и что прежние рабы почувствовали себя господами, что им очень понравилось. Затем деспотизм вытравил из народной души понятие права, уважение к праву; отсюда неудержимая страсть русского народа к поравнению по низшему уровню, ненависть ко всему тому, что выше этого уровня, и радость оттого, что люди, чье право не признавали, могут и сами его не признавать у других. Все эти черты народной психологии нашли свое отражение в большевистской власти и ее практике».

Как ни печально, но, мне кажется, с этим трудно поспорить.

И последнее, что я хочу сказать. Я согласен с С. М. Исхаковым и даже усилил бы то, что он говорил о Первой мировой

Стенограмма круглого стола

войне. С моей точки зрения, именно война послужила главной причиной революции. Распад Российской империи — побочный продукт мировой войны и вовсе не уникальное явление. Ведь развалились и Габсбургская, и Османская империи. Наконец, и в Германии мы видим ряд этапов революционного распада, а в качестве его завершения — нацистскую революцию 1933 г.

1917—1933 гг. — очень сложный период европейской истории, который требует, как мне кажется, серьезного историософского анализа.

А. Н. САХАРОВ:

— Есть ли еще желающие выступить? Нет. Тогда разрешите мне подвести некоторые итоги.

Было бы наивно, как мне кажется, действительно подводить какие-то итоги нашего круглого стола, поскольку он задумывался как достаточно острая дискуссия, с порой взаимоисключающими точками зрения. Думаю, что самым важным итогом для нас стало то, что мы в 90-ю годовщину Февральской революции сумели, я бы сказал, всколыхнуть обмен мнениями по широкому кругу вопросов истории России, и не только ее одной.

Второе, что мне хотелось бы отметить. Со времен 90-х гг. мы несколько приутихли в наших научных спорах, страстях, несогласиях и, казалось бы, погрузились в рутину. Думаю, что это глубокое заблуждение. Такие ключевые сюжеты истории России минувшего века, как 17-й год, Февраль, Октябрь, Гражданская война, 37-й год, хрущевский период, 90-е гг. — по-прежнему остаются в сфере нашего исследовательского внимания и острого политического и гражданского интереса.

В этом основной итог нашей дискуссии. И я поддерживаю предложение о том, что следует обработать эти материалы и опубликовать их как свидетельство того, что наша научная мысль, наша исследовательская и гражданская страсть не угасти

Стенограмма круглого стола

и по-прежнему так же высоки, так же направлены, так же горят, как это было в 1980—1990-х гг., когда этот зал был полон, когда микрофон переходил из рук в руки и когда мы с большим вниманием слушали каждого из выступавших ораторов.

Я думаю, что для исторической науки такие встречи, такие круглые столы очень полезны. И по ряду важных проблем надо будет устраивать их и впредь.

Благодарю всех участников, всех гостей. До будущих острых и интересных встреч. Спасибо всем большое.

СТАТЬИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Я. Н. ЩАПОВ*

СТАРИННАЯ УСАДЬБА АЛЕКСАНДРОВО-ЩАПОВО В ХХІ в.

Есть несколько способов познания исторического прошлого: возможно профессиональное изучение истории по письменным или опубликованным источникам, чтобы получать новое знание, нужное в новое время; можно изучать историю «для себя», чтобы знать прошлое своей страны, — читать исторические труды, художественную литературу, сюжеты которой посвящены событиям и людям этого прошлого. Но есть и еще один способ наглядного познания прошлого: ходить по старым улицам и усадьбам, смотреть по сторонам и видеть своими глазами подлинные сохранившиеся здания, стены, башни, храмы, парки — памятники, которые являются современниками когда-то совершавшихся событий. Официально эти «остатки» прошлого (они могут быть совсем не остатками, а грандиозными сооружениями) называются сейчас «объектами культурного (исторического) наследия». Глядя на них, уже только присутствуя рядом с сохранившимися зданиями XVII—XIX вв., вы становитесь на место их современников, и ваша личная биография как гражданина страны невольно удлиняется на долгое время до вашего рождения. Впечатление от увиденного, несомненно, вызовет желание побольше узнать об этих уникалах, найти сведения о них и о тех, кто их строил и жил в них, в книгах, в Интернете.

* Член-корреспондент РАН, Институт российской истории РАН.

Перед посетившим старинную усадьбу Александрово-Щапово в Подольском районе Московской области сразу встает несколько вопросов: почему она носит такое двойное название; как — естественным путем или искусственно — возникли три усадебных пруда; когда и кем посажен липовый парк, построены в усадьбе двухэтажный господский дом с декоративной башенкой и деревянной резьбой, храм Успения, красно-кирпичное здание Музея истории усадьбы, усадебные службы и другие здания?

Первое письменное упоминание усадьбы относится к XVII в. В Писцовых книгах 1627 г., перечисляющих земельные владения южного Подмоскovie, говорится о «старинной вотчине — селе Александровском на речке Лубенке» с деревянной церковью Успения Пречистыя Богородицы¹. Село было дано боярином Василием Морозовым в приданое за его дочерью Марией князю Андрею Голицыну. Это известные деятели междоусобицы начала XVII в.

Однако сама усадьба значительно старше. В Музее усадьбы Щапово можно видеть части надгробных плит, разбитых при ликвидации кладбища при церкви в 1930-х гг. и использованных как булыжник для мощения дороги. По оформлению и орнаменту («волчьи зубы») эти плиты четко относятся ко времени царствования Ивана Грозного — второй трети XVI в. Уже в конце этого века надгробия имели другой рисунок². Похоже на то, что от того времени, кроме названия села и осколков плит, ничего не сохранилось.

Происхождение названия этого села Александрово неизвестно, но русская топонимика — наука о названиях местностей, сел и городов — связывает такие названия с именами тех, кто первым поселялся в этом месте, основал «деревню» — сельскую усадьбу в лесу («в деревьях»). Это мог быть какой-то Александр, но не простой крестьянин (среди них были распространены уменьшительные имена, от которых происходили названия типа Санино, Алексино и др.), а скорее представитель власти.

Старинная усадьба Александрово-Шапово в XXI в.

Село Александрово в течение веков меняло своих владельцев. Земли, населенные крестьянами, давались государством (царем) дворянам в наследственное владение за их государственную службу. После гибели в 1611 г. князя Голицына его имение вернулось к Морозовым, многие из которых стали известны как военные и государственные деятели. Сам Василий Морозов занимал важную должность воеводы Казанского, то есть осуществлял власть на волжском пути, связывавшем центр России с Севером, Каспием и Северным Кавказом. В начале XVII в. патриарх Гермоген называл боярина Василия наряду с Михаилом Романовым кандидатом на царский престол, затем вместе с князем Дмитрием Пожарским он был среди ведущих деятелей освобождения Москвы в 1612 г. и избрания новой династии Романовых³.

Его сын Иван Васильевич Морозов был причастен к событиям 1653 г., когда гетман Запорожского войска Богдан Хмельницкий просил его ходатайствовать перед царем о российском подданстве, он был одно время «начальным в Москве боярином». Внук Василия Борис Иванович Морозов в малолетство царя Алексея Михайловича был его воспитателем и фактическим правителем государства. Село Александрово находилось во владении этого известного рода до 1680 г., когда из-за отсутствия наследников вернулось в дворцовое ведомство.

Среди последующих владельцев села были выходцы из Литвы братья Грушецкие, во владении рода которых оно находилось более 130 лет. Современную планировку усадьбы нужно связывать с генерал-поручиком и сенатором Василием Владимировичем Грушецким, который построил в 1779 г. вместо старой деревянной новую каменную церковь Успения Пресвятой Богородицы и в духе своего времени переоборудовал усадьбу. Он запрудил ручьи, устроив четыре пруда каскадом, в самом большом из которых был насыпан остров. Усадебное строительство в то время не требовало особых ассигнований: владелец располагал крепостными крестьянами, которые вы-

полняли в виде «барщины» все его желания. Был посажен липовый парк с аллеями, сделаны мостики, дно одного из ручьев выстлано белым камнем.

Строительство и благоустройство XVIII в. сохранились лишь частично. Фундамент господского дома того времени был обнаружен около строения начала XX в. — «дома управляющего». Последующие владельцы строили свои дома на других местах. Храм 1779 г., закрытый в 1930-х гг., восстановлен, и в нем служат. Парк в урезанном виде и пруды с земляными дамбами XVIII в. также существуют. В 2005 г., когда от многолетнего мусора был очищен овраг, на дне его были обнаружены белокаменное русло ручья и каменный мостик, переброшенный через ручей. Как считают специалисты, такие гидротехнические сооружения в других местах не сохранились.

Усадьба, носящая в настоящее время название Шапово, находится под охраной как объект культурного наследия регионального значения Московской области. Она расположена в поселке, имеющем то же название, — в центре Шаповского сельского поселения (нынешнее обозначение сельского округа).

В XIX в. владельцами Александрова были писатель и ученый, дипломат, член Академии наук, отец трех декабристов И. М. Муравьев-Апостол, а с 1815 г. — родственники М. Ю. Лермонтова Арсеньевы. Н. В. Арсеньев (1789—1847) участвовал в Бородинском сражении, был гражданским губернатором Бессарабии. После его смерти вдова Евдокия Ивановна в память о нем пристроила к церкви придел св. Иоанна Воина — защитника всех военных. В Саратовской картинной галерее выставлен портрет Арсеньева, написанный известным художником В. А. Тропининым.

Новый период жизни села и усадьбы связан с деятельностью московского предпринимателя, совладельца фабрики и торгового дома «Братья Петр и Илья Шаповы» потомственного почетного гражданина И. В. Шапова (1846—1896). Это был первый «помещик» недворянин, получивший имение не за службу или

Старинная усадьба Александрово-Шапово в ХХI в.

по наследству, а в результате покупки у наследника Арсеньева. Илья Васильевич окончил привилегированное учебное заведение — Московскую практическую академию коммерческих наук, готовившую образованных предпринимателей. После смерти отца в 1864 г. старшие его сыновья создали фирму, которая включала фабрику на Немецкой улице и торговый дом, продававший не только свои ткани, но производивший оптовую торговлю на Нижегородской ярмарке и в других городах России. Располагая значительными средствами, Илья Васильевич вел неустроенную жизнь, разошелся со старшим братом и тяготился своим окружением. К 1888 г. Илья Васильевич решил выйти из семейной фирмы и, поселившись в своем новом имении Александрово, стал вести совсем другую жизнь, чем это было в Москве. Возможно, что в этом была заслуга его малограмотной экономки Ольги Макаровны, с которой он жил в родительском доме, но венчался уже в Александрове.

В Александрове Шапов для себя и жены построил двухэтажный дом в том русском стиле, который был тогда распространен: без колонн, но с деревянной башенкой, увенчанной шатром. Дом имеет резные наличники и такую же отделку кровли. Под башенкой находится лестничное здание с одномаршевой каменной лестницей из парка на второй этаж, стены и потолок которого покрыты росписями в античном стиле, близком к помпейской живописи. Не исключено, что И. В. Шапов посещал этот незадолго до него открытый античный город и заказал художнику воспроизвести знакомые мотивы. Дом несет в себе некоторую загадку: внутри его нет лестницы с первого этажа на второй, и связь между ними была только снаружи.

Отдельно стоящая каменная кухня с погребом и белокаменной лестницей в него, с высокой кирпичной трубой была соединена с домом переходом. С северной и южной сторон дома были закрытые деревянными резными решетками террасы, под которыми находились подъезды. Фасады и дома, и кухни имели широкие горизонтальные русты, что делало эти два зда-

ния — двухэтажное и маленькое при нем — единым жилым и архитектурным комплексом. Архитектор здания неизвестен, но специалисты видят в нем черты зодчества известных строителей «русского стиля» А. С. Каминского и Ф. О. Шехтеля, что тем более интересно, поскольку дом брата И. В. Шапова в Москве, Петра Васильевича, в 1878—1884 гг. проектировал Шехтель по заданию его учителя Каминского⁴. Новый владелец построил также службы: «парадную» (господскую) конюшню с каретным сараем, кузницу, ледник, молочную, где делали сливки и масло, и другие здания. В усадьбе выращивался породистый скот, были фруктовые сады и теплицы⁵.

Превращение фабриканта-текстильщика в помещика пореформенного времени стало важным не только для него самого, но и для того села, которое он приобрел. Первые впечатления от жизни среди крестьян были для него, вероятно, просто ошарашивающими. Когда на сельском сходе крестьяне согласились «выменять» помещику (официально продать было нельзя) небольшой участок земли у реки, из 20 участников схода, утвердивших его решение, расписаться на приговоре смогли только 4 человека⁶. Женщины все были неграмотными, в селе школы не было. Сельские работы крестьяне вели в конце XIX в. теми же способами, как и их деды в XVIII в. Это была неэффективная трехпольная система землеоборота, которая, несмотря на ежегодно вывозимый на поля навоз, не давала земле восстановить плодородность за два года. Крестьяне сеяли, разбрасывая семена рукой из решета, молотили на току цепями, веяли, подбрасывая зерно на ветру. На фабрике у Ильи Васильевича в это время уже действовала школа, существовали паровые машины.

Зримыми свидетельствами того перелома, который совершил новый московский помещик в своей усадьбе, являются сохранившиеся до сих пор здания трех основанных им школ, а также само новое название поселка, возникшего на основе его усадьбы, — Шапово. А чтобы посетителям было яснее, почему

Старинная усадьба Александрово-Шапово в XXI в.

поселок имеет такое название, в 1996 г., к столятидесятилетию со дня рождения мецената (и столетию со дня его смерти), благодарными жителями села и районными властями был установлен ему памятник.

Прежде всего, на третий год, как он стал владельцем усадьбы, Илья Васильевич открыл на своей земле две школы: начальную при церкви Успения и школу кружевниц (для девочек). Задача ликвидации неграмотности сельского населения, а также городских рабочих, пришедших из деревни, была актуальной не только после революции, когда городское население увеличилось в несколько раз. Уже в XIX в. все три ведомства, которые содержали начальные школы, — Министерство народного просвещения, земство и Русская православная церковь — каждое в меру своих сил стремилось открывать такие школы. К 1000-летию подвига святых Кирилла и Мефодия, создавших славянскую письменность, в Московской епархии было основано Кирилло-Мефодиевское братство, задачей которого было просвещение. Деньги на школы собирали по монастырям и храмам. В Подольске существовало местное отделение братства, которое оплачивало учителей, учебники и школьное оборудование, если местные владельцы или общества построят или предоставят школе помещение. И. В. Шапов выстроил в своей усадьбе красивое и удобное кирпичное здание для такой школы, обеспечил учеников одеждой и содержанием. За это он был избран почетным членом Подольского отделения братства. Здание школы до 2007 г. сохранялось в первоначальном виде и было действительно подлинным объектом нашего культурного наследия конца XIX в. Сейчас, к сожалению, несмотря на охранный статус, оно получило надстройку и изменило свой мемориальный облик. Из этой школы выросла современная Шаповская школа-одинадцатилетка, расположенная в новом здании.

Второй школой стала кружевная. Илья Васильевич вместе с губернским земством — организацией местных землевладельцев,

обладавших по реформе 1864 г. правами местного управления, основал школу для девочек, в которой учили плетению кружев на коклюшках — особых палочках-катушках, позволяющих делать любые узоры. Это привлекательное ремесло — изготовление украшений из плетеных ниток для отделки одежды — давало крестьянкам дополнительный заработок зимой, когда сельские работы не велись. В школе учили также грамоте, арифметике и Закону Божию. Первоначально Александровская кружевная школа находилась в просторной избе, но в 1912 г. Московское губернское земство построило для нее двухэтажное здание. Оно также сохранилось, имеет неповторимый внешний облик, и не исключено, что в нем можно будет в будущем открыть местный музей кружевоплетения и других искусств рукоделия.

Для обучения крестьян современным методам ведения сельского хозяйства И. В. Шапов предполагал открыть специальную сельскохозяйственную школу. К сожалению, преждевременная смерть в 50 лет помешала сделать это ему самому, но в своем завещании он поставил такую задачу и для ее выполнения оставил Российскому государству (Министерству земледелия и государственных имуществ) в наследство свое имение Александрово и капитал в 100 000 рублей. Детей у него не было, а жену он обеспечил достаточно.

Открыть в деревне профессиональную школу, даже по завещанию благотворителя, было непросто. Уездное земство поддержало идею открытия школы и, получив разрешение у московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича, послало в Петербург в Министерство государственных имуществ авторитетных землевладельцев уезда во главе с П. П. Голенищевым-Кутузовым. Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов получил у императора Николая II высочайшее соизволение принять имение и капитал, но для функционирования школы нужны были дополнительные средства на строительство и другие цели, которые дали Московское губернское земство и министерство. Император утвердил

Старинная усадьба Александрово-Шапово в ХХI в.

заключение общего собрания Государственного совета в 1900 г., в котором говорилось: «Учредить при селе Александрове... в завещанном... И. В. Шаповым имении низшую сельскохозяйственную школу, с наименованием ее «Шаповскою», и в 1903 г. школа была построена и открыта⁷.

Первый проект здания школы, заказанный архитектору В. Фомичеву, не удовлетворил заказчиков: оно было недостаточным для размещения всех нужных классов и кабинетов. Был утвержден проект известного архитектора К. В. Терского, автора проекта здания современного театра им. Маяковского в Москве. Двухэтажное стильное здание имело четыре класса на первом этаже и четыре на втором, некоторые из них использовались как спальни для пансионеров. За четыре года обучения ученики получали и полное среднее образование, и специальное по сельскому хозяйству, включая садоводство и пчеловодство. В школе учили также столярному и слесарно-кузнечному делу⁸.

Инициатива Ильи Васильевича была поддержана и расширена не только до революции, но и в советское время. Сельскохозяйственная школа как центр профессионального обучения стала техникумом, готовившим специалистов не только для Московской области, включавшей почти весь нечерноземный центр, но и для других регионов. С перерывами, вызванными педагогическими экспериментами и неоднократным перерайонированием в 1930-х гг., школа работала до 1959 г., когда на основе ее хозяйства было создано учебное хозяйство Тимирязевской академии.

Церковно-приходская школа после революции была преобразована в начальную четырехклассную «школу первой ступени» и постепенно, через семилетку и следующие ступени среднего образования, превратилась в полную среднюю школу. Теперь это одиннадцатилетняя школа, которой было присвоено имя «Подольских курсантов», в память о героях, отдавших свои жизни, но задержавших врага на подступах к Москве осенью 1941 г.

Название поселка — Шапово, относящееся только к территории бывшего имения Ильи Васильевича, которое и стало территорией школы и не включало деревню Александрово, где жили крестьяне, появляется в 1920-х гг. Название «Шаповская сельскохозяйственная школа» появилось еще в заключении Государственного совета 1900 г. По Шаповской школе стал называться наследовавший ей учхоз (учебное хозяйство) Тимирязевской академии, совхоз, а затем и современный поселок, возникший на этой территории

Небольшие помещичьи усадьбы Подмосковья во время революции и после нее сохранились мало. И крестьяне поджигали их, и отъезд и эмиграция владельцев не способствовали их сохранению. В Александрове дело обстояло иначе. И крестьяне, и местная советская власть были заинтересованы в сохранении зданий школ, хозяйственных построек. В доме Ильи Васильевича жил директор хозяйства, а на первом этаже находился детский сад. Из трех школ, основанных по инициативе Шапова, только одна, кружевная, прекратила свое существование в 1919 г. Местный партийный руководитель И. Терехин, вступивший в конфликт с руководством школы, закрыл ее, организовав в ней клуб коммунистической молодежи, а квартиру заведующей отдал своей жене. Изготовление кружев местная власть связывала с дворянской и буржуазной культурой и считала его несовместимым с новыми классовыми ценностями. Однако когда о закрытии известной школы, еще до революции бывшей губернским методическим центром, стало известно председателю секции профтехобразования Наркомпроса Ф. В. Ленгнику и заведующей его внешкольным отделом Н. К. Крупской, от имени председателя Совнаркома В. И. Ленина 2 января 1920 г. Подольскому уездному исполкому была послана телеграмма с предписанием освободить помещение школы, восстановить занятия и привлечь Терехина к суду⁹. Однако власть на местах в эти годы была более авторитетна, чем центральная, и школа восстановлена не была. После этих

Старинная усадьба Александрово-Шапово в XXI в.

событий изготовление кружев в Подмоскovie постепенно прекращается вместе с уходом из жизни мастериц. Нужно отметить, однако, что усилиями муниципального Музея истории усадьбы Шапово, хранящего не только местные историко-культурные традиции, но и коллекции кружевных изделий, и Управления по культуре, делам молодежи, физической культуре и спорту администрации Подольского муниципального района с 2006 г. удалось восстановить обучение искусству кружевоплетения, и в Шапове работает постоянный кружевной класс¹⁰.

Посетивший современную усадьбу Шапово в одноименном поселке может видеть как пруды и парк, сохранившие немалую часть своих прежних территорий, так и большую часть исторических зданий. В южной части парка есть несколько деревьев — дубы и клен, — которым по 200—300 лет (посадки еще времени Грушецких), в северной и восточной частях — пихты, лиственницы, аллеи и «кабинеты» — небольшие площадки в парке, оставленные без деревьев, что дает на их «стенах» игру света и тени, свободный рост деревьев.

Поселок стоит на хорошей автомобильной дороге, соединяющей Калужское и Варшавское шоссе, так что ухоженный храм Успения охотно посещают не только жители Шапова, но и Подольска. За оградой церкви находится также бывшая церковно-приходская школа, к сожалению, перестроенная в последние годы. Дом Ильи Васильевича Шапова сохранился, но ему предстоит серьезная реставрация, так как после выезда из здания амбулатории оно постепенно утрачивает части своего фасада. Другой памятник архитектуры — кухня при господском доме — в пору приватизации хозяйства и создания акционерного общества с участием фирмы универсамов «Седьмой континент» должна была быть перестроена в магазин и превратилась в кирпичную коробку без крыши и окон. Сейчас она законсервирована.

Сохранились служебные постройки усадьбы И. В. Шапова конца XIX в.: здание парадной конюшни с каретным сараем, с

уникальной резной кровлей и высоким чердаком — сеновалом и ставнями в слуховых окнах, кузница с белокаменной отделкой стен, глубокий ледник для хранения скоропортящихся продуктов, оставшиеся после пожара стены молочной, художественно выложенные кирпичом. Перед господским домом сохранилась часть белокаменной мостовой, на которую выезжали экипажи из каретного сарая. Времени существования сельскохозяйственной школы, 1910-м гг., принадлежат «Дом управляющего», жилое одноэтажное здание на две квартиры — самого управляющего хозяйством школы и дворника — и двухэтажный дом для персонала, оборудованный в 1970-х гг. под гостиницу агрофирмы «Шапово».

Хорошее впечатление производят мостики через овраг: не только восстановленный после археологических раскопок мост XVIII в. с белокаменным руслом ручья под ним, но и кирпичный мост с колоннами 1903 г., соединивший территорию сельскохозяйственной школы и церкви с основной частью усадьбы.

Особое место занимают в усадьбе муниципальный Музей истории усадьбы Шапово и находящийся в том же здании Шаповский органнй зал. Они находятся в здании бывшей сельскохозяйственной школы постройки 1903 г. Музей, организованный в 1998 г. местными энтузиастами при поддержке администрации Подольского района, своей экспозицией показывает историю села, события войны 1812 г. на этой территории, историю владельцев усадьбы и жизнь поселка в XX в., подлинные вещи эпохи. Отдельные залы посвящены археологическим памятникам, открытым здесь раскопками, крестьянскому инвентарю и искусству, русскому свадебному обряду. В зале, представляющем столовую в господском доме, выставлены дворянская и купеческая мебель XIX в., мужская и женская одежда, посуда и другой инвентарь эпохи. И. В. Шапову, его семье и другим поколениям рода посвящена экспозиция, демонстрирующая связанные с ними документы, в том числе «духовное завешание» И. В. Шапова, фотографии, мемориальные вещи, мебель и пр.

Старинная усадьба Александрово-Шапово в XXI в.

Органный зал в Шапове открыт в 1989 г., в нем ежемесячно проходят концерты московских исполнителей. Зал с органом чешской фирмы «Ригер Клосс» пользуется популярностью не только у жителей района и города Подольска, на концерты с посещением музея и усадьбы приезжают и организованные экскурсии, и отдельные любители из Москвы и области.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 1209.1. Кн.687.

² *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие. М., 2000.

³ *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен (любое издание).

⁴ *Кириченко Е. И.* Большая Садовая улица, 4. («Биография московского дома»). М., 1989. С. 14–15.

⁵ *Токмаков И. Ф.* Историко-статистическое и археологическое описание села Александрово (Подольского уезда Московской губернии) и его храма с приходом. М., 1899.

⁶ История села Александрова (поселок Шапово) Подольского района Московской области п/сост. О. Н. Русина. М., 1992. С. 48.

⁷ Шаповская сельскохозяйственная школа — переключка столетий (К 100-летию ее основания). Подольск, 2003. С. 14–16. РГИА. Ф. 1153.1.124. Лл. 5–6об.

⁸ Там же. С. 18.

⁹ *Шапов Я. Н., Шапова Ю. Л., Розенбаум В. Б.* Кружевная школа в селе Александрове Подольского уезда (1892–1919) // Подольские кружева. Традиционное искусство и его возрождение. Подольск, 2008. С. 72–73. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 51. М., 1975. С. 109 (№ 187). *Ленин В. И.* Биографическая хроника. Т. 8. Ноябрь 1919 — июнь 1920. М., 1977.

¹⁰ *Шапов Я. Н.* Возрождение обучения плетению кружев в Подольском районе. Кружевной класс в Музее истории усадьбы Шапово — Красносельском интернате // Подольские кружева. Традиционное искусство и его возрождение. С. 82–85.

М. В. Корогодина*

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСПОВЕДНЫХ ТЕКСТОВ КАК ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКА

Русские исповедные тексты: вопросники, поновления и епитимейники лишь в последнее время стали привлекать внимание отечественных исследователей как ценный и незаслуженно забытый источник для изучения русского Средневековья и Нового времени. Изучение этих текстов в России было начато в конце XIX в., и наиболее крупными работами, посвященными им, являются исследования А. И. Алмазова и С. И. Смирнова¹. В советское время подобные исследования были невозможны, и лишь в 1970–1990-х гг. отечественные историки стали вновь обращаться к исповедным текстам, привлекая их в качестве дополнительного и во многом второстепенного источника при изучении различных сторон русской жизни². К сожалению, на этом этапе ученые обращались в основном не к рукописям, а к изданию Алмазова, грешившему неточностями, что порой вело к неверным выводам. В данной статье мне бы хотелось сосредоточиться на наиболее спорных проблемах, связанных с изучением рукописной традиции русских исповедных текстов³.

Прежде всего изучение исповедных текстов ставит нас перед проблемой зарождения традиции исповеди через вопросники на Руси. Русские тексты много взяли из переводных греческих текстов; особенно это касается епитимийных правил. Некото-

* Кандидат исторических наук, библиотека РАН СПб.

рое влияние на древнерусскую покаянную дисциплину оказали латинские тексты. Как показали исследования К. А. Максимовича, продолжающие традиции крупнейших исследователей Н. С. Суворова, А. И. Соболевского и др., ряд епитимийных текстов был составлен на основе «Заповедей святых отец» — памятника, переведенного в Паннонском диоцезе с латинского пенитенциала (наиболее близок к нему Мерзебургский пенитенциал IX в.) и попавшего на Русь не позднее XIII в.⁴ «Заповеди святых отец» послужили источником или оказали влияние на целый ряд славянских епитимийных памятников, получивших широкое распространение на Руси: сербский пенитенциал «Правила св. отец по заповеди св. и Великого Василия»; «номоканунцы»: «Правило Халкидонского собора», «Написание Георгия митрополита Русского и Феодоса» и «Вопрошение апостольское» (наиболее близко стоящее к исповедным вопросам); русский церковно-правовой сборник «От заповеди святых отец».

В греческой традиции исповедь через вопросы была описана уже в покаянном уставе, приписываемом Иоанну Постнику⁵. В этом тексте мы находим лишь самые общие рассуждения о том, какие вопросы надо задавать кающемуся, причем основное внимание уделяется блудным грехам. Покаянный устав оказал большое влияние на древнерусскую традицию: древнейший его список представлен в Устюжском сборнике (XIII в.), в более поздних древнерусских чинах исповеди и исповедных вопросниках мы находим немало цитат из славянского перевода устава. Известны были в восточногреческой традиции и исповедные вопросники (перечни вопросов, которые духовник задавал на исповеди кающемуся) и поновления (такие же списки грехов, но произносимые от лица кающегося), однако, сколько можно судить по известным нам рукописям, в греческой традиции такие тексты не получили широкого распространения. Тем не менее известны греческие списки исповедных вопросников с XIV в.; тем же временем датируется один из сербских вопросни-

ков⁶. Несмотря на то что ни один из известных древнерусских исповедных текстов невозможно текстологически возвести к греческим или сербским вопросникам, тематическая близость этих текстов несомненна. Поэтому можно предположить, что традиция исповеди через вопросники пришла на Русь из Греции через Балканы, но именно на Руси она получила наибольшее развитие.

Древнейшие списки исповедных вопросников известны по рукописям XIV в., в основном новгородского происхождения, причем уже наиболее ранние вопросники существенно отличаются друг от друга, так что их невозможно возвести к единому протографу. В ряде новгородских рукописей рубежа XIV–XV вв., в том числе в древнейших рукописях с исповедными вопросниками, сохранились древние переводы греческих текстов, не подвергнувшиеся исправлению при митрополите Киприане⁷. Это позволяет предположить, что традиция исповеди через вопросники на Руси существенно древнее наиболее ранних списков. В этом случае разнообразие древнейших исповедных текстов объясняется тем, что в XIV в. традиция исповеди через вопросники на Руси уже была хорошо разработана.

Сейчас рано делать окончательные выводы о происхождении и источниках русских покаянных текстов, для этого необходимы дальнейшие исследования не только русской, но в первую очередь греческой традиции. Однако независимо от того, насколько самостоятельны были древнейшие русские исповедные тексты, мы можем с уверенностью утверждать, что развитие покаянной дисциплины на Руси в XV–XVII вв. было вполне самобытным. Поразительное разнообразие исповедных текстов, с которым мы сталкиваемся уже в списках XIV в., не оставляет сомнений в том, что исповедные тексты постоянно редактировались, заново компилировались и дополнялись новыми статьями уже на Руси. Исповедные тексты, переиначенные и дополненные русскими редакторами, перестают быть калькой с греческих

Проблемы изучения русских средневековых исповедных текстов...

текстов, в них появляются статьи, указывающие на характерные особенности русского быта.

Однако главный вопрос, на который надо ответить исследователю исповедных текстов: можем ли мы воспринимать их как исторический источник? Относиться к тем ситуациям, которые обрисовываются в исповедных вопросниках или епитимейниках, как к свидетельству о жизни людей того времени, учитывая переводной характер первоисточника, легшего в основу исповедных текстов?

Исповедные тексты не были лишь частью ритуала, как, например, покаянные молитвы, одинаковые для всех — для детей и убийц, святых и грешников. Назначение исповедных текстов — помочь кающемуся рассказать о собственных грехах, то есть о тех поступках, которые совершали конкретные люди, жившие в определенной исторической реальности. Исповедные тексты неизбежно менялись, приспосабливались к новым реалиям, к тому, с чем сталкивались духовники в своей практике. Один из наиболее ярких примеров — появление в исповедных текстах конца XVI — начала XVIII вв. вопросов о продаже крестьян и обращении в холопство: «свободных не продавал ли?», «челядь в дом свой привлекох и поработил в холопство и крепости на них лукавством утвердил»⁸. Так социальные процессы, происходившие в обществе, отображаются в исповедных текстах.

Конечно, невозможно безоглядно переносить те ситуации, которые обрисовывают исповедные тексты, на жизнь древнерусских людей. Исповедные тексты зависимы от переводных канонических сочинений, они принадлежат определенному жанру богослужебной литературы, канонам которой должны следовать. Исповедный текст — это не конспект исповеди, который духовник, собираясь на исповедь, набросал для духовного сына. В них мы не находим ничего личного, ничего, что могло бы раскрыть перед нами жизнь конкретного человека — Ивана или Петра. В исповедных текстах есть заимствования из переводных памятников: канонических правил, епитимийных

текстов, переписывавшихся в кормчих книгах, номоканонах, сборниках. Так, цитаты из греческого «канонария Иоанна мни-ха» мы встречаем уже в древнейших исповедных вопросниках в списках XIV в.⁹ Новый исповедный текст не составлялся с нуля, но компилировался большей частью из разных источников, в том числе из более ранних исповедных текстов. Так, в вопроснике для женщин появляются статьи из вопросника для мужчин, а в поновлении для вельмож читаются статьи из поновления для мужчин-мирян. Это те очевидные закономерности, которые необходимо учитывать, хотя большое количество и разнообразие дошедших до нас исповедных текстов не позволяют на настоящем уровне их изученности проследить историю создания каждого текста.

Для того чтобы верно оценить значение и информативность этих текстов, важно не только выявлять текстологические заимствования, но и учитывать то, кем и для каких целей создавались исповедные тексты. Как правило, исповедные тексты говорят о воззрениях церковных людей, священников и монашествующих, а не «простецов» — основной части населения. Исповедные тексты — не зеркало, в котором отражается жизнь. В задачу духовника входит воспитать определенные взгляды у своих духовных детей, и исповедные тексты часто показывают отношение к различным поступкам, которое было свойственно духовникам и которое они стремились передать своим духовным детям. Авторами исповедных текстов были люди церковные и «книжные», некоторые из них, возможно, имели собственную духовническую практику. Поэтому ряд статей объясняется не особой распространенностью данного греха, а представлениями авторов исповедных текстов о тяжести и недопустимости подобных поступков. Так, с середины XVI в. особое внимание стало уделяться общению с инославными. Духовники запрещали не только посещение инославных церквей, но и не разрешали покупать еду у инославных. С точки зрения духовников, даже находясь в плену, следовало избегать

Проблемы изучения русских средневековых исповедных текстов...

совместной жизни: общей трапезы, молитвы, сожителства с инославными женщинами¹⁰.

Можно привести и другой пример: в одном из списков XVI в. в двух статьях спрашивается об изготовлении и применении «чар», причем статьи сильно различаются по размеру епитимий: два года и шесть недель. Первая статья была заимствована в ряду других статей из источника XIV в., отличавшегося строгими епитимьями. Другая статья была внесена редактором данной рукописи, поскольку она отсутствует в других списках этого вопросника. Таким образом, более мягкая епитимья отражает отношение редактора к изготовлению «чар»¹¹. Такие вопросы свидетельствуют о позиции Церкви и показывают, насколько распространены были подобные случаи.

Не всегда исповедные тексты говорят о существовавших особенностях быта или представлений людей. Порой они показывают то направление, в котором развивалось мировоззрение наших предков. Изучая то отношение к различным ситуациям, которое духовники через исповедь пытались передать своим духовным детям, мы наблюдаем процесс становления народного мировоззрения, неповторимого и свойственного только русской культуре. Некоторые статьи, заимствованные из переводных источников, говорят о представлениях, свойственных чужой, греческой или южнославянской, культуре. Так, из греческих исповедных уставов было заимствовано крайне резкое отношение к различным «блудным» грехам, с назначением строгих многолетних епитимий. Обилие вопросов о сексуальном поведении и строгие епитимьи говорят не о развращенности русских средневековых людей, а о преемственности русской исповедной культуры от греческой. Однако на исповеди духовник, задавая вопросы, порой изустно знакомил кающегося с тем, что священником было почерпнуто лишь из книг. Так через исповедные тексты знание о новых видах греха могло проникать в среду неграмотных людей, и средневековые духовники прекрасно отдавали себе отчет в этом. Недаром во второй половине XVI в.

вопросы о блудных грехах были разделены на три категории: для холостяков, женатых и вдовцов. Составители исповедных текстов запрещали духовникам задавать вопросы о блуде девицам и молодым юношам «да не соблазняются»¹².

Очевидно, подобное могло происходить не только с вопросами о блудных грехах. С начала XVI в. усиливаются русские связи с Афоном, начинается новая волна южнославянского влияния¹³. Это влияние сказывается и на исповедных текстах. Так, на Руси особое распространение получило «Наставление духовнику» (нач.: «Нъ исповесе ми вѣса, чедо, а не погублеи себе срамомъ. Достоитъ намъ, отцемъ духовнымъ, испитовати мужи и женъ...»), заимствованное из сербских чинов исповеди¹⁴. В XVI в. получили такое же распространение вопросники для мужчин и для женщин, созданные под влиянием южнославянских текстов. В этих вопросниках появляется нехарактерный для ранних русских исповедных текстов XIV—XV вв. вопрос о вере в мокошь и вилу — демонических существ, вера в которых была распространена в южнославянских землях¹⁵. Этнографические материалы показывают, что вера в мокошь в XX в. сохранялась не только в Полесье, но и на севере России¹⁶. Какими же путями эти южнославянские демонические существа зашли на север России, если мы не находим никаких следов веры в них в центральной и северо-восточной Руси, кроме исповедных текстов? Конечно, чтобы ответить на этот вопрос, надо тщательно изучить не только письменные источники, но и возможные пути миграции из Полесья на север. Однако в любом случае это показывает, что языческие верования, не свойственные данной народности в дохристианский период, могли распространяться спустя много времени после начала христианизации.

Время появления некоторых исповедных текстов говорит о выделении конкретной группы людей как особой социальной категории. Так, специальные исповедные тексты для монахинь появляются лишь в XVI в. Конечно, монахини на Руси существовали и до XVI в., но именно на протяжении XVI в. проис-

ходит сознательное разделение монастырей на мужские и женские. Соборное постановление об этом было принято в 1503 г.: «Впредь чернецам и черницам в одних монастырях не жить». Запрет на совместные монастыри, выделение женских монастырей и поставление игумений для управления ими было продолжено при митрополите Макарии в 1528 г., а затем вновь на Стоглавом соборе. Очевидно, одновременно с выделением женских монастырей вставляли вопросы об их внутреннем управлении и о необходимости создания особых текстов, предназначенных для этой паствы. Такими текстами становятся исповедные вопросники для монахинь. Конечно, они несвободны от текстологических заимствований из тех текстов, на основе которых они составлялись (а составлялись они на основе исповедных текстов для женщин-мирянок и текстов для монахов), однако нам представляется показательным то, какие именно статьи для монахинь отбирались из источников. Например, здесь мы встречаем вопрос о посещении скоморошеских игр. Конечно, такой вопрос говорит не о том, что все без исключения монахини любили скоморошеские игры, но о том, что у последних была по крайней мере *возможность* посещать подобные увеселения. Ведь никто не спрашивал у монахинь об участии в псовой охоте. Для нас же ценно и такое опосредованное указание на возможности, открывавшиеся перед людьми той эпохи, — ведь другие источники редко говорят о подобных мелочах.

Изучать исповедные тексты невозможно, не задумавшись о том, как именно происходила исповедь в Средние века. В том, что касается самостоятельного рассказа кающегося или ответов на вопросы духовника, все кажется очевидным. Больше недоумений вызывает функция поновлений — перечня грехов, произносимых на исповеди от лица кающегося. Поновление кающийся должен был зачитывать сам, если же был неграмотен — повторять вслед за духовником. Как и в вопросниках, в поновлениях перечисляются все возможные грехи, дополненные покаянными формулами, показывающими унижение

грешника пред Богом. По форме поновления ближе всего к покаянным молитвам, однако функции их далеко не так однозначны. Еще А. И. Алмазов предположил, что само название этих текстов говорит об «обновлении» покаяния, цель которого — не указать на конкретные грехи кающегося, но настроить на покаянный лад и заставить вспомнить свои грехи, в том числе прошлые. Такое воспоминание прошлых, уже раскаянных грехов отнюдь не противоречит идее исповеди. Напротив, память о совершенных грехах и раскаяние в них должны оставаться и после отпущения грехов. В некоторых случаях даже необходим был повторный рассказ о совершенных прегрешениях, например, при смене духовника кающийся рассказывал о всех совершенных грехах¹⁷.

Таким образом, мы не можем во всем безоговорочно доверять исповедным текстам. Исследователю приходится всякий раз задаваться вопросом: отражает ли данная статья историческую реальность, или она заимствована из раннего источника и по ней нельзя судить о побуждениях и поступках наших предков. Однако с той же проблемой сталкиваются исследователи любых других исторических источников. Средневековые тексты вообще носят компилятивный характер; не только авторы исповедных текстов, но и составители летописей, сказаний, житий постоянно обращались к более ранним памятникам и заимствовали из них значительные отрывки. Значит ли это, что мы должны отказаться от попыток узнать что-либо о событиях минувших эпох на основе средневековых письменных источников? Разумеется, нет. Именно в этом нам видится перспектива изучения исповедных текстов — в проверке тех сведений, которые они предоставляют, и в поиске их источников.

Примечания

¹ *Алмазов А. И.* Тайная исповедь в православной восточной церкви. Опыт внешней истории: Исследование преимущественно по рукописям.

Проблемы изучения русских средневековых исповедных текстов...

Т. 1–3. Одесса, 1894; *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 168; *Он же.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины: тексты и заметки. М., 1912.

² Зарубежные исследователи давно широко привлекают исповедные тексты для изучения жизни и мировоззрения средневековых людей. Историография, посвященная этой теме, весьма обширна. Назовем лишь некоторые исследования: *McNeill J. Th., Gamer H. M.* Medieval Handbooks of Penance: a Translation of the Principal «libri poenitentiales» and Selections from Related Documents. New York, 1938; *Michaud-Quantin P.* Sommes de Casuistique et Manuels de Confession au Moyen Âge (XII–XVI siècles). Louvain, 1962; *Tentler Th.* Sin and Confession on the Eve of the Reformation. Princeton, 1977; *Frantzen A.* The Literature of Penance in Anglo-Saxon England. New Brunswick, 1983; *Körntgen L.* Studien zu den Quellen der frühmittelalterlichen Bußbücher. 1993; *Vogel C.* En Rémission des Péchés: Recherches sur les Systèmes Pénitentiels dans l'Église latine / Ed. par A. Faivre. Aldershot, 1994; *Mansfield M.* The Humiliation of Sinners: Public Penance in the Thirteenth-century France. Ithaca, 1995; *Haliczer St.* Sexuality in the Confessional: a Sacrament Profaned. New York, 1996; *Biller P., Minnis A. J.* Handling Sin: Confession in the Middle Ages. Woodbridge, 1998; *Lualdi K. J., Thayer A. T.* Penitence in the Age of Reformations. 2000; *Hamilton S.* The Practice of Penance, 900–1500. London, 2001.

³ Подробно история развития исповеди в России изложена в книге: *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках: Исследование и тексты. СПб., 2006. Рецензии на книгу: *Живов В. М.* // Славяноведение. 2007, № 2. С. 95–102; *Стефанович П. С.* // Отечественная история. 2007, № 5. М., 2007. С. 201–203.

⁴ *Максимович К. А.* Заповеди святых отцов: Латинский пенитенциал VIII в. в церковнославянском переводе: Исследование и текст. М.: Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет, 2008.

⁵ *Суворов Н. С.* Вероятный состав древнейшего исповедного и покаянного устава в восточной церкви // Византийский временник. М., 1902. Т. 8. № 3. С. 357–434; *van de Pavard, Fr.* The Kanonarion by John, Monk and Deacon an Didascalia Patrum // Kanonika 12. Rome, 2006.

⁶ *Алмазов А. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 79–233.

⁷ *Пентковский А. М.* Литургические реформы в истории Русской церкви и их характерные особенности // Журнал Московской патриархии. 2001. № 2; *Афанасьева Т. И.* Славянская литургия Преждеосвященных Даров XII–XV вв.: Текстология и язык. СПб., 2004. С. 53; *Желтов М. С.* Чины рукоположений по древнейшему славянскому списку: Рукопись РНБ. Соф.

М. В. Корогодина

1056, XIV в. // Вестник ПСТГУ 1: Богословие, Философия. 2005. Вып. 14. С. 147–157.

⁸ *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках. С. 306.

⁹ *Она же.* Обзор сборников с епитимийными текстами в русской рукописной традиции // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 4. СПб. (в печати).

¹⁰ *Она же.* Исповедь в России в XIV–XIX веках. С. 285–286.

¹¹ *Алмазов А. И.* Указ. соч. Т. III. С. 160–161; *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках. С. 208.

¹² *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках. С. 132–133.

¹³ Посольская книга 1509–1571 гг. и многочисленные грамоты, которыми обменивались русские великие князи с афонскими игуменами, говорят о тесных и постоянных связях между Россией и Афоном в XVI в. См.: Россия и греческий мир в XVI веке / отв. ред. С. М. Каштанов; подгот. к публ. С. М. Каштанова, Л. В. Столяровой, Б. Л. Фонкича. Т. 1. М., 2004. С. 127–372; *Хорошкевич А. Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 93–96, 147–148, 178–179, 457 и др.

¹⁴ *Корогодина М. В.* Исповедные тексты в Сербии и на Руси // Црквене Студије. Годишњак Центра за црквене студије. Година I. Број 1. Ниш, 2004. С. 131–134.

¹⁵ *Она же.* Исповедь в России в XIV–XIX веках. С. 226.

¹⁶ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. СПб., 1996. С. 156–157.

¹⁷ *Смирнов С. И.* Древнерусский духовник. С. 168; *Он же.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. С. 39; *Алмазов А. И.* Указ. соч. Т. III. С. 268.

О. В. НОВОХАТКО*

**БЮРОКРАТИЯ В ВЕК БЕЗУМНОГО
МУДРСТВОВАНИЯ
(Размышления над книгой Л. Ф. Писарьковой
«Государственное управление России
с конца XVII до конца XVIII века:
эволюция бюрократической системы». М., 2007)**

Наверное, не принято начинать статью с изложения результатов размышлений, но главная мысль работы Л. Ф. Писарьковой является стержнем, вокруг которого выстраивается и обдумывание результатов исследования. Эта основная мысль в книге не зря изложена словами крупнейшего русского историка А. Д. Градовского — точнее не скажешь, а потому приведем всю цитату: «Государства, учреждения которых составляют искусственную систему, приписывают все недостатки несовершенству этой системы и думают устранить их, изменив ее в целости... Пока государственное развитие совершается путем органическим... система его управления образуется медленно, часто незаметно... В таких государствах системе дают сделать все, что ей надо, не торопясь подставить на ее место другой механизм. Судьба писанных учреждений совсем другая; с большим трудом удается применить их к потребностям общества, сделать их действительным фактором общественного развития; на это нужна обширная подготовительная работа. Наконец она окончена; но вот некоторые злоупотребления останавливают

* Доктор исторических наук, Институт российской истории РАН.

внимание законодательной власти. Как их устранить? Нет ничего легче: стоит только переделать систему, заменить ее лучшей и все зло будет исправлено»¹. Собственно, мысль, высказанная в этой цитате, не поражает воображение новизной открытия, она даже вполне банальна. Однако в приложении к конкретному историческому периоду конкретной страны она сразу начинает вызывать беспокойство, сомнения, да и отторжение — да так ли это? не натяжка ли? не гнусные ли домыслы? Не много найдется в мире государств с подобной судьбой, а потому не будем лукавить — к несчастью, речь идет о России. Подобные соображения в отношении нашей страны на протяжении двух сотен лет высказывались не слишком часто, хотя в последнее время они звучат, и все увереннее. То, что автор осмелился, если так можно выразиться, поднять руку на «наше все» — Петра I, уже заслуживает уважения за научную смелость противостоять мнению большинства. Это первое достоинство работы.

Второе вытекает из первого — стремление непредвзято, не ослепляясь блеском монументальных фигур отечественной истории и не покупаясь на признанное ничтожество фигур меньших, оценить созданные этими историческими деятелями институты, оценить их с точки зрения жизнеспособности, эффективности, соответствия практической их деятельности возложенным на них задачам. Пожалуй, слово «практическая» является ключевым в понимании и оценке и самой работы Л. Ф. Писарьковой, поскольку именно практика работы русских управленческих институтов XVII–XVIII вв., а не одни прокламации об их создании стала главным критерием их оценки.

Наконец, третье достоинство в подходе к теме. Оно заключается в стремлении понять не последовательность, а логику преобразований в сфере управления за указанный период. Впервые в историографии вопроса сделана попытка уяснить внутреннюю пружину, которая двигала реформы, толкала реформаторов именно на эти, а не на другие преобразования.

Речь идет именно о, если так можно выразиться, самодвижении в переменах государственного устройства России в XVIII в., а потому и антитеза этого движения переносится из плоскости «реформы — контрреформы» в плоскость «централизация — децентрализация». Первый взгляд на проблему отличается некоторой поверхностностью с известной долей эмоциональной окраски: молодец тот, кто провел реформу, и плох тот, кто осуществил контрреформу, или наоборот, это не важно, оценка зависит от отношения исследователя к реформатору и принятым им мерам. Но при таком взгляде не виден смысл перемен, то, что звено за звеном «сцепляло» одну реформу с другой.

Подход автора глубже. Очевидно, что изначально мысль его двигалась не вверх, а вниз по хронологической лестнице, пытаясь определить истоки тех проблем, которые тяготили Российское государство в XIX в. и в конечном итоге привели к катастрофе 1917 г. Двигаясь в этом направлении, автор подошел к одному из крупных переломных моментов в нашей истории, который в значительной степени определил и объяснил тот бесконечный маятник перемен в государственном управлении XVIII в., которого до этого Россия не знала. Ведь ни в одном учебнике истории или научном историческом труде развитие государственности, например, в XVI в. не определяется как смена реформ Ивана III на контрреформы Василия III, затем снова на реформы Ивана IV и опять на контрреформы Федора Иоанновича и реформы Бориса Годунова или в XVII в. — реформ Михаила Федоровича на контрреформы Алексея Михайловича и очередные реформы Федора Алексеевича и т. д. Развитие допетровской государственности вполне очевидно представляется поступательным. Дойдя до конца XVII в. как точки отсчета последующих преобразований, автор отталкивается от нее и излагает историю вопроса в прямой хронологической последовательности.

Смысл произошедшего с государственными структурами в результате реформ начала XVIII в. вроде бы прост — это

отказ от традиционных форм управления и восприятие, по А. Д. Градовскому, «писанных учреждений». У немецкого философа О. Шпенглера есть еще одно, не менее выразительное обозначение подобной ситуации — «псевдоморфоз», ложный облик, при котором чуждая культура довлеет над национальной, коренной культурой, не давая ей свободно и беспрепятственно развиваться, что ведет к чудовищным искажениям наиболее глубоких основ национальной жизни. Одним из самых впечатляющих примеров такого исторического псевдоморфоза О. Шпенглер считал всю постпетровскую Россию, вплоть до XX в. По его мнению, совершенное этим монархом «изменение в судьбе целого народа... может быть, во всей истории не имело по своим последствиям аналогов»². Подобная оценка петровских преобразований отнюдь не нова, но, как уже отмечалось, разделяется весьма малым числом исследователей, еще меньшее число открыто говорит об этом, и совсем мало кто пытается разобраться в ситуации на конкретном материале, не руководствуясь личными пристрастиями.

Л. Ф. Писарькова имела смелость указать и доказать: в XVII в. было нечто положительное в формах и методах государственного управления, что было начисто утрачено в XVIII в. и без чего дальнейшее существование государства стало ощутимо сложнее и тяжелее. В организации управления XVII в. автор удивительно точно вычленил его основные особенности — его централизующую роль, приспособленность к историко-географическим условиям страны, отсутствие специальных, постоянно действующих органов надзора за деятельностью администрации. Управление страной в этот период нельзя приписать ни к централизованному, ни к децентрализованному, поскольку оно представляло собой теснейшее переплетение этих качеств: столичные органы, приказы, сочетали в себе функции как центральных, так и местных учреждений, решая задачи и общегосударственные, отраслевые, и местные, территориальные, а главы местной администрации, воеводы и дьяки,

были эмиссарами центральной власти с достаточным кругом полномочий. Таким образом поддерживался поразительно устойчивый баланс между центральной и местной администрацией.

Еще одной особенностью, на мой взгляд главной, в организации государственного управления XVII в. было отсутствие специальных органов контроля за деятельностью управленцев, поскольку эти функции были заложены в самом устройстве системы управления. Л. Ф. Писарькова выделяет пять компонентов такой организации. Во-первых, это тесная спаянность звеньев государственного управления по вертикали, достигавшаяся непосредственным участием администраторов вышестоящих органов в делах подчиненных им учреждений. Вторая особенность русского управления заключалась в том, что надзор центра за деятельностью местной администрации обеспечивался срочным характером службы воевод и дьяков: «новый воевода был ревизором по отношению к действовавшему составу местной администрации»³. Этот фактор подкреплялся тем, что воеводам и дьякам запрещалось приобретать земли или другим способом участвовать в хозяйственной жизни управляемых ими уездов, что в некоторой степени «ограждало население от недобросовестных правителей»⁴. В-четвертых, неким противовесом назначенной верхушке местной администрации служили члены этой же администрации, ее низшее звено, зачастую выбиравшиеся населением (подьячие приказной, или съезжей, избы). Наконец, пятым фактором контроля населения за деятельностью управленцев — фактором, в историографии явно недооцененным и даже признанным отрицательным, — были челобитные, адресованные царю. Прощение, обращенное непосредственно к верховной власти, неизмеримо поднимало его статус в сравнении с обращением к любому более низкому уровню государственной администрации. С другой стороны, это накладывало обязательства и на саму верховную власть, ибо она была высшей, конечной инстанцией. Челобитные

были той формой постоянной, прочной и короткой обратной связи между руководством государства и населением, которая при всех минусах государственного устройства обеспечивала эффективность управления.

Но даже такой способ контроля был бы невозможен без определенной степени доверия между верховной властью и обществом, а, соответственно, между этой властью и ее административным аппаратом как частью общества. Утверждение это на первый взгляд кажется наивным и прекраснодушным, но, во-первых, за последующие столетия мы отвыкли от мысли, что такое возможно в нашей стране, и, во-вторых, это вовсе не означает, что между властью и обществом не было никаких противоречий — они, разумеется, были, и немалые, но не была утрачена возможность диалога, понимания как сверху, так и снизу. Это все-таки была «администрация доверия», в отличие от петровской «администрации недоверия»⁵.

Интересно, что указанная Л. Ф. Писарьковой черта самобытного русского строя управления находит подтверждение и в характере приказного делопроизводства. Его отличительной особенностью была высокая степень неформальности. Так, указания руководителей приказов своим подчиненным были самого общего плана — составить справку (выписку), послать память в такой-то приказ, направить в архив и т. п. В этих письменных распоряжениях не обозначалось ни подразделение приказа, ни служащий, который должен был исполнить распоряжение, практически никогда не было указаний на примерное содержание документа, который было велено составить, ни исходных материалов для справки. Все это или сообщалось принявшим решение руководителем устно, или, что вероятнее всего, начальник передавал документ со своей резолюцией в соответствующее отделение приказа, где опытные сотрудники, руководствуясь содержанием документа и резолюции и приказной практикой, составляли необходимые бумаги. Подобный стиль работы, стиль управления свидетельствует не

только о высоком уровне организации (а не заорганизованности) управленческой деятельности приказов, но и о столь же высокой степени доверия руководителей к подчиненным, при которой отсутствовал мелочный формальный контроль за работой администраторов.

Еще одна сторона управленческой деятельности XVII в., отмеченная Л. Ф. Писарьковой, скорее всего, удивит неподготовленного читателя: «В XVII в. организация государственной службы обеспечивала высокий профессиональный уровень состава приказного аппарата»⁶. Такое положение дел объяснялось способом, каким формировались приказные кадры, — постепенным продвижением по служебной лестнице с самых нижних ее ступеней, с постепенным же и неуклонным накоплением профессионального опыта. Служебный рост приказного человека зависел от его способностей, образования, выслуги лет, а во многом и от служебной предприимчивости и мог привести его на вершину карьеры, вплоть до думных чинов, в которых сходились две как бы параллельные служебные лестницы — приказная и дворянская. Таким образом, «благодаря преемственности между низшими и высшими должностями... все уровни управления наполняли опытные служащие, хорошо изучившие тонкости приказной работы»⁷.

Что же произошло дальше? Историки еще долго будут ломать головы, пытаясь определить причины, двигавшие Петром I в его реформаторской деятельности, но создается ощущение, что свою страну и свой народ он не понимал и не любил такими, какими они ему достались, а смог бы полюбить только в виде европейской страны и европейского же народа, конкретнее — германско-протестантского толка. А потому он всеми доступными ему способами пытался добиться желаемого. Это эмоциональное, хотя и вполне адекватное, восприятие петровских преобразований, которое рождается при прочтении соответствующей части работы Л. Ф. Писарьковой. Но автор абсолютно далек от борений «петровцев» и «антипетровцев» и

с отстраненной невозмутимостью хирурга препарирует органы управления, созданные Петром I, а точнее, их практическое воплощение, оказавшееся космически далеким от замысла, не важно — прекрасного или ужасного. Здесь хочется еще раз подчеркнуть, что анализируются не описанные в регламентах и статутах учреждения и мелочно расписанные для них инструкции, а реальные коллегии, конторы и канцелярии с реальными чиновниками, их жизнь, зарплата, работа и ее результаты. Анализируются только «голые» факты, добытые предшественниками автора и им самим в архивах; здесь говорят только цифры и многочисленные свидетельства современников. В результате исследования именно этих реальных фактов автор неопровержимо доказывает: «Децентрализация управления и введение в него новых начал разрушили механизм взаимодействия центра и территорий, привели к невиданному росту злоупотреблений и казнокрадства»⁸. Главное же, что механизм взаимодействия центрального и местного управления, взятый у Швеции, не соответствовал историческим условиям России. «Преобразования первой четверти XVIII в. явно не отвечали ни уровню развития общества, ни экономическим возможностям страны, традициям российской государственности»⁹.

Так же, как и по всем исследуемым в работе периодам преобразований, в разделе о петровских реформах рассмотрена и организация аппарата управления. Детально исследованы Табель о рангах и ее воплощение в жизнь. Но, как мне кажется, недостаточно внимания уделено одному крайне важному аспекту этой новой чиновной организации — разделению бывших приказных служащих на собственно управленцев и писмоводителей. Во-первых, только одно это единым движением пера увеличило штат управленцев в два раза. Но главное, что разорвалась цельность административной деятельности, и дело здесь не только в том, что, как убедительно показано Л. Ф. Писарьковой, органы управления стали заполняться кадрами с двух сторон — неумелыми управленцами-дворянами сверху

и малообразованными разночинцами снизу. Произошло как бы разятие единой ранее управленческой деятельности, где бумаги были всего лишь инструментом собственно управления, не имея самостоятельного значения, где высшие приказные администраторы не теряли функций делопроизводителей, а приказные служащие низшего звена, молодые подьячие, исполняя различные поручения, постепенно овладевали и навыками управления. В петровской же управленческой системе бумаги заменили собой реальное управление, и случилось это потому, что управление в лице присутствия было отделено от делопроизводства в лице канцелярии. Канцелярский служащий не мог научиться управлять, так как его не допускали до управления, а чиновник не знал инструмента управления — делопроизводства. В результате труд служащих каждой категории во многом терял смысл.

Что же оставалось делать преемникам Петра I с «расстроенным механизмом административной машины»¹⁰? Возвращаться к старому устройству или продолжать движение в избранном Петром I направлении? Л. Ф. Писарькова со всей очевидностью доказала, что вопреки распространенному и устоявшему мнению преемники царя выбрали второе. И дело здесь, видимо, не в том, что была пройдена точка возврата — при необходимой политической воле вернуться к старому в той или иной степени было, наверное, еще возможно. Сменилась правящая элита — это были люди, петровские соратники (пусть многие из них и принадлежали к старым аристократическим фамилиям), отвыкшие управлять по-старому или никогда и не умевшие этого. Но и петровские методы управления не работали, а потому был выбран путь сращивания старых способов управления с новыми. «Преемники Петра I вышли из кризиса государственного управления, создав некий симбиоз двух разных административных систем и восстановив преемственность управления XVII и XVIII вв., нарушенную в реформах первой четверти XVIII в.»¹¹

Однако естественное равновесие государственной системы было уже безвозвратно утрачено, и вот разворачивается картина преобразований, осуществлявшихся правителями до конца XVIII в. Картина ошеломляет, пугает калейдоскопической скоростью перемен, метаний — куда там приказам с их разделениями и слияниями, ведь при всем том они так и оставались приказами. В XVIII же веке приказы сменяются коллегиями, дума — сенатом, потом сплошной чередой следуют консилия, конференция и совет, ратуши, магистраты, бурмистерская палата, губернии, провинции, доли и дистрикты, губернаторы и генерал-губернаторы, бесчисленные комиссии, конторы и канцелярии, обер-комиссары и комиссары, обер-коменданты и коменданты, ландраты и ландрихтеры, камериры, провиантмейстеры, ассессоры, обер-прокуроры, прокуроры и вальдмейстеры, гофгерихты и надворные верхние и нижние суды, переписные канцелярии, полковые дворы и рентереи, фискалы всех рангов, наместники, исправники, заседатели и городничие, палаты уголовного и гражданского суда, совестные суды, казенные палаты, казначейства, опеки и расправы, экспедиции и министры, генеральные суды и ландратские коллегии (пусть извинит меня читатель за длинный список, но ведь он впечатляет?). И все это в течение всего лишь одного века постоянно переименовывалось или при прежнем названии меняло содержание, увеличивалось и уменьшалось, отменялось и возобновлялось, кроилось и перекраивалось.

Разумеется, такая картина не могла не вызывать вопросов у пытливых исследователей, но подойти близко к ответу мешали два обстоятельства, вернее их сочетание, которые автору удалось преодолеть. В черед реформ, которые ранее рассматривались лишь по внешним признакам, а потому и оценивались зачастую с противоположных, несогласуемых позиций, автор нашел внутреннюю логику, пружину, двигавшую перемены в государственном устройстве. Многие исследования фиксировали эти перемены, описывали их, пытались найти связь между ними, но, поскольку делали это изнутри новой государственной

системы, не могли найти эти связи и объяснить причины перемен. Именно поэтому изменения в устройстве управленческих структур определялись общими, отвлеченными терминами «реформа» и «контрреформа», буквально — «изменение форм» и «противоположное изменение форм», не определяя сути этих форм. Выйдя за рамки XVIII в. — и хронологически, и содержательно, — Л. Ф. Писарькова обрела верную точку зрения на исследуемый материал.

И второе обстоятельство, мешавшее понять реформаторство XVIII в., — концентрация исследователей на реформах провозглашенных, а не воплощенных в жизнь. В работе Л. Ф. Писарьковой подробно и всесторонне исследована эффективность деятельности всех перечисленных выше и оставшихся неназванными центральных и местных учреждений и чиновников, изменения (не в лучшую сторону) профессионального и образовательного уровня государственных служащих, их материального положения, что позволило автору неоспоримо доказать: ни одно из преобразований не привело к желаемому долговременному положительному эффекту, а, следовательно, неизбежно влекло за собой все новые и новые перемены. Причина же этого в том, что «Россия с XVIII в. стала принадлежать к числу государств с «писаными учреждениями», оторванными от национальных корней, а потому любое переустройство внутри этой системы не могло разорвать порочного круга частых и бесконечных реформ. Разруха, как известно, находится в головах. Смелая и талантливая работа Л. Ф. Писарьковой еще раз подтверждает эту простую истину.

Примечания

¹ Писарькова Л. Ф. Указ. соч. С. 542; Градовский А. Д. Собр. соч. Т. 1. С. 222.

² Spengler O. Politische Schriften. München, 1933. S.112–113. Цит. по: Крауз Г.-К. «Закат Европы» Освальда Шпенглера // Германия и русская революция. 1917–1924. М., 2004. С. 274.

О. В. Новохатко

³ Писарькова Л. Ф. Указ. соч. С. 530.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 242.

⁶ Там же. С. 530.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 532.

⁹ Там же. С. 534.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 535.

Е. В. Белякова*, Н. А. Белякова**

СВЯТАЯ ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА И ВОПРОС О ПУТИ РУССКОГО МОНАШЕСТВА

Святой Елизавете Федоровне (1864–1918) принадлежит особое место в русской истории. Ее прекрасный светлый образ (не только «кротости и грусти сокровенной», но и спокойной решительности) привлекает все больше внимание наших современников, и изображение ее на иконах можно увидеть во многих церквях.

В 1884 г. гессенская принцесса Элла вышла замуж за брата государя Александра III, великого князя Сергея Александровича. В Россию она пришла уже с высокими христианскими традициями семьи родителей — дочери английской королевы Виктории Алисы и великого герцога гессенского Людвига. Еще ребенком она вместе со своими родными посещала регулярно больницы.

Через 7 лет после свадьбы она приняла православие, что было для нее глубоко продуманным шагом. Уже в 1892 г. она создает благотворительное общество помощи детям бедных матерей, получившее название «Елисаветинское общество». Комитеты общества были созданы при 224 московских приходах. Елизавета Федоровна возглавила и Дамский комитет Красного Креста. С начала Русско-японской войны она организовала Особый комитет помощи воинам. Ей пришлось занимать более 150 почетных должностей в разных организациях.

* Кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

** Аспирантка исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

После гибели мужа в 1905 г. она делает следующий шаг в делах милосердия, решаясь изменить свой образ жизни: 10 февраля 1909 г. в Москве была открыта Марфо-Мариинской обитель милосердия, ставшая основным делом ее последующей жизни. Елизавета Федоровна стремилась к объединению двух способов служения: монашеского и сестер милосердия.

Брат Елизаветы Федоровны Эрнест в своих мемуарах писал, что Элла годами наблюдала жизнь русских монахинь и пришла к заключению, что монахини в монастырях, кроме рукоделия, никакой другой практической работой не занимаются, а сестры милосердия настолько свободомыслящие, что многие к ним относятся отрицательно. Поэтому она решила основать что-то среднее между монастырем и учреждением сестер милосердия¹. Как недостаток в деятельности обителей сестер милосердия Елизавета Федоровна отмечала тот момент, что в них очень много зависит от личной настроенности руководства и самих сестер и «вся сила полагается в практических занятиях по уходу за больными и прочих видах благотворения, мало сознавая истину учения Христа Спасителя о недугах греховных, как причинах недугов телесных и всякого страдания и зла. По этой же причине забыт и путь истинных врачей в подвигах святых целителей и истинных сестер милосердия, явленный в диако-нисском служении»².

Елизавете Федоровне был хорошо известен западно-европейский опыт диаконис, который широко освещался и в русской церковной прессе. О необходимости использовать этот опыт привлечения женщин в деле внутренней миссии было заявлено на Предсоборном Присутствии 1906 г. в докладе протоиерея А. П. Мальцева, настоятеля Берлинского кафедрального собора, «О внутренней миссии заграницей, в том числе и диакониссах как одном из органов этой миссии»³. Протоиерей Мальцев подробно рассказывал о вкладе приходских священников Швейцарии, Норвегии, Австрии, Англии, Италии, Греции в служение наименее обеспеченным слоям населения, орга-

Святая Елизавета Федоровна и вопрос о пути русского монашества

низации приютов, школ. Мальцев отмечал, что Православной церкви следует усвоить те здоровые и полезные идеи, которые на Западе принесла реформация, например, систематизацию христианской благотворительности.

Протоиерей Мальцев сообщал об активном участии женщин в деле благотворительности, которые по сходству своего служения со служением в древней Церкви получали название диаконов, и он считал важным то, что «сестры, поступающие из всех сословий на это служение ближнему, отнюдь не связываются никакими ни вечными, ни временными монашескими обетами безбрачия, добровольной нищеты или бедности». А. П. Мальцев считал, что «освобождение от обязательности этого рода обетов, особенно обета безбрачия, даваемого нередко без совершенного знания жизни, создало бы и у нас, среди женских обителей, целый класс таких самоотверженных тружениц для великого служения делу любви и ближнему у постели бедных больных женщин, беспризорных и брошенных детей и т. д., который мог бы широко раскинуть сеть своей деятельности на глухие деревни и села, чтобы заменить усталую и больную мать, поддержать престарелых и на блюсти сирот... Не подлежит сомнению, что с возрождением «прихода», с восстановлением церковной общины, все подобные учреждения получают необычайный подъем и развитие, чем поднимется и общественное значение Церкви, в которой дело любви должно иметь значение не меньшее, чем дело веро- и нравоучения»⁴.

В Предсоборном Присутствии обсуждалось и другое ходатайство о восстановлении древнего чина диаконов. Оно исходило от игуменьи Леснинской общины Екатерины⁵. Леснинская община была создана в Седлецкой губернии Западной России (ныне Польша) в 1884 г. архиепископом Леонтием в целях укрепления православия в униатском крае. Настоятельница мать Екатерина была энергичной и одаренной женщиной, имела медицинское образование и вместе с сестрами общины ухаживала за больными крестьянами. Позднее она организо-

вала школу для детей, где учились 80 детей всех вероисповеданий. Игуменья также выступала за восстановление института диаконис, считая, что благодаря этому институту можно будет решить ряд социальных задач, именно это служение привлечет образованных женщин, которые раньше не шли в монастырь. Как писала игуменья: «Вследствие установившегося понятия о монашестве как о жизни узкоэгоистической, имеющей целью спасение собственной жизни через подвиг поста и молитвы, оно находится в полном отчуждении от мира... Немногие интеллигентки, попадающие по каким-либо особенным причинам в монастырь, совершенно потеряны для просвещения общества: не подготовленные к сему они решительно никакого воздействия на мир не имеют»⁶.

Женщины могли поступить в созданную Елизаветой Федоровной обитель на определенный срок, после которого они решали, остаться им в обители или выйти из нее. Для того чтобы иметь возможность оказывать медицинскую и психологическую помощь, сестры обители в обязательном порядке получали медицинское и религиозное образование.

Обитель быстро росла и открывала новые благотворительные заведения благодаря авторитету ее высочайшей создательницы. Как писала Елизавета Федоровна в отчете о деятельности обители за 1910 г., «все виды благотворительности возникли при обители сами собой из тех просьб о помощи, с надеждой на которую ежедневно обращаются в обитель бедные, больные и беспомощные. Эти просьбы требовали и требуют одних посетить на местах их жительства, чтобы воочию увидеть размер нужды и определить потребную помощь, других лечить и кормить, третьих спасать из той ужасной обстановки, среди которой они очутились, дабы дать возможность нравственно окрепнуть и поучиться элементарной грамотности и тому, что должно знать каждому православному христианину. Приходя с посильной помощью этой нужде, обитель постепенно открывала и расширяла служение больничное, школьное и

Святая Елизавета Федоровна и вопрос о пути русского монашества

миссионерское, если позволительно так выразиться, разумея под ним то служение святой Церкви, которое несут сестры при посещении домов... не ради лицемерия чужой бедности, иногда вопиющей и ужасной, а ради желания утешить и обласкать чем можно по-братски, по-христиански бедного, больного и беспомощного ради примера святых жен-мироносиц и святых подвижниц-диаконисс, которые сами шли к страждущим и заблуждающимся, неся им радость святого благовестия... В одной только Москве насчитывается до 100 тысяч семейств бедняков и до 40 тысяч детей, нуждающихся в общественном призрении... Поэтому посещение сестер принимает само собой характер внутренней миссии, на каковую сестры и посвятили себя, произнеся обеты служения Господу и святой Церкви, ибо, нашедши погибающую душу, послужить спасению ее есть великое дело христианского милосердия и истинный образ ее»⁷.

Таким образом, вопрос о видах служения, о формах помощи был для сестер обители не предметом теоретизирования, а возник из глубокого понимания российской действительности. Елизавета Федоровна видела контраст между красотой православной традиции и нечувствительностью православного мира к горю и нужде ближних. Отсюда и стремление найти формы, адекватные времени.

Сестры обители начали носить особую одежду, и над ними совершали чин посвящения в «крестовых сестер», составленный епископом Дмитриевским Трифоном (кн. Туркестановым). 10 апреля 1910 г. великая княгиня Елизавета Федоровна была возведена в сан настоятельницы. От имени Марфо-Мариинской обители она обращается с просьбой в Синод: «ДАТЬ НАИМЕНОВАНИЕ И ЗВАНИЕ СЕСТРАМ ЭТОЙ ОБИТЕЛИ — СЕСТЕР ДИАКОНИС»⁸. Основательница обители прекрасно понимала, что статус обители держится только на ее личном авторитете, и хотела закрепить в церковном сознании правомочность существования обители: «Это начинание должно занять «определенное место» в Церкви, иначе оно так и будет

колебаться и после моей смерти, кто знает, скорее всего будет преобразована в монастырь или святую общину»⁹. Елизавета Федоровна не считала нужным восстанавливать литургический аспект служения диаконис в древней Церкви, «ибо условия самой церковной жизни изменились. Хиротония древних диаконис вызывалась участием их при крещении взрослых женщин, а равно участием в оглашении крещаемых и тем древним способом причащения, когда женщина могла входить в алтарь. В настоящее время в этом нет надобности, надобность же есть в том служении древнего диаконата, которое выражалось в проповеди веры Христовой, в церковном благотворении от лица Церкви и ради Христа»¹⁰.

Разумеется, это начинание сразу повлекло обвинение в протестантизме. Но Елизавету Федоровну поддерживал митрополит Московский Владимир (Богоявленский), который также обратился с ходатайством в Синод о присвоении сестрам Марфо-Мариинской обители именованья диаконис. Устав Марфо-Мариинской обители был разослан на отзыв профессорам-канонистам Алексею Афанасьевичу Дмитриевскому и Илье Степановичу Бердникову.

Сохранилась переписка Елизаветы Федоровны с профессором Санкт-Петербургской духовной академии А. А. Дмитриевским. В ответ на письмо Елизаветы Федоровны Дмитриевский заявил о своей полной поддержке и желании разделить диаконис на два класса: 1) на диаконис-сестер, не посвященных и клиру не принадлежащих и могущих оставлять общину и даже выходить замуж, и 2) на диаконис в собственном смысле, которые принадлежат к клиру и получают хиротонию»¹¹.

Елизавета Федоровна объясняла А. А. Дмитриевскому в следующем письме, почему она настаивает только на служении «диаконис-сестер»: «По правде сказать, я совсем не стою за вторую степень, времена теперь не те, чтобы давать женщинам право участвовать в клире, смирение достигается с трудом и участие женщин в клире может внести в него неустойчивость.

Святая Елизавета Федоровна и вопрос о пути русского монашества

Ведь уже и был вопрос (в древности) о том, что они хотели сами крестить? Мне же достоверно известно, что когда шла речь о восстановлении диаконис, многие церковные люди именно смущались рукоположением их и участием в клире, тогда как сущность дела остается та же: диаконисы-сестры делают те же дела милосердия, что и рукоположенные диаконисы. Когда я составила свой устав и показала его многим церковным людям и иерарху, то они прямо одобрили именно то, что диаконисы не будут в клире, а вместо рукоположения — мантия. Да и в самом деле, поработавши в служении делу милосердия под руководством и покровом Церкви много лет, отрадно иметь возможность посвятить последние годы своей жизни аскетическому молитвенному подвигу вдали от мирской суеты... Если же будущий Собор Русской церкви признает необходимым восстановление института диаконис полностью, я, как верная дочь Церкви, готова подчиниться, но это отнимет у нас — усталых тружениц светлый маяк, т. е. соединение с Богом уже на этой земле в ожидании Вечности»¹².

Сохранился также доклад Священному Синоду А. А. Дмитриевского «О диаконисах», в котором давался обзор канонов, регламентирующих существование диаконис, о способе их посвящения.

Литургист считал важным полное восстановление чина диаконис, для посвящения в него с обетом женщин уже после 40 лет, которые «уже хиротонисуются по чину древнехристианской Церкви, который сохранился в рукописях, и получают установленный крест диаконис. Как лица, испытанные продолжительным искусом, они избираются на все ответственные должности в Обители, несут послушания в храме и алтаре, прислуживая священнослужителям, и посылаются в качестве доверенных и честнейших жен надзирательницами и наблюдательницами за диаконисами первого разряда»¹³.

Дмитриевский считал правильной идею восстановления статуса диаконис, поскольку «восстановленный институт

диаконис избавляет вступающих в него тяжелых клятвенных обещаний, требуемых чинами монашеского пострижения, и несения суровых подвигов самоотречения и самоограничения с обязательством не вкушать мясной пищи даже в дни, дозволенные уставом церковным, — все это, несомненно, обещает в будущем живучесть этому институту и широкое распространение его особенно среди православных христиан интеллигентных классов»¹⁴.

Однако рассмотрение в Синоде 9 ноября 1911 г. не было благоприятным, хотя Синод и постановил: «Старшим сестрам Марфо-Мариинской обители, уже посвященным по особому церковному чину и давшим обет диаконисского служения на всю жизнь, усвоить искомое звание; ...вопрос же о восстановлении древнего женского служения в Православной церкви следует разрешить на предстоящем Поместном соборе»¹⁵. Особое мнение высказал митрополит Антоний Вадковский, считавший необходимым отложить решение до Поместного собора, а епископ Гермоген (Долганев)¹⁶ признал постановление Синода антиканоничным¹⁷. Дело было передано на рассмотрение императору Николаю II, и он вынес свою резолюцию: «Всецело разделяю особое мнение митрополита Петербургского Антония»¹⁸.

Таким образом, дело было оставлено на рассмотрение Собора, а чин Марфо-Мариинской обители был признан незаконным. Марфо-Мариинская обитель по-прежнему имела статус обители милосердия.

Эта неудача не остановила Елизавету Федоровну. Община продолжала свою многоплановую деятельность. Среди направлений — издание книг для детей, а также издание иллюстрированных книг, в изготовлении которых принимала участие Елизавета Федоровна, издание открыток. Особая тема — деятельность Елизаветы Федоровны и ее обители во время Первой мировой войны, помощь раненым, воинам и пленным.

Поместный собор, открытый в августе 1917 г., должен был рассмотреть и вопрос о диаконисах. Этот вопрос стоял в по-

Святая Елизавета Федоровна и вопрос о пути русского монашества

вестке дня Отдела о церковной дисциплине. Председателем отдела был митрополит Владимир Богоявленский. Владыка подготовил для отдела доклад о восстановлении чина диакона, но мученическая кончина в январе 1918 г. прервала его деятельность. Члены отдела рассматривали текст этого доклада как завет убитого.

В докладе митрополит Владимир давал и свою оценку Марфо-Мариинской обители: «Такие рассадники и общежития /парфеноны и дома диаконис/ существовали и в древней вселенской церкви, они появляются и в наше время... в настоящее время вот в этой нашей первопрестольной столице уже на наших глазах возникала подобная обитель милосердия, основанная и руководимая одной из тех Божиих избранниц, которые много скорбным путем крестным из царских чертогов снисходили в смиренные кельи предавших себя Богу подвижниц. Я разумею Марфо-Мариинскую обитель, которая действует по особому, утвержденному Св. Синодом уставу, близко подходящему к монастырскому и находится под руководством Московского митрополита... Проводя жизнь при монашеском режиме, в труде и молитве и в поучении слову Божию, сестры этой обители являются всюду, где скорбь и болезни, где несчастье и горе, где бедность, нужды и лишения, являются во имя Христово, как тихие ангелы-утешители и с посильной помощью и с словом утешения. О, даруй Господи, чтобы такие учреждения умножались и развивались в других местах нашей страждущей России. Они могли бы послужить прекрасными подготовительными учреждениями, откуда могут выходить по достижению сорокалетнего возраста, опытные и благонадежные диакониссы на служение в наших православных приходах, на служение не в качестве только помощниц пастырям церкви в миссионерско-просветительном, воспитательном и благотворительном деле»¹⁹.

Отдел о церковной дисциплине рассматривал вопрос об учреждении чина диаконис уже не только после гибели своего

председателя, но и после ареста основательницы обители диаконис на третий день Пасхи 1918 г.²⁰, а затем и мученической гибели в шахте Алапаевска.

И однако именно устав ее обители, написанный духовником обители священником Митрофаном Сребрянским, был положен в основу подготовленного отделом доклада о восстановлении чина диаконис²¹. Доклад так и не был вынесен на Поместный собор 1918 г., так как Собор был вынужден прекратить свою работу.

Но начинание Елизаветы Федоровны имело продолжение. Изучение следственных дел дает новые материалы о деятельности диаконис.

Уже сейчас уфимской исследовательницей Н. П. Зиминной²² выявлены как архивные документы, так и показания современников о том, что и в Ташкенте, и в Уфе в 1920-е гг. было несколько женщин в чине диаконис. По-видимому, их поставление и деятельность связана с деятельностью Андрея, епископа Уфимского. Известно о деятельности диаконисы Фивы (Романовой) по организации помощи заключенным. Следственное дело епископа Аввакума (Боровкова), тайно рукоположенного епископом Андреем, содержит Положение о диаконисах, выработанное в Уфе. Женщины продолжали дело христианского служения и в страшных условиях гонений.

Поиск новых форм служения, начатый на рубеже веков, стал особенно актуален в условиях войн и революций. Еще в 1915 г. в Москве под председательством Елизаветы Федоровны прошло совещание настоятельниц женских монастырей для решения вопроса о расширении помощи жертвам войны²³.

В 1918 г. в Москве был создан кружок православных женщин. Члены кружка считали, что необходимо объединить разрозненную работу женщин на приходах: «Часто в одном приходе не знают, что делается в соседнем, повторяют ошибки, сделанные другими, не пользуются добытым опытом». В заявлении, подписанном 17 женщинами и представленном

Святая Елизавета Федоровна и вопрос о пути русского монашества

в Совет объединенных приходов Москвы, женщины предлагали одобрить создание Союза православных женщин и оповестить через настоятелей церквей и приходские советы о возникающем Союзе. 24 июня было назначено первое общее собрание православных женщин для выборов правления Союза. Совет объединенных приходов Москвы поддержал эту идею²⁴. 24 июня состоялось открытие Союза в Соборной палате Епархиального дома. Заседание было открыто А. Д. Самариным, председателем Совета объединенных приходов, затем выступил как член Собора П. И. Астров. М. Н. Кривоблоцкая разъяснила смысл и основы деятельности Союза, рассказав, что мысль о его образовании возникла у слушательниц курсов И. М. Иванцова-Платонова. Как сообщает источник, «М. Н. Кривоблоцкая высказала пожелания, чтобы работа женщин протекала по указаниям пастырей Церкви, чтобы она была проникнута духом кротости, любви и подчинения, отнюдь не нося в себе признаков борьбы или осуждения, даже если бы для такового и было место. Как основу взаимных отношений членов Союза М. Н. указала христианское «сестринство», равенство всех работниц Союза, независимо от их общественного, материального положения и образовательного уровня»²⁵. В докладе С. Д. Самариной были намечены отделы Союза, отражавшие направление работы: 1) сбор сведений о работе женщин в приходах; 2) отдел детского воспитания; 3) отдел обучения и религиозно-нравственного просвещения женщин; 4) отдел сбора книг и библиотечный; 5) отдел помощи нуждающимся пищею и одеждой; 6) отдел помощи заключенным за исповедание веры; ж) отдел разведения шелковичных червей «как легкого, доступного и удобоприменимого в церковных оградах и садах и в то же время важного по большому спросу на шелковичные коконы»²⁶.

О том, что Отдел помощи заключенным начал активную работу, свидетельствует документ из канцелярии патриарха Тихона:

«Постановления патриарха Тихона и Высшего Церковного Совета.

24 апреля / 7 мая 1919 г.

Слушали: Отчет Союза Православных Женщин в Москве о деятельности Отдела помощи заключенным в тюрьмы с 16 июля 1918 г. до последнего времени. Отдел оказывал помощь заключенным и деньгами, и продуктами, и бельем и платьем, и книгами для чтения.

Постановлено: Приняв Отчет к сведению, выразить Отделу помощи заключенных Союза Православных женщин благодарность за оказанную ими помощь заключенным в тюрьмы.

Подписи: Тихон, Арсений, Кирилл, Евсевий,

Н. Любимов, П. Миртов, прот. А. Станиславский, П. Кулешов»²⁷.

О дальнейшей деятельности Союза сведений пока найти не удалось.

Опыт обители Елизаветы Федоровны приобретает особое значение в современных условиях, когда вновь обострились социальные проблемы и вновь создаются женские общины и монастыри. Пойдут ли эти обители по пути жертвенного служения нуждающимся, станут ли образцом действенной любви или опять на их пути окажутся препятствия, которые они не смогут преодолеть?

Примечания

¹ *Миллер Л.* Святая мученица российская великая княгиня Елизавета Феодоровна. М., 1994. С. 115.

² *Елизавета Федоровна, великая княгиня.* Пояснительная записка о задачах и целях открывшейся в Москве Марфо-Мариинской обители милосердия // *Великая княгиня Елизавета Федоровна.* О служении женщин в Православной церкви. Н. Новгород, 1996. С. 79–80.

³ Внутренняя миссия (Die innere Mission). Доклад протоиерея А. П. Мальцева, заслушанный в IV и VII соединенных отделах 20 апреля 1906 г. // *Журналы и Протоколы Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия.* СПб., 1907. Т. 2. С. 38–45.

Святая Елизавета Федоровна и вопрос о пути русского монашества

⁴ Доклад протоиерея А. П. Мальцева. Т. 2. С. 42, 45.

⁵ Урожденная графиня Ефимовская, сотрудница известного педагога С. Рачинского. После революции эмигрировала в Сербию, где основала несколько новых монастырей и женских общин. Умерла в 1925 г. в Сербии.

⁶ Докладная записка настоятельницы Леснинского женского монастыря... об основании общины диаконис, 1905 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 340. Л. 2–3.

⁷ Отчет обители за 1910 г. // Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1996. С. 199–200.

⁸ *Великая княгиня Елизавета Федоровна*. Пояснительная записка о задачах и целях открывшейся в Москве Марфо-Мариинской обители милосердия. С. 83.

⁹ Из письма Елизаветы Федоровны от 1 января 1912 г. // Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. М., 1995. С. 52.

¹⁰ *Великая княгиня Елизавета Федоровна*. Пояснительная записка о задачах и целях открывшейся в Москве Марфо-Мариинской обители милосердия. С. 83–84.

¹¹ Переписка А. А. Дмитриевского и великой княгини Елизаветы Федоровны опубликована М. Скляровой в книге: *Великая княгиня Елизавета Федоровна*. О служении женщин в Православной церкви. Н. Новгород, 1996 (без указания источника) и в статье *Лобикова К. И.* А. А. Дмитриевский и великая княгиня Елизавета Федоровна (несколько штрихов к биографии ученого) // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 249–250.

¹² Великая княгиня Елизавета Федоровна — профессору А. Дмитриевскому // *Великая княгиня Елизавета Федоровна*. О служении женщин в Православной церкви. С. 124.

¹³ Доклад Святейшему Синоду Русской православной церкви проф. А. А. Дмитриевского «О диаконисах» // *Великая княгиня Елизавета Федоровна*. О служении женщин в Православной церкви. С. 135.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. С. 225. (ссылка на РГИА. Ф. 786. Оп. 209. Ед. хр. 2565. Л. 291–292 об.)

¹⁶ *Гермоген (Долганев)* (1858–1918), епископ Саратовский с 1903 по 1912 г. Кандидат богословия. В 1912 г. выслан на покой. В 1917 г. назначен на Тобольскую кафедру. В апреле 1918 г. арестован, в июне утоплен в р. Туре.

¹⁷ Материалы к житию преподобномученицы великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы. С. 226.

¹⁸ Там же. С. 227.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 326.

²⁰ Подробно о деятельности Отдела о церковной дисциплине см.: *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни / Церковные реформы. Дискуссии в Православной российской церкви начала XX века. Поместный собор. 1917–1918 гг. и предсоборный период. М., 2004.

²¹ Сравнение двух докладов сделано в статье: *Белякова Е. В., Белякова Н. А.* Обсуждение вопроса о диаконах на Поместном соборе 1917–1918 гг. // Церковно-исторический вестник. 2001 г. № 8. С. 139–161.

²² Мы выражаем благодарность замечательной исследовательнице Нине Павловне Зиминой, изучающей церковную жизнь Уфы советского периода, за это сообщение.

²³ Православная Москва в начале XX в. Сборник документов и материалов. М., 2001. С. 474.

²⁴ Еженедельник Совета Объединенных приходов г. Москвы № 10 от 27 мая/9 июня 1918 г. (гектограф) // Православная Москва в 1917–1921 годах. Сборник документов и материалов / сост. А. И. Казакевич, А. В. Марковчин и др. М., 2004. С. 322–323.

²⁵ Еженедельник Совета Объединенных приходов № 11 от 12/25 июня 1918 г. // Православная Москва в 1917–1921 гг. С. 324.

²⁶ Там же. Школа шелководства существовала и при Покровской епархиальной общине сестер милосердия. Здесь обучалось 120 детей.

²⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 18. Л. 29.

А. А. ИВАНОВ*

А. И. САВЕНКО: МЕТАМОРФОЗЫ РУССКОГО НАЦИОНАЛИСТА

Имя Анатолия Ивановича Савенко было хорошо известно всему предреволюционному Киеву. Видный политик, талантливый публицист, одаренный оратор, депутат IV Государственный думы, один из ярчайших лидеров Всероссийского национально-го союза и Киевского клуба русских националистов, приверженец П. А. Столыпина, впоследствии — один из пропагандистов Белого движения... Его судьба — яркая и трагическая — безусловно заслуживает того, чтобы на ней остановиться, а между тем, за исключением скудных и умалчивающих о его жизни после Гражданской войны энциклопедических справках, об А. И. Савенко в российской историографии до сих пор нет ни одной исследовательской работы. Думается, что пришла пора восстановить справедливость и отдать дань памяти этому незаурядному русскому человеку.

Савенко родился 16 декабря 1874 г. в городе Переяславе Полтавской губернии в семье старшего урядника Малороссийского конно-казачьего II Полтавского полка Ивана Степановича Савенко и законной жены его Анисии Ивановны¹. Как гласит выписка из метрической книги, младенец был крещен по православному обряду 13 января 1875 г. и наречен Анатолием. Получив образование в двухклассном Переяславском училище, сын простого малороссийского казака поступил в

* Кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (СПб).

Лубенскую гимназию, а затем, проявив большие способности, на юридический факультет Императорского университета Св. Владимира в Киеве, который в 1900 г. окончил с дипломом первой степени².

Как отмечали современники, в юные годы А. И. Савенко «модная среди нашего юношества последних десятилетий игра в политику совсем не коснулась его»³. Зато Анатолия Ивановича захватила журналистика, которой он отдал более двух десятилетий своей жизни. Первые журналистские опыты Савенко относятся еще к гимназическим годам — будучи учеником пятого класса, он стал рассылать свои первые корреспонденции в местные газеты. Трудно сказать, насколько они были удачными, но талант очеркиста Савенко был, несомненно, присущ. За год до окончания университета он уже числился постоянным сотрудником ведущей газеты юго-западного края «Киевлянин», которую издавал в те годы видный русский публицист и государственный деятель Д. И. Пихно. В «Киевлянине» Савенко вел постоянную рубрику «Думы и настроения», освещавшую различные события политической и экономической жизни, а также публиковал очерки по истории родного края, позже выходившие отдельными брошюрами⁴. По оценке историка С. М. Саньковой, «делал он это весьма талантливо, а главное... тонко чувствуя политическую конъюнктуру момента»⁵. Его заметили, оценили, стали перепечатывать. В скором времени Савенко стал работать в качестве публициста и в таких русских консервативных изданиях, как «Киевское слово», «Подольнин», «Свет», «Московские ведомости», «Новое время», в журнале «Жизнь и искусство». Под псевдонимом «Ив. Трубежин» размещал свои статьи в киевской «Вечерней газете».

«В массе им написанного не все равноценно: многое увидело свет благодаря условиям срочной газетной работы или является откликом на злобу дня, — но все одинаково окрашено его крупной, оригинальной индивидуальностью, все ярко, выпукло интересно», — отмечали современники⁶. Генерал В. А. Сухомлинов

А. И. Савенко: метаморфозы русского националиста

даже считал очерки Савенко, посвященные Русско-японской войне, более талантливыми и военными по духу, по ясному понимаю хода событий на театре военных действий, нежели подобные обозрения штабных специалистов.

По силе влияния на читателя Савенко сравнивали с такими мастерами слова, как М. Н. Катков, И. С. Аксаков, А. С. Суворин и М. О. Меньшиков.

Помимо сотрудничества с ведущими периодическими изданиями была еще и основная работа — получив юридическое образование, Анатолий Иванович довольно долгое время состоял присяжным поверенным (адвокатом) при Киевском окружном суде, дослужившись до чина коллежского секретаря.

В начале 1900-х гг. молодой, импозантный, красноречивый Савенко сумел обаять популярную оперную певицу Надежду Новоспасскую, за которой, согласно киевским слухам, ухаживал сам Федор Шаляпин, нередко выступавший с ней в паре, когда приезжал на гастроли в Киев. Новоспасскую называли восходящей звездой русской оперы, и ее антрепренер страшно боялся, что подающую большие надежды певицу уведут замуж, что, по его мнению, стало бы концом ее карьеры. Почувствовав угрозу своему предприятию, антрепренер даже как-то подошел к Савенко и попросил его оставить свою подопечную: «Не ухаживайте за Новоспасской, оставьте ее. В опере много молодых интересных женщин, а за эту вы Господу Богу ответите!»⁷ Но Анатолий Иванович, естественно, «совету» не внял, продолжив ухаживания⁸, вскоре закончившиеся свадьбой. При этом молодой юрист настолько очаровал мать Новоспасской, что та после знакомства с будущим зятем простодушно спросила дочь: «А за что он полюбил тебя?» «А ведь я, — вспоминала Н. Новоспаская, — уже была оперной артисткой в Киеве на первых партиях»⁹.

Как же выглядел А. И. Савенко, практически всегда располагавший к себе людей во время первого с ним знакомства? «Высокий, грузноватый, густые русые волосы, такие же усы и

бородка. Лицо холеное, барское. Даже не скажешь, что вышел из простой семьи переяславского казака. Длинный сюртук ниже колен. По животу тянулась довольно толстая золотая цепь, и на ней часы, которые прятались в карманчик жилета. <...> Папа постоянно был какой-то праздничный, говорил красивым звучным баритоном», — вспоминала его дочь¹⁰. Но это наблюдение относится уже к более позднему периоду; тогда же, надо полагать, молодость делала его еще более обаятельным, а приобретенная с годами тяжеловесность пока отсутствовала.

В 1904 г. у Савенко родился сын Борис¹¹, а вслед за ним еще три дочери — Татьяна, Ирина и Наталья. После рождения третьего ребенка его супруге пришлось оставить сцену, чтобы заняться воспитанием детей и из оперной дивы превратиться в заботливую мать и домашнюю хозяйку. Однако супружеское счастье четы продолжалось недолго: после десяти лет нежной любви к супруге пользовавшийся неизменным успехом у женщин Савенко стал изменять жене, чем едва не довел ее до самоубийства. Узнав о страсти мужа к другой женщине, Надежда Новоспасская отправилась на кладбище, где вылила себе на грудь серную кислоту и, потеряв сознание, обожженная, пролежала больше суток, пока ее не нашли и не отправили в больницу. И на всю оставшуюся жизнь свидетелями ее отчаяния стали страшные выпуклые шрамы¹². Однако романы мужа на стороне не прекратились, с ними пришлось смириться...

Возможно, что если бы не революция 1905 г. и последовавшие за ней события, А. И. Савенко так и остался бы провинциальным интеллектуалом-публицистом, известным своей обаятельностью и искрометностью, но начавшаяся в русском обществе смута вовлекла его в бурный водоворот политических событий. Общественно активный, после издания Манифеста 17 октября 1905 г., разрешавшего партийное строительство, Савенко с присущей ему энергией взялся за организацию в Киеве Партии правового порядка. Задачу партии, лидером ко-

торой он вскоре стал, киевский юрист видел в противостоянии как революции, так и реакции. «Для всех ясна необходимость реформ, — писал Савенко, — реформ, проведенных с разумной осторожностью...»¹³

По его тогдашнему убеждению, «поднятие престижа власти ценой укрывательства и даже покровительства порочным членам правящего класса, предателям и изменникам» было бы «чисто упадническим вздором», поскольку главную причину падения авторитета власти Савенко видел в проникновении в высший класс «инородцев и вообще людей, равнодушных к России»¹⁴. Царский манифест, вызвавший нескрываемое раздражение в правых кругах, он от всей души приветствовал, называя его «великим», и считал, что дарование общественных свобод послужит избавлению от «бюрократического абсолютизма» и пробудит здоровое русское национальное общественное движение.

Определяя место своей партии в политическом спектре тогдашней России, Савенко называл ее стоящей между «либералами-космополитами и крайними правыми» и характеризовал как «национально-прогрессивную»¹⁵.

А. И. Савенко активно включился в избирательную кампанию во II Государственную думу, агитируя киевлян голосовать за консервативных кандидатов. Он и сам был выдвинут в кандидаты, но отказался от избрания в пользу другого видного кандидата от правых — епископа Платона (Рождественского). Не попал Анатолий Иванович и в III Думу, в которую также баллотировался и которую считал настоящим русским парламентом. «Дума, созданная гр. Витте, — это же не народное представительство, а главный штаб революции. Настоящее народное представительство в России в лице III Думы организовал Столыпин», — писал он в 1911 г.¹⁶

Сторонники Савенко, выдвигавшие его в Государственную думу (и в конце концов своего добившиеся), характеризовали его как «русского до мозга костей», «верного и послушного сына

Православной церкви» и «чисто по-русски отождествлявшего преданность к ее самодержавному царю-вождю»¹⁷. И если с первым утверждением трудно не согласиться — Савенко всегда позиционировал себя как русского националиста, — то последние два утверждения грешат против истины.

Был ли действительно Савенко глубоко верующим церковным человеком? На первый, чисто внешний взгляд как будто да. Он всегда выступал в защиту интересов Церкви, признавал ее огромное значение в жизни Русского государства, но для себя, похоже, не считал необходимым соблюдать ее постановления. Как уже отмечалось выше, семейная жизнь киевского политика, мягко говоря, не была безупречной, но дело не только в этом. Как вспоминала дочь Савенко: «...религиозными мои родители никогда не были. Совсем не помню, чтобы ходили в церковь. — И с чувством атеистической гордости добавляла: — ...нелепо приписывать моей умной, развитой маме рассаживания... по церквам»¹⁸. Впрочем, обрядовые стороны православия Савенко соблюдались, видимо, воспринимавшиеся отцом семейства как добрые русские традиции. «Русский народ, — высказывал убеждение Савенко, — создан так, что если он перестает быть православным, он перестает быть и русским»¹⁹. Но, как видно из приведенного выше фрагмента, сам он был православным скорее по культурно-исторической традиции, нежели по искренним религиозным убеждениям.

О монархизме Савенко тоже стоит сказать несколько слов. Безусловно, что в начале своей политической карьеры он был убежденным сторонником превосходства монархической государственности перед другими формами правления, однако воспринимал царскую власть не как богоустановленную, имеющую мистический и непреходящий характер (что было свойственно многим религиозно настроенным русским монархистам), а исходя из чисто прагматических установок. Как и для большинства русских националистов того времени, царская власть признавалась им лучшей формой правления, но лишь до тех

пор, пока она в его представлении отвечала интересам русской нации²⁰. Как только Савенко стал разочаровываться в политике последнего самодержца, как только он пришел к мнению, что верность монархическим принципам не отвечает интересам Родины, он стал стремительно леветь.

Любопытно в этом отношении наблюдение генерала П. Г. Курлова, управлявшего Киевской губернией во время выборов во II Государственную думу, который считал Савенко человеком, «никаких убеждений не имевшим и преследовавшим исключительно свои личные интересы». «[Савенко] работал в «Киевлянине» и, пока Д. И. Пихно держал газету в своих руках, был не только правым, но доводил проявление своей quasi-правизны до крайности. Принимая живое участие в выборах, он являлся ко мне почти ежедневно, возбужденно жалуясь на интриги левых партий. Несмотря на все рвение, личная кандидатура А. И. Савенко при выборах во 2-ю Государственную думу имела очень мало успеха, и только впоследствии ему удалось пройти в члены Государственной думы под правым флагом. Здесь он сбросил маску, стал постепенно леветь, а затем сделался одним из видных деятелей прогрессивного блока 4-й Государственной думы»²¹.

Но обо всем по порядку...

Не попав во II Государственную думу, А. И. Савенко сосредотачивается на руководстве киевской Партии правового порядка (от которой он был делегатом 4-го Всероссийского съезда русских людей в Москве), а в 1908 г. становится одним из учредителей киевского Клуба русских националистов — одной из самых представительных умеренно правых организаций губернии. До 1913 г. Савенко был товарищем председателя клуба, а затем вплоть до революции — председателем. Взяв курс на сближение с партией русских националистов — Всероссийским национальным союзом, Савенко в 1912 г. стал членом главного совета этой выпестованной П. А. Столыпиным политической силы, открывая на местах отделы союза (им было открыто

10 отделов ВНС в Полтавской губернии). Политическая популярность Савенко неуклонно росла — он дважды представлялся императору Николаю II, встречал в Киеве П. А. Столыпина, организовал съезд русских деятелей Северо-Западной и Юго-Западной России консервативного направления (1909) с целью поддержки проведения столыпинского законопроекта о западном земстве, а в 1910 г. был избран гласным Киевской городской думы.

Имя Савенко, отмечал другой видный русский политический деятель, националист В. В. Шульгин, «известно каждому в Киеве»: «У него много врагов. Это обыкновенная участь выдающихся людей... Его популярность в Киеве так велика, что это становилось почти опасным для него. Но он благополучно вышел из самого трудного из испытаний: из фимиамов толпы. Он не обленился, не перестал работать, не почил на лаврах, не успокоился в блаженном созерцании своих побед... Около каждого вновь возникающего общественного дела мы видим знакомую фигуру А. И., бодрого, живого, горячо интересующегося всем и на все откликающегося... Это человек энергии и труда, человек холерического темперамента, настоящий общественный деятель <...> Даже враги не отрицают дара красноречия, которым одарила природа нашего избранника. Благородный голос, мягкий и звучный, свобода речи, никогда не испытывавшая затруднений, ясность мысли, выпуклость изложения и горячность подъема — все это достаточно известно киевлянам... А. И. Савенко является характерной фигурой эпохи национального возрождения... Пытались набросить тень на его убеждения. Одни находили его слишком правым, другие слишком левым. Одни видели в нем мрачного демагога, другие упрекали его в том, что он презирует народные массы... [Но] он объединяет в себе все лучшее, что есть у нас всех, людей разных политических оттенков, но одинаково любящих свою родину»²².

Блестящий ораторский талант Савенко отмечали и другие его современники: «Кто не помнит его на ораторской трибуне

с его выразительной фигурой, сверкающими взорами, пластическим жестом, звучным, в душу просящимся, голосом. Кто не поддадал под обаяние его слова, всегда содержательного и красивого, с умелой архитектурной постройкой, начинающегося с перечислением фактов, логически переходящего к обобщениям и кончающегося финальным захватывающим аккордом, в котором сдержанная страсть оратора сообщается слушателям, заставляя сочувственно трепетать все фибры их души и нервов. <...> Слава красноречия Анатолия Ивановича задолго опередила его появление в Государственной думе»²³.

Однако домашние воспринимали Савенко несколько иначе. Дочь вспоминала о нем как о человеке несдержанном, с тяжелым характером и крутым нравом. «...В те детские годы я четко воспринимала только три черты своего отца, — писала она, — отец — большой начальник; отец часто бывает сердитым, кричит в телефонную трубку, кричит на маму, на прислугу; отец добрый и ласковый с детьми»²⁴.

Очень показательный штрих для характеристики А. И. Савенко содержится в небольшом эпизоде, который оставил глубокий след недоумения у его дочери Ирины: «...В одно из воскресений повел папа нас с Тасей (Татьяна, старшая дочь А. И. Савенко. — *А. И.*) на Крещатик есть мороженое. Оттуда идем пешком вверх по Фундуклеевской (теперь — улица Ленина) по дороге к дому. Отец держит нас обеих за руки и что-то интересное рассказывает, а мы слушаем внимательно, во все уши, как всегда, когда говорит отец. И вдруг кидается прямо нам под ноги нищенка — девочка с Тасю ростом, в чем-то сером, рваном, несчастная, худая. И — к отцу. Так и впилась в него черными, как угли глазами: «Барин, дайте копеечку! Что милость ваша...» Помню, я почувствовала острую жалость и тут же, на смену ей, радость: вот сейчас будет очень хорошо, наш папа даст ей много денег, и девочка побежит к своей маме, и они купят себе еды, платьев. Но что же? Вместо того чтобы потянуться за кошельком, отец люто гаркнул на нищенку: «Пошла вон!» Так

злобно, с перехватом в горле. И так это было неожиданно, непонятно, ужасно. Девочка на какую-то минуту будто окаменела, одни глаза остались живыми, из них так и рвались боль, упрек, страх... И тут же убежала... Всю остальную дорогу я молчала, даже потихонечку плакала...»²⁵

Попав в 1912 г. в IV Государственную думу, А. И. Савенко присоединился к фракции русских националистов и умеренно-правых. Русский национализм был его политическим *credo*, и борьбе за возрождение русского национального самосознания были посвящены многие его речи. «Он справедливо считал, что в завещанной нам еще славянофилами формуле — Православие, Самодержавие, Русская Народность — первые два члена так крепко вкоренились в русское сознание, что их не вытравить отсюда никаким предательским подвохом и ухищрением; зато третий член — русская народность, благодаря многолетней отвычке нашей от самостоятельности, пришел почти в полное забвение и упадок»²⁶, — так объяснял политическую позицию Савенко Комитет объединенных русских партий и союзов Киева.

«Крепко стоя на корнях родной старины, национальная партия должна бережно и любовно охранять все то лучшее, что имеет сейчас Россия и что эволюционным путем может развиваться в еще лучшем, прекрасном»²⁷, — декларировал сам Савенко взгляды своей группы.

Как же понимал национализм А. И. Савенко? Национализм, писал он, «это прежде всего любовь — любовь к родному народу, к прошлому, ко всей его истории, к его особенностям»; национализм, полагал Савенко, «не продукт рассудочности и отвлеченных умозаключений: это чувство», «защищая жизнь национальную, мы делаем то, что должны и обязаны делать»; «национализм, как истинная культура, невозможен без консерватизма»²⁸. При этом для Савенко было всегда характерным подчеркивать прогрессивность исповедуемых им взглядов: «Что такое национализм в действии? Да ведь национализм,

национальное движение — это, гг., народно-общественная самодеятельность. Но разве народно-общественная жизнь самодеятельность может быть реакционна? Да ведь по самому существу вещей народно-общественная самодеятельность это есть движение, движение непременно и всегда вперед»²⁹. При этом, объясняя свое отличие в понимании прогрессивного пути от большинства современных ему либералов, Савенко заявлял, что оно заключается лишь в том, что либералы хотят, чтобы «Россия не шла вперед, а неслась бы вскачь», а он, «следуя в этом отношении принципам покойного Столыпина, предпочел бы, чтобы Россия шла вперед «на легком тормозе»...»³⁰. Миролюбивость русского национализма заключается в том, утверждал политик, что он ведет не наступательную, а лишь оборонительную борьбу за интересы государствообразующего народа. «Мы только культурно обороняемся»³¹, — подчеркивал он.

Став депутатом, А. И. Савенко работал в думских комиссиях для выработки законопроекта о печати, о шлюзовании Днепра; выступал докладчиком комиссий: бюджетной, по росписи доходов и расходов, а также по военным и морским делам³². Впрочем, к своим депутатским обязанностям он относился не слишком добросовестно, нередко пропуская заседания Думы без уважительных причин, за что однажды был даже подвергнут штрафу. Однако такое отношение к посещению думских заседаний не трудно объяснить — Савенко был убежден, что Думе было бы достаточно работать 2—3 месяца в году. «Будут возражать: но за 2—3 месяца ничего нельзя успеть сделать. Но это чистейший вздор, — заявлял он. — Дума и так ничего не делает. Она только разговаривает без конца. <...> [Но] 440-головое собрание дела делать и не может. Все дело должно делать правительство, чиновники <...> А члены Думы, собравшись на короткую сессию, должны одобрить или не одобрить те или иные законопроекты, те или иные сметы. Разговаривать, произносить речи, спорить и т. д. не надо. *Это должно быть запрещено...* Все эти речи совершенно бесцельны. Решительно никакого влияния на то или

иное решение вопроса речи никогда не имеют. Каждый член Думы голосует или согласно своему убеждению, или согласно постановлению своей партии. Дума должна не выслушивать речи, а просто одобрять или не одобрять тот или иной законопроект. А это одобрение или неодобрение должно выражаться голосованием, которое тем вернее выразит мнение народных представителей, чем меньше последние будут заморочены речами»³³. Такой подход к делу, полагал Савенко, не только сэкономит время и улучшит качество работы парламента, но и привлечет в него многих талантливых, но занятых людей, которые не могут позволить себе на протяжении пяти лет по восемь месяцев в году находиться в Петербурге, занимаясь думскими делами.

Несмотря на свою национально-патриотическую, государственническую позицию, А. И. Савенко накануне революции стал заметно сдвигаться влево. Еще до войны, в 1913 г. он писал супруге, делясь своими настроениями: «Отныне я революции не боюсь, она, даже она, гораздо патриотичнее, чем наше гнусное правительство, чем вся эта паршивая бюрократия, совершенно равнодушная к России»³⁴. Впрочем, здесь стоит отметить, что отношение к революции у Савенко всегда было противоречивым: с одной стороны он подчеркивал, что «в основе деятельности национал-консерваторов всегда лежит эволюционное, а не революционное начало», поскольку революция, «несмотря на самые благие цели, которыми иногда при этом руководствуются, всегда приносит не благо, а великий вред»; а с другой — делал оговорку, что «революции бывают весьма различны». «Мы хорошо знаем, — писал он в 1912 г., — что, например, великая французская революция вызвала во Франции сильнейшее национал-патриотическое движение»³⁵.

Поэтому неудивительно, что в годы Первой мировой войны, в условиях временных неудач русской армии и общенационального кризиса, Савенко оказался в рядах парламентской оппозиции. «Все то, что ныне переживает наше отечество, должно

заставить нас блокироваться налево — с центром и октябристами, а не направо. Нас пугают здесь крушением государственного строя, но сейчас дело идет не об этом, а о том, чтобы дружным единением страны и народного представительства довести войну до победного конца <...> Я против Керенских, но я в такой же мере и против Марковых 2-х. Я предпочитаю золотую середину умеренности. Нам нельзя оставаться одинокими, но для этого мы должны блокироваться отнюдь не с крайними правыми»³⁶, — заявлял он в 1915 г.

В итоге не без стараний А. И. Савенко думская фракция националистов раскололась надвое — на правых и левых. В рядах последних, получивших название фракции прогрессивных националистов и примкнувших к оппозиционному Прогрессивному блоку, оказался и Савенко, присоединившийся к штурму власти. В связи с этим видный правый националист Ф. Н. Безак, который в бытность киевским губернским предводителем дворянства немало способствовал избранию Савенко в Думу, сетовал в своих воспоминаниях, как он жестоко обманулся в этом человеке, который во время думских выборов сильно «перехватывал» вправо, а затем «поспешил перекинуться в «желтый блок», усердно подготовляющий революцию»³⁷.

Антимонархический настрой у Савенко тем временем продолжал прогрессировать, поэтому неудивительно, что Февральскую революцию он в целом встретил сочувственно и, более того, сумел удержаться «на плаву». Возглавляемый им клуб Савенко переименовал в киевский Клуб прогрессивных русских националистов и даже занял при Временном правительстве пост главного уполномоченного по водным и смешанным перевозкам в районе Днепра, Днестра, Буга и Черного моря. Временное правительство также назначило его комиссаром по сопровождению из Киева в Крым императрицы Марии Федоровны. Однако с углублением революционной смуты Савенко оказался вскоре слишком правым для своих новых «друзей» слева и в период корниловского выступления

был арестован Комитетом по охране революции, правда, не надолго.

В следующий раз за ним пришли уже после Октябрьской революции, но А. И. Савенко не стал дожидаться ареста. Наскоро изменив внешность (сбрив усы), он через черный ход бежал из дома, перемахнув через забор. Оставив семью (его супругу вскоре забрали в ЧК, желая выяснить местопребывание мужа, но, к счастью, вскоре отпустили), Савенко присоединился к белым, став одним из наиболее видных пропагандистов движения — сотрудником Осведомительного агентства Добровольческой армии (ОсвАг). Он публиковался в белогвардейских газетах, выступая против большевизма, ратовал за восстановление великой, единой и неделимой России, резко выступал против национального сепаратизма.

Характерна в этом отношении его брошюра «Украинцы или малороссы»³⁸, в которой он выступал с критикой «украинства», подчеркивая неразрывную связь Малороссии с Великой Россией. Центральным лозунгом программы по возрождению Малороссии должен быть «лозунг борьбы с изменническим украинством», писал Савенко военному губернатору Одессы генералу А. Н. Гришину-Алмазову³⁹.

Позже его дочь, по-видимому, благодаря советской пропаганде чувствовавшая себя украинкой, возмущалась: «Как могло случиться, что мой отец, украинец, сын простого переяславского казака, стал поборником «единой, неделимой России»...»⁴⁰ Но удивляться тут нечему — до революции украинцами называли себя только сепаратисты, мечтавшие об отделении Малороссии. Савенко же никогда к ним не принадлежал, полностью поддерживая лозунг, под которым выходила газета «Киевлянин», с которой он сотрудничал многие годы: «Это край русский, русский, русский!»

Также Савенко работал в тайной осведомительной организации «Азбука», которую возглавил его однопартиец и близкий друг В. В. Шульгин. «Я разыскал пропавшую Добрармию и стал

А. И. Савенко: метаморфозы русского националиста

извещать Деникина кое о чем, — вспоминал Шульгин о возникновении «Азбуки». — И одновременно появились какие-то деньги для поддержания связи с теми или иными политическими друзьями. Но чтобы их информировать, надо было иметь материал. Человек, хорошо разбиравшийся в том, что делается в Киеве, оказался налицо: Анатолий Иванович Савенко... Я попросил Анатолия Ивановича Савенко написать о Киеве. Он это выполнил и сказал:

— У вас будут, вероятно, и другие информаторы. Я хотел бы, так сказать, сохранить свою индивидуальность. Я буду работать под каким-нибудь псевдонимом. Ну, скажем, например, Аз. Так и было. И с этого и пошла «Азбука»⁴¹. Программа подпольной организации, члены которой получали в качестве псевдонима одну из букв церковно-славянского алфавита (Шульгин, к примеру, пользовался псевдонимом «Веди»), выражалась в четырех пунктах: Против большевиков. Против немцев. Против украинствующих. За Добрармию. Кому это было недостаточно, пояснялось: «Газету «Киевлянин» читали? Так вот и вся программа»⁴².

О «белогвардейском» периоде жизни А. И. Савенко кое-что стало известно благодаря фрагментам⁴³ из его, увы, пока так и не обнаруженного дневника⁴⁴. В Киеве Савенко появился вместе с белыми в 1919 г. «В ясный солнечный день 19 августа мы с Шульгиным приехали в Киев. Наняли извозчика, сложили на него вещи и пошли вслед за вещами пешком. Сердце колотилось в груди, когда я приближался к своему дому. Это был один из самых счастливых дней в моей жизни»⁴⁵, — отмечал А. И. Савенко. Их с Шульгиным целью была организация в Киеве съезда, на котором должна была быть создана Южнорусская национальная партия и возобновление издания «Киевлянина»⁴⁶. Вскоре Савенко стал товарищем председателя Внепартийного русского блока.

В Киеве А. И. Савенко вновь стал «большим человеком» — он был назначен начальником киевского бюро отдела пропа-

ганды Деникинской армии. Как пишет историк Белого движения А. С. Пученков, в сентябре — ноябре 1919 г. А. И. Савенко получил реальную власть в Киеве и рьяно взялся проводить русификаторскую политику⁴⁷. Самостийнические газеты и вовсе негодовали. «Нетрудно догадаться, что ничего другого, кроме уничтожения и разрушения украинской культуры, не может исходить для украинского народа от добровольческих политиков типа Шульгина и Савенко», — писала газета «Украина», прозвавшая Савенко «деникинским вандалом»⁴⁸. Впрочем, раздражение русский национализм Савенко вскоре стал вызывать и у деникинцев. «Савенко — это какой-то ограниченный фанатик идеи, который не способен понять никакой иной точки зрения, кроме своей. В пропаганде он не дает того организаторского таланта, которого от него ожидали. Терплю его только потому, что все левые усиленно требуют его ухода, и такая уступка только окрылила бы их на дальнейшую борьбу», — жаловался генерал А. М. Драгомиров главнокомандующему Вооруженными силами Юга России генералу А. И. Деникину⁴⁹. В результате в ноябре 1919 г. А. И. Савенко был отправлен в отставку.

А вскоре началось и отступление белых из Киева. Ушел с ними и Савенко, уговоривший супругу отпустить с собой сына Бориса, так как считал, что 14-летнему юноше-гимназисту оставаться при большевиках будет небезопасно. Ощущения того, что ему уже навсегда предстоит расстаться с семьей и начинать исход, у него первоначально не было. «Я по-прежнему был уверен, что еду ненадолго, но, пробыв около двух дней в поезде, в обстановке эвакуационной бестолочи и паники, я стал допускать, что мы можем доехать до Одессы...»⁵⁰ — писал он. Так оно и произошло. Только Одесса оказалась отнюдь не последним пунктом отступления — вскоре Савенко вместе с сыном оказался в Турции.

На этом эпизоде все энциклопедические справочники, изданные в России за последние годы, обрывают биографию

А. И. Савенко: метаморфозы русского националиста

А. И. Савенко, сообщая лишь, что скончался он в эмиграции после 1920 г. Однако это не так. Похоронив на острове Халки скончавшегося от сыпного тифа сына⁵¹, Савенко, тяжело переболев сам, впал в депрессию. Все, во что он верил, рухнуло. И, несмотря на уговоры друзей, он отказался следовать на Запад, решив вернуться в Россию. Характерна фраза, как-то оброненная им в разговоре: «А может быть, Ленин все же спасет Россию?»⁵²

«Отец полностью разочаровался в Белом движении за время своего с Борисом пути от Киева до Турции ... [Он] вернулся тайком от всех на Родину, работал там как советский служащий и умер в Керчи от скоротечной чахотки на советской земле, а не в Париже, как считали многие, как считают все, что-то о моем отце знающие»⁵³, — свидетельствует его дочь.

Осенью 1920 г. А. И. Савенко при помощи контрабандистов добрался до Крыма и обосновался в Керчи, больной и разочарованный, под вымышленным именем Артемия Ивановича Степуренко. Чтобы хоть как-то прокормить себя, бывший депутат Государственной думы устроился на работу дворником, а затем — юрисконсультom Рыбтреста. Ему удалось наладить связь с женой, письма к которой он подписывал псевдонимом «Твоя тетя». Высылал голодающим, питающимся кашей из желудей дочерям продукты — в памяти дочери на долгие годы запечатлелся эпизод, когда к ним от отца принесли бочку соленой сельди. Также запомнилась ей и последняя фотография А. И. Савенко, которую он отправил семье: «С каким удивлением, недоверием, даже ужасом вглядывалась я в него. Вот это — мой папа? Мой большой, уверенный в себе, крепко и красиво стоящий на ногах и смело глядящий вперед отец? Совсем-совсем не похоже. Старичок (ему было тогда сорок семь лет) с морщинистой кожей, с запавшими глазами, чуть как-то жалко улыбающийся. Голова не кверху, как раньше, а книзу, только глаза — на тебя. И в них — выражение какой-то просьбы, виноватости, чего-то такого, от чего хочется плакать...»⁵⁴

В конце 1921 г. супруга Савенко поехала повидать мужа, но застала его уже умирающим на руках у беззаветно любившей его молодой женщины. Они вместе выхаживали его, но в конце концов Надежда Новоспасская была вынуждена оставить мужа на попечение его новой возлюбленной и вернуться к детям. Скончался Анатолий Иванович в 1922 г. в Керчи и был похоронен на местном кладбище под своей настоящей фамилией.

Много метаморфоз было в жизни этого одаренного человека, далеко не во всем и не всегда был он прав, много было в его судьбе достойного уважения и осуждения, но, как справедливо писала его дочь, «горячо любя Родину, он всем сердцем, всеми помыслами желал ей добра... Он служил ей беззаветно, бескорыстно, не стараясь урвать побольше для себя»⁵⁵.

В заключение скажем несколько слов о том, как сложилась дальнейшая судьба семьи А. И. Савенко. Его вдова вскоре вышла замуж за профессора Н. А. Столярова, но не по любви, а чтобы дети не умерли с голоду. В 1935 г. власти вспомнили о семье политика-националиста и принялись за ее «разработку». Вдова Савенко и младшая дочь Наталья были арестованы и заключены в Лукьяновскую тюрьму, в которой протомились три месяца. Затем их выслали в административную ссылку в Чикмент. В июне 1941 г. «для профилактики» арестовали и дочь Ирину, которую после тюремного заключения, длившегося около года, выслали на пять лет в Красноярский край. Впоследствии дочь Савенко Ирина работала музыкальным и литературным работником. Благодаря ее воспоминаниям (увы, до сих пор игнорируемым историками!) нам многое стало известно о жизни А. И. Савенко.

Примечания

¹ Цит. по: *Савенко И. Наяву — не во сне. Роман-воспоминание*. Киев, 1988. С. 21.

А. И. Савенко: метаморфозы русского националиста

² Кальченко Т. В. Савенко Анатолий Иванович // Кальченко Т. В. Киевский клуб русских националистов. Историческая энциклопедия. Киев, 2008. С. 242.

³ Наш кандидат Анатолий Иванович Савенко. Киев, 1912. С. 5.

⁴ См.: Савенко А. И. Великая церковь Киево-Печерской Лавры. Киев, 1901; *Он же*. Путеводитель по Днестру и Десне от Киева до Екатеринослава и Чернигова. Киев, 1902; *Он же*. Столица Северской земли. Из поездки в Чернигов. Киев, 1903.

⁵ Санькова С. М. Русская партия в России. Образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908–1917). Орел, 2006. С. 72.

⁶ Наш кандидат Анатолий Иванович Савенко... С. 6.

⁷ Цит. по: Савенко И. Указ. соч. С. 30.

⁸ Как вспоминала дочь А. И. Савенко, Ирина, у них дома долго хранился экземпляр составленного отцом путеводителя по Днестру и Десне с дарственной надписью: «Дорогой, милой моей невесте Надечке в день приезда ее в Киев 20 июля 1902 года — от автора — Тольки» (Савенко И. Указ. соч. С. 32).

⁹ Савенко И. Указ. соч. С. 23.

¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹ В недавно вышедшей авторитетной энциклопедии имя сына Савенко (Василий, вместо Борис), равно как и год его рождения (1899, вместо 1904), указано неверно. См.: Коцюбинский Д. А. Савенко А. И. // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 544.

¹² Морозова Т. В. Радостные арии Надежды Новоспасской и печальные... // http://www.morozova.h.com.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=94&Itemid=60

¹³ Цит. по: Санькова С. М. Указ. соч. С. 40.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 44.

¹⁶ Цит. по: Санькова С. М. Указ. соч. С. 113.

¹⁷ Наш кандидат Анатолий Иванович Савенко... С. 9–10.

¹⁸ Савенко И. Указ. соч. С. 36, 320.

¹⁹ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 103.

²⁰ Подробнее об этом см.: Иванов А. А. Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И. В. Омелянчука) // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 171–175.

²¹ Курлов П. Г. Гибель императорской России. Воспоминания. М., 2002. С. 97–98.

²² Цит. по: Кальченко Т. В. Указ. соч. С. 243–244.

²³ Наш кандидат Анатолий Иванович Савенко... С. 16–17.

²⁴ Савенко И. Указ. соч. С. 46.

²⁵ Там же. С. 46–47.

²⁶ Наш кандидат Анатолий Иванович Савенко... С. 11–12.

²⁷ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 52–53.

²⁸ Там же. С. 83, 91.

²⁹ Там же. С. 87.

³⁰ Там же. С. 90.

³¹ Там же. С. 96.

³² Коцюбинский Д. А. Савенко А. И... С. 544.

³³ Савенко А. И. Дума и правительство. Киев, 1909. С. 2.

³⁴ Цит. по: Лопухова А. В. Националисты в Государственной думе Российской империи. Дисс. ... канд. ист. наук. Самара, 2005. С. 152.

³⁵ Цит. по: Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия... С. 90, 144.

³⁶ Биржевые ведомости. 1915. 12 августа.

³⁷ Безак Ф. Н. Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / сост. А. А. Иванов. М., 2008. С. 356.

³⁸ Савенко А. И. Украинцы или малороссы? (Национальное самоопределение населения Южной Руси). Ростов-на-Дону, 1919.

³⁹ Пученков А. С. Национальный вопрос в идеологии и политике южнорусского Белого движения в годы Гражданской войны. (1917–1919 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. С. 62.

⁴⁰ Савенко И. Указ. соч. С. 5.

⁴¹ Шульгин В. В. Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны / сост., вступ. ст., послесл. Н. Н. Лисового. М., 2002. С. 267.

⁴² Там же. С. 267–268.

⁴³ См.: Якубовский С. Крушение (из неопубликованных «Записок» Анатолия Савенко. 1919 — 1920 гг.) // Вечерний Киев. 1927. № 2–3; Савенко И. Указ соч. С. 13–16.

⁴⁴ Дневник А. И. Савенко, озаглавленный им «Последние дни жизни Боречки», представлял собой четыре толстые общие тетради, описывающие его скитания с сыном после исхода белых из Киева и их эмиграции в Турцию. Дневник хранился в семье Савенко, однако в 1935 г. был изъят органами НКВД.

А. И. Савенко: метаморфозы русского националиста

⁴⁵ Цит. по: *Савенко И.* Указ соч. С. 13.

⁴⁶ *Пученков А. С.* Указ. соч. С. 41.

⁴⁷ Там же. С. 65–66.

⁴⁸ Там же. С. 66.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Цит. по: *Савенко И.* Указ соч. С. 15.

⁵¹ А вовсе не «расстрелянного Одесской ЧК», как указывает Д. А. Коцюбинский. См.: *Коцюбинский Д. А.* Савенко А. И. // Государственная дума Российской империи... С. 544.

⁵² *Савенко И.* Указ соч. С. 19, 79.

⁵³ Там же. С. 17.

⁵⁴ Там же. С. 106.

⁵⁵ Там же. С. 104.

С. В. Дроков*

МАРИЯ БОЧКАРЕВА: КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РУССКОГО ВОИНА

Конец 1950-х... В московский троллейбус, с немногочисленными пассажирами, тяжело поднялась небольшого роста, плотного телосложения пожилая женщина. Короткая стрижка седых волос, мешковатое пальто, разношенная обувь — все как у других. Кроме одного — гордой осанки и уверенного взгляда. Опустившись на сиденье, женщина устало оглянулась вокруг, а затем засмотрелась на поток спешащих куда-то машин.

Как часто бывало в московском транспорте, среди пассажиров зашел разговор о жизни. Говорили свободно — время страха за свои слова постепенно забывалось. «Да-а, — протянула женщина, вступая в беседу, — так ли было в семнадцатом году!» «Да откуда же вы знаете, что и как было?» Распрямив плечи и вздернув подбородок, она заявила: «Знаю, я — Бочкарева!» Но троллейбус доехал до конечной остановки, надо было выходить. Пассажиры, недоуменно посмотрев на старушку, поспешили к выходу. Дождавшись, когда все выйдут, не спеша, с достоинством, неизвестная москвичам Бочкарева выплыла на тротуар¹...

О целом ряде женщин, волею судьбы сыгравших заметную роль в российской истории, практически мало что известно. Главная причина этого заключается в сложившейся вековой

* Кандидат исторических наук, ведущий аналитик ЗАО «Прософт».

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

традиции отводить для женщины место кухарки, воспитательницы детей и наложницы в «крепком тылу» мужчины. Отсюда то общественное изумление и неприязнь к отступнице от признанных догм и запретов. На такую смотрят как на диковинку, с усмешкой покручивая палец у головы и... со временем забывают. Ведь приговор общества суров и обжалованию не подлежит — что с бабы возьмешь?

В периоды исторических потрясений часто появляются неординарные исторические натуры. Для их действий открывается широкий простор. Во все века сила призыва «За веру и Отечество!» поднимала из самых глухих уголков необъятной России ее верных сынов и дочерей и направляла их туда, где решалась судьба Отчизны.

Мария Бочкарева с ее трагической судьбой — одна из самых загадочных фигур отечественной истории XX века. И самых спорных тоже. Женщина, принимавшая участие в бурных политических событиях переломного периода в истории нашей страны, имевшая встречи с известными политическими лидерами, прожившая, наконец, жизнь, редкую по разнообразию и богатству ощущений, не может встретить равнодушного к себе отношения. Все тяжелые испытания и невзгоды, выпавшие на долю россиян в годы Первой мировой войны, Октябрьского переворота 1917 года, Гражданской войны и строительства «социализма», как в капле воды, отразились в судьбе неграмотной крестьянки...

Казалось бы, на фоне всеобщего развала от женщины уместнее было бы ожидать применения «природного оружия» — слез и истерики, но она берет в руки ружье, одевает военную форму. В момент сдвига моральных ценностей родилась особая от праздной толпы порода людей. «Бочкаревские дуры»² не собирались побеждать немцев в кровавых боях, для этого их было слишком мало. А как сказала одна из них: «Когда после боев повезут по всей России искалеченных женщин-доброволиц, тогда, может быть, опомнится русский солдат, вернется в свою

часть дезертир и русская армия до конца исполнит свой долг»³. Для оценки подобного исторического явления важно понять внутренний мир его участников — добровольных смертниц.

Судьба Бочкаревой типична для большинства женщин-солдат ее батальона. Но как организатор она обладает большим жизненным опытом. Этот опыт помогал настойчиво добиваться поставленных целей, сознания принятых обязательств, требовательной оценки своих возможностей. Сказать, что она переродилась в мужчину, значит, недопонимать роль женщины в обществе, что, впрочем, зависит от персонального мировоззрения.

Не стоит также анализировать каждый поступок Марии. Намного важнее понять принципиально новую эволюцию «женской доли», явное отсутствие в этом схематичной логики. Следует помнить ответ Иисуса Христа на вопрос апостолов, для чего среди них Мария Магдалина: «Когда вы сделаете женское как мужское, внутреннюю сторону как внешнюю, и внешнюю сторону как внутреннюю, и верхнюю сторону как нижнюю, многое как одно и одно как многое, тогда вы войдете в Царствие»*. Сделать внутреннее как внешнее, а внешнее как внутреннее означает познание великой тайны мужского и женского. Распределение между ними ролей замкнет горизонт мысли в рамках безысходной предрешенности греха...

13 мая 1918 г. в одном из американских тихоокеанских портов с трапа парохода «Шеридан» сошла на берег необычно одетая женщина. В армейских бриджах, заправленных под краги, с медалями за отличную боевую службу, среди которых ярко выделялись, позвякивая, Георгиевские кресты, гостя произвела фурор. Эмигрантская газета «Русский голос» писала: «С большим трудом ей удалось ускользнуть от большевистских лап... Благодаря содействию сторонников правительства Ке-

* Автор приводит фрагмент из апокрифического Евангелия от Фомы. — *Прим. редактора.*

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

ренского ей удалось бежать по Сибирской железной дороге во Владивосток, переодетой сначала крестьянкой, а затем мужчиной. Госпожа Бочкарева стала известной после того, как организовала батальон, состоявший исключительно из женщин... «Я сформировала «Женский батальон», чтобы бороться за спасение России от тевтонского нашествия... Российский народ послушался обещаний самозванцев и забылся в опьянении. Но он пробудится и жестоко расправится с действительными врагами»...»⁴

Журналистка Кириенко, описывая свою встречу с Марией Леонтьевной Бочкаревой в нью-йоркском отеле, отмечала: «Госпоже Бочкаревой на вид лет тридцать — тридцать шесть. Тип женщин из центральных губерний России. Круглое, полное, почти мужское лицо, несколько грубоватые черты. Остриженные волосы. Держится по-военному — выправкой и движениями. Носит форму подполковника в «хаки». На плечах погоны с просветами и тремя звездочками. На ногах американские военные ботфорты». «Нельзя ли узнать цель вашего приезда в Америку?» — задала вопрос Кириенко. «Я приехала сюда по делу чрезвычайной важности. В чем оно, сейчас не могу сказать, но о нем узнают через несколько дней...»⁵

Кем же была Маруся Бочкарева и почему ее личность вызвала столь неожиданный интерес? Неужели так случилось, что молитва ее матери перед почерневшими от времени ликами святых в убогой лачуге под Томском, осеняла, спасала и помогала в трудные минуты?

«Богородице Дева, радуйся! Благодатная Мария, Господь с Тобою, благословенна Ты в женах и благословенен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших. Доченька, Маруся! Как изболелась душа моя по тебе, исстрадалась. Где ж носишь тебя, жива ли? Как сейчас помню лицо твое в слезах, как просила дозволения уйти в солдатки. Прости, что в сердцах накричала, слово страшное вырвалось, мол, дочь твою не будешь. Коса твоя, что ты отрезала, в сундуке лежит, и как хлыст она для меня на-

поминанием. Отсекла ты долю бабью тяжелую, да ярмо себе на шею повесила. Не поймет тебя свет белый, затопчет...»

Сколько подобных этой, перед затопленной лампадкой, под скрип половиц и скрежет сверчка, было произнесено молитв?! Молились матери... И не важно, в бриллиантах или с единственным стертым трудом и временем медным обручальным кольцом, складывались персты для поклона перед Господом и Пресвятой Богородицей. Молились за единственных, своих.

«Хочу Вам сообщить, — писала мне москвичка Галина Васильевна Моисеева, — что, со слов моей мамы, ее сестра Татьяна Игнатьевна Цыпкина служила в Женском батальоне смерти. Сколько времени прослужила она там, неизвестно, так как в 1918 г. она встретила с Викентием Осиповичем Ермушом — комиссаром бронепоезда имени III Интернационала. Впоследствии он стал ее мужем, уговорив выйти из батальона. И в 1918 г. она вступила в большевистскую партию... Знаю, что Татьяна какое-то время работала в Смольном. По характеру она с детства была озорной, смелой, решительной, в разговоре порой резкой. Всегда хорошо одевалась, причесана, хорошо готовила и обладала прекрасным голосом — контральто»⁶.

В гостеприимном доме москвички Анны Соломоновны Рацер-Жегаловой неспешный рассказ шел о Марии Илларионовне Можаявой, 1885 г. р. «Где-то в двадцатых годах моя мама работала в организации под названием ЦЭРЭК делопроизводителем. Было такое управление судоходства по морям и рекам, — вспоминала Анна Соломоновна. — И вот однажды к ней прислали безработную машинистку-курьера Можаяву. Мама очень ее жалела и всячески помогала. Мне самой было тогда восемь лет... Жила она где-то в Калашном переулке, на Никитской, в маленькой комнатке, на первом этаже. Нас удивляло, что одевалась она в военную форму цвета хаки: гимнастерка, юбка, сапоги. Стрижка — полька. У нее, по ее рассказам, ничего больше и не было, так как родители погибли в Казани. Несколько позже мы узнали, что она служила солдатом

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

«летучего батальона смерти». Во время нэпа торговала с лотка пирогами на углу Сретенских ворот и Большой Лубянки. Все получалось у нее нескладно: от голода съедала почти весь свой товар. Где-то в 1935—1936 гг. ее арестовали, и она исчезла. Мама пыталась что-либо узнать, но увы!

В 1941 г. из лагерей и тюрем выпустили много народу, в том числе и Можаяву... В 1946 г., уже после ее прописки в Москве в старой квартире, ее вновь арестовывают, опечатывают комнатку в коммуналке и вывозят весь скарб. В 1963 г. Мария Илларионовна меня разыскала и пришла в гости. Мама уже умерла. Она сообщила, что ей дали по реабилитации новую квартиру, но материально было плохо... По ее рассказам, она работала в Магадане на поселении и ухаживала за свиньями. Точно не помню когда, в 1966 или 1967 г., мне позвонили из больницы и сказали, что звонят по ее просьбе, так как она умирает⁷. Так закончилась жизнь солдата «летучего батальона смерти».

А вот письмо из «казенного дома» от омича Юрия Анатольевича Якунина. В ходе большой работы по реабилитационным делам он выявил документы с поистине детективной завязкой. В сентябре 1919 г. на станции Шумиха была задержана пассажирка, не имевшая пропуска. В дамской сумочке сохранилось лишь удостоверение, выданное Комиссией попечения о пленных и раненых в Латвии. По нему следовало, что Евдокия Алексеевна Соколова едет из Риги к месту жительства в Томск. О себе она рассказала чекистам, что в 1914 г., после отправки мужа — офицера Дрогобужского полка — Александра Соколова на германский фронт, добровольно поступила на военную службу: конную разведку 2-го Сибирского полка. За беззаветную храбрость была награждена Георгиями всех степеней и произведена в прапорщики. Муж Евдокии погиб под Варшавой в 1915 г., а сама она в том же году раненной угодила в немецкий плен, из которого бежала вместе с двумя русскими офицерами.

Правда, если эта часть ее рассказа излагалась последовательно, то о фактах своей последующей биографии она сообщила

противоречивые сведения. Вначале Евдокия утверждала, что родилась в поместье дворянина, полковника А. М. Артемьева в Томской губернии, затем изменила место рождения на Варшаву, а отца — на полковника А. Б. Гудовича. Чем и навлекла на себя подозрения чекистов в причастности к колчаковской разведке, с последующим направлением в концлагерь на два года⁸. Далее следы Е. А. Соколовой потерялись...

Не менее любопытна история женщин-морячек. 30 июня 1917 г. начальник Кольского района и отряда судов обороны обратился в Петроградский комитет кружка «Русские женщины, сплотитесь» с письмом, где писал: «Для обслуживания береговых учреждений Кольской морской базы и различных жизненных потребностей необходима женская организованная артель в 100—150 человек... Жалованье всем при бытовом помещении и столе матросской порции 90 рублей в месяц»⁹.

На следующий день комитет кружка подал прошение главнокомандующему П. А. Половцеву с просьбой разрешить «составить морскую женскую команду для похода в окопы, обслуживания кораблей, тыловых работ, словом, туда, где нужна будет ответственная и необходимая для чести и пользы дорогой Родины работа»¹⁰. Генералу уже приходилось принимать строевые смотры женщин-солдат, о чем писал в своих воспоминаниях: «Потеха замечательная. Хорошо отчеканенный рапорт дежурной девицы один чего стоит, а в казармах «штатская одежда» и шляпки с перьями, висящие на стене против каждой койки, производят оригинальное впечатление. Зато строевой смотр проходит на 12 баллов. Удивительные молодцы женщины, когда зададутся определенной целью»¹¹. Видимо, в предвкушении очередной «потехи» Половцев дал согласие женщинам примерить матросскую робу, гюйс и беску.

12 июля по флоту и морскому ведомству за подписью А. Ф. Керенского был объявлен приказ № 397 об организации Первой морской женской команды при Морской учебно-стрелковой команде в городе Ораниенбауме, численностью

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

150 человек. После прохождения строевого обучения предполагалось отправить эту команду для обслуживания береговых учреждений Кольской морской базы. Тем же приказом предписывалось принимать «женщин с крепким здоровьем, ввиду особенностей зимней службы в арктическом климате»¹². Набралось всего 35 человек. Поэтому морской министр приказал морскую женскую команду расформировать, а «записавшихся же в нее считать кандидатками на соответствующие их специальностям обязанности, если таковые могут быть применены к морскому ведомству, предоставив им поступать по вольному найму на освобождающиеся вакансии»¹³. 15 августа 1917 г. этот батальон был фактически расформирован.

Но «мужики в погонах и лампадах» просчитались. Не учли извечного тяготения второй половины рода человеческого ко всему новому. На этот раз — к брюкам клеш и бескозыркам. 22 августа комитет «Русские женщины, сплотитесь» обратился в Главный морской штаб за разъяснением, какие должности по вольному найму могут замещаться добровольцами. Потребовал также признать необходимым «оставление за добровольцами права ношения форменной одежды, так как лишение таковой вызовет среди них справедливое чувство обиды, так как все поступившие в команду были обнадежены как в этом отношении, так и в смысле дальнейшей службы»¹⁴.

Через день пришло решение Главного морского штаба: «Желающим из принятых в команду женщинам отправиться в распоряжение начальника Кольской базы для службы по вольному найму. Желающих отправить по месту назначения, удовлетворив проездными бланками и кормовыми по положению. Ввиду состоявшегося переобмундирования их в матросскую форму и невозможности самим приобрести необходимые платья, взамен старого и распроданного, разрешено выданное им по положению обмундирование, включая и первый срок, не отбирать»¹⁵.

Но радость женщин от ношения морской формы была недолгой. 10 сентября Главное управление по делам личного

состава уведомило начальника Морской учебно-стрелковой команды о необходимости переобмундирования добровольцев, отправляющихся на Кольскую базу, в армейскую форму, а «выданное им матросское обмундирование отобрать, за исключением сапог и белья»¹⁶.

Из числа записавшихся в сентябре в Морскую женскую команду (35 человек) в распоряжение начальника Кольского района отправилось... 6 человек. Остальные — в Женский военный союз и Комиссию по трудовой женской повинности. Самый дальний «морской поход» оставшихся в Ораниенбауме морячек исчислялся несколькими десятками метров по побережью Финского залива. Итого 6 против 29. Первоначальные намерения женщин, образовавших морскую команду (помните, «для похода в окопы, обслуживания кораблей...») как-то сами собой поухли. Более того, обустроенная твердь под ногами показалась перспективнее для «ответственной и необходимой для чести и пользы дорогой Родины работы».

Оставшиеся в Ораниенбауме 29 женщин снимать форму и уезжать на места «трудовой женской повинности» особо не торопились. Они заручились поддержкой Центрального комитета Всероссийского военного флота (Центрофлот), который 14 сентября ходатайствовал перед руководством Морской учебно-стрелковой команды: «Входя в тяжелые исключительные условия некоторых лиц женского батальона, находящихся при стрелковой команде, Центрофлот считает своим нравственным правом предоставить им временно пока находиться на своем старом месте и пользоваться всеми видами довольствия, вплоть до ношения временно матросской формы, не чиня никаких препятствий»¹⁷.

Тем временем революционные идеи о всеобщем братстве, выразительные слова (и не только) на публичных митингах будущего деятеля международного женского движения А. М. Коллонтай настолько воодушевили некоторых матросок, что их высокий покровитель вскоре вынужден был призвать к порядку:

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

«Независимо от сего объявить лицам женского батальона, что Центрофлот, беря их под некоторое свое покровительство, уверен в том, что со стороны лиц женского батальона не будут повторяться случаи некорректного поведения, позорящие форму и достоинство матроса. При повторении же позорных деяний Центрофлот лишает их своего попечительства»¹⁸.

...Нечто похожее наблюдалось поначалу и в сухопутных женских частях. Зарубежная гостыя вспоминала: «Ничто так не будоражило общественный интерес во время Великой войны, как Батальон смерти, сформированный русскими женщинами. Слыша о нем так много еще до отъезда из Америки, я решила, что по приезду в Россию первым моим делом станет посещение батальона. В течение 6 месяцев я наблюдала за любопытным движением, разделившим его на два враждующих лагеря. Их лидер Леона Бочкарева получила небольшие побои и находилась в госпитале. Избитая, непонимающая, она заявляла: «Не желаю связываться с бабами! Я не верю им». Если бы она знала, какое значение имеет секс...

Недалеко от Смольного института находился вербовочный пункт. Это стало местом, где я приобрела первых друзей среди женщин-солдат. Невысокая коренастая девушка с коротко стриженными черными волосами стояла, неуклюже держа большое ружье со штыком. Она по-военному окликнула меня: «Стой! Кто идет?» Я поняла, что эта девушка — часовой, и объяснила цель своей миссии. Внутри пункта на стульях в коридоре сидела небольшая группка из двенадцати девушек. На них были надеты странные одежды: одна в бальных туфлях и легкомысленном корсаже, другая во французских туфлях на высоком каблуке и еще одна в коричневых туфлях на кнопках и зеленых чулках — единственная универсальная схожесть друг с другом в коротких прическах и наличии мужских штанов...»¹⁹

24 октября 1917 г. батальон получил приказ из штаба Петроградского военного округа — прибыть со станции Левашово, что по Финляндской железной дороге, на Дворцовую площадь

столицы. Когда командир батальона штабс-капитан Лосков узнал, что он вызван для охраны Временного правительства, то увел женщин в казармы. Лишь часть 2-й роты, где-то около 130 человек, приехавшая в Питер раньше, приняла все-таки участие в защите «последнего оплота самодержавия». Она занимала оборону на первом этаже дворца от главных ворот до Миллионной улицы. После выстрелов с Петропавловской крепости, крейсера «Аврора» и небольшой перестрелки эта рота выслала парламентариев и заявила о желании покинуть позицию. Личный состав был разоружен и... изнасилован. Никакого участия в «дворцовой истории» Мария Бочкарева не принимала²⁰.

Из интервью Бочкаревой: «Наш отряд уехал на фронт, а 29-числа прибыл на позицию. Хочу сказать честно, что мы были встречены солдатами с удивлением и даже враждебностью. Они никак не ожидали, что у русской женщины окажется больше храбрости, больше любви к родине и больше понимания истинной свободы, которую мало завоевать, но надо еще и защищать, чем у них, среди которых развелось много трусов и предателей. Ни в одной из воюющих армий не было женских батальонов, кроме русской, и это лучше всего доказывает, какой развал внесли враги свободы в когда-то доблестные наши войска. Мы дошли до того, что женщина должна была идти впереди и показывать всем мужчинам-воинам, как надо защищать родину и свободу. Какой позор!

В подтверждении этого расскажу о нашем боевом крещении. В ночь с 7 на 8 июля 1917 г. полк должен был наступать на фронте Сморгон — Крево. Работа артиллерии быстро уничтожила немецкие проволочные заграждения и окопы. По первому приказанию женский батальон безудержно ринулся вперед на первую линию германских окопов. К нашему ужасу, среди солдат что-то произошло. Часть пошла вперед, большинство же повернулось к врагу спиной. Отчаянные призывы и увещевания женщин успеха не имели. В этот момент неприятель осыпал нас тяжелыми снарядами. Женский батальон и верные

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

долгу солдаты тем не менее пошли вперед и завладели двумя линиями окопов. В общей сумятице мы сбились с пути. Вместо того чтобы следовать за полком, мы взяли вправо и попали на место, усиленно обстреливаемое немцами. Вблизи виднелся Новоспасский лес. Батальон рассыпался цепью и пробрался в него. Призывы на помощь не действовали на трусов. Солдаты отвечали, что боятся леса, так как там могут быть немцы. В этом первом бою мы потеряли около 30 убитыми и до 70 ранеными женщин-солдат»²¹.

Слово «война» женского рода, но то, что стоит за ним, далеко не женское дело... Почему же при каждом новом витке истории, как в русской карточной игре «Акулька», разыгрывается именно Дама? Мария Леонтьевна Бочкарева — организатор Женского батальона смерти, Георгиевский кавалер. За свою жизнь имела несколько кличек: Манька, Бук, Яшка, Вражина. За каждой стояла пусть небольшая, но созвучная движению времени и душевному порыву история.

В 1905 г. на посиделках без долгих ухаживаний к ней посватался Афанасий Бочкарев. 22 января в метрической книге Вознесенской церкви появилась запись: «Первым браком Афанасий Сергеев Бочкарев, 23 лет, православного вероисповедания, проживающий в Томской губернии, Томском уезде, Семилужской волости, деревне Большое Кусково» взял в жены «девицу Марию Леонтиеву Фролкову, 18 лет, православного вероисповедания, проживающую в Томской губернии, Томском уезде, Ново-Кусковской волости, поселке Ксеньевском»²². Чтобы встать под венец, Марии понадобилось к своим шестнадцати приписать два года — случай довольно прозаический в простых крестьянских семьях. Первое супружеское лето они встретили, работая в иркутской конторе по укладке мостовой, получая семьдесят копеек в день. Там Мария и получила первую кличку Манька, слыша со всех сторон смех и издевательства.

Афанасий запил, не желая терпеть мучительные побои и унижения, женщина сбегает в Сретинск. Нанимаясь прислугой,

она и не подозревала, что попала в услужение в публичный дом. Ее гражданским супругом стал Янкель Гершев Бук, 23 лет, отсидевший срок в Иркутской тюрьме и занимавшийся карточным шулерством, воровством и грабежами. Тем не менее молодые сошлись.

Пожалуй, Яков стал той настоящей любовью Марии, к которой она стремилась всем сердцем. Открыли мясную лавку, где она стала первой женщиной-мясником, получив кличку Бук. Но семейная жизнь продолжалась всего три года. В один из майских вечеров 1912 г. Бука вновь посадили в тюрьму. Открыто называя себя гражданской женой, с неимоверным трудом Мария добивается свидания с любимым в Иркутском центре. Более того, решает отправиться с ним по этапу в ссылку, для чего самоарестовывается.

Этап околоточных каторжников двинулся в мае 1913 г. Среди документов на административно-ссылного Янкеля Бука сохранились постановления якутского губернатора И. И. Крафта от 15 июня 1913 г. о назначении Бука на жительство в село Павловское Якутского округа и от 14 июля того же года, переназначавшее Якова на жительство в Якутск, без выдачи казенного пособия. В архивном деле проходит упоминание и о Бочкаревой. Так, по агентурным данным, прибыв в Якутск 14 июня, Яков тут же развернул прежнюю деятельность — скупает и перепродает вещи, а съезжая с квартиры учителя Темкина, дочиста ее обкрадывает. На другой день, после кражи, к учителю явилась Мария Леонтьевна с требованием отдать забытые при «переезде» две новые шляпы²³. Из-за отсутствия улик возбуждать уголовное дело не стали...

В августе 1914 г. пришел приказ о мобилизации на фронт. Услышав призыв на защиту родины, Бочкарева разрывает все отношения с карточным шулером: «Мое сердце стремилось туда — в кипящий котел, принять крещение в огне, закалиться в лаве. Дух жертвоприношения вселился в меня. Моя страна звала меня». И из Томска посылает телеграмму императору с

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

просьбой разрешить завербоваться в солдаты. К всеобщему удивлению, получает высочайшее согласие.

Настал день, когда Бочкарева, надев праздничное платье, отправилась к командующему 25-м Томским резервным батальоном, который зачислил Марусю в вольнонаемные солдаты. По неписаному правилу, среди русских солдат существовало правило давать друг другу клички. На вопрос, как назвать ее, Мария, вспомнив о Буке, ответила — Яшка.

Февральским днем 1915 г. полк получил назначение следовать в Полоцк в распоряжение 2-й армии генерала В. И. Гурко. Уже на третий день после прибытия солдаты пошли в наступление, потеряв двоих убитыми и пятерых ранеными. Ночью немцы предприняли газовую атаку. Яшка на руках выносила однополчан. За «выдающуюся доблесть, проявленную в спасении многих жизней под огнем», она получила свою первую награду. Особенно ей запомнился день 15 августа 1915 г. — самый кровавый бой, когда позиции переходили из рук в руки. За «храбрость при обороне и наступлении, за оказание помощи, несмотря на ранение, на поле битвы» Маруся представляется к высшей солдатской награде кресту Св. Георгия 4-й степени.

Она оказалась храбрым солдатом: ходила в штыковые атаки, выносила раненых с поля боя, сама была несколько раз ранена и контужена. За боевое отличие получила полный бант Георгиевских крестов и ряд медалей. Яшке присвоили звание младшего, затем старшего унтер-офицера. На Юго-Западном фронте в мае — июле 1916 г. отличилась во время Брусиловского прорыва австро-венгерского фронта. Генерал А. А. Брусилов лично вручил ей награду.

1917 год. Яростное выступление Бочкаревой против братаний на передовой и агитации за начало Гражданской войны едва не стоило ей жизни. На этом митинге она познакомилась с председателем Государственной думы М. В. Родзянко, приехавшим на фронт. Дальше события разворачивались стремительно. Идея организовать батальон возникла у Бочкаревой на собрании

солдатских депутатов в Таврическом дворце — женский батальон мог бы послужить примером воинской доблести и чести всему фронту. Бочкарева обсуждает свой проект с генералом Брусиловым, получает аудиенцию у А. Ф. Керенского.

Выступление Марии 21 мая 1917 г. в Мариинском дворце с призывом к гражданкам России организовать батальон для «поднятия духа армии и просветительно-агитационной работы» можно смело считать датой создания 1-го Петроградского женского батальона. «Граждане и гражданки! — призывала Яшка. — Наша мать погибает. Наша мать — Россия. Я хочу ей помочь. Я обращаюсь к женщинам, чьи сердца как кристалл, а души чисты и возвышенно бьются. Рядом с такими женщинами — примерами самопожертвования вы, мужчины, выполните свой долг в этот суровый час испытаний до конца!»²⁴ Желавших завербоваться в армию питерских женщин было так много, что выделенного помещения в Доме инвалидов не хватало. Поэтому Бочкарева получила здание Коломенского женского института. Свыше двух тысяч заявлений легло на стол учредителям батальона. Потом женщины прошли медосмотр. Начались учения...

Вставали в 5 утра и до 9 часов вечера обучались на плацу. Короткий отдых и простой солдатский обед. Батальон состоял из четырех рот, по 280 штыков в каждом; пулеметной команды, команды пеших и конных разведчиков, команды связи и саперной, хозяйственной части, нестроевой роты, лазарета и полкового штаба. Всего насчитывалось около тысячи женщин-ударниц, 12 офицеров-инструкторов и 3 унтер-офицера.

Корреспондент газеты «Биржевые новости», посетивший казармы, отмечал в июне 1917 г.: «Бросается в глаза интеллигентная внешность солдат. Еще бы: в составе батальона до 30% курсисток (есть бестужевки) и свыше 40% со средним образованием... Всюду звенящим металлом звучит команда организатора батальона — унтер-офицера Бочкаревой. Она мелькает, как метеор, перебегая от одного взвода к другому,

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

и вся горит огнем вдохновившей ее идеи...»²⁵ Наконец долгожданный день отправки на фронт настал. 21 июня 1917 г. батальон в новом обмундировании, в приподнятом настроении выступил в полном параде на площади перед Исаакиевским собором. В гробовом торжественном молчании раздалось имя Бочкаревой, и она вышла вперед. Генерал Л. Г. Корнилов от лица фронтового командования вручил ей револьвер и саблю с золотым эфесом. «Вы заслужили это оружие — не опозорьте его», — сказал он. Военный министр Временного правительства Керенский пристегнул погоны поручика к кителю, произведя ее в это воинское звание.

Делегацию от женских организаций возглавляла известная поборница равноправия, вождь суфражисток англичанка Э. Панкхерст. «Эти женщины-ударницы, — отметила она в интервью, — за пять недель превратились в настоящих солдат. Над ними много смеялись, но когда увидели, что они сделали, насмешки перешли в удивление, удивление в восторг. Русские женские ударные батальоны — явление очень значительное. Русские женщины пошли спасать свою Родину. Несомненно, они — больше патриоты, чем мужчины, и в Учредительном собрании русская женщина будет играть заметную роль»²⁶.

Знаменитой американской корреспондентке Грее Дорр удалось сопровождать батальон до места назначения. Вот что она писала в 1917 г. в своих еженедельных отчетах: «...Женщины носили обмундирование и экипировались точь-в-точь как солдаты-мужчины. Обмундирование состояло из однотипных брюк цвета хаки, свободных гимнастерок с ремнями и высоких фуражек с козырьками. На ногах — высокие ботинки, на плечах — винтовки и защитное снаряжение: противогазы, траншейные лопаты и другие принадлежности. Несмотря на бритые головы, они представляли собой весьма притягивающей образ, схожий с милыми, чистенькими, здоровыми мальчиками. Они были строго вымуштрованы и дисциплинированы и не пропускали, не откозыряв, ни одного офицера полка.

...До наступления восьми часов вечера я была на Варшавском вокзале, невольно приняв участие во враждебной встрече Женского батальона. По крайней мере две трети толпы, заполонившей вокзал, состояла из членов ленинской фракции большевиков. Их прислали туда для того, чтобы разбить дисциплинированный строй женщин-солдат и по возможности вовсе сорвать отправку. Поначалу эти подстрекатели-эmissары германского Кайзера стали кричать проклятия в адрес батальона Бочкаревой. Прекрасно понимая моральный настрой женщин, идущих в окопы на смену дезертирам, ленинцы прилагали неимоверные усилия к сбою марша шеренг, а в последний момент штурмовали вокзал в надежде создать невыносимую ситуацию. В отсутствие чего-либо схожего с полицейской властью они преуспели в нагнетании нервной и опасной обстановки как для женщин-солдат, так и их плачущих матерей и сестер, пришедших проститься. Но женщины-солдаты, сохраняя превосходную дисциплину во всем этом, медленно продвигались вперед через толпу к перрону.

...Это был конец моих мытарств, в дальнейшем уже никто не подвергал сомнению мое право оставаться с батальоном. По предложению адъютанта я рассталась с нью-йоркской шляпкой и тут же сменила ее на белую косынку медсестры Красного Креста. Одета таким образом, я всеми воспринималась уже как член персонала лагеря. Поезд отряда состоял из одного второго и пяти четвертого класса вагонов. Первый вагон, исключая купе, зарезервированное для размещения офицеров, был заполнен военными и госпитальными запасами. В других вагонах, с примитивно оборудованными трехуровневыми деревянными полками, размещался рядовой состав полка.

Я получила место в купе второго класса, вместе с начальником, ее адъютантом и знаменосцем, крупной, спокойной крестьянкой по фамилии Орлова. Роскошь нашего купе ограничивалась диванными полками без постельного белья или

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

шерстяных одеял. Полки служили местами для сидения днем и сна ночью. Конечно, у нас была незначительная автономия в сравнении с другими, но это единственное бытовое отличие. Что касается продовольствия, все мы столовались одинаково, и надо признаться, будь здоров как хорошо. Дружья полка загрузили поезд хлебом, маслом, фруктами, консервированными вещами, выпечкой, шоколадом и другими деликатесами. Также у нас имелся суррогатный чай и много сахара. Наше купе было загружено продуктами, цветами, знаменами, оружием, походными чайниками и разнообразными вещами настолько, что мы с трудом перемещались и всегда извинялись за вынужденную ходьбу по ногам друг друга.

...Чем дальше мы уезжали от Петрограда, точки соприкосновения России с западной цивилизацией, тем очевиднее вырисовывались картины ужасного положения империи. Нарастающие изменения на вокзальных станциях все больше напоминали нам о распространяющемся развале армии. Солдаты, встречавшие наш поезд, носили униформу, но сами давно позабыли о выправке и армейской доблести. Они сутулились подобно преступникам, были грязны и неопрятны, их глаза полны пустой дерзостью. Отсутствие дисциплины и субординации отняло у них былую мужественность. Новости о Женском батальона привлекли этих людей подобно рою пчел. Они прижимали свои небритые лица к окнам, выкрикивая фразы, словно попугаи, наученные немецкими шпионами. «А кто это тут сражается за проклятых капиталистов? Кто борется за английских кровососов? Мы не боремся». И женщины с блеском презрения в глазах отвечали: «Именно поэтому мы здесь. Ступайте домой, трусы, не мешайте бабам сражаться за Россию!»

Напоследок, когда иссякали мелкие колкости «мирной» пропаганды, мужчины обычно переходили к личным оскорблениям, но женщинам был отдан строгий приказ не отве-

чать. Когда же раздался мат, солдатки просто закрыли окна. Никакому фактическому насилию никто не подвергался. При необходимости сойти с поезда за горячей водой или чаем, покупки продовольствия или газет они так бесстрашно шли сквозь толпы, что мужчины расступались, глумясь и рыча, но оставались в стороне.

Чувствовалась какая-то неопиcуемая тревожность во время путешествия к абсолютно неизвестному месту назначения, о котором знает единственный человек из всей команды. Прежде всего, странное ощущение, что вы видите добровольц, отринувших последние остатки защиты и охраны во имя собственной гибели, жаждавших встречи со смертью, смерти в бою с иностранным противником, первых в мире женщин, добровольно идущих к такому концу своей жизни. И каждая счастлива, а единственное опасение состояло в том, что батальон не отправят сразу на передовую линию фронта»²⁷.

Генерал А. И. Деникин вспоминал: «Что сказать про «женскую рать»?.. Я знаю судьбу батальона Бочкаревой. Встречен он был разнузданной солдатской средой насмешливо, цинично. В Молодечно, где стоял первоначально батальон, но ночам приходилось ему ставить сильный караул для охраны барачков... Потом началось наступление. Женский батальон, приданный одному из корпусов, доблестно пошел в атаку, не поддержанный «русскими богатырями». И когда разразился кромешный ад неприятельского артиллерийского огня, бедные женщины, забыв технику рассыпного боя, сдались в кучку — беспомощные, одинокие на своем участке поля, взрыленного немецкими бомбами. Понесли потери. А «богатыри» частью вернулись обратно, частью совсем не выходили из окопов...»²⁸

Большевистский переворот вынудил батальон оставить фронт. Поздней осенью 1917 г., сразу же после приезда в революционный Петроград, Бочкарева была арестована и посажена в подвал Смольного. Утром ее известили о предстоящем свидании

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

с Лениным и Троцким. В светлой комнате оба большевистских лидера выразили свое восхищение ее военной карьерой и рассказали о целях пролетарской революции, свершенной для простых рабочих и крестьян. «Я не против ваших прекрасных планов для будущей России, — заявила в ответ Мария, — но в настоящий момент вы призываете солдат бросать фронт и поэтому разваливаете страну.. Это — война! Я — солдат и знаю, что говорю, а вы — нет!»²⁹

После освобождения из-под ареста она решила вернуться домой, в деревню Тутальскую, между станциями Тайгой и Новониколаевском, но в пути около Челябинска была выброшена солдатами-большевиками из вагона. Чудом осталась в живых, лишь повредила себе ногу.

...Среди сорока арестованных находилась полурасстрелянная женщина. Когда их вывели для расстрела в поле и построили в шеренгу, она, опустившись на колени, стала молиться, прижав образок к груди. Слова поддержки старого генерала принять смерть как подобает русскому офицеру помогли смертнице подняться с колен и сказать: «Все в порядке — я погибну как герой!»

Внезапно из оцепления вышел солдат и, встав перед женщиной, медленно спросил: «Ты Яшка?» «Да! Но откуда ты знаешь меня?» — отвечала смертница. «Да как мне не знать тебя, если ты на своих плечах вынесла меня раненого во время наступления! Меня зовут Петр. За что хотят расстрелять тебя?» — взволновано задал вопрос солдат. «Потому что я офицер!» — ответила Яшка. Тогда солдат, взяв за руку Марию, встал к ней в строй и заявил: «Расстреливайте меня первого! Она спасла мне и многим солдатам жизни. Весь корпус знает Яшку! Она простая крестьянка, как и я, и не занимается политикой!» На лобном месте развернулся митинг: одни — за расстрел, другие — за то, чтобы разобраться. Комитет постановил увести Бочкареву с расстрела к начальнику штаба³⁰. Позади грохнули залпы...

...Начало 1918 г. Председатель Петроградского Георгиевского комитета генерал Аносов телеграммой вызвал Марию Бочкареву в Петроград и поручил установить нелегальную связь с генералом Л. Г. Корниловым. Одетая в платье сестры милосердия, с подложными документами, Бочкарева через Царицын пробралась в Новочеркасск, а оттуда по поручению Корнилова отправилась в Соединенные Штаты просить помощи для борьбы против власти Советов³¹.

«Я была свободной! Это было 18 апреля 1918 г., когда я покидала русскую землю впервые в своей жизни. Под американским флагом, на американском транспорте я направлялась в сказочную страну — Америку, неся в груди обращение русских крестьянских солдат к союзникам — помогите России освободиться от германского ярма и обрести свободу в обмен на пять миллионов жизней, что она принесла в жертву за вашу безопасность, безопасность ваших свобод, сохранив ваши дома и жизни!»³²

Не зная, что генерала Корнилова убили в апреле под Екатеринодаром, Мария выполнила его приказ. Вскоре она уже была в Нью-Йорке, а затем и в Вашингтоне, где в конце мая добилась приема у госсекретаря Р. Лансинга и министра обороны У. Беккера. С Лансингом она передала для В. Вильсона свой солдатский оберег — образок Святой Анны. Президент нашел время отблагодарить за подарок письменно. Он написал: «На днях госсекретарь передал мне образок Святой Анны, о чем Вы великодушно просили. Он рассказал, что Вы пронесли образок через все испытания в армии и, что он для Вас дорог; я очень тронут и благодарен за Ваше желание сделать мне подарок. Я сохраню его среди наиболее интересных подарков как свидетельство Вашей дружбы»³³.

10 июля 1918 г. Мария Леонтьевна получила аудиенцию у президента Северо-Американских Соединенных Штатов. Беседа началась довольно сухо, как вдруг женщина, не до-

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

жидаясь перевода ее слов, перешла к описаниям страданий русского народа, поработленного большевиками. Выражение ее лица постоянно менялось; опустившись на колени и протянув руки к президенту, она стала умолять о помощи России, продовольствии, войсках. Потрясенный Вильсон, с мокрыми от слез щеками, вскочил и помог подняться Марии и заверил ее в немедленной помощи³⁴. По отзыву свидетеля беседы, секретаря Р. Бейкера, зрелище было изумительное...

Последние сведения о пребывании Марии в США датируются 17 июля 1918 г., когда она встретилась с группой сенаторов и опять настойчиво просила об отправке военной экспедиции в Россию. Бочкарева массу времени уделила выполнению еще одной своей цели: «...мне нужны деньги, много денег, 50 000! В Петрограде в больницах страдают 30 женщин-инвалидов. Они единственные бесстрашные героини из моего батальона. Для них мне нужны эти деньги. Вот мне предлагают дать свои мемуары для «Ивнинг Мэйл». Быть может, соглашусь. Поймите, мне нужны 50 000!»³⁵

Приглашение написать биографию М. Л. Бочкаревой от американской суфражистки Греты Дорр получил выходец из России Исаак Дон Левин, тогда молодой журналист, хорошо знавший русский и английский языки. Он познакомился с Марией 1 июня в номере отеля. «Я увидел женщину, выглядевшую на несколько лет старше своего возраста, крепкого телосложения, с сильным характером. Она не обучалась в школе и с большим трудом научилась читать и писать свои имя и фамилию; но как же она одержима талантом, столь неприсущим среде русских крестьян! Ее речь была необычайно грамматически верной, яркой, а иногда сопровождалась эпическими особенностями при рассказе»³⁶.

Вскоре Мария получила приглашение на ленч в дом бывшего президента Америки Теодора Рузвельта. Он являлся спонсором-издателем ведущего иллюстрированного «Столичного журнала».

Рузвельт заключил контракт на выпуск воспоминаний Яшки частями.

Из помпезных, с патриотическими митингами США Бочкарева отправилась в Англию. Она была убеждена, что только решительная интервенция спасет Россию от распространения большевизма. В августе 1918 г. Маруся прибыла в Лондон. До сих пор остаются невыясненными обстоятельства ее знакомства с британским военным министром У. Черчиллем. Тем не менее с его помощью ей удастся получить аудиенцию у короля Георга V.

«В половине августа месяца 1918 года секретарь короля приехал на автомобиле и вручил мне бумажку, в которой говорилось, что король Англии принимает меня на 5 минут... — вспоминала позднее Бочкарева на допросах. — ...Вошла в зал, и через несколько минут распахнулась дверь, и вошел король Англии. Он имел большое сходство с царем Николаем II. Я пошла навстречу королю. Он мне сказал, что он очень рад видеть вторую Жанну д'Арк и как друг России «приветствую Вас как женщину, которая много сделала для России». Я в ответ ему сказала, что я считаю за великое счастье видеть короля свободной Англии. Король предложил мне сесть, сел против меня... Король сказал мне: «Вы русский офицер». Я ему ответила, что да, король тогда сказал, что «Ваш прямой долг через четыре дня поехать в Россию, в Архангельск, и я надеюсь на Вас, что Вы будете работать». Я сказала королю Англии: «Слушаюсь!»³⁷

27 августа 1918 г. Мария Бочкарева вернулась в Россию вместе с британскими союзническими войсками. А уже 29-го числа выступила на митинге на Соборной площади в Архангельске. «Я — русская крестьянка и солдат Мария Леонтьевна Бочкарева — по просьбе солдат и крестьян поехала в Америку и Англию для того, чтобы просить у них военной помощи для России. Союзники поняли наше несчастье, и я вернулась сюда с со-

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

юзными войсками, которые пришли только для того, чтобы помогать выгнать нашего общего смертельного врага-немца, а не вмешиваться в наши внутренние дела...»³⁸

Не получив ожидаемой поддержки в создании женских отрядов, она уезжает в Шенкурск, пытаясь привлечь сторонниц из деревень. В донесениях офицеров отмечалось: «Крестьяне этой волости... о митингах Бочкаревой отзываются неодобрительно и говорят, что если она явится вторично, то ее убьют»³⁹.

Спустя какое-то время Яшка появилась у союзнического штаба. Один британский лейтенант, вступивший с ней в беседу, затем вспоминал, как Бочкарева докучала ему, показывая шрамы от ранений. Он удивлялся, что кому-то пришла в голову идея обращаться к ней не иначе как «мадам». Другой американский офицер писал еще жестче: «Однажды, прогуливаясь по улице Шенкурска, со мной поравнялась одна из майоров батальона смерти, с горящим взором. Где майор достала широченные штаны, вместившие ее громадный зад, я не знаю. Мужеподобная девчонка весила где-то 250—300 полных фунтов, жевала табак, курила пачками сигареты и напивалась не меньше мужика, валявшегося под столом. Я был парнем не из робкого десятка, но когда увидел это приведение, идущее по улице с сияющим взором, то перешел на другую сторону»⁴⁰.

В конце концов, Бочкарева добилась аудиенции у главнокомандующего вооруженными силами союзников генерала В. Э. Айронсайда, осматривавшего Двинский фронт. Со слезами на глазах она рассказала ему, что за верную службу Временное правительство Северной области ничем ей не помогает. Не умея читать и писать, она не может даже обратиться за помощью. Айронсайд, оценивший ее романтическую фигуру, — «с поседевшими волосами, выглядевшую старше своего возраста. Ее широкое безобразное рябое лицо и коренастая фигура выдавали восточное происхождение»⁴¹, — проявил сочувствие

и направил к генералу В. В. Марушевскому для назначения в Архангельск.

Результатом встречи с генералом стал его приказ от 27 декабря 1918 г. за № 100. «26-го сего декабря ко мне явилась прибывшая из Шенкурска г-жа Бочкарева, одетая в офицерскую форму кавказского образца, с офицерскими погонами... Г-жа Бочкарева предложила мне свои услуги в работе по организации армии. Я не беру на себя обязанности оценить те заслуги, которые г-жа Бочкарева оказала в деле формирования русской армии, и полагаю, что ее работа для Родины, а также пролитая ею кровь будут оценены и Центральным правительством, и русской историей. Я лишь считаю своим долгом заявить, что в пределах Северной области, слава Богу, уже наступило время для спокойной созидательной государственной работы, и полагаю, что привлечение женщин к военным обязанностям, несвойственным их полу, лежало бы тяжким укором и позорным клеймом на всем населении Северной области. Предлагаю г-же Бочкаревой снять военную форменную одежду...»⁴²

Приказ Марушевского, видимо, повлиял на Временное правительство Северной области, которое в апреле 1919 г. постановило ежемесячно выдавать Бочкаревой 750 рублей, правда, сделав оговорку — «до выезда в Сибирь»⁴³. Скорому выезду поспособствовала Карская экспедиция, снаряженная Комитетом Северного морского пути, с целью исследования условий вывоза из Сибири сырья и продовольствия для европейской России. Речной караван оказался совершенно не приспособленным к приему пассажиров. Помимо неудобства от их присутствия на судах главное заключалось в необходимости обеспечения продовольствием. Поэтому стоимость недельного пайка для одного пассажира была установлена в 205 руб.

В августе генерал-губернатор Северной области распорядился предоставить Марии Леонтьевне бесплатный проезд на пароходе «Колгуев» до устья Оби и выдать тысячу рублей. Летом

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

1919 г. Яшка отправилась домой, надеясь доплыть до Томска, а оттуда по реке Томь или по железной дороге — до станции Тутальская. В воспоминаниях британского офицера проходит упоминание о его случайной встрече с Марией на пароходе Карской экспедиции: «С ними была известная Яшка Бочкарева — полная и энергичная женщина, организатор Женского батальона смерти; в отличие от остальных, сохранившая в себе прекрасное настроение и бодрость духа, готовая на любую работу...»⁴⁴

19 октября экспедиция прибыла в Томск. Застав родителей в бедственном положении, Бочкарева решает просить отставку и пенсию у адмирала А. В. Колчака. 10 ноября в Омске состоялась ее встреча с Верховным правителем России: «Я вошла в кабинет Колчака и там увидела — Колчак вел разговор с генералом Голицыным — главнокомандующим добровольческими отрядами. Когда я вошла, то Колчак и Голицын оба встали и приветствовали меня и сказали, что обо мне много слышали, и предложили сесть. Колчак стал мне говорить: «Вы просите отставку, но такие люди, как Вы, сейчас необходимо нужны. Я Вам поручаю сформировать добровольческий женский санитарный отряд» (1-й женский добровольческий санитарный отряд имени поручика Бочкаревой). Он говорил, что у нас много тифозных и раненых, а рук, которые бы ухаживали за больными — нет. «Я надеюсь, что Вы это сделаете». Я предложение Колчака приняла»⁴⁵.

Бочкарева за два дня сформировала в Омске отряд из двухсот человек, зачисленных к добровольческой дружине Святого Креста и Зеленого знамени. Но Колчак со штабом под ударами Красной армии оставил столицу «белой Сибири». Передав санитаров врачу госпиталя, Мария после безуспешной попытки встретиться с адмиралом возвращается в Томск. «Я прожила в Томске при белых 5 дней, — рассказывала на допросах Бочкарева, — потом пришла советская власть. Я явилась к комен-

данту города Томска, сдала ему револьвер, рассказала, кто я и что делала у белых; предлагала свои услуги советской власти. Комендант сказал, что он в моих услугах не нуждается, а когда понадобится, то он за мной пошлет. Комендант взял с меня подписку о невыезде из города, и меня отпустили; сказали, что арестовывать не будут.

Я жила дома, скинула военную форму, одела женское платье и решила больше ничего не делать и стала с сестрой шить на солдат шинели. На Рождество в 2 часа ночи около Старого собора я была арестована, позже посажена в Томскую тюрьму, откуда меня перевели в Красноярск...

Виновной перед советской республикой себя признаю. В том, что я сочувствовала Колчаку и белым и формировала добровольческий женский санитарный отряд, выступала сама с агитацией и не препятствовала пользоваться моей фамилией как средством агитации для добровольческих формирований»⁴⁶.

В заключении к окончательному протоколу допроса от 5 апреля 1920 г. следователь отметил, что «преступная деятельность Бочкаревой перед РСФСР следствием доказана... Бочкареву как непримиримого и злейшего врага рабоче-крестьянской республики полагаю передать на распоряжение начальника особого отдела ВЧК 5-й армии». 21 апреля 1920 г. вынесено постановление: «Для большей информации дело, вместе с личностью обвиняемой, направить в Особый отдел ВЧК в г. Москву»⁴⁷. 15 мая это постановление было пересмотрено и принято новое решение: Марию Леонтьевну Бочкареву — расстрелять.

Но расстрел миновал Марию и на этот раз. Как ни странно, помог мандат за подписью Ленина, выданный американскому журналисту Исааку Дон Левину. Не получив личной аудиенции у вождя мирового пролетариата (а только письменные ответы на вопросы), журналист добился разрешения совершить «пу-

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

тешестве» по Сибири. Всеми силами он старался разыскать Бочкареву, и случай помог ему вызволить ее из застенков палачей.

Вместе с Исааком Мария отправилась в Харбин, где встрети-
лась с однополчанином вдовцом, ставшим ее супругом. Сменив фамилию, Бочкарева до 1927 г. проживала на КВЖД, пока не разделила участь русских семей, которых насильственно депортировали в Советскую Россию. Всю силу неистраченной материнской любви она отдала сыновьям своего мужа. Слезами омыла их гибель в годы Великой Отечественной войны...

Примечания

¹ Из личного архива автора. (Интервью старшего научного сотрудника, кандидата исторических наук Института российской истории РАН В. И. Миллера.)

² Выражение В. Маяковского из поэмы «Хорошо». См.: *Маяковский В. В.* Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М., 1968. С. 394.

³ Искры. Пг., 1917. № 20. С. 183.

⁴ Русский голос. Нью-Йорк. 1918. № 410. 25 мая.

⁵ Там же.

⁶ Из личного архива автора. (Письмо и интервью Г. В. Моисеевой.)

⁷ Из личного архива автора. (Интервью А. С. Рацер-Жегаловой.)

⁸ Из личного архива автора. (Переписка с прокурором Омской области Ю. А. Якуниным.)

⁹ Российский государственный военно-морской архив (РГАВМФ). Ф. 417. Оп. 4. Д. 6571. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 3.

¹¹ *Половцев П. А.* Дни затмения. Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцева в 1917 г. Париж, 1918. С. 87.

¹² РГАВМФ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 107. Л. 161.

¹³ Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2688. Л. 436.

¹⁴ Там же. Ф. 620. Оп. 1. Д. 406. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 19.

¹⁷ Там же. Д. 413. Л. 211.

¹⁸ Там же. Л. 211об.

¹⁹ Цит по: *Stockdale M. K.* My Death for Motherland is Happiness: Women, Patriotism, and Soldiering in Russia's Great War, 1914–1917 // *The American Historical Review*. 2004. Vol. 103. № 1. February. P. 45–46.

²⁰ Женский батальон // Военная быль. Париж, 1969. С. 37–42.

²¹ Искры. Пг., 1917, № 29. С. 231.

²² Государственный архив Томской области. Ф. 527. Оп. 1. Д. 304. Л. 116 об.–117.

²³ Центральный государственный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 15. Оп. 10. Д. 2279. Л. 5об.–6.

²⁴ Искры. Пг., 1917. № 20. С. 183.

²⁵ Биржевые ведомости. Пг., 1917. № 16277. 10 июня.

²⁶ Цит. по: *Crosley P. S.* Intimate letters from Petrograd. N.Y., 1920. P. 72.

²⁷ *Dorr R. C.* Inside the Russian Revolution. Bibliobazaar. USA, 2009. P. 58–60.

²⁸ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 113.

²⁹ *Botchkareva M.* Yashka. My life as peasant, officer and exile. N.Y., 1919. P. 147.

³⁰ *Botchkareva M.* Op. cit. P. 187.

³¹ Сибирская жизнь. Томск, 1919. 26 окт.

³² *Botchkareva M.* Op. cit. P. 259.

³³ *Baker R. S.* Woodrow Wilson. Life and letters. Vol. 6. N. Y., 1938. P. 246.

³⁴ *Baker R. S.* Op. cit. P. 271–272.

³⁵ Русский голос. 1918. 25 мая.

³⁶ *Levine I. Don.* Eyewitness to History. Memoirs and reflections of a foreign correspondent for half a century. N. Y., 1973. P. 52.

³⁷ Архив Управления ФСБ России по Омской области. Уголовное дело № 796. Л. 28об.

³⁸ Возрождение Севера. Архангельск, 1918. 28 авг.

³⁹ Северный фронт: борьба советского народа против иностранной интервенции и белогвардейщины на советском Севере (1918–1920): Сб. док. М., 1961. С. 44.

⁴⁰ *McPhail H.* Retreat. In: *Gordon D.* Quartered in Hill: The story of the American North Russian Expeditionary Force, 1918–1919. Missoula. 1982, Н. 122–123.

⁴¹ *Ironside W. E.* Archangel, 1918–1919. Lnd., 1953. P. 76.

⁴² Российский государственный военный архив. Ф. 39450. Оп. 1. Д. 136. Л. 170.

Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского воина

⁴³ Государственный архив Архангельской области. Ф. 2834. Оп. 2. Д. 3. Л. 36.

⁴⁴ *Pares W.* My Russian Memoirs. Lnd., 1931. P. 558—559.

⁴⁵ Уголовное дело № 796. Л. 21.

⁴⁶ Там же. Л. 24.

⁴⁷ Там же. Л. 35—35об.

ПРОТОИЕРЕЙ
АЛЕКСАНДР БАЛЫБЕРДИН*

**«ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВЕРУЮЩИХ
КИРОВСКОЙ ЕПАРХИИ ПАТРИАРХУ
АЛЕКСИЮ» И СУДЬБА ЕГО АВТОРА
Б. В. ТАЛАНТОВА**

8 декабря 1966 г. в эфире британской радиостанции BBC прозвучало «Открытое письмо верующих Кировской епархии патриарху Алексию», благодаря которому беззакония периода «хрущевских» гонений на Церковь в Кировской области стали известны всему миру. В поле зрения местных правоохранительных органов это письмо попало еще в сентябре 1966 г.¹ Однако сам факт оглашения письма в радиоэфире еще не был достаточным основанием для каких-либо действий против подписавших его кировчан.

Повод для этого возник спустя месяц после публикации письма. 11 января 1967 г. неподалеку от села Рой Арбажского района местная милиция обнаружила тело скоропостижно скончавшейся Афанасии Ребяковой, путешествовавшей по святым местам России. В сумке странницы были обнаружены несколько машинописных копий письма Бориса Владимировича Талантова «Советское государство и христианская религия», направленного им 19 декабря 1966 г. в редакцию газеты «Известия». 14 февраля вызванный в Кировское управление КГБ

* Кандидат исторических наук, секретарь Вятской епархии.

«Открытое письмо верующих Кировской епархии патриарху...»

Б. В. Талантов подтвердил авторство письма, обнаруженного у Ребяковой. В тот же день сотрудник КГБ изъял личный архив Б. В. Талантова, при ознакомлении с которым было установлено, что проживавший напротив Серафимовской церкви по адресу: ул. Урицкого, д.12. кв.1, Б. В. Талантов в течение всей «хрущевской» антицерковной кампании вел статистику гонений на верующих в Кировской области и что письмо, обнаруженное сотрудниками милиции в сумке Афанасии Ребяковой, было не единственным из написанных им за эти годы².

К этому времени имя Бориса Владимировича Талантова было уже хорошо знакомо сотрудникам госбезопасности. В 1937 г. его 62-летний отец-священник был осужден «тройкой» и помещен в Темниковские лагеря, где умер в марте 1940 г. Еще при жизни отца, 5 февраля 1940 г., Б. В. Талантов ходатайствовал перед прокуратурой о его досрочном освобождении по причине возраста и болезни, но безуспешно — извещение прокуратуры о смерти отца пришло лишь в конце года. Еще раньше в лагере на строительстве Беломоро-Балтийского канала умер Серафим, старший брат Б. В. Талантова, работавший до ареста гидротехником в г. Вологде. По свидетельству самого Бориса Владимировича, все эти годы он «благодаря своему происхождению непрерывно подвергался угрозам со стороны органов госбезопасности», под давлением которых в 1954 г. был уволен из Кировского пединститута имени В. И. Ленина, где работал преподавателем математики. Уволен по религиозным убеждениям, хотя формально причиной увольнения была выставлена инвалидность³.

Устроившись на работу в Кировский филиал ВЗЭИ (Всесоюзного заочного экономического института, ныне — ВГУ), Б. В. Талантов откликнулся на обозначенное XX съездом КПСС разоблачение культа личности И. Сталина тем, что 18 июля 1957 г. отправил в редакцию газеты «Правда» заказное письмо с примерами произвола и беззаконий сталинской эпохи. Письмо не было подписано, но на конверте стояла фамилия «Бороду-

лин». Оно было переправлено в Кировское управление КГБ, где методом сличения почерка было установлено авторство Б. В. Талантова. 29 июля 1958 г. вызванный в органы госбезопасности Борис Владимирович подтвердил авторство письма и высказал сожаление, что не подписал его по малодушию. Хотя содержание письма по-прежнему оставалось никому не известным, реакция на него последовала незамедлительно — 14 августа 1958 г. Б. В. Талантов был «по собственному желанию» уволен из Кировского филиала ВЗЭИ, а 21 сентября 1958 г. в газете «Кировская правда» появился посвященный ему фельетон Овидия Любовикова «Из подворотни», который, по словам Б. В. Талантова, «состоял из площадной брани, угроз и клеветы» и убедительно доказывал, что «в СССР беспартийные — бесправные люди, которые подвергаются суровым репрессиям даже за письмо в центральную газету»⁴.

Новое наступление Советского государства на Церковь, начавшееся на Вятке в 1959 г. с запрета Великорещского крестного хода, не могло оставить Б. В. Талантова безучастным. Как единственный в областном центре и к тому же кафедральный храм, Серафимовская церковь, возле которой проживал Борис Владимирович, являлась в те годы подлинным центром духовной жизни Вятской епархии: здесь служили кировские епископы Поликарп (1957–1962) и Иоанн (1962–1966), здесь собирались паломники, отправлявшиеся в Великорещский путь, сюда на большие праздники приезжали верующие со всех уголков Кировской области, рассказывая о творимых на местах беззакониях.

Опираясь на их живые свидетельства, Б. В. Талантов обращался⁵:

— 31 октября 1960 г. — в редакцию журнала «Наука и религия» с письмом, опровергающим методы и приемы атеистической пропаганды;

— 30 мая 1961 г. — в редакцию «Журнала Московской Патриархии» с письмом о несвободе христианских церквей в СССР;

«Открытое письмо верующих Кировской епархии патриарху...»

— 19 февраля 1963 г. — в редакцию газеты «Известия» (печатного органа Верховного Совета СССР) с письмом «О массовом разрушении памятников церковного зодчества в Кировской области»;

— 20 февраля 1963 г., 19 марта 1965 г. и в августе 1965 г. — к святейшему патриарху Алексию с письмами о закрытии в г. Кирове Феодоровской церкви, незаконном запрете на совершение треб на дому и других нарушениях прав верующих.

Логическим продолжением этих обращений Б. В. Талантова стали написанные им в 1966 г. письма — святейшему патриарху Алексию (июль) и в редакцию газеты «Известия» (декабрь), на этот раз привлёкшие серьёзное внимание правоохранительных органов. Всего вместе с Б. В. Талантовым подписи под «Открытым письмом верующих Кировской епархии патриарху Алексию» поставили 12 человек: восемь кировчан — Георгий Тимофеевич Ворончихин, Иван Семенович и Екатерина Матвеевна Халявины, Викентия Дементьевна Царегородцева, Евдокия Владимировна Жаровцева, Параскева Васильевна Машковцева, Екатерина Ивановна Овечкина; трое жителей г. Нолинска — семинарист Одесской духовной семинарии Никодим Каменских, Клавдия Гавриловна Овечкина, Евдокия Савельевна Лыжина, а также Аграфена Дмитриевна Зырянова, проживавшая в г. Белая Холуница⁶.

По свидетельству уполномоченного Совета по делам религий в Кировской области Б. Родина, содержание их письма стало известно местным властям ещё в сентябре 1966 г., задолго до публикации в зарубежной прессе: отвечая на вопрос Б. Родина во время беседы, состоявшейся 28 сентября 1966 г., епископ Иоанн сообщил, что знает о жалобе Б. В. Талантова⁷. Тогда же — 28 и 30 сентября⁹ — владыка Иоанн был дважды вызван в патриархию, возможно, в связи с письмом кировских верующих. Однако, судя по тому, что патриархия не стала предпринимать никаких перемен в управлении Кировской епархией, их письмо было расценено как одна из рядовых жалоб. Неожиданно 9 ноября

владыка Иоанн заболел и был с подозрением на аппендицит госпитализирован в Третью больницу г. Кирова. Операция вызвала инфаркт миокарда, от которого владыка скоропостижно скончался 17 ноября 1966 г. Временное управление Кировской епархией было поручено Вологодскому епископу Мелхиседеку¹⁰.

Возможно, ни церковные, ни светские власти так никогда и не придали бы большого значения «Открытому письму верующих Кировской епархии», если бы 8 декабря 1966 г. благодаря британской радиостанции ВВС оно не стало известно всему миру. О том, каким был ответ правоохранительных органов на выступление кировских верующих, мы знаем из жалобы Б. В. Талантова Генеральному прокурору СССР, поданной 26 апреля 1968 г.¹¹ Б. В. Талантов сообщает, что «Открытое письмо верующих Кировской епархии патриарху Алексию» было написано в конце июля 1966 г. и направлено в Москву с Афанасией Ребяковой. В Москве Афанасия Ребякова перепечатала письмо на машинке и один его экземпляр передала в патриархию, а остальные экземпляры раздала своим московским знакомым. Каким образом это письмо было передано за границу и попало на радиостанцию ВВС, Б. В. Талантов не знал и сожалел, что там оно было использовано в политических целях¹².

Несмотря на то, что уже 14 февраля 1967 г. Б. В. Талантов подтвердил авторство письма, оно тем не менее было объявлено анонимным и потому не заслуживающим никакого доверия. Поэтому 22 марта Б. В. Талантов вторично свидетельствовал о его подлинности — на этот раз в пятом письме на имя святейшего патриарха Алексия. Когда в апреле 1967 г. кировчане, подписавшие письмо Б. В. Талантова, были вызваны в Кировский горсовет, то, несмотря на угрозы секретаря горсовета Л. Останиной, никто из них не отказался от своих подписей. Более того, 20 мая четверо из них в новом письме патриарху еще раз подтвердили свою причастность к этому документу¹³.

«Открытое письмо верующих Кировской епархии патриарху...»

Большая часть жалобы Б. В. Талантова на имя Генерального прокурора СССР посвящена статье О. Любовикова «С открытым забралом», опубликованной газетой «Кировская правда» 31 мая 1967 г. и ставшей еще одним актом расправы с подписавшими письмо мирянами. В статье О. Любовикова Б. В. Талантов назван сочинителем «бесстыдных клеветнических писулек», связанным с враждебными СССР «эмигрантскими центрами». Б. В. Талантов предположил, что материалом для статьи О. Любовикова послужили рабочие конспекты, изъятые сотрудником 14 февраля при обыске его квартиры, и аргументированно опроверг все незаслуженные обвинения в свой адрес¹⁴.

Из этой же жалобы мы знаем о расправе с подписавшими письмо прихожанами. Еще до появления статьи О. Любовикова 29 мая 1967 г. семинарист Никодим Каменских по требованию местного уполномоченного Совета по делам религии был исключен из Одесской духовной семинарии. По возвращении в г. Нолинск местная милиция еще долго отказывала ему в получении прописки. Не меньшему давлению подверглись и другие верующие. На следующий день после публикации в «Кировской правде» И. С. Халявин был уволен с работы «по собственному желанию». Не вынеся клеветы, обрушившейся на их семью в результате этой публикации, жена Б. В. Талантова Нина Агафангеловна перенесла инсульт и скоропостижно скончалась 16 сентября 1967 г. Несмотря на последнее желание супруги, Борис Владимирович так и не смог ее похоронить, так как решением властей требы на дому были запрещены. Все эти события приблизили также и смерть А. Д. Зыряновой, скончавшейся в г. Белая Холуница 27 декабря 1967 г.¹⁵

О последних годах жизни Б. В. Талантова протоиерей Владислав Цыпин сообщает следующее: «В провинции репрессивные органы действовали более решительно, чем в столице. 12 июня 1969 г. Борис Владимирович Талантов был арестован и осужден на два года лагерей. Его содержали в таких условиях, что он тяжело заболел; активированный по болезни он скончался

Протоиерей Александр Балыбердин

в неволе за несколько часов до освобождения 4 января 1971 года»¹⁶. В 1981 г. имя Б. В. Талантова было внесено в список новомучеников и исповедников российских, утвержденный Архиерейским собором Русской зарубежной православной церкви с указанием совершать его память ежегодно 4 января (22 декабря по ст. стилю)¹⁷.

Судя по тому, как решительно были пресечены правоохрательными органами Кировской области выступления Б. В. Талантова, можно сделать вывод о том, что инерция сталинской модели управления обществом в конце 1960-х гг. здесь была еще достаточно сильна.

Примечания

¹ ГАКО. Ф. Р–2169. Оп. 45. Д. 16. Л. 87.

² Там же. Л. 91–93.

³ Там же. Л. 93–94.

⁴ Там же. Л. 94–95.

⁵ Там же. Л. 68, 78, 96.

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ ГАКО. Ф. Р–2169. Оп. 45. Д. 16. Л. 87.

⁸ Там же. Л. 56.

⁹ Там же. Л. 70.

¹⁰ Там же. Л. 86, 87.

¹¹ ГАКО. Ф. Р–2169. Оп. 45. Д. 9. Л. 90–109.

¹² Там же. Л. 90.

¹³ Там же. Л. 91–92.

¹⁴ Там же. Л. 108.

¹⁵ Там же. Л. 93, 94, 97.

¹⁶ *Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской церкви в 1917–1997 гг. М., 1997. С. 412.*

¹⁷ Троицкий православный русский календарь на 1998 год. Издательство типографии преп. Иова Почаевского Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле.

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

И. А. Курляндский*

**«АЛЕКСЕЙ МАКСИМОВИЧ!
ЕСЛИ БЫ ВЫ ТОЛЬКО ВИДЕЛИ
ВЕСЬ ЭТОТ УЖАС!»
(А. М. Горький и голод 1932—1933 гг.)**

Отношение великого русского писателя А. М. Горького к поразившему многие области СССР организованному голоду 1932—1933 гг. является неудобной темой, к которой неохотно обращаются специализирующиеся на изучении жизни и творчества Горького историки и филологи.

Известно то серьезное, активное участие в деле помощи голодающим, которое принял Горький в годы голода в Советской России в 1921—1922 гг. В связи с этим нелишне напомнить о некоторых фактах биографии писателя. Уже весной 1921 г. стали ясны размеры надвигающегося бедствия, поразившего Советскую Россию, — голода, вызванного последствиями Гражданской войны и политикой военного коммунизма. Правительство, не располагавшее достаточными средствами для борьбы с голодом и в условиях международной изоляции РСФСР, вынуждено было использовать авторитет некоторых крупных деятелей внепартийной интеллигенции для организации международной помощи, — в их числе видный фигурой был писатель М. Горький, чье отношение к новой власти в 1917—1922 гг. было неоднозначным, двойственным. С одной стороны, он искренне одобрял многие шаги по строительству большевиками нового

* Кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

мира, преодоление ими всегда тревожившей писателя опасной анархической стихии русского бунта. С другой стороны, Горький выступал подчас резким критиком власти, периодически прибегавшей к террору против культурных сил страны. Писатель считал необходимым вести линию их сбережения, тогда как власть проводила их селекцию и частичное истребление в политических и идеологических целях.

Горький, прежде, в 1917–1920 гг., деятельно спасавший многих деятелей российской культуры и ученых от голода, разорения и необоснованных репрессий, принял активное участие и в деле борьбы с голодом 1921–1922 гг., вложив в него много души, энергии и организаторского таланта. Благодаря усилиям Горького был создан Всероссийский комитет помощи голодающим, просуществовавший всего месяц (с 21 июля по 27 августа); его история кончилась арестом большинства беспартийных членов по надуманным политическим обвинениям и реквизицией всех собранных средств. В 1921 г. Горький, будучи убежденным противником религии и церкви, пошел и на сотрудничество с патриархом Тихоном, убедив его выступить совместно с воззваниями. В Архиве Горького в одном и том же деле хранятся тексты воззваний М. Горького «Честные люди» (датировано писателем 6 июля 1921 г.) и патриарха Тихона (без даты), с написанным Горьким от руки названием «*Архиепископу г. Нью-Йорка*» на первом листе¹. 13 июля Алексей Максимович писал своему другу баронессе М. И. Будберг: «Патриарх Тихон и Ваш слуга выпустили прилагаемые воззвания, они уже переданы по радио в Чикаго, Нью-Йорк, Лондон, Париж, Мадрид, Берлин, Прагу и т. д.»² И в тот же день сообщил В. Г. Короленко: «Посылаю Вам копию воззвания Патриарха. Это очень умный и честно мыслящий человек, он хорошо знает печальные недостатки великорусского племени»³. Эта оценка весома в устах деятеля культуры, открыто не любившего церковников.

В воззвании «Честные люди» М. Горький писал: «...хлебородные степи юго-востока России поражены неурожаем, при-

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

чины его — небывалая засуха. Несчастье грозит миллионам населения России смертью от голода. Напомню, что народ русский сильно истощен влияниями войны и революции и что степень его сопротивления болезням, его физическая выносливость значительно ослаблена. Для страны Льва Толстого и Достоевского, Менделеева и Павлова, Мусоргского, Глинки и других всемирно ценных людей наступили грозные дни, и я смею верить, что культурные люди Европы и Америки, поняв трагизм положения русского народа, немедленно помогут ему хлебом и медикаментами. Если гуманитарные идеи и чувства, вера в социальное значение которых так глубоко поколеблена проклятой войной и безжалостным отношением победителей к побежденным, — я говорю, вера в творческую силу этих идей и чувств должна и может быть восстановлена — несчастье России является для гуманистов прекрасной возможностью показать жизнестойкость гуманизма. Я думаю, что особенно горячо следует принять участие в деле помощи русскому народу тем людям, которые в годы позорной войны натравливали людей друг на друга, уничтожая этой травлей воспитательное значение красоты идей, выработанных человечеством с величайшим трудом и так легко убитых глупостью и жадностью... Я прошу всех честных людей Европы и Америки о немедленной помощи русскому народу. Дайте хлеба и медикаментов. М. Горький»⁴. Воззвание патриарха Тихона было более лаконичным, но говорило о том же: «Через вас зову народ Соединенных Штатов Северной Америки: в России голод. Огромная часть ее населения обречена на голодную смерть. Хлеба многих губерний, бывших раньше житницей страны, отмечены засухой. Но почве голода — эпидемии. Необходима немедленно самая широкая помощь. Всякие соображения иного порядка должны быть оставлены в стороне: гибнет народ, гибнет будущее, ибо население бросает свои дома, земли, поля, хозяйства и бежит на восток с криком: хлеба. Промедление грозит бедствиями, неслыханными доселе. Высылайте немедленно хлеб и медикаменты. С таким же при-

званием обращаюсь к народу Англии через архиепископа Кентерберийского. Молитесь, да утихнет гнев Божий, движимый на нас. Тихон, Патриарх Московский и всей России»⁵. Воззвание Патриарха Тихона и обращение М. Горького на английском языке были опубликованы 23 июля в газете «Нью-Йорк таймс»; они не только публиковались в иностранных газетах, но и распространялись по дипломатическим каналам. Совместная акция писателя и патриарха вызвала крупный международный резонанс и дала значительный эффект в деле привлечения к борьбе с голодом в Советской России ряда крупнейших иностранных благотворительных организаций — в их числе была Американская администрация помощи (АРА), возглавляемая Г. Гувером, внесшая наиболее существенный вклад в дело помощи голодающим⁶.

Надо заметить, что сотрудничество с патриархом Тихоном на почве борьбы с голодом, видимо, подвигло Горького на заступничество перед властью по некоторым делам, связанным с религией. Скорее всего, под влиянием бесед со святителем Тихоном Горьким 16–17 июля 1921 г. было написано письмо В. И. Ленину с осуждением деятельности «проходимца» Шпицберга на «антирелигиозном фронте», объявившего себя «богоборцем» и редактировавшего вместе с П. А. Красиковым журнал «Церковь и революция». Писатель заметил, что Шпицберг «совершил бесчисленное количество разных мерзостей, вредных для престижа советского правительства», и перечислил брошюры и статьи последнего как оскорбляющие чувства верующих⁷. С аналогичными жалобами на Шпицберга примерно в то же время обращался к властям и патриарх Тихон⁸. 29 июля в письме к Ленину Горький заступился и за православного священника Троицкой церкви в г. Колпино Петроградской губернии А. И. Боярского: «Я говорил Вам об аресте священника Боярского и о том, что за него ручаются 647 ч(еловек) колпинских рабочих. Вы обещали мне дать по этому поводу ответ, но я его не получил. Сегодня количество подписей под прошением

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

об освобождении Боярского достигло 1400 и обещает еще возрасти. Ежедневно ко мне являются группы рабочих разных заводов с ходатайствами за Боярского. Все они утверждают, что Боярский «политикой не интересуется», но имеет огромное моральное влияние и «десятком слов может заставить работать. Примерно: лесная заготовка (прошлого года) организована им и огородное дело тоже. Он умеет говорить с нами и любит нас». Среди подписавших прошение об освобождении Боярского немало коммунистов. Я очень прошу Вас обратить внимание на это дело, а то, пожалуй, мы получим еще один Кронштадт»⁹. Боярский был освобожден только в октябре 1921 г., впоследствии стал видным деятелем обновленческого движения и был расстрелян в 1937 г.¹⁰

М. Горький летом — зимой 1921 г. и весной 1922 г. выступил еще с целой серией разных воззваний о борьбе с голодом, ориентированных на зарубежные круги: «Гражданам Великобритании», «Германии», «К французам!», «Рабочие Франции», «Граждане Испании», «Гражданам Соединенных Штатов Северной Америки, гражданам республик Америки Южной, гражданам Канады», «Жителям немецкого города Тюбнгена» и др., выступал с речами, слал письма деятелям культуры, вел переговоры с иностранными делегациями¹¹. И эти усилия не пропадали втуне; они давали реальные результаты. Так, беседуя с группой советских военных корреспондентов, немецкий писатель Г. Гауптман вспоминал в 1945 г., что в ответ на призыв Горького им и Ф. Нансеном «собрана была солидная по тем временам сумма; мы купили медикаменты и отправили их пароходом в революционную Россию»¹². После своего «добровольно-вынужденного» отъезда в Европу в октябре 1921 г. (под предлогом необходимости лечения) борьбу с голодом Горький продолжал рассматривать как одно из ведущих направлений своей деятельности, а глава советского правительства В. И. Ленин продолжал считать писателя своим сотрудником в этой области. Так, 6 декабря 1921 г. Ленин в частном письме просил Горького написать Б. Шоу и

Г. Уэллсу, «чтобы они оба взялись для нас помогать сборам в помощь голодающим... Хорошо бы, если бы Вы им написали. Голодным попадет тогда больше. А голод сильный»¹³. Думается, для Ленина подобные поручения Горькому были и тактическим маневром. Власть, несмотря на фактическую высылку писателя, не хотела слишком его отдалять от жизни Советской России. Он должен был продолжать ощущать свою нужность строительству новой жизни. Горький в ответе Ленину от 25 декабря сообщил, что он уже писал Уэллсу, а Шоу писать бесполезно («Этот старый благер все остроумничает и рисуется скептицизмом»). Алексей Максимович информировал политика о других своих усилиях («Вообще я делаю все, что могу...»). Им, в частности, замечалось, что в Бразилии и Аргентине много собрано денег и хлеба, но работа эта не объединена, «идет как-то в розницу», не знают, куда посылать деньги, надо ли покупать на них продукты — хлеб, одежду, обувь... Поэтому писатель предложил назначить агентов по сбору во всех странах, — «людей, которые указывали бы, куда посылать, что покупать, и вообще — толкали дело, всячески ускоряя отправку хлеба и продуктов в Россию». В качестве последних Горький рекомендовал Ленину свою гражданскую жену М. Ф. Андрееву, также известную активной ролью в организации зарубежной помощи голодающим, и своего друга баронессу М. И. Будберг¹⁴. Переписка писателя тех лет наглядно показывает, что тогдашние события он принимал «близко к сердцу», она проникнута его живым, неформальным отношением к делу спасения людей. Так, 3 января 1922 г. он писал Р. Роллану о тяжелом положении России, в которой «голод губит интеллектуальные силы»¹⁵ и т. д.

Думается, власть устраивало то обстоятельство, что Горький в своих воззваниях объяснял причины голода 1921–1922 гг. главным образом погодными условиями и неурожаем, игнорируя породившие голод духовные, политические и социальные факторы, связанные с реалиями провалившейся политики военного коммунизма. В этой связи уместно напомнить об

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

ответном письме В. Г. Короленко к Горькому в июле 1921 г. По мысли Владимира Галактионовича, возникший голод не был «стихийным», а являлся закономерным следствием нарушения «естественного порядка труда»: «Наше правительство погналось за равенством и добилось только голода, подавили самую трудоспособную часть народа, отняли у него землю, и теперь земля лежит в пустоте»¹⁶. Похожие размышления высказал в полемическом письме к Горькому и другой крупнейший русский писатель — И. А. Бунин: «Только ли «из-за засухи», советский псалмопевец? А сотни тысяч десятин незапаханных, незасеянных? А ваш пресловутый «революционный порядок», ваши «комбеды», ваше «советское опытное хозяйство», ваши «отобрания излишков», ваши «реквизиции», из-за которых мужики сгноили в земле миллионы пудов зерна, ваше натравливание бедняков на кулаков?»¹⁷ Однако эта звучащая со стороны собратьев по перу критика отнюдь не умаляет высокое благородное значение подвига Горького в 1921—1922 гг., сумевшего объединить людей разных политических убеждений в деле помощи голодающей Советской России.

Диаметрально противоположную картину мы увидим, когда посмотрим на отношение М. Горького к повторению трагедии, но на другом историческом этапе — к не менее опустошительному голоду 1932—1933 гг., также унесшего миллионы жизней. Позицию писателя в этой связи можно охарактеризовать как полное неучастие и совершенное отстранение от постигшей народы СССР тяжелой беды. Тема голода **ни разу** не возникает ни в обширной публицистике Горького тех лет, ни в его многочисленных речах и выступлениях, в том числе связанных с обращениями к международной общественности, ни в его переписке с советскими писателями и с зарубежными деятелями культуры (Р. Роллан, Г. Уэллс и др.), наконец, ни в переписке с вождями Советского Союза (И. В. Сталиным, В. М. Молотовым, Л. М. Кагановичем и др.). Между тем информация с мест, скорбные письма Горькому о последствиях коллективизации

и о голоде (некоторые из них нами цитируются ниже, а одно публикуется полностью) до высокого адресата доходили и сохранялись им в своем архиве. Это дает возможность заключить, что Горький о голоде 1932—1933 гг. знал. В чем же причины произошедшей столь серьезной перемены в отношении писателя к такой народной беде, как голод?

Не вдаваясь в полемику, как с апологетами, так и с острыми критиками позиции Горького после возвращения писателя в сталинскую Россию в мае 1928 г., выскажу соображение, что Горький смотрел на все события советской действительности под своим, строго заданным углом зрения. Это был взгляд мажорно-оптимистический, когда окружающая реальность воспринималась и оценивалась сквозь призму победоносной поступи реальных и мнимых успехов и достижений первого в мире социалистического государства трудящихся, которое в тяжелой борьбе с многочисленными внешними и внутренними врагами строит самое справедливое общество на земле, свободное как от недугов прошлого, так и от отрицательных сторон современных «хищнических», капиталистических стран мира. Этим сознанием проникнута вся публицистика М. Горького 1930-х гг., аналогичное мировосприятие было присуще миллионам советских людей того времени — от рядовых рабочих и колхозниц до деятелей культуры. Официальная пропаганда сознательно подпитывала и умножала это оптимистическое мировосприятие, так как в нем была закваска энтузиазма советских людей, помогавшая им, невзирая на чудовищные трудности и лишения, возводить грандиозные стройки и промышленные гиганты, создавать оборону страны. Критика и так называемая самокритика в условиях все более усиливающегося общественного единомыслия могла при таких условиях сводиться только к осуждению отдельных частных недостатков в быту — при подтверждении неизменной правильности политики власти, воплощенной в генеральной линии партии. Поэтому такие тягчайшие массовые трагедии, как раскулачивание (незаконные

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

репрессии миллионов ни в чем не повинных сельских тружеников) или голод 1932—1933 гг., в общепринятой, официальной картине мира просто не могли существовать, они противоречили тому мажорно-оптимистическому вектору, который утвердился в сознании миллионов советских людей. Открытие страшной правды о реальных преступлениях режима лишило бы их внутренней основы, обесмыслило труд и подвиг их жизни. Не был в этом отношении исключением и такой замечательный писатель и подвижник культуры, как М. Горький. Так, наставляя писателя Е. Добина по поводу плана журнала «Литературная учеба», он считал необходимым учить писателей «правильно разбираться в двух одновременно существующих действительностях... Так как факты социалистической действительности крупнее и несравнимо более ярки, мы должны владеть ими так, чтобы они подавляли и уничтожали обильные мерзости мещанской жизнедеятельности...»¹⁸ В царстве самообмана Горького и карательно-истребительная деятельность чекистов не могла не казаться способом чудесного воспитания хороших советских людей из социально-опасных элементов и врагов советской власти. Острая критика политики Сталина, звучащая со стороны эмигрантских изданий, Горьким воспринималась либо с отвращением, либо с иронией. Так, 20 ноября 1932 г. он писал Г. Г. Ягоде: «Читаю обвинительные писания высланной англичанки и — смеюсь, экая дуреха!»¹⁹ Имелось в виду открытое письмо Ягоде «Я обвиняю» высланной из СССР англичанки мисс Клайман за публикацию сообщения о Кемском концлагере и преследованиях кулаков. Критика же сталинской политики со стороны ряда корреспондентов «изнутри» подвигала писателя на ядовитые, обличительные ответы в печати, в которых он характеризовал внутренних противников нового строя как «механических граждан», скептиков и пессимистов, носителей мещанских настроений и даже как «врагов трудового народа»²⁰. Однако сам Ягода, из-за болезни В. Р. Менжинского тогда уже фактический руководитель ОГПУ, в переписке с

Горьким цинично проговорился о значении голода, как побудителя у крестьянства покорности власти. 18 марта 1933 г. Ягода написал: «Сейчас, по-моему, кулака доби́ли, **а мужичок понял, что если сеять не будет, если работать не будет, умрет**, а на контру надежды никакой не осталось»²¹. Трудно судить, какие чувства у писателя-гуманиста вызвали эти страшные слова, но в переписке с шефом ОГПУ он никак не отозвался на них. Нет оснований сомневаться в искренности Горького, когда он обращался к Ягоде: «Вы стали для меня «своим», и я научился ценить Вас. Я очень люблю людей Вашего типа. Их — немного, надо сказать»²².

Годы голода 1932–1933 гг. были наполнены бурной организационной деятельностью Горького по строительству советской культуры, несмотря на то что большую часть этого времени, с 29 октября 1932 г. по 9 мая 1933 г., писатель жил за границей, главным образом в Сорренто. Так, Горький принял участие во многих культурных начинаниях — организация работы редакции «История фабрик и заводов», редактирование биографий для серии «Жизнь замечательных людей», издание серии иностранных романов «Жизнь молодого человека 19-го столетия», редактирование журнала «Наши достижения», ориентированного на прославление успехов социалистического строительства, альманаха «Год ХУІ», подготовка первого номера журнала «За рубежом» (под своей же редакцией), выпуск новых книг издательства «Academia» и серии литературы для детей и юношества, забота об организации ВИЭМ (Всесоюзного института экспериментальной медицины), работа по организации будущего Союза советских писателей и др.²³ Будучи в Сорренто, М. Горький пришел в восторг от газетных отчетов о январском пленуме ЦК ВКП (б) 1933 г., полностью одоббившем разгромы последних внутрипартийных оппозиций Сталину (группы М. Н. Рютина, Смирнова — Эйсмонта), а также приведший к голоду сталинский курс выкачивания хлеба из деревни в ходе хлебозаготовительной кампании. Пленум возложил ответствен-

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

ность за все «продзатруднения» на кулаков и других врагов советской власти. 5 февраля 1933 г. Горький писал наркому просвещения А. С. Бубнову: «Читал я речи, произнесенные на Пленуме, и — радовался, и было тоскливо, что я не с Вами, товарищи, а здесь, где запах гниения становится все гуще, и все сильнее начинает попахивать обильным кровопролитием...»²⁴ Возвращаясь в Союз, 17 мая 1933 г. М. Горький на пароходе прибыл из Стамбула в Одессу и затем проехал поездом-экспрессом через всю голодающую Украину, сделав остановку на перроне вокзала в Киеве 18 мая. И в Одессе, и в Киеве Горького шумно приветствовали и чествовали делегации разных организаций. Но писатель в ходе своего возвращения не замечал страданий народа (или делал вид, что не замечал). Зато «Правда» сообщила, что, выступив с краткой речью в Одессе, «М. Горький провел яркую параллель между ростом культуры и расцветом науки в Советском Союзе и полным упадком науки и культуры на Западе». 19 мая Горький был торжественно встречен в Москве²⁵.

Итак, о голоде 1932–1933 гг. М. Горький молчал, однако раздражение в связи с так называемыми хлебозаготовительными затруднениями, в которых писатель вслед за руководством страны винил происки мифических «кулаков», прорывалось в его переписке. В письме Р. Роллану от 30 января 1933 г., то есть в разгар голода, Горький писал: «Героическая, изумительная по богатству результатов деятельность рабочих не понимается старым, кулацкого духа крестьянством. Кулаки все еще вожди деревни, и они учат ее: требуй с города все, что хочешь, и не давай ему хлеба! (О том, что на самом деле хлеб надо было дать деревне, Горький вопрос не ставил, да и никакими «вождями деревни» кулаки в 1933 г. не были. — *И. К.*). Разумеется, кулаков, в свою очередь, вдохновляют «внутренние враги»²⁶ Сов(етской) власти, осколки буржуазии, укрепленные в 163-миллионную массу и связанные с эмиграцией. Эмигранты Праги и Парижа не перестают «работать», черпая материал для критики советской действительности из советской же прессы, которая, на мой

взгляд, слишком громко, а иногда даже истерически кричит о недостатках и ошибках нашего правящего аппарата, возлагая на него ответственность за все грехи, даже такие, как плохо построенная лестница в доме»²⁷. Уместно привести и другие суждения Горького из переписки с Р. Ролланом. Так, он восхищался, что «грязные русские деревни исчезают, заменяясь городами», а коллективизация якобы «освобождает крестьян от каторжного труда»²⁸. Р. Роллан был одним из сподвижников Горького по борьбе с голодом в Советской России 1921–1922 гг., но о повторении трагедии в 1932–1933 гг. он не знал, а корреспонденты из Советского Союза вроде Горького поддерживали его уверенность о том, что, несмотря на все трудности и издержки, СССР успешно строит самое справедливое в мире общество.

Ниже публикуется письмо П. И. Иванова из Архива Горького, — вероятно, одно из многих писем, полученных писателем о голоде 1932–1933 гг. «П. И. Иванов» может быть и псевдонимом, а в конце письма автор сделал приписку: «Надеюсь, что за это письмо я не попаду в подвалы ГПУ». Письмо как свидетельство тем ценно, что его автор — человек коммунистических убеждений, принципиальный сторонник социализма, а по своему социальному положению рабочий, т. е. представитель «победившего» пролетариата. Он верит в Ленина, в его гуманизм и народолюбие («Ленин этого не допустил бы. Ленин любил и жалел людей!»), он верит в рассказы сталинской пропаганды о наличии «вредителей» в народном хозяйстве. Но вместе с тем публикуемое письмо содержит глубокие наблюдения и здравые мысли о постигшей Украину трагедии.

В письме указывалась главная причина голода на Украине (как, заметим, и в других местностях СССР) — драконовские изъятия государственными заготовительными органами сельскохозяйственной продукции у крестьян, вплоть до запасов зерна, кормов, мелкого домашнего скота и даже домашних животных. Иными словами, беззастенчивый грабеж властями деревни («село же все отдало государству, и ему оставлено лишь

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

право голодной смерти»). Все это делалось для масштабного экспорта в целях индустриализации. На обычные человеческие судьбы и даже на элементарное выживание простых тружеников сталинская власть при этом не обращала внимания. Это письмо, как и другие подобные живые свидетельства участников событий, — укор тем авторам современных школьных учебников по истории России, которые, презрев историческую правду, отрицают организованный характер голода 1932–1933 гг., выставя главной его причиной погодные условия. Наблюдательный автор письма называл важную причину разорения советского хозяйства — **исчезновение личной заинтересованности у людей в результатах своего труда**. Заметим, что Горький в своей публицистике пренебрегал значимостью этого фактора. Писателю казалось, что коллективный труд является тем чудесным средством, который способен сам по себе обеспечить расцвет социалистической экономики и значительно повысить благосостояние трудящихся. Факты реальной жизни опровергали радужные надежды писателя, но он их не замечал. Автор письма поставил вопрос о цене выполнения громадных сталинских планов. Для Горького высокая цель искупала все вероятные издержки. Вопрос соотношения цели и средств он давно решил в пользу цели, что обусловило его позицию публициста как апологета советского социализма. Трудно не согласиться с современным исследователем А. В. Евдокимовым, что для Горького «важен результат, полученный большевиками, — подъем экономики и культурного развития страны. А то, каким образом, а самое главное, какими средствами этот прогресс был достигнут, для него было на рубеже 1920–1930-х годов уже не столь важным»²⁹. Да и в чем именно был достигнут этот «подъем» и по каким параметрам его следует определять? По лубочным картинкам, рисуемым официальной пропагандой, по бодрым рапортам о бесчисленных успехах и достижениях или по реальным фактам, среди которых были и те мрачные явления, преступления и трагедии, о которых свидетельствовали и отдельные

авторы таких смелых писем? П. Иванов обращал внимание писателя и на полную общественную безгласность, сопровождавшую бесчисленные жертвы и лишения простых людей, — подобную безгласность обеспечивали каждодневным полицейским террором карательные органы Советского государства, навешивавшие ярлык «контрреволюции» на различные проявления протеста против произвола властей. П. Иванов в письме затронул и тему неоправданных привилегий для партийно-советской номенклатуры, ставших цельной системой к началу 1930-х гг. Строки письма обличали особую безнравственность положения «жиреющих» партийцев — от Сталина до рядовых секретарей райкомов — в годы голода, выкашивающего миллионы простых сельских тружеников. От своего поколения победителей в Гражданской войне автор спрашивал: «За что же мы кровь-то проливали?» — и не находил ответа. Он признавал ошибочность политики насильственной коллективизации, прямо приведшей к сельскохозяйственной катастрофе и к голоду, и тщетно взывал к знаменитому писателю, наивно надеясь, что тот возвысит свой голос протеста, как когда-то смело возвышал его против крайностей большевистской политики в конце 1910-х — начале 1920-х гг. Автор письма не ограничился честным показом страшной картины голодающей и вымирающей деревни; он доносил до писателя информацию и о тяжелом, бедственном положении рабочих в сталинском «раю», вынужденных, чтобы как-то свести концы с концами, массово идти в ударники, при этом «добровольно» отказываясь от тех социальных льгот, которыми на бумаге одаривал их режим. Корреспондента Горького искренне возмущали ложь и лицемерие сталинской прессы, совершенно не замечавшей трагедии миллионов людей и трубившей исключительно об успехах и достижениях. Автор возлагал надежды на выступление всемирно известного писателя по поводу его письма. Но реакции М. Горького на это письмо, включая предложение автора посетить вымершие села Украины, также не последовало. В Архиве Горького хранятся и

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

аналогичные письма — настоящие «крики души» замученных режимом людей, к которым также оставался глух всемирно известный писатель. Однако его бесспорная заслуга в том, что он сохранил их в своем архиве как уникальные свидетельства эпохи. Некоторые отрывки из этих писем мы считаем необходимым привести в этой вступительной статье. Так, некто Бобров озаглавил свое письмо Горькому от 10 августа 1933 г. как «письмо искреннего, умирающего человека». Он взывал: «Не сотни, а тысячи желали бы видеть в Вас того Горького, который боролся за угнетенных обиженных и униженных, но теперь, на склоне лет, ушел от них!!! Этот Горький не хочет знать того, что в житнице России, на Украине и Кубани, десятки тысяч гибнут, пухнут от голода, не считаясь ни с возрастом, ни с полом, а просто целыми селениями — это факты, и голые факты. Я не говорю уже о высланных административно от ОГПУ, тут прямо повально мрут от голода в страшных мучениях. Мы уверены в том, что такой умница, как Сталин и Молотов и соответствующие начальники, этого не знают, то есть знают так, как Вы были в Соловецких и Курмаше. Я был в Ваш приезд в Соловецких, где за три дня одели нас и стали кормить лучше. Но не успели уехать, как одежды сорвали и стали кормить хуже собак! Так и (в) Мурмане, так показывают и всем русским и иностранным делегациям и высшему начальству... Коснусь административно-высланных, что, живя и говоря с ними и проверяя их, убедился я крепко, что все это невинные люди и попали в эти края по недоразумению. Но смертность от голода так велика... что на войне не гибнет больше. Бросьте верить, что есть кулаки, их уже нет и нет, они исчезли и не вернутся! ...Я сам молюсь на Ваши достижения, я сам партийный, но ледяной холод забирает, когда видишь на улицах голые трупы. Здесь просто с целью морят, ибо факт тот, что целые склады ржи, муки вся забронированы... Нет слов, чтобы сказать, какая дикая смертность на почве голода. Едят только мякину, солому, малагу и мох... Я написал и совесть моя чиста. Уберите отсюда оставшихся в живых

административно-высланных»³⁰. Несколько раньше селькор Н. В. Гришакин 29 июня 1931 г. доносил до писателя жестокую правду о коллективизации: «Разве Вы, Алексей Максимович, писатель и старый рабкор, человек, вышедший из подонков старого общества... разве Вы не видите, что соцсоревнования есть мероприятия партии для выжимания последних капель энергии из рабочего, что это также эксплуатация — бабушка, но только в новом платье? Разве Вы не видите, что шум о добровольности коллективизации поглощается сумасшедшим нажимом на крестьянина (середняка, главным образом), страхом хлебозаготовок, высылания на Соловки, в Архангельск, на Урал, страхом разграбления и т. п. Нужно быть слепым, фанатиком, чтобы не сказать того же, что говорят правые: — Партия ведет политику военно-феодалной эксплуатации крестьянина. — Партия привела сельское хозяйство к немыслимой деградации... Нужно быть слепым, чтобы не видеть, как снова барствует эта гидра — партийная бюрократия... «Нужно быть слепым, — скажете Вы, — чтобы не видеть Днепростроя, 56% коллективизированного сектора и т. д.» Но ведь это сделано в силу обстоятельств за счет обнищания рабочих масс, за счет наших легких и т. д. ... Меня только удивляет, как можете Вы после всего говорить в лицо тысячам о правильности политики партии, не закрывая глаз и не забывая, что Вы видите тех же сирот, те же тысячи полуголодных, голых, несчастных, убитых алкоголем «хлебного вина», т. е. тысячи, за которые бились, освобождая их от ига Николая Кровавого? Вы человек искусства. Ваше первое дело — работать в этой области, но разве Вы не видите, что это все превращается в обязанность? Вы не смотрите, до чего мы докатились с этим партийным режимом? Вместо совести, идеала, труда и стараний — обязанность. Она одна тянет нас на собрания, в театр, в клуб, на работу. Она одна, да еще военная вакханалия, обилие вооруженных паразитов, на которых держится диктатура пролетариата в данное время и которые веселятся на наши копейки, заставляя нас молчать. Я — человек!

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

Но я вижу, что меня превращают в скотину, но я *должен* повторять в уши партии: «Верю, так должно быть». «Ибо все к лучшему», как сказал еще Вольтер со своим Кандидом»³¹.

Надо заметить, что отдельные сигналы с мест о бедственном положении трудящихся Горький доносил до руководства страны, но касались эти письма недостатков в обслуживании на местах, злоупотреблений местных начальников, а не критики политики партии в целом. Так, в сентябре 1931 г. Алексей Максимович переслал председателю СНК СССР В. М. Молотову два письма «с критикой» — Мохова «от рабочих» и Чиркова «от крестьян». И то и другое касалось безобразий в бытовых условиях. Молотов в своем ответе писателю от 11 сентября провел анализ этих писем. Глава правительства согласился, что снабжение надо улучшить и одобрил мысль писателя о пробуждении инициативы комсомольцев в этом направлении. Вместе с тем Молотов отметил предпочтительность письма рабочего Мохова над письмом крестьянина Чиркова, умело подыгрывая известным антикрестьянским убеждениям Горького. Последнее, по Молотову, «страдает известной ограниченностью и написано с противного Мохову конца — деревенского. Оно проникнуто типичной для мелкособственнической психологии ревностью к рабочему, которому, де, хорошо живется, не как в деревне и т. д.»³². Этот совпадающий антикрестьянский подход властей и писателя тоже был одним из факторов, делающим невозможным выступления и протесты Горького против трагедии советской деревни — коллективизации, раскулачивания и голода 1932–1933 гг.

И. А. Курляндский

**Письмо П. И. Иванова А. М. Горькому
о голоде на Украине 1932—1933 гг.**

[Не ранее 14 июня 1933 г.]³³

Уважаемый Алексей Максимович!

Я умоляю вас, прежде всего, как бы вы ни отнеслись к сему письму, дочитать до конца и поверить тому, что здесь написано, есть голая, ничем не прикрытая правда.

Украина вымирает с голоду. По самым грубым подсчетам, не менее 1/3 населения уже вымерло, а всего это 12—13 миллионов человеческих жизней³⁴. Это трудно проверить — это и засекречено, и этих сведений полностью мне же никто не даст. Но если в ряде сел и районов моего поля зрения и в ряде областей, в которых живут мои родные и друзья и мне пишут, — забито до 75% деревенских хат, хозяева которых или вымерли или разбежались, чтобы умереть на дорогах и на мостовых городах, — то вы мне поверите, что это не прикраса, не паническая цифра напуганного обывателя, а голая, хотя и жуткая правда.

3 ½ летняя мировая война дала 10 миллионов жертв, а ведь там применялись самые усовершенствованные методы истребления людей — здесь же за пять-шесть месяцев бескровно такая же катастрофа! Мрут люди всех возрастов от грудного до старческого и в особенности мужчины цветущего возраста 20—40 лет и как мрут, с какой покорностью судьбе, опухшие от голода, еле волоча ноги, выгоняемые нуждой и колхозными бригадами на работу, и каждый день с любой полевой делянки свозят в ямы мертвецов, погибших на работе. Те, что остались, питаюсь бурьянами и макухой, тянут дальше лямку, дожидаясь своей очереди. Я не преувеличиваю, если скажу, что выживают только те, у кого есть корова. А таких очень немного! Алексей Максимович! Если бы вы только видели весь этот ужас! Если бы вы видели этих несчастных детей, или с опухшими лицами, или с оттянутыми ссохшейся кожей костями, точно мумии с мукой

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

и голодным отчаянием в глазах... Они ежеминутно стучатся к вам в дверь, прося что-нибудь поесть. Если бы вы видели, как они выбирают зерна из последнего помета, вы бы, как и я, возненавидели, — но не коммунизм, не социализм, — а теперешних руководителей коммунизма. Число сирот — миллионы, число подкинутых — сотни тысяч. Голод заглушил материнское чувство, убил мораль! Где, когда, при каком режиме было что-нибудь подобное?!

На дорогах, в лесах лежат зловонные трупы — их даже некому убрать! Развилось снова людоедство. Дочь зарубливает мать и с мужем съедает ее, на улицах продают колбасу из человеческого мяса (мне об этом рассказывали коммунисты — деревенские работники). Исчезают дети. Всюду в городах открыты тысячи и тысячи детских домов, где в жутких условиях жизни и питания содержатся подобранные на улицах осиротелые и брошенные дети.

Украина вымирает с голоду. Украина вдребезги разорена. А помните А. Толстого «Ты знаешь край, где все обилием цветет»³⁵. Если бы вы видели теперь этот край, это обилье! Каким потрясающим нищенством оно заменено! Нет сил, нет красок, нет слов, какими бы можно было себе это описать! О причинах этого кошмара я буду говорить позже. Сейчас у меня к вам просьба: Спасите нас! Спасите Украину! Спасите ни в чем не повинных людей! Ведь им за чужие промахи, чужие грехи, за чужие преступные ошибки приходится расплачиваться своей жизнью. Вы мировой пролетарский писатель, вы совесть людей и вы не имеете права сидеть сейчас в Москве и писать историю заводов³⁶ или что-нибудь другое. Вы должны быть здесь, на фронте этого неслыханного бедствия!

Когда бывали стихийные недороды в царское время — все лучшие люди спешили на помощь голодающим. Короленко, светлой памяти писатель, рыцарь без упрека пером³⁷, деньгами и личным участием боролся за спасение погибающих от голода.

Вы должны быть здесь, с нами, вы должны изучить на месте, увидеть размеры этой всеукраинской катастрофы, чтобы помочь нам. Украина разорена. Если на селе осталось 10% на круг заморенных, худых, как щепки, лошадей, — это максимум. Есть села с населением 5–6 тысяч (правда, наполовину опустевшие), где имеется на все село 3 лошади. Корову тоже имеет 10-й двор, не больше. Свинья еще большая редкость на селе. Исчезла птица: курица, гусь, утка, индюк — это почти забытые персонажи украинской действительности. Совсем почти нет овец, коз! Почему? Нечем кормиться людям, нечего давать скоту. Почти нет собак, кошек — все это полупринудительно забрано госзаготовительными органами на пушнину. Да и что стеречь деревенскому псу? Разве человеческую смерть?

Если бы вы ночью прошли по улицам этих сел, где когда-то, по Толстому, люди «вздыхивали пыль веселою пляской»³⁸, вы бы в ужас пришли от этой мертвой тишины. Не лают собаки, не ржут кони на рассвете, не поют петухи — эти деревенские части не вздвигают шумно коровы в сараях³⁹. Тишина, ужас! Везде ли, всюду ли так? Есть отдельные колхозы, где люди наиболее сносные⁴⁰ живут, хоть не вымирают. Но сколько таких колхозов? Я старожил в нашем городе и знаю на память 30–40 сел в окружности. Разве о двух селах я могу сказать, что в них нет массового вымирания. Как питаются еще живые. 200–400 грамм жуткого черного, как земля, хлеба — суррогата и еще макуха⁴¹ и борщи с бурьянами. Картофель, овощи, крупа — все это давно позабыто. Результаты для живых. Рождаемость понизилась в 4–5 раз, женщины, девушки по ½ — 1 году не имеют менструаций на почве недоедания, резко упала производительность труда — в 5–6 раз. Дети физически и умственно отстают в развитии, худосочны, бледны, колоссально развиваются эпидемии (степняк), которые довершают вымирание.

Колоссально развивается преступность. Урками наполнены города. Для того чтобы украсть козу, не стесняются зарезать двух девочек, которые пасли ее. Вам трудно на страницах этого

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

письма все переживаемое нами описать. Не могли вы и увидеть этого, пролетев экспрессом из Одессы в Москву. Надо пожить здесь, чтобы увидеть и почувствовать весь этот кошмар. И не судите по Москве, Ленинграду, что там есть продукты. Это столицы, это показ иностранцам. Еще города у нас на Украине хоть как-нибудь живут — 200—400 грамм хлеба в день, фунт пшена в три месяца раз, да бутылка керосина. Все остальное в базаре, где стоимость рубля равна одной копейке, а средняя ставка рабочего и служащего 100—150 рублей (500 рублей — это только инженеры). Село же все отдало государству, и ему оставлено лишь право голодной смерти. И вот село вымирает. В городах вымерло менее устойчивого населения, около 10% и это еще хорошо.

И снова у Толстого: «В вишневых рощах тонут хутора»⁴². Нет больше хуторов, нет вишневых садов; все вырублено, высажено, объедено садовыми вредителями. Нужен уход. Но когда исчезла заинтересованность личная (ведь за 15 лет людей не переделаешь), исчезли фрукты. Их, этих важнейших носителей витаминов, — почти нет в огороде. Страна клубники — Украина, потреблявшая и вывозившаяся ее тысячами видов, осталась без клубники. Бесконечные реквизиции ее по твердым ценам и раскулачивание трудовых хозяйств — клубника любит уход над собой — раскулачили и клубнику, а она, может быть, спасла бы от вымирания тысячи жизни. И некому работать на полях, село опухшее и полувымершее не может выставить... (нрзб.) рассчитанных на нормальные условия планов. И теперь в спешном порядке мобилизуют горожан. Делают облавы в садах, в театрах, на улицах, наводя панику на людей и опустошая базары — единственное место, где еще что-нибудь можно купить. И всех гонят на поля. Не так это страшно. Но сколько истерической поспешности, злобы, грубости проявляется над и без того затурканными⁴³ людьми! И вообще поражает всюду грубость в обращении. Авансом, заранее в любом учреждении говорят с вами, как с преступниками. То же, что и было в цар-

ские времена, всюду те же держиморды, только с советскими звездами на околышках.

В чем же причина этого кошмара?

Нас разорила первая пятилетка, и доканывает вторая. Конечно, пятилетка, как говорит т. Сталин, выполнена, а по отдельным предприятиям и перевыполнена. Но какой жуткой ценой куплено ее выполнение! Ведь если в течение пяти лет от нашего рта отрывали кусок за куском, вывозили хлеб, мясо, скот, масло, сало, рыбу, — за машины, то только кретину или глупцу не было ясно, что мы придем к голодной смерти. Но если кто-нибудь поднимал голос против и говорил, что такими тяжелыми жертвами нельзя получить построение фундамента социализма, его затапывали, смешивали с грязью, уничтожали морально и физически. Каких только бессмысленных подчас эпитетов еще не наклеивали — уклонист, оппортунист, соглашатель, предатель, изменник и т. д. Так были ликвидированы Рыков, Томский, Бухарин, Зиновьев, Раковский и многие, многие другие честные коммунисты, которые обладали чувством перспективы и предвидения, к чему поведет эта измощающая гонка⁴⁴. Все было затерроризировано генералистами⁴⁵ — сталинцами. А за ними тянулась партрельгия⁴⁶ третьим рангом ниже. Все недурно снабжаемые лучшими колбасами, живя в кремлях и кремлишках (сколько их, этих кремлишек, разбросано по лицу СССР от Москвы до любого сельского колхоза). Умер, опух от голода хоть один ответственный партиец? Какое же право имели они от Сталина до последнего головы сельроты⁴⁷ обрекать голодных на смерть, сами съедая то, что добыто мужицкими руками? Вот если бы наравне со всеми согражданами Сталин ел макуху, как генерал в осажденной крепости, а Калинин лебеду, и оба пухли с голоду, хотя это и никому не нужно, — тогда было бы хоть извинительно. История отпустила нам малые сроки, так волей-неволей приходится подтягивать брюхо. Но если от советских пайков многие партийцы жиреют, а их жены одеваются в шелка и спекулируют мануфактурой и предметами роскоши, если

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

позиция «долой уравниловку» для единиц значит белый хлеб, сахар, масло, рыба, конфекты, шоколад, ветчину, а для других макуху-лебеду и голодную смерть, то мы имеем право спросить: «За что же мы кровь-то проливали?» И это столь обыденный вопрос нашего существования, что не получить на него ответ — значит потерять веру во все пятилетки, смысл и значение революции, коммунизма и многое-многое другое... В результате выполнения пятилетки из нашего оборота постепенно исчезли все пищевые продукты, т. е. в области сельского хозяйства мы провалились по всем швам. Ведь когда насильственно всех записывали в колхозы, сколько было кровавых бунтов против этого, и это было противозаконно. На бумаге писалось *добровольно*⁴⁸, а задание давалось выполнить и перевыполнить, и каждый сатрап и сатрапёнок на месте хотел обязательно перевыполнить план коллективизации. Такова была установка — перевыполнить, и за все это тебе чины, ордена, курорты и открытая дорожка ко всем кремлишкам СССР. Скажите: при отсутствии достаточного интеллектуального развития и задерживающих центров⁴⁹ многие ли из попавших в сатрапы товарищей способны были удержаться от бессознательного вредительства, от отрыва от действительности, от головокружений искренних и шкурных, от мании величия. «Ведь мы большевики, и нет никакой крепости, которую бы мы ни взяли»⁵⁰. Это определяло собой всю сумму дальнейшего поведения любого из них. «Дуй! Авось вывезу», «Нам Америка не указ». Это наше российское шапкозакидательство, помноженное на сознательное и бессознательное вредительство, и разорило и привело Украину к вымиранию. И все не верим, что у мужика только одна шкура. «Врет, притворяется, — наверняка есть другая шкура» — вот только снять первую. И не осталось этих дутых представлений о второй шкуре у мужика, о закопанном хлебе, о спрятанных богатствах, давали и дутые цифры экспортных возможностей, сообщали дутые сводки о своих успехах и достижениях, били в барабаны, погоняли себя и других, а мужик постепенно начал

пухнуть, стал падать скот, сорняки на полях сместили рожь, пшеницу. Все не верили. Притворяется. Потом стали искать виновников. Конечно, это оказались кулаки! И одного не хотели понять, что новые непривычные формы хозяйничанья при полном отсутствии новых и хороших честных организаторов дела неминуемо должны были привести к временному упадку сельского хозяйства и уменьшению хлеба, а за ним птицы, скота и т. д. Но планы по раздутым предположениям плюс накинутае на мобилизацию внутренних ресурсов в 50 и 100% необходимо было выполнить.

Заявки сделаны, контакты за границей заключены, а платить-то нечем. Вот тогда-то и сняли последнюю (и первую тоже) шкуру с мужика и увидели, наконец, воочию, что второй шкуры у него нет, что не в мужике причина, что просто не так просчитали. Вместо того чтобы отступить так, как отступить умел Ленин, — сложили руки перед катастрофой. Насели на голодного: «Работай, голодный, до смерти», а с питанием подождем до урожая, а Украина вымирает. Или подлинному вредителю (есть он) и кулаку (а кулак в небольшом количестве есть) это не на руку?

Сказалось свойство русского духа разрушать больше, чем созидать, сначала все разрушить, а потом строить. Элементы анархизма, который вырос на русской почве. И вот в результате всюду прорехи, всюду узкие места. Как журавль из русской народной песни: то голову вытащим — глянь, хвост увяз, и то хвост вытащим — глянь, голова увязла. Большевистского упорства у нас хоть отбавляй. И надо было, чтобы вымерло $\frac{1}{2}$ Украины, что, наконец, пришел грозный приказ: «отменить все встречные, — запретить под угрозой смертной кары»⁵¹. А ведь это несчастье, чаще всего, из карьерных шкурных соображений усердие, за которое проявивший инициативу и ограбивший людей, доведший их до голода и смерти сатрапишко получал ордена, местечки теплые и горячие в кремлях и кремлишках. И в результате вывоза и перевывоза последнего хлеба, на ко-

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

торые⁵² ни один колхозник, предвидя голодную смерть, не дал бы своего согласия добровольно, — Украина вымирает. А Литвинов на мировой экономической конференции на смех курам предлагает еще закупить на миллиард долларов машин для СССР⁵³. Как будто там не знают о нашем хозяйственном разорении. И как будто Литвинов не знает, что Украина вымирает от голода и нужно закупить хлеба для нее, иначе кто же будет дальше собирать хлеб, сеять. Уже сейчас должен быть поднят вопрос о колонизации Украины. Думает ли кто-нибудь об этом? Вероятно, нам нынче эту работу надо уже начать. И надо спасти еще не вымерших от голода, и надо первым дать первое зерно с поля. А Молотов уже заранее распоряжается: «Первый сноп государству». Что это? — глупость или предательство, как говорил когда-то Милюков в Государственной думе об Александре Романовой⁵⁴. Значит, не знает нарком 1/6 части земного шара, что творится у него под носом в плодороднейшей житнице СССР. Тогда какой же он нарком? И если знает, тогда какой же кары он заслуживает? И что это за агенты у Центрального правительства, если они скрывают размеры бедствия от него?⁵⁵ Чушь, ерунда, бессмыслица, неслыханное преступление. История веков не знает ничего подобного. Выкачать все до последней порошинки, не оставить никаких запасов. Спланировать так головотяпски, не учтя неизбежных потерь на переход к новым формам землепользования, не учтя естественных потерь урожая вследствие засоренности полей...(нрзб.), унавоженности земли и неизбежного со стороны определенных групп населения вредительства, — это действительно проявление российского головотяпства, помноженного на непогрешимость и самомнение!

Пишу урывками — некогда. Что это за экономика, когда допустили гибель рыцаря зерновой индустрии, где один давал продукции один на двадцатерых. И кормил всех от себя до Сталина включительно! Дичь, позор! Да разве только это? Обеднили валюту до старых совзнаков, и, чтобы как-нибудь прокормиться, рабочий объявляет себя ударником, то есть со-

знательно (и, конечно, по нужде) отказывается от 8-часового рабочего дня и работает как раб в английских колониях, без срока, давая дрянную продукцию... Вот у нас тракторы по-ударному ремонтировали. Работали стуками, вывели их в поле и через два дня 75% вернули в мастерские обратно — все переломалось! А ударники валяются с ног от усталости и, разрушая свое здоровье, по ударным книжечкам раз в месяц получают $\frac{1}{2}$ кило колбасы, да кило дрянных галет. Рабочую лошадь в старое время хозяин лучше берег. Я и все мы по тем же причинам берем по 2—3 службы и работаем по 16—18 часов, чтобы выработать 300—400 рублей — редко 500, т. е. по базарным ценам 3—5 рублей. А где же охрана труда? Разве это не есть фактическая принудительная отмена восьми-шестичасового дня? А нападали на границу и проливали слезы за то, что там пшеница, видите ли, подорожала на $\frac{1}{4}$ пфеннига за последний месяц! И бедному рабочему нечего кушать! Лицемерие! Я хотел бы иметь пищевые возможности заграничного безработного!

Кругом ложь и лицемерие! Газеты неделями пишут об ударной Татарии, Горьковском крае (вашем, Алексей Максимович!), которые дружно закончили сев! Смешно! А об Украине, что вымирает с голода, не пишут ни слова! А ведь вся-то Татария с вашим имени краем — это мизинец плодородной Украины! И Петровский и Чубарь не лишились своих авторитетных и почетных мест в Харьковском Кремле⁵⁶. Почему они не в Допре? Где же правда?

В этом зло диктатуры. Убита критика, всюду вошел в обиход шаблон лозунгов, директив, тезисов. Так сказал Сталин, так решил ЦК, т. е. опять-таки Сталин же. И, храни Аллах, попробывать покритиковать, сказать против, — от тебя мокрого места не останется. И в подвалах Г. П. У. для тебя найдут теплый вшивый уголок до смерти. А Г. П. У.? А выкачка золота путем неслыханных насилий, содержания в подвалах на воде... Почти без хлеба на 2—3 месяца, а пытки бессонницы, — т. е. вас ставили к стенке и не давали спать по целым неделям, а люди падали замертво!

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

Какой страны охранка смеет делать попытку нас перещеголять. Давай золото — иначе сгинешь тут. Но были действительно невинные, т. е. бессребреники, которых брали на арапа, авось даст, и держали в подвалах несколько месяцев. Простим мы когда-нибудь это насилие владыкам нашей жизни? Ведь сами сыты, а золото не всегда по счету и по квартирам прилипает! Да мало ли что еще можно сказать! Я возвращаюсь снова к прежней теме. Мы погибаем от чрезмерных большевистских appetitov: заавоськались, захватили в рот кусок, второго не можем проглотить и давимся им. Мы подобны толстовскому мужику из его рассказа «Сколько человеку земли нужно». Все ему казалось мало — он бежал, захватывал все новые и новые баночки, пока не лопнул. Вот и мы лопаемся! И первый шов треснул на Украине. А что если война? Какой тыл будет представлять из себя Украина с ее наполовину вымершим, наполовину отечным от голода населением? Что думают об этом Сталин и Ворошилов? А если думают, то чем мыслят они, когда допустили раскулачивание доброй половины населения — самого трудоспособного, создавшего себе крепкое трудовое хозяйство! Вместо 2—3% подлинных кулаков — раскулачили, т. е. разорили, 50% населения — середняков, деревенских кустарей — кожевников, кузнецов, сапожников, бондарей и т. д. А ведь Ленин завещал не ссориться с мужиком. А они рассорились с ним навеки! Какой же тыл для нас и себя они подготовили? Ленин этого не допустил бы. Ленин любил и жалел людей! А теперешние отгородились от жизни, от людей, от голой правды: в полутьме все дела решают, в тиши наркомов, в экономике: двадцатки, тридцатки, т. е. продукты для избранных 20-ти — 30-ти, в частной жизни — колючая проволока от беспартийных масс. И вот Украина вымирает. А именами «героев» продолжают называть фабрики и заводы. И есть немало «героев», которые объясняют голод на Украине «законом исторической необходимости». Другие говорят: «Кто нам нужен, тот и важней», «Не хотели работать в колхозах, так вымирайте». А признаться в том, что содрали

три шкуры с медведя и он умирает — этого нет. Ибо тогда надо судить многих «высоких недосягаемых». Так пострадает престиж власти! Как в доброе старое время. И дождались катастрофы. И это началось давно, еще тогда, когда насильно тащили коров в обобществленное стадо под открытым небом, и они гибли там тысячами, и иначе быть не могло. Корова, овца, свинья, лошадь — любят уход, тепло, свой угол (буржуйские привычки). В угоду% — необходимо было властям ввести и перевыполнить процент обобществления. У разумных людей надо было сначала построить скоторни⁵⁷, а потом гнать туда скот, — а у нас сделали наоборот и вот так потеряли на Украине 90% скота! Ах, Горький, как горько переживать все это, видеть и не иметь возможности помочь, исправить!

То, что думаю и пишу я, — думают миллионы людей: рабочих, крестьян, специалистов, в городе и на селе, так думают и многие коммунисты, когда вы говорите с ними с глазу на глаз. В толпе же, на людях, на собраниях шкурные инстинкты, при отсутствии достаточно развитого чувства перспективы, берут верх, и они говорят и голосуют за «генеральную линию», что бы она *ни предлагала*⁵⁸ — они всегда одобряют. Вчера отбирали расчетливо скот в колхозные стада — они с пеной у рта доказывали, что это именно то, что нужно, и благодарили вождя, что он открыл им глаза на это, — через несколько месяцев, когда скот сталдохнуть в угрожающей прогрессии, ЦК забил отбой — назад!⁵⁹ Зачем мы поотбирали у колхозников скот и лишили их молока?!

Вернуть, да еще создать фаты⁶⁰ для покупки коров всем колхозникам, — хотя знали, что покупать не за что и негде. И те же комитеты в один голос стали распинаться за это новое решение (мудрое!) — в этом-де спасение революции! Но коров во многих случаях все равно не возвратили: передохли, задоили... Нет людей! Для такого размаха — переустройства нужны миллионы образованных, развитых и честных людей. А их есть тысячи. Поэтому везде и всюду на ответственных постах сидят либо

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

простачки, либо еще хуже — сидят и вредители. И дело гибнет, расползается. Такова ...⁶¹ всякой диктатуры — нет массовости в работе, и верхушки 1–10 человек, которые, вооружившись карандашом в тиши кабинетов, начитавшись и не переварив как следует НЭП, не увязав их с подлинной жизнью, перестраивают страну в решительно короткие сроки! А кто пикнет против: «Что? Не согласен? Значит, ты против революции? Против пролетариата? Взять его!» Разве это не правда?

Мы создали, построили многое огромное, вложили в это дело море нашего пота и крови. Надо передохнуть людям! Надо подкормить людей! Надо, чтобы люди свободно вздохнули!

Приезжайте — пройдите по нашим вымершим селам, и вы найдете ответ, что нужно делать. К моему же скромному голосу, как писку комаров, — кто прислушается? Я был бы счастлив и счастлив, что долг моей совести я выполнил, если бы на страницах «Известия» или вашего журнала «Наши достижения»⁶² вы мне ответили. Ведь это не мне одному — нас так думающих миллионы. Или вызовите меня к себе, и я вам расскажу еще многое и многое.

Иванов П. И., Украина.

(По поручению тт. и от себя лично).

P.S. Надеюсь, что за это письмо я не попаду в подвалы ГПУ.

АГ КГ-рл 11–77–1. Л. 1–6 об. Автограф. На 1-й странице письма рукой неизвестного сделана надпись: «Критика».

Примечания

¹ АГ (Архив Горького) РпГ 1–25–1.

² Горький А. М. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 13. М., 2007. С. 205.

³ Там же. С. 207.

⁴ АГ РпГ 1–25–1.

⁵ Там же.

⁶ Латыпов Р. Помощь АРА Советской России в период «великого голода» 1921–1923 гг. // Научно-культурологический журнал. 2006. № 123.

⁷ Горький А. М. Полн. собр. соч. Письма. Т. 13. С. 209.

⁸ Там же. С. 550, 551.

⁹ Там же. С. 216.

¹⁰ Там же. С. 562, 642.

¹¹ Летопись жизни и творчества М. Горького. М., 1959. Т. 3. С. 236–243.

¹² Там же. С. 277.

¹³ Ленин и Горький. Письма, воспоминания, документы. М, 1969. С. 218.

¹⁴ Там же. С. 219.

¹⁵ Летопись жизни и творчества М. Горького. Т. 3. С. 265.

¹⁶ Горький А. М. Полн. собр. соч. Письма. Т. 13. С. 548.

¹⁷ Там же. С. 542.

¹⁸ Летопись жизни и творчества М. Горького. Т. 3. С. 290.

¹⁹ Неизвестный Горький. М., 1994. С. 186.

²⁰ Публицистика М. Горького в контексте истории. М., 2007. С. 440–455

²¹ Неизвестный Горький. М., 1994. С. 189.

²² Там же. С. 180.

²³ Летопись жизни и творчества М. Горького. Т. 3. С. 218–291.

²⁴ Там же. С. 273.

²⁵ Там же. С. 293–295.

²⁶ Так в тексте.

²⁷ Горький М. Собрание сочинений в 30 т. М., 1956. Т. 30. С. 283, 284.

²⁸ Горький и Р. Роллан. Переписка. 1916–1936. М., 1996. С. 197, 198.

²⁹ Публицистика М. Горького в контексте истории. С. 436.

³⁰ АГ КГ-рл 3–90–1. Л. 1–3.

³¹ Там же. КГ-рис 1–1/4–1. Л. 1–2 об.

³² Там же. КГ-082–60–3. Л. 1–3.

³³ Датируется по содержанию. Автор упоминает в тексте письма о состоявшемся 14 июня 1933 г. выступлении наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова на международной экономической конференции.

³⁴ Число жертв голода 1932–1933 гг. в письме завышено. Современные исследователи оценивают жертвы голода 1932–1933 гг. по всему СССР числом от 5 до 7 миллионов погибших.

³⁵ Неточная цитата первой строчки стихотворения А. К. Толстого:

«Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу
И до земли висит их плод тяжелый?

Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,
Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубясь над водою,
Бежит дымок синеющей струей?

Туда, туда всем сердцем я стремлюся,
Туда, где сердцу было так легко,
Где из цветов венок плетет Маруся,
О старине поет слепой Грицко,
И парубки, кружась на поже гладкой,
Взрывают пыль веселою присядкой!

Ты знаешь край, где нивы золотые
Испещрены лазурью васильков,
Среди степей курган времен Батыя,
Вдали стада пасущихся волон,
Обозов скрип, ковры цветущей гречи
И вы, чубы — остатки славной Сечи?

Ты знаешь край, где утром в воскресенье,
Когда росой подсолнечник блестит,
Так звонко льется жаворонка пенье,
Стада белят, а колокол гудит,
И в божий храм, увенчаны цветами,
Идут казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь над спящею Украиною,
Когда седой вставал с болота пар,
Одет был мир и сумраком и тайной,
Блистал над степью искрами стожар,
И мнилось нам: через туман прозрачный
Несутся вновь Палей и Сагайдачный?

Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи,
Где столько тел лежало средь полей?

И. А. Курляндский

Ты знаешь край, где некогда у плахи
Мазепу клял упрямый Кочубей
И много где пролито крови славной
В честь древних прав и веры православной?

Ты знаешь край, где Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льет,
Над ним дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросший вход,
Над дверью щит с гетманской булавою?..
Туда, туда стремлюся я душою!»

³⁶ 1930-е гг. — время активного участия А. М. Горького в организации трудов по истории фабрик и заводов.

³⁷ Так в тексте.

³⁸ Автором имеются в виду следующие строки цитированного им выше стихотворения А. К. Толстого «Ты знаешь край, где все обильем дышит...»: «И парубки, кружась на поже гладкой / Взрывают пыль веселою присядкой!»

³⁹ Так в тексте.

⁴⁰ Так в тексте. Вероятно, описка автора. Следовало: «сносно».

⁴¹ Макуха — жмыхи семян масличных растений (подсолнечника, конопли, мака и др.).

⁴² Цитата из стихотворения «Ты знаешь край, где все обильем дышит...».

⁴³ Так в тексте.

⁴⁴ Под словом «ликвидированы» автор в 1933 г., видимо, имел в виду отстранение бывших оппозиционеров от рычагов реальной политической власти в стране. Все названные П. Ивановым лица были впоследствии физически уничтожены Сталиным в 1936–1941 гг.

⁴⁵ То есть сторонниками генеральной линии.

⁴⁶ Так в тексте.

⁴⁷ Так в тексте.

⁴⁸ Подчеркнуто автором в тексте.

⁴⁹ Так в тексте. Правильно: «сдерживающих центров».

⁵⁰ Перефразирование цитат из речи Сталина на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г.: «Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять», а также из доклада «О работах апрельского объединенного пленума ЦК и ЦКК» 13 апреля 1928 г. на собрании актива Московской организации

«Алексей Максимович! Если бы вы только видели...»

ВКП(б): «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики».

⁵¹ Очевидно, автор имеет в виду подписанную Сталиным и Молотовым директиву ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 22 января 1933 г. о запрещении массового выезда голодающих крестьян. В директиве констатировалось, что на Кубани и Украине начался массовый выезд крестьян «за хлебом» в другие области СССР. Это явление квалифицировалось как «контрреволюционная затея врагов Советской власти». Соответствующим партийным, советским и карательным органам предписывалось не допустить такого массового выезда. По изъятию «контрреволюционных элементов» остальных предписывалось водворять в места их жительства (Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах. 1927–1939. М., 2001. С. 634–635). Этим преступным решением Сталин и Молотов обрекли на верную гибель миллионы людей.

⁵² Так в тексте. Правильно: «на которые».

⁵³ Имеется в виду Международная экономическая конференция, проходившая в Лондоне с 12 мая по 27 июля 1933 г. Выступая на конференции, нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов 14 июня заявил о готовности советского правительства разместить в других странах заказы на 1 млрд. долларов на основе получения долгосрочных кредитов. (История США: в 4 т. М., 1985. Т. 3. 1918–1945. С. 76).

⁵⁴ Имеется в виду знаменитая речь лидера партии кадетов П. Н. Милюкова в Государственной думе 1(14) ноября 1916 г. Милюков в этой речи обличал действия самодержавного правительства и Государственной думы в годы Первой мировой войны и несколько раз риторически вопрошал, является ли это «глупостью или изменой». Милюков упоминал некоторых членов правительства и царского окружения (Сазонова, Протопопова, Штюрмера, Манасевича-Мануйлова, Распутина), но ни разу не назвал императрицу Александру Федоровну.

⁵⁵ Сталин и советское правительство были полностью осведомлены о размерах голода 1932–1933 гг., получая подробные донесения ОГПУ, а также партийных и советских органов с мест.

⁵⁶ Г. И. Петровский в 1933 г. являлся председателем ЦИК УССР; В. Я. Чубарь — председателем СНК УССР; оба в то же время были кандидатами в члены Политбюро ЦК ВКП (б).

⁵⁷ Так в тексте. Очевидно, имеются в виду помещения для содержания скота.

⁵⁸ Подчеркнуто автором в тексте.

И. А. Курляндский

⁵⁹ Имеются в виду статья Сталина «Головокружение от успехов» («Правда», 2 марта 1930 г.) и связанное с ней постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» (Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930—1940. М., 2005. Кн. I. С. 154—158).

⁶⁰ Так в тексте.

⁶¹ Автором письма пропущено слово.

⁶² Журнал «Наши достижения» был основан Горьким в 1930 г. под его же редакцией для пропаганды успехов и достижений СССР.

В. В. ЛОБАНОВ*

**ДЕЛО «ЕПИСКОПА» ЛАЗАРЯ
(архивные документы о преследованиях
обновленческого духовенства
в годы «большого террора»)**

Судьба обновленческого епископа Лазаря [в миру — Михаил Иванович Любимов (1897—1937)] во многом характерна для тех представителей церковной иерархии и рядового духовенства, которые в эпоху революционных потрясений отчасти и не по своей вине не смогли сохранить верность Матери-Церкви, уклонившись в разного рода разделения и расколы. Наиболее болезненным для Русской православной церкви стал так называемый обновленческий раскол. Инициированный и до определенного времени активно поддерживаемый большевистской властью, он окончательно изжил себя только в годы Великой Отечественной войны в связи с «новым» церковным курсом советского руководства¹. Вместе с тем уже в середине 1930-х гг. антицерковные гонения стали затрагивать обновленцев практически в той же степени, что и патриаршую Церковь. Пиком террора стали 1937—1938 гг., когда пострадали десятки тысяч верующих разной церковной ориентации.

На рубеже 1990—2000-х гг. архивом УФСБ РФ по Москве и Московской области на госхранение в Государственный архив

* Кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН.

Российской Федерации было передано 96 тыс. следственных дел пострадавших от политических репрессий; среди них и материалы следствия в отношении представителей обновленчества. В частности, это документы дела № 7835 по обвинению Дмитриевского А. В., Зверева М. И., Стрижко И. И., Левитского В. А., Архипова М. К. и Любимова М. И в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.10 и 11 УК РСФСР. Обвиняемым ставилось в вину участие в «контрреволюционной монархической группе церковников», враждебно настроенных к существующему политическому строю². М. И. Любимов («епископ» Лазарь) был арестован на несколько дней позже других и в списке обвиняемых значится последним, однако именно он наряду с А. В. Дмитриевским фигурирует в числе организаторов указанной «контрреволюционной» группы³. Единственный из всех представителей обновленческого духовенства, привлеченных по делу, он носил «сан» епископа, и единственный из всех получил расстрельный приговор; поэтому вполне справедливо, с определенной долей условности, назвать это следственное дело делом «епископа» Лазаря.

Приводимые разными источниками биографические сведения о М. И. Любимове неточны и содержат ряд противоречий. Из анкеты арестованного следует, что он родился в селе Литвиново Наро-Фоминского уезда Московской губернии в семье «служителя культа» (1897). Окончил духовную семинарию⁴. По данным М. В. Шкаровского и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ)⁵, в 1928–1932 гг. был священником церкви Святителя Николая Большой Крест на Ильинке в Москве. Тайно рукоположен во епископа иосифлянами⁶ (1930) (по другим данным, в 1932 г.). В 1932 г. арестован по делу «Московского филиала ИПЦ⁷» и приговорен к 3 годам заключения, которые были заменены ссылкой. После освобождения (1935) перешел в обновленчество, став «епископом» Клинским, викарием Московской епархии, а затем «епископом» Моршанским. На момент очередного

Дело «епископа» Лазаря...

ареста (15.11.1937) работал бухгалтером в кафе. Имел жену и малолетнего сына.

Следствие велось с грубейшим нарушением процессуальных норм⁸, и в пользу М. И. Любимова могло бы говорить его мужественное поведение — ложных обвинений он не признал. Однако протоколы допросов раскрывают и другой, малопочтенный факт из биографии бывшего иерарха — как и многие из обновленцев, он в свое время являлся тайным осведомителем ГПУ..⁹

Вниманию читателя предлагаются несколько документов из материалов следствия, непосредственно связанные с судьбой «епископа» Лазаря. Это справка на его арест (с указанием причин), утвержденная заместителем Начальника управления НКВД МО (Док. № 1); обвинительное заключение по делу №7835, обобщающее результаты следствия и направляющее дело на рассмотрение судебной тройки (Док. № 2); выписка из протокола заседания самой тройки при Управлении НКВД СССР по МО, утвердившей для М. И. Любимова смертный приговор (Док. № 3), и, наконец, выписка из акта о приведении приговора в исполнение (Док. № 4).

Само же изучение материалов следственных дел обновленческого духовенства и мирян (чему до настоящего времени не уделялось достаточного внимания), безусловно, представляет значительный интерес для исследователей. Данный источник затрагивает ряд важных проблем не только церковно-исторического, но и духовно-нравственного характера, помогая лучше осмыслить вехи трагического пути Русской православной церкви в XX столетии.

В. В. Лобанов

№ 1

Справка на арест М. И. Любимова

«УТВЕРЖДАЮ»

Зам¹⁰[.]НАЧ[.] УПР[.] НКВД МО — КОМИССАР

Государств[енной] Безопасн[ости] 1 ранга¹¹

(РЕДЕНС)

«8¹²» декабря 1937 г.

СПРАВКА

(на арест)

В 4-й Отдел УГБ УНКВД МО поступили сведения о том, что проживающий в Москве нелегально ЛЮБИМОВ Михаил Иванович — епископ ЛАЗАРЬ, среди окружающих проводит к-р¹³ деятельность, направленную против предстоящих выборов в Верховный Совет.

ЛЮБИМОВ среди верующих говорил: «На перевыборы ходить не нужно, это дело греховное. Верующие не должны выбирать власть, которая ведет борьбу с православной церковью и духовенством». Дальше ЛЮБИМОВ говорил: «Советская власть преследует открыто духовенство. Я объехал много городов и везде мне запрещали служить, поэтому вынужден перейти на нелегальное положение».

На основании изложенного ЛЮБИМОВ Михаил Иванович — епископ Лазарь, 1896 г.р., без определенных занятий и места жительства, скрывается по адресу: Бол[ьшой] Коптевский проезд, 9, кв.1. — подлежит аресту.

НАЧ[.] 8 ОТДЕЛЕНИЯ

СТ. ЛЕЙТЕНАНТ Государств[енной] Безоп[асности]

(БУЛЫЖНИКОВ)

СОГЛАСЕН — НАЧ[.] 4 ОТДЕЛА УГБ УНКВД МО

КАПИТАН Государств[енной] Безоп[асности]

(ПЕРСИЦ)

« » декабря 1937 г.

ГА РФ. Ф. 10035. Д. 20877. Л. 36. Подлинник. Машинопись. Подписи-автографы. В правом верхнем углу помета: «Арестовать[.] 8/ХП». Подпись — неразборчиво.

Дело «епископа» Лазаря...

№ 2

Обвинительное заключение по делу № 7835

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ[.]НАЧ[.] УНКВД МО МАЙОР

Государствен[енной] Безопасности¹⁴

(ЯКУБОВИЧ)

«21¹⁵» декабря 1937 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу №7835 по обвинению

ДМИТРИЕВСКОГО Алексея Владимировича.

ЗВЕРЕВА Михаила Иосифовича.

СТРИЖКО Ивана Ивановича.

ЛЕВИТСКОГО Василия Александровича.

АРХИПОВА Милия Константиновича.

ЛЮБИМОВА Михаила Ивановича

в преступлении, предусмотренном ст. 58, п.10 и 11 УК РСФСР.

В 4-й отдел УГБ УНКВД Московской области поступили сведения о том, что в г. Москве существует контрреволюционная монархическая группа церковников, состоящая из служителей культа, враждебно настроенных к существующему политическому строю — советской власти.

Группу возглавлял поп, до революции имевший собственный свечной завод, — ДМИТРИЕВСКИЙ Алексей Владимирович. Контрреволюционная монархическая группа проводила открытую к-р агитацию против выборов в Верховный Совет Союза СССР и распространяла разного рода ложные к-р провокационные слухи о войне и якобы скорой гибели советской власти, о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство.

Произведенным по делу расследованием установлено: действительно в гор. Москве существовала к-р монархическая

группа духовенства, которую возглавлял поп, имевший до революции собственный свечной завод, ДМИТРИЕВСКИЙ Алексей Владимирович, который организовав вокруг себя враждебно настроенных к партии и советской власти попов: ЗВЕРЕВА М. И., СТРИЖКО И. М., ЛЕВИТСКОГО В. А., АРХИПОВА М. К. и ЛЮБИМОВА М. И. [и другие], которые среди окружающих их лиц систематически вели к-р агитацию против выборов в Верховный Совет Союза ССР, распространяли разного рода ложные к-р провокационные слухи о войне и якобы скорой гибели соввласти, о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство, о тяжелом материальном положении трудящихся в СССР, восхваляли монархический строй и подготавливали церкви к нелегальному существованию на случай закрытия последних и т. д. (л[ист] д[ела] ...

Допрошенные по делу обвиняемые: ЗВЕРЕВ М. И., СТРИЖКО И. М., АРХИПОВ М. К. виновными себя признали, а ДМИТРИЕВСКИЙ А. В., ЛЕВИТСКИЙ В. А. и ЛЮБИМОВ М. И. виновными себя не признали, но достаточно изобличаются показаниями других обвиняемых и свидетельскими показаниями¹⁶.

На основании изложенного *О Б В И Н Я Ю Т С Я*:

ДМИТРИЕВСКИЙ Алексей Владимирович, 1879 г.р., ур[оженец] быв[шей] Вологодской губ., Богородской волости, с. Никола Каргач, поп, до революции имел собственный свечной завод, русский, гр[ажданин] СССР, б/парт., образование среднее духовное, со слов не судим, одинокий. До ареста служил попом в церкви Калитниковского кладбища, прож[ивающий]: г. Люберцы Московской области, Октябрьский проспект, дом № 200, кв.1, —

— в том, что возглавлял к-р монархическую группу попов, вел к-р агитацию против выборов в Верховный Совет СССР, восхвалял монархический строй и распространял разного рода ложные к-р провокационные слухи о войне и якобы скорой гибели соввласти, о якобы существующем в СССР гонении на

Дело «епископа» Лазаря...

религию и духовенство, готовил церкви к нелегальному существованию на случай закрытия последних и т. д., т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.10 и 11 УК РСФСР.

2. ЗВЕРЕВ Михаил Иосифович. 1899 г.р., ур[оженец] гор. Пермь, поп, русский, гр[ажданин] СССР, б/парт., образование среднее духовное, со слов не судим, одинокий, до ареста служил попом в церкви «Воскресения Христова», проживал: в Москве, Русаковская улица, дом № 51/11, кв. 1, —

— в том, что являлся активным участником к-р монархической группы попов, вел к-р агитацию против выборов в Верховный Совет СССР, восхвалял монархический строй, распространял разного рода к-р провокационные слухи о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство, о войне и якобы скорой гибели соввласти, готовил церкви к нелегальному существованию на случай закрытия последних и т. д., т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.10 и 11 УК РСФСР.

3. СТРИЖКО Иван Иванович, 1897 г.р., ур[оженец] слободы Борисовка Курской области, протодиакон, русский, гр[ажданин] СССР, б/парт., образование низшее, со слов не судим. В 1918 г., находясь на территории белых, оказывал материальную помощь последним и служил у них диаконом, одинокий. До ареста служил протодиаконом в церкви Пятницкого кладбища, проживал: в пос. Малаховка Ухтомского р[айона] по Тургеневской улице № 47, —

— в том, что являлся активным участником к-р монархической группы попов, вел к-р агитацию против выборов в Верховный Совет Союза ССР, восхвалял монархический строй, подготавливал церкви к нелегальному существованию на случай закрытия последних, будучи на территории, занятой белыми, в 1918 г. оказывал им материальную помощь и служил диаконом у последних, распространял к-р провокационные слухи о войне и якобы скорой гибели соввласти, о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство,

о тяжелом материальном положении трудящихся в СССР и т. д., т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.10 и 11 УК РСФСР.

4. ЛЕВИТСКИЙ Василий Александрович, 1897 г. р., урож[енец] с. Сапроново Малинского р[айо]на Московской области, дьякон, русский, гр[аждани]н СССР, б/парт., образование среднее, со слов не судим, женат, в семье — жена и сын 15 л. До ареста служил дьяконом в церкви «Всех святых», проживал: Москва, Ленинградское шоссе, дом № 109-а, кв. 1, —

— в том, что являлся активным участником к-р монархической группы попов, вел к-р агитацию против выборов в Верховный Совет Союза ССР, восхвалял монархический строй, подготовлял церкви к нелегальному существованию на случай закрытия последних и распространял разного рода к-р провокационные слухи о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство, о войне и якобы скорой гибели советской власти, о тяжелом материальном положении трудящихся в СССР и т. д., т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п.10 и 11 УК РСФСР.

5. АРХИПОВ Милий Константинович, 1909 г.р., урож[енец] гор. Кушва Свердловской области, поп, русский, гр[аждани]н СССР, б/парт., образование среднее гражданское и высшее духовное, со слов не судим, одинокий, до ареста служил попом в церкви «Фрола и Лавры», проживал: Москва, Грохольский пер., дом № 42, кв. 9,-

— в том, что являлся активным участником к-р монархической группы попов, вел к-р агитацию против выборов в Верховный Совет Союза ССР, восхвалял монархический строй, подготовлял церкви к нелегальному (положению) существованию на случай закрытия последних, распространял разного рода к-р провокационные слухи о войне и якобы скорой гибели советской власти, о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство, о тяжелом положении трудящихся в

Дело «епископа» Лазаря...

СССР и т. д., т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР.

6. ЛЮБИМОВ Михаил Иванович, 1897 г. р. ур[оженец] с. Литвиново Наро-Фоминского р[айо]на Московской области, епископ, русский, гр[аждани]н СССР, б/парт., образование среднее, со слов не судим, женат, имеет жену и сына 2-х мес. До ареста служил бухгалтером в кафе № 8, проживал: в Москве, Б[ольшой] Коптевский пер. д. 9, —

— в том, что являлся организатором к-р монархической группы попов, вел агитацию против выборов в Верховный Совет Союза ССР, восхвалял монархический строй, подготовлял церкви к нелегальному существованию на случай закрытия последних, распространял к-р провокационные слухи о якобы существующем в СССР гонении на религию и духовенство, о войне и якобы скорой гибели соввласти, о тяжелом материальном положении трудящихся в СССР и т. д., т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 и 11 УК РСФСР.

П О С Т А Н О В И Л:

Следственное дело № 7835 по обвинению: ДМИТРИЕВСКОГО А. В., ЗВЕРЕВА М. И., СТРИЖКО И. И., ЛЕВИТСКОГО В. А., АРХИПОВА М. К. и ЛЮБИМОВА М. И. по ст. 58 п. п. 10 и 11 УК РСФСР — направить на рассмотрение судебной Тройки при УНКВД МО, одновременно перечислив за ней обвиняемого.

Вещественных доказательств по делу нет.

СПРАВКА: Обвиняемые ДМИТРИЕВСКИЙ А. В. арест. 11/ XII—37.

— « — ЗВЕРЕВ М. И. — « — « —

— « — СТРИЖКО И. И. — « — « —

— « — ЛЕВИТСКИЙ В. А. — « — « —

— « — АРХИПОВ М. К. — « — « —

— « — ЛЮБИМОВ М. И. — « — 15/XII.

содержатся под стражей в Таганской тюрьме.

В. В. Лобанов

СОГЛАСНЫ —

Оперативный уполномочен[ный] 8 отделения
Сержант Гос[ударственной] Безопасности (Сенькин)

НАЧ[.] ОТДЕЛЕНИЯ 4 ОТД[.] УГБ —
Ст. Лейтенант Гос[ударственной] Безопасности (Булыжников)

НАЧ[.] 4 ОТДЕЛА УГБ УНКВД МО
КАПИТАН ГОС[УДАРСТВЕННОЙ] БЕЗОПАСНОСТИ (ПЕРСИЦ)

ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20877. Л. 75–79. Подлинник. Машинопись. Подписи-автографы.

№ 3

**Выписка из протокола заседания тройки при Управлении
НКВД СССР по Московской области**

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА заседания тройки
при Управлении НКВД СССР по МО от «20» XII 1937 г.¹⁷

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
Дело №7835 — по обвин[ению] 35. ЛЮБИМОВА Михаила Ивановича, епископ «Лазарь»[,] 1897 г.р., ур[оженца] с.Литвиново, Наро-Фоминского р[айона] МО[.] Обвиняется в том, что являлся организатором к-р монархич[еской] группы попов, распространял провокационные слухи.	ЛЮБИМОВА Михаила Ивановича РАССТРЕЛЯТЬ

*Секретарь тройки*¹⁸

ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20877. Л. 87. Подлинник. Машинопись. Заверено печатью Управления НКВД СССР по Московской области.

Дело «епископа» Лазаря...

№ 4

**Выписка из акта постановления тройки УНКВД
по Московской области**

Дело 7835¹⁹

ВЫПИСКА ИЗ АКТА

Постановление тройки УНКВД по МО от 20/ XII1937 г.
о расстреле: Любимова Михаила Ивановича приведено в исполнение
«22» XII.....1937 г. « » часов.....

ПОДПИСИ:²⁰

ГА РФ. Ф. 10035. Д. 20877. Л. 88. Подлинник. Машинопись.

Примечания

¹ Литература об «обновленческом» расколе довольно обширна. См., напр.: *Левитин А. Э., Шавров В. М.* Очерки по истории русской церковной смуты. М., 1996; *Шкаровский М. В.* Обновленческое движение в Русской православной церкви XX века. СПб., 1999 г.; «Обновленческий» раскол. (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики) / сост. *И. В. Соловьев*. М., 2002; *Roslof, Edward.* The renovationist movement in the Russian Orthodox church. 1922—1946. The University of North Carolina, 1994; и др.

² ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20877. Л. 75.

³ Там же. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 41—41об.

⁵ *Шкаровский М. В.* Иосифлянство: течение в Русской православной церкви. СПб., 1999. С. 288; Обновленческий» раскол (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). С. 809. Данные ПСТГУ о том, что М. И. Любимов родился в 1886 г., следует признать ошибочными. Не находит подтверждения в материалах следствия и то, что он якобы был арестован по делу «Автокефальной Черной Церкви» (там же). О М. И. Любимове см. также: *Мануил (Лемешевский), митрополит.* Каталог русских архиереев-обновленцев (Материал для «Словаря русских архиереев-обновленцев» (1922—1944 гг.)) (там же. С. 808).

В. В. Лобанов

⁶ Церковное течение (главным образом конца 1920-х — 1930-х гг.), оппозиционное Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергию (Страгородскому). Получило свое название по имени стоявшего во главе митр. Ленинградского Иосифа (Петровых).

⁷ Истинно-Православная церковь — одно из самоназваний иосифлян.

⁸ Впоследствии капитан госбезопасности М. И. Персиц, начальник 4-го отделения УГБ УНКВД Московской области, под чьим руководством велось следствие, был осужден за массовые незаконные аресты и фальсификацию уголовных дел (ГАРФ. Ф. 10035. Д. П—30285. Л. 116).

⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Д. 20877. Л. 62об.

¹⁰ Вписано от руки.

¹¹ Рядом подпись-автограф (неразборчиво).

¹² Вписано от руки.

¹³ Здесь и далее так в тексте. Следует читать — «контрреволюционную».

¹⁴ Рядом подпись-автограф Якубовича.

¹⁵ Вписано от руки.

¹⁶ Как позже было установлено, проходящий по делу свидетелем А. Г. Капранцев (также обновленческий священник) сотрудничал с карательными органами, давая «нужные» показания по церковным делам (ГАРФ. Ф. 10035. Д. П—30285. Л. 116).

¹⁷ Число, месяц и последняя цифра года вписаны от руки.

¹⁸ Подпись неразборчива.

¹⁹ Здесь и далее курсивом выделено вписанное от руки.

²⁰ Подпись-автограф (неразборчиво).

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
КОНКУРС
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ:
ЛУЧШИЕ РАБОТЫ
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Д. А. Ляпин*

АПОКРИФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК РАССКАЗА О РАЗДЕЛЕ ЗЕМЛИ СЫНОВЬЯМИ НОЯ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Тема апокрифов в древнерусском летописании — очень интересная сторона нашей истории, отражающая особенности мышления древнерусского человека, его осознание себя и своего места в мире. В период средневековой христианской письменности Библия представляла собой центральный и базисный элемент. По поводу Священного Писания А. А. Алексеев отметил: «Фактически оно не входило в систему жанров, так как наличие канона делало его закрытым для дальнейшего творчества: новые тексты Писания не создавались и создаваться не могли»¹. Часто библейские тексты являлись предметом творческого осмысления человека, отсюда и идет развитие апокрифического жанра литературы Средневековья.

С какой целью монах-летописец обращался к апокрифической литературе? Мы знаем, что автор летописи ставил своей целью излагать прошлое в поучительном аспекте. Потенциальный читатель должен знать, что «кара божья» за грехи неминуема, свидетелем этому была сама история. Опираясь только на Библию, часто трудно подобрать показательный прецедент. Отсюда обращение летописца к апокрифам.

Апокрифы в древнерусской литературе были в центре внимания главным образом у дореволюционных историков

* Кандидат исторических наук, Елецкий институт им. И. А. Бунина.

(В. Успенский, И. Я. Порфириев, Н. С. Тихомиров). Особенно много в деле изучения апокрифов было сделано авторами сборника Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. На страницах этого издания были напечатаны работы Н. С. Тихомирова, В. М. Истрина, И. Я. Порфирьева². Важное место среди них занимают исследования В. М. Истрина, работы которого были направлены на изучение «Повести временных лет» (ПВЛ)³. На наш взгляд, именно В. М. Истрин был наиболее близок к верному пониманию смысла апокрифического материала в Повести временных лет⁴.

Большое значение имеют и статьи А. А. Шахматова посвященные анализу «Толковой Палеи» и «Повести временных лет», где он касался некоторых апокрифических вставок⁵. Очень интересной и важной является попытка ученого проследить возможные пути попадания апокрифического рода литературы на Русь.

Исследователи редко точно определяли апокрифический источник, в основном ограничиваясь выявлением апокрифических вставок. Целью нашего исследования будет попытка точного установления апокрифического источника рассказа ПВЛ о разделе земель сыновьями Ноя по жребию путем непосредственного сопоставления текста. Второй нашей задачей будет исследование пути возможного попадания апокрифического текста в ПВЛ.

Ветхозаветное влияние на ПВЛ огромно. Это легко заметит внимательный читатель. Так, например, Святополк, убивший по рассказу летописи своих братьев, назван в ней «окаянным» и «проклятым». Обратим внимание на корень слова «окаянный», этот корень — «каин». Понятно, что имеется в виду библейский Каин, убивший своего брата и проклятый Богом. Как и Каин, обреченный скитаться и умереть в пустыне, скончался и летописный Святополк. Примеров подобных этому множество. Иной раз сам летописец сравнивает случившееся событие с историей из Ветхого Завета. Даже в плане стилистических осо-

Апокрифический источник рассказа о разделе земли...

бенностей изложения текста Библия и ПВЛ сходны в некоторых моментах: не раз ПВЛ повторяет текстовой оборот, характерный для книги Иисуса Навина, ссылаясь на то, что свидетельства какого-либо события можно видеть и «до сего дня»⁶.

Не все сюжеты ПВЛ точно «ложатся» в библейские тексты. Есть рассказы, которые написаны на библейские темы, но не согласуются с каноническим Ветхим Заветом. Один из примеров этому летописный рассказ о Ное, разделившем землю после потопа между своими сыновьями: **«По потопе первые сынове Ноеви разделиша землю: Симь, Хамь, Афет. И яся вьсток Симови... Хамови же яся полуденная страна... Афету же яшася полунощныя страны и западныя... <...> Симь же и Хамь и Афет, раздѣливше землю, жеребѣи метавше — не преступати никому в жребии братень. И живяхо каждо въ своей части»**⁷.

В Книге Бытия Ветхого Завета мы находим иное изложение событий, гораздо более краткое: **«У Евера родилось два сына; имя одному — Фалек, потому что во дни его земля разделена...»**, дальше в книге Бытия читаем: **«Вот племена сынов Ноевых, по родословию их, в народах их. От них распространились народы по земле после потопа»**⁸. В Ветхом Завете упоминание о разделе земли проходит косвенно, без лишних подробностей.

Кроме этого, в ПВЛ в истории «о брани межъ братьи Ярославечехъ» приводится прямая параллель с сыновьями Ноя Хамом, Симом и их потомками евреями и хананеями. Снова говорится, что преступить «предела чужого» и «заповедь отчею» — большой грех: **«Велик бо есть грех преступати заповедь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, по 400 лет отмьщение приняша от Бога; от племene бо Сифова суть и евреи, иже избиша Хананейско племя, и восприяша свой жребий и свою землю...»**⁹

Возникает вполне понятный вопрос: откуда летописец взял рассказ о жребии и почему каждый брат должен обязательно жить в своем «жребии»? При этом, конечно, исключается, что составитель ПВЛ сам являлся автором приведенного отрывка.

Историки уже давно установили, что летописец пользовался «Хроникой Георгия Амартола», но в ней сообщение о разделе земли еще более коротко, и упоминаний о жребии там нет¹⁰. Существует мнение, что источником рассказа послужила «Историческая Палея», где, впрочем, тоже не сообщено совершенно ничего нового. А. А. Шахматов и В. М. Истрин убедительно показали, что ПВЛ являлась источником для «Исторической Палии», а не наоборот¹¹. Близкий текст находится в «Летописце Еллинском и Римском»¹². В этом источнике имеется упоминание клятвы, которую дали сыновья Ноя, разделившие землю: **«...якоже рекохом, клятву имъ повелель дати отецъ, яко никомуже поступити на братень жребий. Преступающему же клятвенное заповѣдание погубити...»**¹³ Если мы исключим, что автор этого источника сам придумал клятву и жребий, то снова возникает вопрос о том, что послужило основным источником для этого текста, если он не совпадает с библейским рассказом. Логично предположить, что источник для рассказа о разделе земли, помещенного в ПВЛ, должен быть достаточно содержательным, поскольку при прочтении создается впечатление, что автор «Повести» не считает нужным переписывать его целиком.

Заметим, что еще предшествовавший ПВЛ текст свода 1039 г., в редакции 1073 г. реконструированный А. А. Шахматовым, содержал фразу: «Не добро есть преступать предела чюжого»¹⁴.

И. Н. Данилевский, детально описавший вопрос о вероятном источнике рассказа ПВЛ, подчеркивая его важность, пришел к выводу: «Чтобы понять мотивы составителя «Повести», избравшего именно такой «сценарий» раздела земли сыновьями Ноя, необходимо было найти непосредственный источник летописного рассказа. Но установить его до сих пор не удается»¹⁵.

Заинтересовавший нас отрывок, как правило, не был в науке специальным предметом изучения. К этой истории

часто относились скорее как к одной из легенд ПВЛ. Весьма показательно выразился изучавший ПВЛ Б. А. Рыбаков: «Отдавая дань неизбежным для средневекового историка—монаха библейским легендам, Нестор быстро переходит к обрисовке всего славянского мира...»¹⁶ Замечание, сделанное Б. А. Рыбаковым, справедливо и понятно в контексте развития науки своего времени, когда важен был смысл текста, а не сам текст как таковой. Современная отечественная историческая наука, имея свои ценные источниковедческие традиции, обогатилась герменевтическими принципами, западными разработками¹⁷. Сегодня не менее важно сознание автора источника, его представление о своем месте в мире. Потому легенды историков-монахов могут служить предметом пристального изучения.

Заметим, что слово «жеребий» прочно вошло в русскую словесность и стало частым «клише» в языке делопроизводственных материалов XVI — XVII вв. В переписных и писцовых книгах Поместного приказа постоянно встречается слово «жеребий». Например, в Писцовой книге Елецкого уезда 1628/30 гг. читаем: «...за недорослями за Куземкой да за Филаткой отца их поместье, **жеребий** в селе Рождественском...»¹⁸ Из текста любого подобного рода документа ясно, что имеется в виду определенный земельный участок, закрепленный за тем или иным сыном боярским и подлежащий налогообложению. Слово XVII в. «жеребий» есть измененное от «жеребий» и упоминаемое в древнерусских летописях и, в частности, в ПВЛ.

Кроме ПВЛ термин «жеребий» встречается в иных памятниках древнерусской литературы. Это, например, «Задонщина», где упоминается «симов жребий»¹⁹, а также «Сказание о князьях Владимирских»: «А мы, божьей милостью наместники своих прародителей и отца своего великого князя Всеволода Ярославича удостоены Богом быть наследниками того же **жребия**...»²⁰

Вспомним, почему же столько внимания уделяется историками рассматриваемому нами рассказу летописи. Дело в

том, что было замечено сходство начального рассказа ПВЛ о разделе земли после потопа с некоторыми дальнейшими сюжетами истории в ПВЛ. Например, раздел земель сыновьями Ярослава, где их количество сокращенно до трех²¹. Другой пример — распря 1073 г., где прямо сказано, что Святослав, сев в Киеве, «преступившее заповедь отню». Далее в летописи идет прямая «ссылка» на Книгу Бытия: **«А Святослав седе в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отчю, паче же Божию. Велик бо есть грех преступати заповедь отца своего: ибо исперва преступиша сынове Хамови на землю Сифову, по 400 летотмыщение приняша от Бога; от племени бо Сифова суть и Евреи, иже избиша Хананейско племя, и восприяша свой жребий и свою землю. И паки преступи Исав заповедь отца своего, и прия убийство; не добро есть воступати во предел чужаго»**²². Снова летописец отсылает своего потенциального читателя к тому факту, что возмездие ждет всякого, кто «преступит жребий братень».

Теперь попытаемся разобраться, что же могло послужить источником для рассказа о разделе земли сыновьями Ноя в «Повести», откуда взялась уверенность летописца в том, что проклятие неминуемо настигнет того, кто «преступит жеребий братень», и откуда берется сам сюжет раздела земли по жребью.

Рассказ ПВЛ о разделе земли сыновьями Ноя после потопа действительно не находит подтверждения в каноническом Ветхом Завете, но существует иной источник, где поразительное совпадение в тексте с рассказом, содержащимся в ПВЛ, не может не обратить на себя внимания. Этот источник — апокрифический вариант Книги Бытия, известный как Книга Юбилеев, или Малое Бытие.

В Книге Юбилеев читаем следующий рассказ о разделе земли: **«А в шестой год этой седмины родила она (Азурад, жена Ноя. — Д. Л.) ему сына, и нарек он ему имя Фалек, ибо в те дни, когда родился он, начали сыновья Ноевы делить землю между собой, и сказали о том Ною... и разделили они землю на три части: для Сима, Хама и Иафета, по наследию каждого... И призвал Ной**

Апокрифический источник рассказа о разделе земли...

сыновей своих, и пришли они к нему, они и дети их, и разделил он землю на жребии, которые должны были получить во владение сыновья его. И протянули они руки и вытянули писание из пазухи Ноя, отца своего»²³. Далее следует самое подробное и обширное описание «жребиев», доставшихся Симу, Хаму и Иафету. Среди земель, которые были разделены братьями, упоминаются: Рафа (Урал), Альпы, Гибралтарский пролив, Фирас (земля этрусков) и так далее. Кстати, и в ПВЛ также следует подробное описание колен сыновей Ноя.

Как мы видим, именно здесь упоминается слово «жребий», которого нет в библейском Ветхом Завете. После идет не менее подробное описание земель, доставшихся внукам Ноя. В конце IX главы Книги Юбилеев сказано: **«Так разделили сыновья Ноевы земли свои между сыновьями своими в присутствии Ноя, отца своего, и связал он их клятвою сулящее проклятие, всякому, кто пожелает взять удел, не выпавший ему по жребию. И сказали они: «Да будет так, да будет так» за себя и за сынов своих навеки, в поколениях их вплоть до дня суда, в который Господь Бог будет судить всех мечом и огнем...»²⁴** Рассказ о заключении столь торжественного договора был призван, как предполагают исследователи, оправдать нашествие евреев на Палестину (Ханаан) и их враждебное отношение к местному населению²⁵.

Здесь находит свое объяснение не только появление сцены со жребием в летописных рассказах, но и появление неминуемого проклятия, карающего каждого, «кто пожелает взять удел, не выпавший ему по жребию». Отсюда понятна и фраза из Летописца Еленского и Римского: **«...якоже рекохом, клятву имь повелель дати отецъ, яко никомуже поступити на братьень жребий»²⁶.** Отметим и тот факт, что сыновья Ноя поклялись за все будущие поколения до Страшного Суда, что проклят будет каждый, кто нарушит эту заповедь, а ведь далекими их потомками были и русские князья в представлении автора ПВЛ.

Книга Юбилеев содержит часто очень любопытные подробности библейской истории, которые перекликаются с рус-

скими летописями. Так, во время перехода Авраама в Ханаан в апокрифе Бог дает ему «повеление», что избранный Богом народ должен обязательно отдавать десятую часть от всего: **«от семени, и от масла, и от скота, и от овец»**. Этот закон, как подчеркивает «Малое Бытие», был дан «для поколений навеки»²⁷. В «Книге Бытия» этот момент опущен. Из летописей мы знаем, что татары, подошедшие к русским землям, избранным Богом «на последнее время», потребовали от русских **«десятины во всемъ: во князяхъ, и в людях и въ конехъ...»**²⁸. Для летописца нашествие татар — кара божья, «за грехи наши». Соппротивление татарам — соппротивление воле Бога. Люди, забывшие Бога, неминуемо подвергнутся наказанию свыше. Не случайно татары на страницах летописи требуют десятой части во всем — это доля Бога, в установленном древнем божественном законе. Возможно, просьба татар — символическое напоминание о Боге перед началом его кары.

Это совпадение может быть до известной степени случайным. Упоминание же десятины как части, которая принадлежит Богу, встречается и в Моисеевых Книгах канонического Ветхого Завета. Так, в ходе описания ежедневных жертвоприношений говорится: **«И десятую часть ефы пшеничной муки...»**²⁹ Но упоминание десятины в Ветхом Завете косвенно, и внимание на ней как доле Бога вовсе не акцентируется.

Книга Юбилеев, или Малое Бытие, предположительно создана в конце II в. до нашей эры. Этот источник содержит сведения исторического характера, которые «ангел лица господня» поведал Моисею на горе Синай. По сути, это более подробный вариант Книги Бытия, изложенный от лица ангела до истории исхода евреев из Египта. Название книги — «Книга Юбилеев» — связано с хронологическим принципом изложения.

Книга Юбилеев дошла до нас на эфиопском и частично на латинском языках, вероятно, существовала версия, написанная на иврите. Целиком этот памятник, как, кстати, и Книгу Еноха, сохранила только эфиопская литература.

Апокрифический источник рассказа о разделе земли...

Однако, по замечанию И. Я. Порфирьева, «Малое Бытие, которое в первые века христианства пользовалось такой известностью, не встречается в древней нашей письменности»³⁰. И. Я. Порфирьев также предполагал, что апокрифические вставки вовсе не являются доказательством того, что на Руси были известны эти апокрифы целиком. Доказательством этому И. Я. Порфирьев считал то, что вставки из ПВЛ заимствованы из Палеи³¹. Такое мнение вскоре было опровергнуто А. А. Шахматовым³². Кроме того, Палея не упоминает о понятии «жребий», и рассказ о разделе земли сыновьями Ноя там совсем иного рода, чем в ПВЛ, что еще раз опровергает предположение, сделанное И. Я. Порфирьевым.

Теперь попробуем определить, каким образом этот апокрифический текст мог попасть на Русь. Обратимся к работам А. А. Шахматова. Прежде всего важен путь, по которому пошел ученый, чтобы доказать, что Толковая Палея основывалась на ПВЛ, а не наоборот. Анализ Речи философа в легенде о крещении Руси привел А. А. Шахматова к предположению «о знакомстве с Толковой Палией не русского летописца, а составителя того памятника, откуда заимствована в русской летописи эта Речь. Таким памятником был, вероятнее... болгарский сборник, содержащий рассказ о крещении князя Бориса»³³. Итак, А. А. Шахматов предположил, что в распоряжении русских летописцев, вероятно, была болгарская Палея, написанная в X в. и содержащая массу апокрифического материала. Эта болгарская Палея основывалась, в свою очередь, на греческой Палии, но вставкам апокрифического характера подверглась в Болгарии³⁴.

Таким образом, следуя этим путем, мы можем предположить, что изучаемый нами апокрифический рассказ, основанный на Книге Юбилеев, попал в русскую литературу из какого-либо болгарского источника, в котором содержалась масса апокрифических текстов. В пользу болгарской версии пути попадания апокрифа на Русь говорит и то, что болгарские письменные источники были известны здесь еще в XI в.³⁵

Болгарский вариант попадания апокрифического текста на Русь подтверждается исторической обстановкой. В Болгарии, где христианство стало официальной религией с 865 г., нашли приют ученики св. Мефодия. Близость к Византии и знание учениками греческого языка способствовали быстрому распространению христианской византийской литературы в Болгарии. Ученики св. Мефодия стали применять новое письмо, кириллицу. Именно из Болгарии славянские книги поступали в монастыри Киевской Руси³⁶. Одновременно Болгария — страна, где не существовало вековых христианских традиций, создавала хорошую почву для появления и распространения неканонической христианской литературы. Именно в Болгарии прежде всего отражались интеллектуальные, духовные брожения, проходившие в Византии. Таким образом, в конце первого тысячелетия Болгария явилась настоящей «кузницей» апокрифических историй.

Наше предположение подтверждается и мнением В. М. Истрина, предположившего попадание из Болгарии текстов на Русь через Моравию. В 1931 г., находясь в эмиграции, В. М. Истрин опубликовал статью, обобщающую свои более ранние работы³⁷. Эта статья явилась ответом на работу Н. К. Никольского «Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры»³⁸. В. М. Истрин вполне убедительно показал, когда и при каких условиях появилась ПВЛ; создание этого памятника проходило под влиянием греческих и болгарских книг³⁹. Ученый также доказал, что на Руси в XI в. «вращались произведения моравского происхождения», которые, возможно, попадали через посредство Болгарии⁴⁰.

Таким образом, апокрифический источник — Малое Бытие, на наш взгляд, мог быть известен на Руси XI–XII вв. Считаем вполне возможным наше предположение: источником рассказа о разделе земли сыновьями Ноя в ПВЛ послужила апокрифическая Книга Юбилеев, или Малое Бытие. Сопоставление ПВЛ и

Апокрифический источник рассказа о разделе земли...

иных летописных рассказов с апокрифической, ветхозаветной литературой требует дальнейшего изучения.

Нет сомнений, что греческая апокрифическая литература оказывала большое влияние на русскую литературу в XI–XII столетиях, особенно во время написания ПВЛ. Апокрифы, раз проникнув, уже часто мелькали в произведениях русской литературы. Например, в «Сказании о Мамаевом побоище», как справедливо отмечают исследователи последних лет, битва на Куликовом поле вовсе не случайно начинается в «осьмой час» 8 сентября 6888 г. от сотворения мира⁴¹. Совпадение восьмерок, конечно, не случайно, но это не совсем символ Богородицы, как предполагают современные исследователи⁴². Три цифры 8 есть зашифрованное имя Христа — Иисус⁴³. Так по греческой традиции в апокрифическом материале имена многих исторических персонажей прямо не названы, но шифровались при помощи чисел. Как правило, указанное число соответствовало первой букве имени персонажа. Кстати, отсюда идет традиция обозначения чисел с помощью букв, которая частично была заимствована славянами.

Итак, уровень культурного развития Древней Руси был гораздо выше, чем обычно предполагается историками. Можно предположить, что люди эпохи начала нашей истории нуждались в переводе не только обычных библейских книг, но и разнородного апокрифического материала. Древнерусский человек предстает перед нами как пытливый мыслитель, пытающийся осознать свое место в мире и в истории этого мира.

Примечания

¹ *Алексеев А. А.* Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002. С. 123.

² *Тихомиров Н. С.* Апокрифические сказания // Императорское общество русского языка и словесности. Т. LVIII, № 4. СПб., 1898; *Порфи-*

рьев И. Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях (по рукописям соловецкой библиотеки) // Там же. Т. XVII. № 1. СПб., 1877; *Истрин В. М.* Замечания о составе Толковой Палеи // Там же. Т. LXV, № 6. СПб., 1898; *Он же.* Греческие списки апокрифического мучения Даниила и трех отроков // Там же. Т. XX Пр. № 1.

³ *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897; *Он же.* Моравская история славян и поляно-руси, как предполагаемые источники начальной русской летописи (По поводу исследования Н. К. Никольского «Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры». Л., 1936) // *Byzantinoslavica*. III. 2. PRAHA. 1931; *Он же.* Греческие списки завешания Соломона. Одесса. 1898.

⁴ Далее — ПВЛ

⁵ *Шахматов А. А.* Несторова летопись // *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2002; *Он же.* Толковая Палея и русская летопись // *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб., 2002.

⁶ Ср.: «И набрасали на него (Ахана, который взял, что-то ценное из разрушенного Иерихона. — Д. Л.) большую грудку камней, которая уцелела до сего дня» (7: 26 Нав.); «И сожег Иисус Гай, и обратил его в вечные развалины, в пустыню до сего дня» (8: 28 Нав). См. ПВЛ под 851 г., рассказ о смерти Олега и др.

⁷ ПСРЛ. М., 1974. Т. 2. Лаврентьевская летопись. Стб. 1—5.

⁸ Быт. 10:25, 10:32.

⁹ ПСРЛ. Т. 2. Лаврентьевская летопись.

¹⁰ *Шахматов А. А.* Несторова летопись. С. 516; *Истрин В. М.* Замечания о составе Толковой Палеи // Императорское общество русского языка и словесности Т. LXV, № 6. С. 2.

¹¹ *Шахматов А. А.* Толковая Палея и русская летопись. С. 256—257, 286.

¹² *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 1999. С. 33.

¹³ Летописец Елинский и Римский. СПб., 1999. Т. 1.: Текст. С. 6.

¹⁴ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших летописных сводах // История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 430.

¹⁵ *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 1999. С. 32.

¹⁶ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 140.

Апокрифический источник рассказа о разделе земли...

¹⁷ *Levi-Strauss C.* La pensee sauvage. Paris, 1962; *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996; *Он же.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994; *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М., 1995.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1209. Ед. хр. 132. Л. 53.

¹⁹ Задонщина // Хрестоматия по древнерусской литературе. М., 1974. С. 97.

²⁰ Сказание о князьях Владимирских // Там же. С. 123.

²¹ *Данилевский И. Н.* Указ. соч. С. 29.

²² ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Стб. 181–182.

²³ Книга Юбилеев, или Малое Бытие // Ветхозаветные апокрифы. М., 2001. Гл. VIII. С. 35.

²⁴ Там же. Гл. X. С. 38.

²⁵ Там же. Комментарии. С. 124.

²⁶ Летописец Елинский и Римский. Т. 1.: Текст. С. 6

²⁷ Книга Юбилеев, или Малое Бытие. Гл. VIII. С. 47.

²⁸ ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. 2. С. 189.

²⁹ Исх. 29: 40.

³⁰ *Порфирьев И. Я.* Указ. соч. С. 3.

³¹ Там же. С. 3–4.

³² *Шахматов А. А.* Толковая Палея и русская летопись. Т. 1. Кн. 1. С. 279.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 247.

³⁵ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших летописных сводах. Т. 1. Кн. 2. С. 430.

³⁶ *Алексеев А. А.* Указ. соч. С. 11.

³⁷ *Истрин В. М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах. М., 1897; *Он же.* Моравская история славян и поляно-руси, как предполагаемые источники начальной русской летописи (По поводу исследования Н. К. Никольского «Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры») // *Byzantino-slavica*. III. 2. PRAHA. 1931.

³⁸ *Никольский Н. К.* Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. Л., 1936.

³⁹ Болгарские книги базировались, конечно, на греческих источниках

Д. А. Ляпин

⁴⁰ *Истрин В. М.* Моравская история славян и поляно-руси как предполагаемые источники начальной русской летописи // *Byzantinoslavica*. III. 2. С. 44.

⁴¹ *Данилевский Н. Я.* Указ. соч. С. 298–299.

⁴² Там же.

⁴³ Книга Сивилл // *Ветхозаветные апокрифы*. М., 2001. С. 199. Стб. 324–331; стб. 140–145.

Г. Г. Донской*

РОЛЬ НАДПИСЕЙ НА НАДГРОБИЯХ АЛЕКСАНДРА, МИХАИЛА И ВАСИЛИЯ НИКИТИЧЕЙ РОМАНОВЫХ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ НАЧАЛА XVII в.

В политическом кризисе начала XVII в. семья бояр Романовых играла не последнюю роль. Одной из причин было родство между Романовыми и последними царями из династии Рюриковичей. Никита Романов уже при жизни Ивана Грозного занял лидирующее положение среди представителей других боярских родов как царский шурин. По указанию Ивана Грозного он вошел в так называемый опекунский совет при не подготовленном к государственному управлению царе Федоре Иоанновиче. При Федоре Иоанновиче с Романовыми могли соперничать только Шуйские, Годуновы и Мстиславские, последние из которых не имели на государя прямого влияния, поскольку не были с ним связаны родственными связями¹. А. П. Павлов отметил, что в политической борьбе 1580—1590-х гг. Романовы и Годуновы шли вместе, опираясь друг на друга².

Несмотря на то что Никита Романов умер в 1586 г., его сыновья, особенно старший — Федор, продолжали обладать большим политическим весом, так как приходились двоюродными братьями царю Федору Иоанновичу. Еще при жизни Никиты Романова его старший сын Федор получил боярство, а второй его сын Александр стал кравчим. Остальные сыновья Никиты

* Аспирант исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Романова занимали в связи с недостаточным возрастом более низкие должности.

Борис Годунов, взойдя на трон, поначалу не трогал братьев Романовых, хотя и смотрел на них как на конкурентов, а не союзников. Однако в 1601 г. по ложному обвинению в колдовстве с целью причинения вреда царю все сыновья Никиты Романова были сосланы на разные окраины Московского государства: Федор — в Антониев-Сийский монастырь, Михаил и Иван — в Пермь Великую, Александр — на Луду, Василий — на Пелым. В тяжелых условиях заточения и ссылки братья Александр, Василий и Михаил умерли.

После восшествия на престол Лжедмитрия род Романовых был полностью реабилитирован. В частности, в Москву был перенесен прах умерших и погребенных в ссылке Александра, Василия и Михаила Никитичей³. Их тела захоронили в монастыре Спаса «на Новом», где с XV в. располагалась родовая усыпальница рода Романовых. Большой интерес представляют надгробные надписи на данных захоронениях. Приведем их:

1. «Лета 7109 февраля в 15 день на память святого апостола Онисима преставися раб Божии Василий Никитич Романов, молитвенное имя Никифор, в заточении от царя Бориса в Сибирском граде на Пелыме в Нырпу на погосте» (7109 = 1601)⁴.

2. Лета 7114 марта в 12 день на память преподобного Феофана Исповедника погребен раб Божии Александр Никитич Романов, а преставися в заточении от царя Бориса Кирилова монастыря в вотчине на Луде» (7114 = 1606).

3. Лета 7114 марта в 18 день на память святителя Кирилла Иерусалимского погребен раб Божии Михаил Никитич Романов, а преставися в заточении от царя Бориса в Перми у Николая Чудотворца» (7114 = 1606)⁵.

Все три захоронения расположены под Знаменской церковью, отдельно от основной усыпальницы дома Романовых, расположенной в подклете Спасо-Преображенского собора, и

представляют единый комплекс. В течение XVII в. в Знаменской церкви были захоронены виднейшие представители родов Шереметевых, Слуцких, Черкасских, Урусовых, Лобановых-Ростовских; также рядом с тремя братьями Романовыми, погибшими в ссылке, позднее, в 1640 г., был похоронен Иван Никитич Романов. В настоящее время указанные захоронения находятся под алтарной частью Знаменской церкви. Однако в 1606 г., когда осуществлялось перезахоронение, Знаменской церкви не было, т. к. она была построена в царствование Михаила Федоровича⁶. Решить вопрос о том, была ли на месте построенной каменной Знаменской церкви при Михаиле Федоровиче первоначальная деревянная церковь, в данный момент не представляется возможным. Письменных источников, подтверждающих или опровергающих это, мы не имеем, следовательно, вопрос может быть решен только после археологических исследований Знаменской церкви.

Описание Новоспасского монастыря 1803 г. сообщает, что построенный при Михаиле Федоровиче храм был «весьма не пространен» и в течение XVII–XVIII вв. расширялся за счет пристройки к нему каменных палаток, в которых производились новые захоронения⁷. Целью строительства небольшой церкви при Михаиле Федоровиче могло быть создание мемориала над могилами Александра, Василия и Михаила.

Можно предположить, что при Лжедмитрии каменные надгробья лежали под открытым небом и могли быть доступны любому посетителю Новоспасского монастыря, и каждый грамотный человек мог прочесть надписи на надгробьях, сделанные, по всей очевидности, если не по прямому указу Лжедмитрия, то при содействии его московских сторонников.

Приведенный вариант надписей представляется наиболее близким к оригиналам, так как является результатом исследования всего комплекса публикаций XVIII, XIX и начала XX вв. Сами надгробия до наших дней не сохранились: они были утрачены во время перестройки Знаменской церкви в 1791 г.⁸

Прежде чем обратиться к анализу текстов надгробных надписей, рассмотрим, насколько это возможно, обстоятельства смерти и перезахоронения братьев Романовых. Важнейшим источником здесь является собрание государственных актов, называемое делом Романовых⁹. Из погребенных под Знаменской церковью братьев Романовых в деле Романовых освещаются только судьбы Василия и Ивана. Отправлены в ссылку были братья Романовы в начале июля 1601 г.

Борис Годунов лично распорядился, чтобы приставы усердно берегли Василия Никитича от побега, не позволяли общаться с посторонними, а также чтобы он «лиха некоторого над собою не учинил»¹⁰. Пристав, охранявший Василия Никитича, настолько усердно выполнял свои обязанности, что не снимал почти всю дорогу с него цепи, хотя государева указания на этот счет не было. Первого января 1602 г., то есть через полгода после отправления из Москвы Василия Никитича, новый пристав писал государю: «...взял твоего Государева изменника Василия Романова, больна, только чуть жива, на чеппи»¹¹. Борис Годунов в ответном письме от 15 января 1602 г. приказал не заковывать Василия более в цепи и улучшить питание и так же поступить с Иваном Романовым, находившимся тогда в одном месте с Василием. Но государева грамота не успела изменить судьбу ссыльного, 15 февраля 1602 г. Василий Никитич умер¹². Получив известие о смерти Василия Никитича и о том, что Иван Никитич болен, Борис Годунов приказал срочно переслать Ивана Никитича сначала в Нижней Новгород, а затем в Москву¹³. Причиной возвращения из ссылки Ивана Никитича, вероятно, было опасение государя за его жизнь, поскольку гибель Романовых могла сильно повредить и без того шаткому авторитету Бориса Годунова. Таким образом, как следует из дела Романовых, Василий Никитич умер вследствие жестокого с ним обращения пристава.

По поводу обстоятельств гибели Михаила и Александра столь точных данных нет. Пребывание Михаила Романова в

ссылке в Пермской земле обросло множеством легенд и преданий, описанных еще в XIX в. путешественниками и краеведами¹⁴. В местном краеведческом музее до сих пор хранятся двухпудовые кандалы, в которые был закован Михаил Никитич. Согласно преданию Михаил Никитич умер от голода в селе Ныроб, будучи заточен в тесной, плохо отапливаемой землянке. В смерти ныробского мученика (так называют Михаила Никитича в Пермской земле) предание обвиняет халатных приставов, которые не желали долго находиться в тяжелых условиях Пермской земли¹⁵. Дата смерти Михаила Никитича точно неизвестна, по одним данным — это случилось весной, по другим — в августе 1602 г.¹⁶ Сказать что-либо определенное по поводу обстоятельств смерти Михаила Романова трудно, поскольку единственным источником является народное предание. Можно лишь отметить, что он умер в 1602 г., и причиной тому были тяжелые условия ссылки.

По поводу обстоятельств смерти Александра Никитича никаких данных нет, поэтому можно лишь предполагать, что его судьба сложилась так же, как и у его братьев Василия и Михаила.

Единственным источником, освещающим обстоятельства перевозки тел братьев Романовых в Новоспасский монастырь, является грамота Лжедмитрия от 31 декабря 1606 г. Она сообщает об обстоятельствах перевозки праха Василия Никитича, приведем ее: «В Пелынь Олексею Ивановичу Зюзину да голове Максиму Ивановичу Родилову. Как к вам ся наша грамота придет, а боярина нашего Ивана Никитича Романова люди в Пелынь приедут, и вы б Васильево тело Романова велели, выкопав, отдати боярина нашего Ивана Никитича Романова людем, хто к вам с сею нашею грамотою приедет, и отпустили их к нам к Москве»¹⁷.

Из текста грамоты видно, что перезахоронением братьев Романовых занимался Иван Никитич, который был еще в 1602 г. возвращен из ссылки, а при Лжедмитрии стал боярином¹⁸. Он

же, видимо, являлся инициатором и составителем надгробных надписей братьев Романовых.

На обороте грамоты указано, что на Пелым она доставлена 4 февраля 1606 г.¹⁹

Из Москвы до Пелыма грамота шла немногим более месяца: с 31 декабря по 4 февраля. Следовательно, закономерно будет предположить, что тело Василия Романова было привезено в Москву в марте 1602 г., то есть тогда же, когда и тела Александра и Михаила, поскольку позднее уже нельзя было воспользоваться зимнем путем и дорога могла сильно затянуться.

Из вышесказанного видно, что все три захоронения были произведены в одно время — в марте 1606 г.

Теперь обратимся к анализу текстов надгробных надписей братьев Романовых. Следует отметить, что в начале XVII в. тексты надгробных надписей подчинялись формуляру, количество информационных единиц которого обычно ограничивалось тремя: дата; сообщение о смерти; сведения о личности²⁰. В случае с надписями на надгробиях братьев Романовых все три информационные единицы прослеживаются очень четко.

Л. А. Беляев отмечает, что надписи формализованного типа составляют до 90% всех известных в XVI—XVII вв. не только в Москве, но практически во всех областях Московского государства. С конца XVI в. наблюдаются некоторые перемены, но они не составляют многочисленной группы и не имеют продолжения²¹. В условиях Смутного времени, например, появляется информационная единица, описывающая место, а также обстоятельства смерти, но не любые, а только гибель на государственной службе — обычно это выражается формулой «убиен бысть»²². Присутствует подобная единица и в надгробных надписях братьев Романовых. Выражена она одинаково — «преставися в заточении от царя Бориса», и далее приводится информационная единица «место» заточения. Л. А. Беляев пишет, что смерть вдали от дома вызывала подозрения, могла попасть в разряд «напрасных» и послужить определенным пре-

пятствием к христианскому погребению и поминанию. Отсюда стремление подчеркнуть гибель «на рати» или государственной службе²³. Как видно, формула «преставился в заточении от царя Бориса» является оригинальной в своем роде. Обусловлено это, на наш взгляд, своеобразием цели помещения данной информационной единицы в тексты надписей на надгробиях братьев Романовых. Очевидно, речь идет не столько о героической смерти погребенных, а скорее о коварстве царя Бориса. Борис Годунов согласно данным надписям является виновником гибели братьев Романовых.

Данная формула свидетельствует о том, что все три захоронения были произведены в одно время — в марте 1606 г., несмотря на то что на надгробии Василия Никитича не указана дата погребения. Невозможно помыслить, что при жизни Бориса Годунова могло появиться надгробие, на котором царь предстал в роли убийцы.

Информационная единица «дата» также обладает определенным своеобразием. Достаточно заметить, что на надгробиях Александра и Михаила указана дата погребения — 12 и 18 марта 1606 г., а на надгробии Василия стоит дата смерти — 15 февраля 1601 г., а также присутствует указание второго мирского имени — «молитвенное имя Никифор», что является обязательной составной частью надгробной надписи в начале XVII в. Объяснить различие можно тем, что Василий в момент своей кончины находился в ссылке в одном месте с Иваном Романовым, который разделял с ним все тяготы ссылки и в момент кончины находился у его ложа²⁴. Надпись на надгробии Василия Никитича отличается от двух других также тем, что в ней расширена информационная единица «место». Место смерти указано географически более точно — «на погосте», тогда как о смерти других братьев указано более обобщенно: приведены только сведения о том, в каких областях и вотчинах каких монастырей они умерли. Причиной этому может служить то, что распоряжавшийся перезахоронением братьев Иван

Никитич лично помнил все обстоятельства смерти Василия Никитича, в то время как обстоятельства смерти Александра и Михаила могли быть известны Ивану Никитичу очень приблизительно.

В случае же с Александром и Михаилом дата смерти заменена датой погребения, на наш взгляд, не случайно. Само указание даты погребения вместо даты смерти в это время является обычным явлением²⁵. В случае с Михаилом и Александром Романовыми даты их кончины уже тогда могли утеряться. Важным вопросом представляются дни погребений 12 и 18 марта. Почему именно в эти дни, а не в другие были произведены захоронения? Ответ дан в текстах надписей. 12 марта — день памяти преподобного Феофана Исповедника. Феофан Исповедник, согласно преданию Церкви, подвергался гонениям со стороны византийского императора Льва Армянина за осуждение иконоборчества, был заключен в тюрьму, а затем сослан на остров Самофракия в Эгейском море, где и скончался²⁶. Таким образом, указание в надгробной надписи на то, что Александр Никитич был погребен в день памяти преподобного Феофана Исповедника, показывает, что жизненный путь Александра Никитича был так же трагичен, как и судьба преподобного Феофана Исповедника. Борис Годунов в данной истории аналогичен императору-еретику Льву Армянину.

Дата погребения Михаила Никитича 18 марта — день памяти святителя Кирилла Иерусалимского. Святитель Кирилл Иерусалимский при жизни подвергался гонениям от сторонников арианской ереси, был заточен в тюрьму при императоре Констанции и умер в изгнании при императоре Юлиане Отступнике²⁷. Указание в надгробной надписи Михаила Никитича даты погребения в день памяти святителя Кирилла Иерусалимского побуждало вспомнить о страданиях и гонениях, претерпеваемых святителем Кириллом Иерусалимским. Этот момент в совокупности с формулой «преставился в заточении от царя Бориса» предлагал наблюдателю надписи очевидную аналогию. Борис

Годунов сопоставлялся с императором-язычником Юлианом Отступником.

Нельзя сказать, что данные аналогии были очевидны абсолютно всем наблюдателям надписей. Тем не менее они не могли не возникнуть у людей сведущих в минейной литературе, хотя таковых и было в то время не много.

Надписи на надгробиях братьев Романовых, таким образом, выставляют царя Бориса Годунова в крайне негативном свете. Трудно представить для начала XVII в. более оскорбительное для московского государя сравнение, как сравнение его с императором-язычником или еретиком, пусть и косвенное.

Исходившее из романовских кругов предание предписывало смерть Александра, Василия и Михаила Никитичей не столько лишениям ссылки, сколько прямому приказанию Бориса Годунова²⁸. Одним из самых ранних носителей этого предания является Новый летописец. Его составитель в числе событий 1601 г. пишет, что Борис Годунов «Александра Никитича с Лаврентьем Лодыженским сосла к студеному морю к Усолюю, рекома Луда; тамо его затвориша в темницу; и по повелению его (Бориса Годунова. — *Авт.*) Лаврентей там ево удушил и погребен бысть на Луде. Михаила же Никитича с Романом Тушиным сосла в Пермь Великую и повеле ему сделати тюрьму от града семь поприщ и там удавиша, и погребен бысть там в пусте месте... Ивана Никитича посла в сибирский город в Пелым с Смирным Маматовым; да к тому же к Смирному посла Василия Никитича с сотником стрелецким с Иваном Некрасовым. Там же Василия Никитича удавиша»²⁹. Приведенный отрывок говорит не только о том, что Борис Годунов лично распорядился убить братьев Романовых, в нем также приводятся имена приставов, которые выполнили повеление государя. Аналогичные данные содержит «Книга об избрании на царство Великого Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича», написанная в конце XVII в.³⁰ «Пискаревский летописец» в связи с указанными обстоятельствами дает Борису Годунову эмоциональную характеристику: «...по-

ложил опалу на Федора Никитича Романова з братьею... искони ненавистник, враг роду христианскому и человекоубийца!»³¹

Предание нашло отражение и в трудах историков. И. М. Снегирев прямо пишет, что Александр, Василий и Михаил Никитичи по приказанию Бориса Годунова были удушены в заточении³². Надгробные надписи братьев Романовых — самое раннее отражение предания о коварном умысле Бориса Годунова на братьев. Можно даже сказать, что эти надписи могли быть первоисточником данного предания. В таком случае Иван Никитич Романов достиг поставленной цели: смерть братьев Романовых для многих последующих поколений стала виной Бориса Годунова.

Примечания

¹ Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605). СПб., 1992. С. 40.

² Там же. С. 34.

³ Дмитриевский А. Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории. Киев, 1899. С. 106.

⁴ Дата 1601 или 7109 г. является ошибкой публикаторов надписи, так как умер Василий Никитич 15 февраля 1602 или 7110 г., в то время как 15 февраля 1601 г. он еще не был отправлен в ссылку. См.: Селифонов Н. Н. Сборник материалов по истории предков царя Михаила Федоровича Романова. СПб, 1901. Ч.1. С. 45.

⁵ Авдеев А. Г. Приложение // Усыпальница дома Романовых в московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005. С. 288.

⁶ Морозов К. К. Памятник архитектуры — Новоспасский монастырь в Москве. М., 1982. С. 31. (Построенная при Михаиле Федоровиче Знаменская церковь из-за ветхости в 1791 г. была разобрана, а на ее месте архитектором Е. С. Назаровым была возведена церковь, сохранившаяся до наших дней.)

⁷ Ювеналий Воейков. Предупреждение // Описание стоящего в московском ставропигальном Новоспасском монастыре храма Знаменья Пресвятой Богородицы. М., 1803. С. 10.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. № 38.

Роль надписей на надгробиях...

¹⁰ Там же. С. 35.

¹¹ Там же. С. 41.

¹² Там же. С. 42.

¹³ Там же. С. 43, 47.

¹⁴ *Щекатов А. Н., Максимович Л. М.* Словарь географический Российского государства. М., 1805. Ч. 4. С. 764; *Берх В. Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб, 1821. С. 99–108; Пермский сборник. М., 1860. С. 1–9; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1883 г. Пермь, 1883. Гл. 5; *Чагин Г. Н.* История в памяти русских крестьян среднего Урала в середине XIX — начале XX века. Пермь, 1999. С. 60–63; *Он же.* Михаил Никитич Романов в Ныробе (историография вопроса) // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 70–74.

¹⁵ *Берх В. Н.* С. 102.

¹⁶ *Чагин Г. Н.* История в памяти русских крестьян среднего Урала в середине XIX — начале XX века. С. 60.

¹⁷ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. С. 251.

¹⁸ Древняя Российская Вивлиофика. М., 1791. Вып. 20. С. 76.

¹⁹ Там же. С. 251.

²⁰ *Беляев Л. А.* Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996. С. 253.

²¹ Там же. С. 254.

²² Там же. С. 255.

²³ Там же.

²⁴ Акты исторические. Т. 2. СПб., 1841. С. 42.

²⁵ *Беляев Л. А.* Указ. соч. С. 251.

²⁶ Дмитрий Ростовский. Жития святых. Козельск, 1993. С. 258–274.

²⁷ Там же. С. 360–367.

²⁸ *Цветаев Д. В.* Избрание Михаила Федоровича Романова на царство. М., 1913. С. 45; *Васенко П. Г.* Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича. СПб., 1913. С. 83.

²⁹ ПСРЛ. Т. 14. М., 1965. С. 54.

³⁰ Книга об избрании на царство Великого Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича. М., 1856. С. 5–6.

³¹ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 202.

³² *Снегирев И.* Новоспасский монастырь. М., 1843. С. 75.

В. И. МЕРКУЛОВ*

ДРЕВНЕРУССКОЕ ПРЕДАНИЕ, ОЖИВШЕЕ В ПУШКИНСКОЙ «СКАЗКЕ О ЦАРЕ САЛТАНЕ»

Каждому русскому человеку с детства знакомы великолепные сказки Александра Сергеевича Пушкина, удивительные и чудесные по своему сюжету и литературному слогу. Все они прекрасны, но одной из самых любимых, пожалуй, можно назвать «Сказку о царе Салтане». Остров Буян и мудрый царь Гвидон, тридцать три богатыря и белочка с золотыми орешками — это образы, ставшие близкими и родными, сохранившиеся на всю жизнь. Они как будто затрагивают в душе живую память, скрытую в подсознательной глубине под спудом ежедневной суеты и бытовых проблем. Вновь и вновь перелистывая страницы этой пушкинской сказки, не перестаешь удивляться ее внутренней красоте и глубокому смыслу.

Считается, что в детстве Пушкин слышал народные сказки от своей няни Арины Родионовны, а впоследствии создал произведения на основе детских воспоминаний. Это не совсем так. К сказкам поэт обратился в зрелом возрасте, когда сформировался его интерес к древнерусской истории и русскому фольклору. Живой миф переплетается в пушкинских сказках с живой историей.

Исследователи не раз предпринимали попытки приблизить «Сказку о царе Салтане» к историческим реалиям, стремились

* Кандидат исторических наук, МГУ им. М. В. Ломоносова.

Древнерусское предание, ожившее в... «Сказке о царе Салтане»

переложить ее действие на географическую карту. Но многие из них уже свыклись с мыслью, что это почти бесполезно — слишком иносказательным кажется на первый взгляд это пушкинское произведение! Литературовед М. К. Азадовский отмечал, что «очень труден вопрос об источниках «Сказки о царе Салтане»¹. И сложность, конечно, состоит не только в том, чтобы выяснить, к каким источникам обращался непосредственно Пушкин. Важно понять, откуда берет начало сама сказочная традиция, увлекшая поэта.

Вряд ли перед нами просто «прелестная детская сказочка», как опрометчиво выразилась А. Сванидзе². Глубина и архаичность сюжета позволяют предположить, что в «Сказке о царе Салтане» нашло отражение какое-то древнее предание, услышанное Пушкиным. Попробуем еще раз внимательно обратиться к этому произведению.

Осенью 1824 г. Пушкин был сослан в глухое поместье своей матери — в Михайловское. Местные жители, правда, называли его иначе. На вопрос, где находится село Михайловское, любой из них, скорее всего, недоуменно пожал бы плечами. Зато легко указал бы Зуево, которое и известно нам сейчас как то самое село, где проводил долгие месяцы ссылки Пушкин.

В Михайловском Пушкин обратился к фольклорным материалам, и неисчерпаемым источником народного вдохновения стала для него няня Арина Родионовна³. Известно, что с ее слов Пушкин записал несколько сказочных сюжетов. Первым в его тетради был текст, положенный в основу «Сказки о царе Салтане», которая и открывала цикл пушкинских сказок. Пушкин выступил своеобразным проводником народной традиции, поэтически воплотив сказания русской древности. «Изучение старинных песен, сказок, — писал он, — необходимо для совершенного знания свойств русского языка»⁴. Пушкин первым начал вводить в русский литературный язык живой народный говор. В этом смысле поэт выступил еще и превосходным мастером слова.

С ранних лет Пушкин проявлял живой интерес к истории. В набросках сохранилась его поэма «Вадим», задуманная как поэтическое осмысление легенды о варяжском призвании в Новгород. Его вдохновлял героический образ Олега Вещего, воевавшего и с хазарами, и с византийцами и пригвоздившего в знак своей победы «щит на вратах Цареграда». В отрывках дошла до нас поэма на сюжет исторического предания о Бове-королевиче. И это только те мотивы, в которых поэтический талант Пушкина обращался к наследию Древней Руси.

В Михайловском Пушкин мучился от скуки, пил горькую («я пью один») и писал брату Льву о своем времяпрепровождении (начало ноября 1824 г.): «...Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»⁵ То же самое он позже написал и Вяземскому: «...Валяюсь на лежанке и слушаю старые сказки да песни. Стихи не лезут»⁶. Арина Родионовна старалась всячески скрасить одиночество поэта, который неоднократно повторял, что «с нею только мне не скучно»⁷. Однообразие и хандра убивали поэтическое вдохновение, зато Пушкин записывал древние северно-русские предания, послужившие в будущем началом для его поэтических сказок. Недаром сам Пушкин называл свои сказки «народными».

П. И. Бартенев писал: «Арина Родионовна мастерски рассказывала сказки, сыпала пословицами, поговорками, знала народные поверия и, бесспорно, имела большое влияние на своего питомца, не истребленное потом ни иностранцами-губернерами, ни воспитанием в Царскосельском лицее»⁸. Однако сестра Пушкина Ольга Сергеевна как-то написала, что именно в Михайловском поэт по-настоящему оценил рассказчицкий дар няни.

Арина Родионовна передала Пушкину те сказки, которые бытовали у нее на родине. В этом смысле многое может объяснить ее происхождение. П. В. Анненков отмечал, что «весь

Древнерусское предание, ожившее в... «Сказке о царе Салтане»

сказочный русский мир был ей известен»⁹. На Русском Севере, откуда была родом Арина, веками сохранялась мифологическая традиция, восходившая к Древней Руси. Даже на рубеже XX в. в северно-русских селах еще помнили сказания и былины о Киевском княжестве и древнерусских богатырях. А в пушкинские времена в народной среде сохранялись и более ранние родовые предания о варяжских и вандальских предках¹⁰.

Русский Север был исторически связан с областями, расположенными на южно-балтийском побережье. Культурные и этнические контакты Новгорода и Пскова с Прибалтикой были обусловлены географией и существовали с древнейших времен. Последние археологические изыскания позволяют считать, что Ладога была основана выходцами из балтийского региона в начале VIII в. (норманистские ученые считают их викингами-норманнами, что исторически не оправдано). Позднее эти колонизаторы проникали в глубь страны и дошли вплоть до берегов Белого моря. Летописец писал о том, что новгородцы происходили «отъ рода варяжска».

Прочные связи между русскими регионами существовали до XII–XIII вв., когда Вагрия, родина варягов в окрестностях Любека и Ростока, попала под власть немецких завоевателей. Русские были вынуждены покидать Прибалтику. Они отступали через Пруссию в Псков и дальше в Новгород, где их называли «выезжими от Прус» или «от Немец». Многие из этих русских переселенцев стали родоначальниками прославленных дворянских родов, державших бразды правления и в Московском царстве, и позднее в Российской империи. Кстати, от одного из них, «мужа честна» Ратши, вел свое происхождение и род Пушкиных.

Вместе с балтийскими переселенцами на Русский Север приходили их мифы и сказания. В народе складывалась традиция, сохранявшаяся почти неизменной до времени Пушкина (да и позже она была заметна). Живой носительницей этой традиции и была няня поэта Арина Родионовна. Благодаря ее

чуткому наставлению Пушкин смог окунуться в волшебный мир северно-русских сказок.

Согласно записи в церковной книге, Арина Родионовна родилась 10 апреля 1758 г. в деревне Лампово, расположенной в области, принадлежавшей некогда древнему Новгороду, потом Швеции и затем снова России. До Северной войны ближайшие предки Арины, как и многие русские из тех мест, были фактически шведскими подданными. Они жили в изоляции от остального русского мира, бережно храня свои традиции, которые не подвергались чужим влияниям и поэтому сохранили самобытность с того времени, когда вся южная и восточная Прибалтика была русской.

О самой Арине Родионовне и ее биографии написано немало. Ее настоящим именем было Иринья, что подчеркивало северно-русские, поморские корни. Архангельский историк и краевед И. И. Мосеев подсказал автору этих строк, что только поморы могли назвать Ирину Ириньей. Имя Арина было ее домашним. Мать Лукерья Кириллова и отец Родион Яковлев имели семерых детей. Ребенком Арина числилась крепостной графа Апраксина, но затем ее родную деревню вместе с людьми купил прадед Пушкина Абрам Ганнибал. И позднее Арина попала няней к будущему поэту. Она была грамотна, сохранилась ее позднейшая переписка с Пушкиным, который всю жизнь относился к своей няне с трепетным уважением.

Жизненный путь Арины Родионовны показал прекрасный пример жизни женщины в согласии с русской традицией. Происходя из большой семьи-рода, Арина и сама оставила большое потомство, прожив свои дни с чуткой любовью к детям, которых воспитывала по народным обычаям. Она умерла «от старости» летом 1828 г. Регистрацию ее похорон позднее нашли в списках Смоленского кладбища Санкт-Петербурга.

Пушкинские записи тех сказочных сюжетов, что были сделаны в Михайловском со слов Арины Родионовны, до поры до

Древнерусское предание, ожившее в... «Сказке о царе Салтане»

времени оставались неиспользованными, и только несколько лет спустя поэт воплотил их в своем творчестве.

В 1831 г. работа над «Сказкой о царе Салтане» была завершена. При ее написании Пушкин и обратился к своим конспективным заметкам, сделанным в ссылке. В основе сказки, вне сомнения, лежало древнее предание, повествовавшее об островном государстве, состоявшем из города-крепости, которое охранялось береговой стражей и вело международную торговлю. Сюжет этого пушкинского произведения находил параллели в европейском фольклоре, но не выпадал и из собственно русской традиции вопреки мнению некоторых литературоведов. Вариант Арины Родионовны, правда, содержал несколько оригинальных особенностей. В записях Пушкина читаем: «Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья, что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшей, и с первой ночи она понесла. Царь уехал воевать. Мачеха его, завидуя своей невестке, решила ее погубить. После девяти месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом — ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоче месяц; послали известить о том царя. Мачеха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дожидаться приезда его для разрешения. Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки; одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном — и бросить их в море...»¹¹

Таким было начало сказки, послужившей основой для написания. Завязка сказочного сюжета в данном случае традиционна — три девушки спорят о том, что сделала бы каждая

из них, став царицей. Царю полюбились слова третьей девушки — «кабы я была царица, я б для батюшки-царя родила богатыря». В них заметна реальная подоплека родового сказания, прославлявшего продолжение рода и деторождение, считавшихся приоритетными в традиционном обществе перед другими «ценностями», пиршествами и пышными нарядами. Царь взял в жены ту девушку, которая наиболее соответствовала родовому идеалу, представлениям о женщине как о матери и верной супруге.

Как и полагалось, «в те поры война была», и царь отправился в поход, оставив молодую жену дома ожидать приплода. Но после успешных родов царица становится жертвой коварного заговора, обрекшего ее на смерть в морских волнах, будучи вместе с сыном заточенной в бочке (кстати, вполне обычный способ казни у северных народов). В записи этот сюжет представлен так: «Долго плавали царица с царевичем в засмоленной бочке — наконец, море выкинуло их на землю. Сын заметил это. «Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи и вышли бы мы на свет». — «Господь благослови тебя, дитятко». Обручи лопнули, они вышли на остров. Сын избрал место и с благословения матери выстроил город и стал в оном жить да править»¹².

Чудеса, которые в сказке творит царевна Лебедь, — поздний вымысел Пушкина. В первоначальном варианте их творил сам царевич. Любопытно, что ни в пушкинских записях, ни в русских фольклорных редакциях сюжета сказки нет образа царевны Лебеди¹³.

Название острова Пушкин воспринял из русской народной традиции — Буян. В древнерусском языке так именовали высокое место, холм, бугор, а также возвышенное место для богослужения. В «Слове Даниила Заточника» буян — это холм, гора («за буяномъ кони паствити»). Так могли называть и гору на острове, возвышавшуюся среди пучины в море. В северно-русских говорах буян также связан с водой, морем. Напрашивается

Древнерусское предание, ожившее в... «Сказке о царе Салтане»

сравнение с современным словом «буй», которым обозначают сигнальный маячок, возвышающийся над водой. В. И. Даль указывал на то, что в древности словом «буян» называли пристань, торг, возвышенность¹⁴. Сходный смысл слова выражен в раннем значении прилагательного «буйный» — *выдающийся*, которое приобретало личные эпитеты *смелый, храбрый, дерзкий*. Князь Всеволод, герой «Слова о полку Игореве», например, носил воинское прозвище «Буй тур». Выявление этих архаичных значений помогает разгадать глубинный смысл пушкинской мифологемы «остров Буян». Представляется город на горе посреди моря, с пристанью и торгом, святилищами и храмами, что подтверждается и строками Пушкина.

В русском фольклоре образ острова Буяна широко распространен. Многие заговоры, отражавшие языческую картину мира, начинались со слов: «На море на Окияне, на острове на Буяне лежит бел-горюч камень Алатырь...» Именем этого загадочного камня скреплялось заклинание.

Исследователи фольклора давно отмечали, что «камень Алатырь» связан с Балтийским регионом. Указывали и на то, что Балтийское море иногда называлось Алатырским морем. Но при этом считалось, что легенды о камне восходят к древним представлениям о янтаре¹⁵. В. Даль также связывал слово «алатырь — алабор» с обозначением янтара¹⁶. Однако можно предложить более близкую аналогию, которая напрашивается сама собой.

В немецкой земле Мекленбург лежит остров Рюген, самый крупный на Балтийском море. С древнего языка его название дословно переводится как «Ругский» (то есть «Русский»). До-немецким населением здесь были русы (в германоязычных документах их называли ругами), которых считали коренными жителями острова с древнейших времен. Например, готский историк Иордан писал о войне готов с ульмеругами, то есть с «островными ругами»¹⁷, — так могли назвать только русов с Рюгена и соседних островов.

После того как в 1325 г. на Рюгене пресеклась русская правящая династия, остров попал в состав Померании, а в середине XVII в. отошел к Швеции. С 1815 г. по решению Венского конгресса Рюген стал принадлежать Пруссии¹⁸. Во времена Третьего рейха остров был знаменит курортами нацистского общества «Сила через радость», а во времена ГДР там располагалась советская военная база.

Остров Рюген состоит из меловых пород, поросших буйной растительностью. Туристы, приезжающие сюда, непременно отправляются на экскурсию к величественным белым утесам, нависающим над морем. «Немецкая волна» как-то процитировала слова художницы Гудрун Арнольд: «Эта щедрость, эта первозданная мощь ландшафта вдохновляет меня снова и снова! Я потому и живу здесь, в Заснице, чтобы меловые скалы были всегда рядом»¹⁹. Природная красота Рюгена и в прошлом вдохновляла творцов. В начале XIX в. здесь работал замечательный живописец Каспар Давид Фридрих.

Особой достопримечательностью является меловая скала «Королевский трон» (Königstuhl), возвышающаяся над морем на 180 метров. По старой легенде, чтобы подтвердить свой титул и право на власть, будущий король должен был со стороны моря подняться от ее подножия к вершине. Священная белая скала как бы утверждала своим незыблемым величием священное право. Память о «белом камне Алатыре» сохранилась в русской традиции с тех времен.

Северная оконечность острова Рюген далеко выдается в море. Мыс с отвесными меловыми утесами еще в древности получил название Аркона, которое дословно означает «белая гора» (от инд.-европ. *ar, arya* — белый, благородный и *конъ* — гора). В древности на Арконе находился храм Святовита, которому приносили дары правители соседних государств и жертвовали часть товаров купцы.

Датский хронист Саксон Грамматик писал: «Город Аркона лежит на вершине высокой скалы; с севера, востока и юга он

Древнерусское предание, ожившее в... «Сказке о царе Салтане»

огражден природной защитой... с западной стороны его защищает высокая насыпь в пятьдесят локтей... Посреди города лежит открытая площадь, на которой возвышается прекрасный деревянный храм, почитаемый не только благодаря великолепию своего зодчества, но и благодаря величию бога, которому здесь был воздвигнут идол»²⁰.

Арконский вал высотой более десяти метров сохранился до наших дней. Можно представить, каким величественным казался город в древности! Гельмольд называл Аркону «главным городом», столицей острова²¹. Культ Святовита здесь был настолько силен, что даже после крещения пришлось подменить его вымышленным культом святого Вита. В 1168 г. Аркону разрушил датский король Вальдемар I.

Некогда остров носил другое название — Руян (или Ружан). На вендском языке и сегодня *Рюген* обозначается словом *Rujan*, а прилагательное *рюгенский* — *rujansk*. После немецкого завоевания и христианизации остатки древнего русского населения продолжали жить на острове. Б. Лисин писал об одной жительнице Рюгена, которая носила фамилию Голицына и умерла в 1402 г.²² В разных источниках упоминаются и другие потомки древнерусского населения острова, которые долгое время сохраняли русские традиции. По сей день на Рюгене осталось много русских (не просто славянских, а именно русских!) названий — Бесин, Бобин, Грабов, Любков, Медов, Сударь, Тишов... Многие из них навсегда сохранили давнюю связь с культом Святовита — Витов, Витт, Витте²³. А. С. Фаминцын отмечал, что на острове Рюген с тех пор сохранилось и несколько «святых мест»: *Swante grad*, *Swante kam*, *Swante gore* (ныне Свантов) и так далее²⁴. Кстати, торг в прибрежном местечке Витт близ Арконы изобразил на своей гравюре около 1840 г. Корнелиус в книге «Путешествия по Северному и Балтийскому морям».

Память о древнем русском острове — Руяне — сохранялась и после того, как он попал под датское и шведское, то есть «не-

мецкое», господство. Она жила в северно-русской фольклорной традиции, в этнической среде, связанной с русской Прибалтикой. Имя Руян получило в народе поэтический эпитет Буян.

Сравнение сказочного Буяна с реальным Руяном-Рюгеном напрашивается и еще одной важной деталью, попавшей в пушкинский текст из сказания Арины Родионовны. Это сюжет о чудесных богатырях, выходящих из моря, чтобы оберегать покой города и его жителей. В записях Пушкина читаем: «Тужит царевна об остальных своих детях. Царевич с ее благословения берется их отыскать... Он идет к морю, море всколыхалось, и вышли 30 юношей и с ними старик». В этом отрывке содержится важное уточнение — остров охраняют не просто тридцать богатырей, а тридцать братьев Гвидона (снова указание на родовой характер предания!)²⁵.

В исторических источниках можно проследить любопытную параллель к этому сказочному сюжету. Упомянутый Саксон Грамматик писал: «Каждый житель острова [Рюген] обоих полов вносил монету для содержания храма [Святовита]. Ему также отдавали треть добычи и награбленного... В его распоряжении были триста лошадей и столько же всадников, которые все добываемое насилием и хитростью вручали верховному жрецу...»²⁶

Триста воинов Святовита были отборной гвардией, на плечах которой лежала священная обязанность охраны святилища и острова. Вообще дружина на Руси никогда не была многочисленной. Даже в крупных княжествах ее регулярная численность колебалась около тысячи человек, при том что профессиональная дружина была разделена на «старшую» (бояре) и «младшую» («дети боярские»). Принадлежность к воинству была привилегией, сопряженной с личной ответственностью. Во время крупных войн созывали ополчение, которое значительно прибавляло войску численности.

Позднее в Новгороде были известны триста «золотых поясов» — боярская верхушка, в руках которой находилась

Древнерусское предание, ожившее в... «Сказке о царе Салтане»

реальная власть. Совету трехсот «золотых поясов» фактически подчинялся и князь, и посадник, и архиепископ. Они же решали все важнейшие вопросы жизни Новгорода, которые позже выносились на вече.

Непросто проследить по источникам, насколько историчны имена сказочных персонажей. Имя царя Пушкин воспринял у Арины Родионовны, превратив ее «Султана Султановича, турецкого государя» в сказочного Салтана. Это имя, конечно, является позднейшим вымыслом. Можно предположить, что в изначальном варианте древнего предания оно было другим (родовое сказание всегда носит генеалогический характер и обычно «помнит» имена). Но в устном переложении из поколения в поколение первоначальное, «историческое» имя было утрачено. Так появилось имя Султан Султанович (или Салтан в пушкинской обработке), которое хорошо сочеталось с многозначительной присказкой — «мимо острова Буяна в царство славного Салтана».

Эта присказка уникальна по своему историческому значению. «Мимо острова Буяна» на восток, «в царство славного Салтана», плывут сказочные купцы. А в действительности перед нами описание известного торгового пути «из варяг в греки», начинавшегося в варяжских землях в окрестностях Любека и ведшего до Константинополя. В образе «царства Салтана» можно почувствовать намек на Византийскую империю, находившуюся с 1453 г. под властью турецкого султана.

Салтану купцы рассказывают, что бывали «за морем» (указание, которое в летописях всегда сопутствует упоминанию варягов). А поэтическое «родство» царей (отец-сын) при этом подчеркивает связи острова Буяна (Руяна-Рюгена) с Константинополем. Находки римских и византийских вещей неоднократно делали на острове археологи.

Важно и то, чем торгуют сказочные купцы. Среди товаров меха («торговали соболями, черно-бурыми лисами»), кони («торговали конями, жеребцами»), булат и украшения, то есть

те предметы, которые традиционно экспортировались из Руси. Со времен неолита Рюген был известен как важный торговый пункт²⁷.

Имя Гвидон Пушкин заимствовал, по всей видимости, из «Сказания о Бове-королевиче». Оно широко известно и в эпосе, обращение к которому позволяет восполнить образ. В России Бова-королевич был популярен как персонаж лубочных картинок²⁸. Однако еще Саксон Грамматик пересказывал предание о Бове, который был сыном русской королевы Ринды и правил на Балтике.

Легенда о Бове повествует о «добром короле Гвидоне», которого обманом умертвил коварный король Додон, захвативший власть в его стране. Этот Гвидон правил «в великом государстве, в славном городе Антоне»²⁹. Поздние пересказчики уже не помнили древнего названия «Аркона» и подменили его более близким и понятным — Антон. Важно, что упоминания об Арконе-Антоне в «Сказании о Бове-королевиче» отнюдь не фрагментарны, как обычно бывает в сказках (мол, дело было в таком-то царстве, о котором больше ничего не сообщается). Антон — это стольный город королевства, вокруг которого кипит борьба за власть. Бова мстит убийце своего отца Додону и возвращает себе королевский престол.

Пушкинские «сказочные» имена удивительным образом соответствуют реальным именам, бытовавшим в средневековой Европе. В свое время была высказана версия, что имя Гвидон восходит к кельтскому друидическому Гвидд, Говидд³⁰. Но более интересна лингвистическая связь имени Гвидон с именем Витт (от сев. Wit, Wielt — белый, светлый, светловолосый). Интересно, что французское Vitte происходит от древнегерманского Guitte («живущий в лесу»)³¹. Вероятно, связано оно и с именем Святovit, раз после крещения имя заменившего его христианского святого писалось Saint Vitus.

Хронист второй половины X в. Рихер Реймский называл трех Гвидонов (Видонов), среди которых были два епископа и

Древнерусское предание, ожившее в... «Сказке о царе Салтане»

граф³². Параллели с раннесредневековой Францией здесь вряд ли случайны. А. Г. Кузьмин прямо связывал название графства Реймс с именем «Русь», которое со времен Великого переселения народов было распространено по всей Европе³³. Рассеянные группы русов (известные под названиями ругов, рутенов, рузов и т. д.) длительное время сохранялись в разных частях европейского континента — от Подунавья до французской Нормандии. Отмечалось, что во французском эпосе действует много «русских» герцогов и графов, которые либо воюют против Карла Великого, либо входят в его окружение³⁴.

К образу Додона Пушкин позже обратился в «Сказке о золотом петушке». В связи с этим историк Е. Классен отмечал, что предания «о Бове-королевиче и царе Додоне заключают в себе историческое отношение»³⁵. Он считал Додона королем варягов, который воевал на стороне Карла Великого и погиб, вероятно, от руки подосланного убийцы. К сожалению, Классен не указал ссылки на конкретные генеалогические источники.

Приведенные свидетельства позволяют в полной мере переосмыслить то значение «Сказки о царе Салтане», которое она имеет для русской культуры. А оно несравненно велико! Пусть Пушкин и изменил некоторые детали, добавил долю поэтического вымысла, но он сохранил неизменной основу древнего русского предания. Увы, в наши дни вряд ли можно услышать и записать нечто подобное в вымирающих деревнях. Историческая память нашего народа угасает с каждым годом. И пушкинские сказки оживляют ее, возрождают гордость за родное прошлое.

Древнерусское наследие приходится восстанавливать почти по крупицам. Особенно если речь заходит о временах более древних, чем те, о которых сообщают летописи. И обращение к истокам непременно приводит нас на Балтику, где в древности правили могущественные русские короли. Там рождались наши мифы и сказания, там рождался сам русский народ.

Примечания

- ¹ Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина // Временник пушкинской комиссии. 1936. Ч.1. С. 150.
- ² Сванидзе А. Сказка — ложь, да в ней намек... // Знание — сила. 2000 № 11. С. 98.
- ³ Азадовский М. К. Пушкин и фольклор // Временник Пушкинской комиссии. № 3. М.-Л., 1937. С. 154.
- ⁴ Пушкин А. С. Сочинения в трех томах. Т. III. М., 1986. С. 467.
- ⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. X. М.-Л., 1949. С. 108.
- ⁶ Там же. С. 119.
- ⁷ Вересаев В. Пушкин в жизни. Т. 1. М., 1936. С. 258,259.
- ⁸ Бартнев П. И. Род и детство Пушкина // О Пушкине. М., 1992. С. 57.
- ⁹ Анненков П. В. Материалы для биографии Пушкина // Соч. Пушкина. Т. I. СПб., 1855. С. 4.
- ¹⁰ Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым п/сост. Ю. К. Бегунов. М., 2000.
- ¹¹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. III. С. 456.
- ¹² Там же. С. 456—457.
- ¹³ Азадовский М. К. Источники сказок Пушкина. С. 154.
- ¹⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. М., 1994. С. 138.
- ¹⁵ Мифологический словарь. М., 1992. С. 28—29.
- ¹⁶ Даль В. Указ. соч. С. 9.
- ¹⁷ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2001. Прим. 59, 64.
- ¹⁸ Wendler O. Geschichte Rügen. — Bergen u. Sassnitz auf Rügen, 1895.
- ¹⁹ См.: <http://dw-world.de>. Репортаж от 26.05.2002.
- ²⁰ Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Copenhagen, 1931. P. 466.
- ²¹ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. С. 238.
- ²² Лусин Б. Откуда родом Рюрик? // Литературная Россия. № 5. 5 февр. С. 22.
- ²³ ADAC Reiseführer Rügen. Hiddensee Stralsund. München, 2003.
- ²⁴ Фаминцын А. С. Божества древних славян. СПб., 1995. С. 138.
- ²⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. III. С. 457.
- ²⁶ Saxo Grammaticus. Gesta Danorum. Copenhagen, 1931. P. 467.

Древнерусское предание, ожившее в... «Сказке о царе Салтане»

²⁷ *Шрадер О.* Индоевропейцы. М., 2003. С. 83.

²⁸ См., напр.: Сказка о храбром, славном и могучем витязе и богатыре Бове // *Ровинский Д.* Русские народные картинки. Кн.1. СПб., 1881. С. 83.

²⁹ Сказка о Бове Королевиче / Переложение С. Сметанина. Сургут, 1999.

³⁰ *Фадеева Т. М.* Античные и кельтские истоки «Сказки о царе Салтане...» // Петербургский Рериховский сборник. Вып. IV. СПб., 2001. С. 9, 12. Статья в целом неубедительная и слабая.

³¹ Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. А. В. Суперанской. М., 1987.

³² *Рихер Реймский.* История. М., 1997. С. 53, 65, 72, 79, 80, 85, 96, 147, 148, 158, 162, 166.

³³ *Кузьмин А. Г.* Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 130.

³⁴ Там же. С. 144.

³⁵ *Классен Е.* Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до рождения Христова. М., 1854. С. 17.

И. В. ШАПОВАЛОВА*

МЕЛКОПОМЕСТНОЕ ДВОРЯНСТВО ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 1850-х — НАЧАЛЕ 1860-х гг.

Дореформенное и пореформенное дворянское сословие стало привлекать к себе пристальное внимание исследователей с 1970-х гг. В первую очередь это касалось хозяйственной деятельности поместных владельцев, истории дворянской корпорации, взаимоотношений самодержавия и дворянства. Как правило, основное внимание уделялось представителям верхних страт дворянства. Мелкопоместное дворянство, составлявшее в дореформенный период около 80% численности всего поместного дворянства, не являлось объектом специального исследования. Таким образом, сведения об основной массе поместных владельцев вплоть до настоящего времени в работах историков представлены фрагментарно. Особенно это касается переломных эпох, каковыми являются предреформенные годы и первые годы после реформы отмены крепостного права, когда, собственно, и решалась судьба мелкопоместного дворянства. Низшие подгруппы мелкопоместного дворянства находились в положении маргиналов, ничем не отличаясь в обыденной жизни от представителей крестьянства. На региональном уровне, включая Центральное Черноземье, данная проблема не освещена. Все это в совокупности и определяет актуальность настоящего исследования.

* Студентка исторического факультета Белгородского государственного университета.

Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья...

Подавляющая часть российского провинциального дворянства перед отменой крепостного права относились к мелкопоместной страте, именно эта категория дворянства и являлась олицетворением российского помещика, по своим жизненным стандартам и поведенческим стереотипам сильно отличаясь от представителей верхних страт поместного дворянства. Нередко низшие подгруппы мелкопоместных дворян по стилю жизни мало чем отличались от собственных крестьян, проводя целые дни за сохой или на других работах. По этому поводу князь Борис Васильчиков справедливо отмечал: «Когда в разговоре с иностранцами о России и русских делах приходится упоминать о дворянах и дворянстве и поневоле, за отсутствием других слов, переводить это словами *Noblesse*, *Nobility*, *Adel*, то я всегда чувствую, что ввожу своего собеседника в заблуждение неточностью перевода, неверно передающего самое понятие. С этими словами на иностранных языках связано представление о древности рода, аристократизме, знатности... Но понятие «русский дворянин» совсем не вяжется с этими атрибутами аристократизма, и подавляющее большинство русских дворян вовсе не были аристократами и таковыми себя не считали, а сравнительно немногочисленные представители древних родов, составляющих аристократию в бытовом отношении, в социальном отношении терялись в общей массе дворянства, строй которого и значение сложились вне всякой связи с аристократизмом»¹. То есть представитель русской аристократии однозначно указывает на непреодолимую пропасть между мелкопоместным дворянством и представителями верхних страт дворянства.

Как в пореформенный, так и в дореформенный период основу материального благополучия поместного дворянства, включая мелкопоместное, составлял земельный фонд. Рассмотрим категории дворянского землевладения накануне 1861 г. в исследуемых губерниях.

Лидирующее положение в воронежском дворянском земельном фонде занимало крупное землевладение — 80,2%. Это отражено в следующей таблице.

**Структура дворянского землевладения Воронежской губернии
накануне отмены крепостного права²**

№ пп/п	Уезд	Количество земли в десятинах		
		менее 100/%	101–1000/%	свыше 1000/%
1.	Бобровский	66 889,7 (18,5)	2458 (0,5)	292 615,2 (81)
2.	Богучарский	28 724 (22,7)	768,7 (0,6)	96 975,3 (76,7)
3.	Валуйский	24 387,8 (18,8)	5299,9 (4)	99 914,3 (77,2)
4.	Воронеж- ский	37 857,2 (26,1)	12 372 (8,5)	94 420,8 (65,4)
5.	Задонский	16 451,6 (19,2)	19 994,9 (23,3)	49 232,4 (57,5)
6.	Землянский	50 686,6 (34,8)	17 166,1 (11,8)	77 519,3 (53,4)
7.	Коротояк- ский	11 069,8 (46,9)	1389,2 (5,8)	11 131 (47,3)
8.	Нижнеде- вицкий	36 161,4 (62,8)	4059 (7,1)	17 303,6 (30,1)
9.	Новохопер- ский	24 334,5 (19,2)	2220,9 (1,7)	100 147,5 (79,1)
10.	Острогож- ский	13 210,4 (4,4)	5171 (1,7)	277 057,5 (93,9)
По 10 уездам		305 694,9 (16,1)	70 935,9 (3,7)	1 116 317 (80,2%)

В губернии оно отличалось латифундальным характером. Если вся площадь Бирюченского уезда составляла 400 992 десятины, то графу Д. Шереметеву принадлежало 118 981,4 десятины (28%). Свыше 1000 десятин имело 315 дворян-помещиков (16%) губернии.

Малочисленно представлена группа средних помещиков — 104, на основании рассматриваемого источника составлявшая 5,2% от общего числа дворян-землевладельцев. Они владели 76 890,9 десятины. Накануне реформы 19 февраля 1861 г. эта категория не являлась промежуточной, а имела перспективу роста. Если по 8-й ревизии помещиков, владевших от 21 до 100 ревизских душ, в губернии было 561, то к 10-й ревизии уже стало 764³.

Наиболее многочисленной была категория мелких дворян-помещиков — 1547 (78,6%). Категория мелкого дворянства

Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья...

постоянно сокращалась в предреформенные годы, с 8-й по 10-ю ревизию их число уменьшилось с 1933 до 1252. Сокращение числа мелких помещиков и увеличение числа земельных собственников других категорий дворян-землевладельцев показывает, что шло перераспределение земель внутри сословия с перспективой упадка мелкого дворянского хозяйства, наиболее архаичного в условиях разложения феодально-крепостнического строя.

Обращает на себя внимание тот факт, что мелкопоместные дворяне, насчитывавшие в общей массе дворян-помещиков Воронежской губернии 78,6%, владели всего 16,1% дворянского земельного фонда, без учета Бирюченского и Павловского уездов. Если число крупных дворян-помещиков в предреформенные годы качественно не изменялось, количество среднепоместных дворян с 8-й по 10-ю ревизию увеличилось на 26,6%, то число мелкопоместных дворян, по градации душевладения, за этот период сократилось на 35,3%. Здесь просматривалась очевидная тенденция разорения мелкопоместных дворян, которые стремились строить карьеру на государственной службе или в одной из свободных профессий. Хотя многие из них пытались сохранить свои небольшие поместья.

Переходим к аналогичному анализу по Курской губернии.

Структура дворянского землевладения в Курской губернии накануне отмены крепостного права⁴

№ пп/п	Уезд	Количество земли в десятинах		
		менее 100/%	101–1000/%	свыше 1000/%
1.	Белгородский	11 037 (13,1)	6875,3 (8,1)	65 685,7 (78,8)
2.	Грайворонский	9958,5 (7,1)	4066,4 (2,9)	125 309,1 (90)
3.	Дмитриевский	67 179,9 (34,8)	15 237,8 (7,8)	110 494,2 (57,4)
4.	Курский	45 771 (47)	8995,9 (9,2)	42 541,9 (43,8)
5.	Корочанский	9674,6 (20,3)	3677,9 (7,7)	34 127,4 (72)
6.	Льговский	4995,5 (3,5)	24 541,9 (17,3)	112 115,5 (79,2)

7.	Новооскольский	11 162 (10)	7172,3 (6,4)	93 070,7 (83,6)
8.	Обоянский	29 521,4 (33,4)	9702,5 (11)	48 941,1 (55,6)
9.	Путивльский	34 332,8 (20,5)	16 019,7 (9,5)	116 732,5 (70)
10.	Рыльский	33 881,2 (22,9)	20 462,3 (13,8)	93 253,5 (63,3)
11.	Старооскольский	16 252,0 (17,1)	11 666,8 (12,2)	66 981,1 (70,7)
12.	Суджанский	45 375,9 (49,5)	13 154,6 (14,3)	32 968,4 (36,2)
13.	Тимский	51 284,4 (49,4)	10 016,6 (9,6)	42 341,9 (41)
14.	Щигровский	69 869,7 (48,6)	27 569,0 (19,2)	46 084,3 (32,2)
15.	Фатежский	40 481,5 (57,7)	9046,1 (13)	20 511,4 (28,3)
По губернии		496 802,8 (28,6)	188 205,2(10,8)	1 051 159 (60,6)

В губернии господствующее положение занимало крупное дворянское землевладение — 60,6%. Курское крупное дворянское землевладение также отличалось латифундальным характером. В Грайворонском уезде князю Н. Юсупову принадлежало 53 559, 3 десятины, графу Д. Шереметеву — 52 211,7 десятины, а весь дворянский земельный фонд уезда составлял 139 334 десятины, то есть остальным помещикам уезда принадлежало только 33 562,9 десятины (24%)⁵. В до-реформенный период наметилась тенденция к увеличению числа крупных дворян-помещиков. Если в 1857 г. их было 95, то к 1861 г. — 102⁶.

Среднее дворянское землевладение, как и в Воронежской губернии, было незначительным, удельный вес его составлял 10,8% от общего дворянского земельного фонда. Крупное дворянское землевладение в некоторой степени являлось тормозом для роста землевладения средних и мелких помещиков, так как оно располагало более мощными финансово-экономическими возможностями и доминировало на земельном внутрисословном рынке в этот период. Но вместе с тем кризис феодально-крепостнической системы, разорение дворянства способствовали выбросу на рынок достаточного количества земли за счет

Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья...

мелких помещиков, и число дворян-землевладельцев, имевших от 21 до 100 ревизских душ, возросло с середины 30-х до конца 50-х гг. XIX в. с 1255 до 1392⁷.

Мелкие курские помещики владели 28,6% земельного дворянского фонда, что было отражением общей тенденции в Центрально-Черноземном регионе. Около 1 тыс. курских дворян имело по 5 десятин, а некоторые владели еще меньшим количеством земли. Число мелкопоместных дворян в губернии быстро сокращалось. С 8-й по 10-ю ревизию их число снизилось с 4680 до 3299 или на 29,6%⁸. Таким образом, в Центральном Черноземье в предреформенные годы число мелкопоместных дворян в среднем сократилось на 1/3.

На аграрную эволюцию дворянских хозяйств наряду с шедшими процессами в землевладении оказывало огромное влияние изменение в характере землепользования.

Воронежская и Курская губернии являлись типично сельскохозяйственными, подавляющая часть их жителей (91%) занимались хлебопашеством и животноводством. Развитию этих отраслей традиционно благоприятствовало наличие чернозема, обилие пастбищ и сенокосных угодий. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что Центрально-Черноземный регион находился сравнительно близко к густонаселенным промышленным центрам страны. Все это предопределило аграрную направленность деятельности дворянских хозяйств.

Помещичья система землепользования, как и землевладение, в условиях разложения феодально-крепостнического строя базировалась на сословном праве дворян владения населенными землями. Обеспеченность дворянских хозяйств крепостными руками находилась в прямой зависимости от того, к какой категории — мелкому, среднему или крупному — они относились.

Численность помещичьих крестьян в 1858 г.⁹

№ пп/п	Губерния	Помещичьи крестьяне у дворян		
		1–20душ м.п. /%	21–100 душ м.п. /%	свыше 100душ м.п. /%
1	Воронеж- ская	8147 (3,2)	28 151 (10,9)	221 357 (85,9)
2	Курская	23 723 (6,6)	62 745 (17,6)	268 283 (78,8)

Воронежские и курские мелкопоместные дворяне владели 4,9% ревизских душ от их общего числа, что было выше на 1,8%, чем в среднем по данной категории в Европейской России. Во владении среднего дворянства находилось 14,2% ревизских душ — ниже на 1,7% общероссийского показателя. Крупные помещики владели 82,3% ревизских душ — на 1,4% выше среднестатистического показателя. Основным полюсом концентрации крепостных крестьян были хозяйства крупных дворян-землевладельцев, составлявших 15,8% от общего числа помещиков в исследуемых губерниях. В то время как на одно мелкопоместное хозяйство Центрального Черноземья, исходя из вышеприведенных данных, приходилось в среднем 7 ревизских душ. Небольшое количество крепостных у мелкопоместных владельцев компенсировалось большей их эксплуатацией в сравнении с хозяйствами крупного дворянства. Об этом прямо говорится в отчете курского губернатора накануне отмены крепостного права: «Отношение помещиков к крестьянам благоразумно и законно, что касается до мелкопоместных дворян, то, за некоторыми исключениями, обращение их с крестьянами не всегда сообразно, так как образование у них менее развито»¹⁰.

Хотя здесь нельзя отрицать и влияние низкого образовательного уровня у представителей «дна» дворянского сословия, но это не имело особого значения. Хозяйственный опыт мелкопоместных дворян подсказывал им, что в случае природных аномалий, которые были не редкостью, наи-

Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья...

большой урон несут владельцы нескольких десятин. Они не имели в отличие от владельцев крупных хозяйств возможности компенсировать потери сбором оставшегося урожая с больших площадей. Другими словами, в указанной ситуации мелкопоместный хозяин оставался вовсе ни с чем. Отсюда его стремление интенсифицировать труд крепостных, чтобы провести определенный цикл сельскохозяйственных работ в максимально возможные сроки. С другой стороны, в мелкопоместных хозяйствах и крестьянские наделы были мизерными, в случае если их не переводили на месячину, что позволяло использовать оставшееся свободное время крестьян на господской запашке.

Важным условием развития землевладения в дворянских хозяйствах была обеспеченность помещичьих имений удобной для возделывания земель. Но количество земли, занятой под помещичьими запашками, зависело не столько от общей обеспеченности имений землей, сколько от распределения земли между помещиками и крестьянами. Господская запашка в Воронежской губернии составляла 303 906 десятин (34,1%), крестьянская — 585 772 десятины, в Курской губернии земли в господской запашке — 375 129 десятин (36,7%), в крестьянской — 645 593 десятины¹¹. Такое соотношение во многом определялось распределением пахотных земель в латифундиях, где практически вся пахотная земля находилась в крестьянской запашке.

В имениях средних и крупных помещиков повсеместно господствовала хозяйственная запашка. Отсутствие сведений по хозяйствам мелкопоместного дворянства не позволяет сделать определенный соответствующий вывод, хотя просматривалась четкая тенденция — чем меньше хозяйство, тем больше там господская запашка.

Система хозяйства в дворянских поместьях была связана с характером эксплуатации крестьян в них.

**Крестьянство по формам эксплуатации
в дворянских хозяйствах (в%)¹²**

№ п/п	Губерния	Оброчные	Барщинные	На смешанной повинности
1.	Воронежская	23,4	46,8	23,4
2.	Курская	15,5	61,2	23,3

Основная масса крестьянства в дворянских хозяйствах находилась на барщине. На уездном уровне соотношение форм эксплуатации приближалось к общегубернскому показателю. Исключением являлись Воронежский, Землянский уезды в Воронежской губернии и Курский уезд одноименной губернии, где концентрация барщинных крестьян была свыше 90%¹³.

Подсчет количества дворянских имений по формам эксплуатации затруднен отсутствием сведений по владениям мелких помещиков. Тем не менее исследователи отмечают тенденцию в помещичьих хозяйствах, где чем меньше в них земельный фонд, тем более распространена барщинная система.

Характер эксплуатации крестьян был тесно связан с системой полеводства в дворянских хозяйствах. В рассматриваемый период в регионе повсеместно господствовало трехполье. Воронежский агроном М. Афанасьев в 1856 г. отмечал: «Система полеводства везде 3-х польная: опытов введения других севооборотов здесь вовсе нет, или до такой степени незначительны, что о них и не слышно»¹⁴. Плодопеременная система, характерная для капиталистической эпохи, в регионе начинает появляться с 50-х гг. XIX в. в крупных имениях, где не так сильно была представлена чересполосица. В мелкопоместных хозяйствах эта система в источниках не отражена.

Важным показателем уровня земледелия в дворянских хозяйствах являлась его агротехническая база. В исследуемых губерниях в помещичьих имениях, включая мелкопоместные, основными орудиями земледелия были соха с двумя сошниками, деревянные конные грабли и борона. Для распашки

новых земель применялся особый вид сохи, которая была меньше обыкновенной и имела более короткие узкие сошники. Сельскохозяйственные машины были редким явлением и применялись в крупных имениях графа А. Кушелева-Безбородко, графа А. Левашева, князя И. Васильчикова, и в основном это были конные молотилки¹⁵. Незначительное использование сельскохозяйственных машин связано с наличием большого количества крепостных рук в средних и крупных имениях. В мелких дворянских хозяйствах с экономической точки зрения они были нерентабельны из-за малой площади обрабатываемой земли и высокой их стоимости. Одна сенокосильная машина Вуда стоила 220 руб. серебром.

Наличие рабочего скота в дворянских хозяйствах было мизерным в силу их барщинного характера, когда крестьянин обрабатывал господскую запашку своим инвентарем, скотом. Здесь также сказывалось практическое отсутствие выгонных и пастбищных угодий в имениях. В Воронежской губернии в 1858 г. фонд пахотных земель составлял 3 574 236 десятин, выгонных и пастбищных угодий — 187 737 десятин, а к 1861 г. пахотные земли увеличились до 3 665 044 десятин, выгонные и пастбищные — до 209 748 десятин. Пахотные земли обгоняли в росте выгонные, в мелкопоместных хозяйствах весь земельный фонд фактически находился под пашней.

Характер эксплуатации крестьян, агротехническая база, наличие рабочего скота в помещичьих имениях определяли уровень сельскохозяйственного производства в них. Помещичье земледельческое производство Европейской России было сосредоточено в Центрально-Черноземном регионе, где в 1851–1860 гг. высевалось 82% всех основных культур. Размеры посевов с 1842–1850-х гг. снизились на 1,7% в Центральном Черноземье, отражая общую тенденцию в дворянских хозяйствах России¹⁶. Быстрое сокращение числа черноземных мелкопоместных помещиков в предреформенные десятилетия подтверждает хозяйственную деградацию их имений, что яв-

лялось следствием общей направленности спада урожайности в дворянских хозяйствах. Есть основания для предположения, что у мелкопоместных владельцев в сравнении со средне- и крупнопоместными хозяйствами спад урожайности был значительно ниже.

Размеры посева культур не отражали основных тенденций в развитии дворянских хозяйств. Более важным показателем являлась урожайность на помещичьих запашках. Для рассматриваемого периода из-за отсутствия статистического материала о размерах посевных площадей выходом является исчисление урожайности в «самах». Такой подсчет менее точен, но он позволяет определить эволюционные процессы в дворянском хозяйстве.

Урожайность хлебов в дворянских хозяйствах, в «самах»¹⁷

	Губерния	Озимые		Яровые		Озимые и яровые	
		1842- 1850	1851- 1860	1842- 1850	1851- 1860	1842- 1850	1851- 1860
1.	Воронежская	3,1	3,7	3,3	3,6	3,3	3,6
2.	Курская	4,1	3,2	3,9	3,1	4,0	3,1

Спад урожайности (22,5%) произошел в Курской губернии, связанный в первую очередь с большим истощением почвы и количеством барщинных хозяйств. Черноземные помещики не занимались и селекционной работой. На Курской выставке сельских произведений в 1852 г. из 533 представленных экспонатов местным помещикам принадлежало 24, купцам и мещанам — 11, государственным крестьянам — 478¹⁸.

Р. Л. Рянский, исследуя курские помещичьи хозяйства до-реформенного периода, утверждает: «В середине XIX века на территории Курской губернии явного кризиса помещичьего хозяйства не наблюдалось»¹⁹. Это утверждение базируется на анализе урожайности в выборке по годам — 1848—1857 гг. в

8—13 имениях различных категорий хозяйства. Урожайность в них значительно выше, чем в отчетах губернаторов в целом по губернии в помещичьих хозяйствах. Само незначительное количество исследуемых имений вряд ли может служить основанием для столь серьезных выводов. Ведь урожайность, если не брать в расчет погодные условия равные для всех, зависела от многих факторов: качества земли, степени унавоженности пашни, количества рабочего скота на 1 десятину пашни, характера эксплуатации крестьян, хозяйственной инициативы помещика. Вариаций условий рентабельности в каждом отдельном имении было множество. Нельзя здесь сбрасывать со счетов в качестве критерия степень и скорость разорения поместных хозяйств. С 8-й по 10-ю ревизию число курских мелких помещиков, как уже было показано выше, сократилось на 1381 владельца. Поэтому более корректным было бы утверждение, что хозяйственный кризис менее затронул имения крупных и средних дворян, а мелкопоместные владельцы быстро разорались.

Важнейшим показателем состояния дворянских хозяйств накануне отмены крепостного права являлся рост задолженности помещичьих имений. Вся первая половина XIX в. характеризовалась непрерывным увеличением числа заложенных в кредитных учреждениях крепостных крестьян, ростом задолженности дворянских хозяйств. Количество заложенных помещичьих крестьян и его рост в целом отражали состояние и тенденции развития дворянского хозяйства в дореформенный период. Но прямой зависимости здесь не было, так как залог имений был для ряда помещиков одним из источников получения денежных ссуд для перевода своих поместий на рельсы капиталистического развития. Государственные кредитные учреждения: Московская и Санкт-Петербургская сохранные казны, Государственный заемный банк, приказы общественного призрения были единственными официальными источниками, из которых помещики могли получить кредит.

Кредитная система дореформенной России отличалась значительным своеобразием. Государство превратило банковское дело в свою монополию, и деятельность частных банков не допускалась законом. Задача, которая была поставлена перед кредитной системой, сводилась к выдаче дешевых и долгосрочных ссуд под залог поместий. Был разработан способ определения кредитоспособности заемщика, где размер ссуды определялся в первую очередь количеством записанных за ним при последней ревизии крепостных душ²⁰.

В Воронежской и Курской губерниях кредитными учреждениями выдавалось в ссуду на каждую ревизскую душу, при наличии удобной земли в закладываемом имении на крестьянина не менее 4 десятин, — 70 руб. серебром, при меньшем количестве — 60 руб. серебром. Кроме того, сохранным казнам и приказам общественного призрения предоставлялось право выдавать добавочную ссуду по 10 руб. серебром на ревизскую душу, если удобной земли приходилось в отдельно взятом имении не менее 5 десятин на каждого крестьянина²¹. В Воронежской губернии в 1855 г. долги на имениях по банкам распределялись: Московской и Санкт-Петербургской сохранным казнам 621 имение с 144 454 ревизскими душами были должны 9 611 837 руб., Государственному заемному банку 23 имения с 9464 ревизскими душами — 653 356 руб., приказам общественного презрения 261 имение с 10 111 крепостными крестьянами задолжало 546 456 руб. В Курской губернии помещичий долг составлял: сохранным казнам 1038 имений с 190 718 ревизскими душами должны были 11 423 399 руб., Государственному заемному банку 23 имения с 14 339 ревизскими душами — 919 028 руб., приказам общественного презрения 468 поместий с 17 008 ревизскими душами — 832 241 руб.²² Распределение дворянской задолженности по кредитным учреждениям позволяет установить в них распределение долга в зависимости от категории дворян-помещиков, так как в самих источниках категории зажиточных поместий не отражены. В Воронежской

Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья...

губернии из общего числа заложенных поместий 68,6% дворянских хозяйств с 88,9% общей суммы долга приходилось на сохранные казны. По Московской сохранной казне 573 имения заложили 59% ревизских душ губернии с 62,4% общего долга, в то время как в Санкт-Петербургской сохранной казне 48 имений заложили 28,9% ревизских душ, и на них приходилось 26,4% суммы долга. Крупные поместья были в основном заложены в С.-Петербургской сохранной казне. Аналогичные подсчеты по Курской губернии показали, что крупные хозяйства были заложены в Государственном заемном банке. Предпочтение этих кредитных учреждений местными крупными помещиками предопределялось тем, что именно эти банки выдавали предельные суммы кредита на ревизскую душу — 70 руб., а приказам общественного презрения это право ограничивалось рядом оговорок. Мелкопоместное дворянство и часть среднего закладывали свои имения в приказах общественного презрения²³.

Рассмотрим рост задолженности накануне реформы отмены крепостного права.

Задолженность дворянских поместий в конце 50-х гг. XIX в.²⁴

№ №п/п	Губерния	Год	Число зало- женных имений	Количество заложенных крестьян (ревизских душ)	Долг на дворянских имениях (в руб.)
1.	Воронежская	1855	905	164 029	10 811 651
	Курская		1529	222 065	13 174 669
2.	Воронежская	1859	681	179 166	11 355 690
	Курская		1433	250 539	13 987 214

К 1856 г. было заложено 24,7% курских поместий с 61,3% крепостных крестьян и 31,3% воронежских имений с 67,6% помещичьих крестьян. Продворянская финансово-кредитная политика правительства, с одной стороны, и нерациональное расходование ссуд, с другой стороны, при общем хозяйствен-

ном застое в дворянских поместьях привели к тому, что в 1859 г. число заложенных ревизских душ в Курской губернии достигло 69,2%, в Воронежской губернии — 73,4%. Это в среднем по двум указанным губерниям выше на 5,3% общероссийского показателя, при общем увеличении долга в них на 1 356 584 руб. Такая огромная сумма долга могла накопиться только в результате снисходительности банков при взыскании ссуд. Да и само законодательство, регулирующее кредитные операции, практически поощряло перезалоги из года в год. В этом смысле можно говорить о задолженности как признаке стагнации дворянского хозяйства, когда за год до реформы в Курской губернии было заложено 1 165 444 десятины дворянской земли (67,1%), в Воронежской губернии — 1 378 937 десятины (72,7%)²⁵. С этой точки зрения задолженность также можно рассматривать как доказательство того, что барщинное хозяйство изжило себя и было способно к простому воспроизводству только при условии государственного кредитования. Вышеприведенные данные характеризуют в целом задолженность всех дворянских хозяйств, без структурного анализа поместий. В то же время есть возможность показать структурную направленность заложенных дворянских хозяйств. Накануне отмены крепостного права количество всех имений по числу владельцев в Курской губернии составляло 4793, из них крупнопоместных — 102, среднепоместных — 1392, мелкопоместных — 3299, число заложенных имений — 1433. Сопоставляя эти данные, можно утверждать, что основное количество заложенных имений принадлежало среднепоместным и мелкопоместным дворянам. Но, учитывая, что число среднепоместных дворян к 1861 г. увеличилось, вероятно, значительная часть владельцев заложенных имений была мелкопоместными дворянами.

Реформа 19 февраля 1861 г. главным показателем благополучия поместного дворянства определяла землю. Первые царские рескрипты произвели на черноземных дворян-помещиков весьма тревожное впечатление. Изложенные в этих рескриптах

Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья...

главные принципы реформы, в первую очередь касавшиеся землевладения, они считали для себя неприемлемыми. Вопрос о судьбе помещичьего земельного фонда стал основным предметом обсуждений в губернских дворянских комитетах. Главную роль в них играли крупные помещики.

Проблема размера крестьянского надела, которая непосредственно влияла на будущее возможное сокращение дворянских земель, больше всего вызывала споров среди помещиков. Вопрос мог идти о сокращении земельного фонда воронежских дворян на 699 377 десятин и на 868 993 десятин (49,9%) курских помещиков, если принять в 2,2 десятины предлагаемый редакционными комиссиями средний надел крестьян в исследуемых губерниях²⁶.

После объявления в марте 1861 г. в черноземных губерниях Манифеста и Положения 19 февраля 1861 г. судьбу дворянского земельного фонда на местах должны были решать вновь созданные учреждения: институт мировых посредников и высшая местная инстанция — губернское по крестьянским делам присутствие. Мировым посредником мог быть потомственный дворянин, имевший не менее 500 десятин земли или 150 десятин при наличии аттестата учебного заведения. Из-за недостатка потомственных дворян посредниками могли быть и личные дворяне, но располагавшие двойным земельным цензом.

До выхода крестьян на выкуп сокращение помещичьего землевладения носило предположительный характер, потому что до этого момента земля являлась для крестьян объектом пользования, а не объектом собственности. Но обусловленное всем ходом реформы отмены крепостного права размежевание поместных земель в своей основе имело размер крестьянского надела в качестве главного критерия реального уменьшения доли дворянских земель в общем земельном фонде. В текущем распределении земель дворяне-помещики, окончательно принявшие реформу как свершившийся факт и видя в перспективе

своих крестьян не как пользователей определенной части помещичьей земли, а как собственников, сосредоточили внимание на качестве земли.

Перенос усадеб, выделение в надел выгонов и покосов за счет сокращения пахотной земли нашли широкое распространение в помещичьей среде. Например, помещик Курского уезда Е. Десанглен перенес усадьбы крестьян на неудобные земли без их согласия и в размере меньше прежнего. Крестьяне села Староживотинного Воронежского уезда в жалобе наследнику престола великому князю Николаю Александровичу писали о переселении их с чернозема на песок²⁷.

В ходе подготовки реформы отмены крепостного права и ее проведения правительство учитывало последствия реформы для разных категорий дворянского землевладения. При усредненном подходе мелкопоместные дворяне лишились бы практически всех своих земель, если бы размеры крестьянских наделов и условия их получения не были специально оговорены для этой категории помещиков. Была разработана специальная программа помощи мелкопоместному дворянству:

— за освобождаемых без земли крестьян выдавалось денежное пособие от 50 до 100 руб. серебром за каждую ревизскую душу, с вычетом всех лежащих на их имениях долгов;

— владельцам, которые наделяли своих крестьян землей на общем основании за установленные повинности, выдавалось пособие до 50 руб. серебром на каждую ревизскую душу, с вычетом долгов или в зачет ссуд отводились казенные земли;

— мелким помещикам, у которых в ходе реформы практически вовсе не оказалось земли, предоставлялось по их желанию право переселения в многоземельные губернии с безвозмездным выделением земли²⁸.

Таким образом, правительство, чтобы поддержать основную массу поместного дворянства, готово было идти на значительные финансовые издержки и передать часть казенных земель в частновладельческий фонд.

Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья...

Для получения помощи имения мелких дворян-помещиков обследовались местными учреждениями, отвечавшими за проведение реформы. Главные критерии для получения помощи — владение менее 21 ревизской душой, отсутствие средств к существованию кроме собственного хозяйства. В Курской губернии в начале пореформенного периода было 3134 мелкопоместного дворянина с 22 711 ревизскими душами. Из них было признано имеющими право на помощь 2844 (90,7%) владельца с 18 873 ревизскими душами, которые получили от государства 415 206 руб. серебром, а это 146 руб. на 1 помещика. Сумма выдавалась из расчета 22 руб. серебром на ревизскую душу. Размер помощи, по стоимости равный цене 5 десятин, был явно незначительным и вряд ли мог предотвратить дальнейшее сокращение землевладения мелких помещиков. В ходе реформы, кроме предоставления финансовой помощи, применялись особые правила наделения крестьян землей в имениях дворян данной категории. Они заключались в следующем:

- мелкопоместные дворяне не обязаны были отводить наделы для крестьян, не наделенных землей до реформы;

- прирезка к существующему наделу до установленного низшего размера была не обязательна²⁹.

В предреформенные годы мелкопоместное дворянство в отличие от среднепоместного и крупнопоместного быстро утрачивало свои земли, что хорошо видно в ходе сокращения числа мелкопоместных владельцев. Эти земли перераспределялись на внутрисословном дворянском губернском земельном рынке. Хозяйственный регресс также наиболее был характерен для мелкопоместного дворянства, в общей структуре поместных хозяйств. В ходе реализации проекта отмены крепостного права мелкопоместное дворянство в силу особых правил наделения крестьян землей в имениях этой категории помещиков получило государственную субсидию и смогло сохранить фактически весь свой земельный фонд.

Примечания

- ¹ Васильчиков Борис, князь. Воспоминания. Псков, 2003. С. 85.
- ² Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Воронежская губерния. СПб., 1860. Т. 1.
- ³ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 47. Л. 2; Шепунова Н. М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVII — первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 409.
- ⁴ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Курская губерния. СПб., 1860. Т. 1.
- ⁵ Там же.
- ⁶ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 6. Л. 7; Шепунова Н. М. Указ. соч. С. 409, 418.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Военно-статистический сборник. Россия. СПб., 1871. Вып. V. С. 189.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1281. Оп. 6. Д. 64. Л. 56.
- ¹¹ Объяснение статистических сведений о количестве крестьян и земель в 25 великорусских губерниях // Сельское хозяйство. 1861. Т. 2. Ч. 1. С. 190.
- ¹² Литвак Б. Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр. 1861—1895 гг. М., 1972. С. 77.
- ¹³ Извлечение из описаний помещичьих имений в 100 душ и свыше. Т. 1.
- ¹⁴ О поземельном богатстве Воронежской губернии. Б. м., б.г. С. 11.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 55. Л. 44.
- ¹⁶ Ковальченко И. Д. К вопросу о состоянии помещичьего хозяйства перед отменой крепостного права в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. М., 1961. С. 194.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Описание Курской Коренной очередной выставки сельских производителей. Курск, 1852. С. 5.
- ¹⁹ Рянский Р. Л. Помещичье хозяйство Курской губернии перед отменой крепостного права (к проблеме кризиса крепостничества в России). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Курск, 2006. С. 21.
- ²⁰ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 200.
- ²¹ Боровой С. Я. К вопросу о задолженности помещичьего землевладения в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1968. Л., 1972. С. 197.

Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья...

²² *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Бон-на-Рейне. 1866. Т. 3. С. 1241.

²³ Там же. С. 1242—1245.

²⁴ Банковские долги губерний в 1856 г. // Журнал МВД. 1860. Февраль. Б. м. С. 207.

²⁵ *Боровой С. Я.* Кредит и банки России. М., 1958. С. 199.

²⁶ Военно-статистический сборник. Россия. Вып. V. С. 189; *Скребицкий А.* Указ. соч. Т. 4. С. 1234.

²⁷ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 26. Оп. 2. Д. 90; Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 68. Оп. 3. Д. 560. Л. 5—6.

²⁸ *Скребицкий А.* Указ. соч. Т. 4. С. 584—585.

²⁹ Там же. С. 601.

Е. Г. Чунина*

СПЕЦИФИКА ПОЛОЖЕНИЯ ОФИЦЕРСТВА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (последняя четверть XIX — начало XX вв.)

Сегодня все глубже осознается значение офицерского корпуса как надежной опоры государства, основы вооруженных сил, хранителя воинских традиций и духовных ценностей. Офицерский корпус являлся важной составляющей социальной структуры Российской империи, вследствие чего изучение его представляется необходимым как в рамках исследования комплекса проблем функционирования государственного аппарата, так и эволюции российского общества в целом. Актуальность темы подчеркивается необходимостью пересмотреть сложившиеся стереотипы, утвердившиеся в литературе упрощенные представления об офицерстве и его роли в жизни страны, а также в некотором роде изменить массовое сознание, в котором укоренено зачастую негативное отношение к офицерам и их жизни в период правления последних Романовых.

Данная статья охватывает период с 70–80-х гг. XIX в. и до начала Первой мировой войны. Нижняя граница исследования определяется периодом после проведения военной реформы, который характеризуется совершенно новой системой организации армии. Верхняя граница — 1914 г. — знаменует качественно иной этап развития страны, когда Первая мировая

* Сотрудник Научно-производственного центра по охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Курганской области.

Специфика положения офицерства в российском обществе...

война поставила армию и общество в целом в специфические условия, характеризующиеся изменениями в социальной, экономической, культурной жизни.

На всем протяжении своего существования офицерский корпус императорской России призван был быть наиболее престижной профессиональной группой. С самого начала он был поставлен в привилегированное положение, и статус офицера всегда был статусом дворянина. Служилое сословие было в целом наиболее образованной частью общества. До 90% деятелей российской науки и культуры происходило из этой среды, и подавляющее большинство их сами были офицерами и чиновниками¹.

Как наиболее качественная в нравственном отношении часть общества офицерство чрезвычайно широко использовалось и на гражданской службе, на нем в значительной степени держалось и общегосударственное управление.

Хотя в конце XIX в. под влиянием ряда факторов — основными из которых явились: ухудшение материального положения, появление ряда профессий, суливших в то время быстрое преуспевание, зачастую негативное отношение прессы определенного толка, — престиж военной службы несколько ослабел. Тем не менее за установленным для офицеров официальным титулованием во многом стояло действительное признание обществом их сущности как носителей определенных моральных устоев и принципов. Например, формой обращения к обер-офицерам было «Ваше благородие», к штаб-офицерам — «Ваше высокоблагородие», к генерал-майорам и генерал-лейтенантам — «Ваше превосходительство», к полным генералам — «Ваше высокопревосходительство».

Пожалуй, наиболее важной чертой российского офицерского корпуса был его преимущественно наследственный характер. Дети лиц, первыми в своем роду ставших офицерами, практически всегда наследовали статус своих родителей, оставаясь в числе этого слоя. Среди офицеров — потомственных дворян

преобладали представители чисто офицерских служилых родов. Однако в рассматриваемый период наблюдается тенденция утраты интереса к военной службе у значительной части потомков знатных фамилий. К началу XX в. большинство служилого сословия составляли представители родов, начавших служить не ранее середины XIX в., то есть принадлежащих к нему в первом-втором поколении, при том что многие старые дворянские роды дали за двести лет по несколько сотен офицеров и чиновников. Роль офицерства в то же время не была уже столь значительна, как прежде, хотя бы потому, что резко сократилась его доля в образованном слое страны. В то время как численность офицерского корпуса выросла крайне незначительно, численность других социально-профессиональных групп аналогичного культурного уровня увеличилась в несколько раз. Если раньше почти в каждой культурной семье были военные, то теперь, с одной стороны, более типичными стали чисто военные семьи, где все или почти все дети мужского пола наследовали профессию родителей, а с другой стороны, во множестве семей образованного круга на протяжении двух-трех поколений никто не избирал офицерскую карьеру.

Миф о «кастовости» офицерского корпуса

Длительное время в российской историографии и общественных кругах существовало мнение, что офицерский корпус есть некая сословно-замкнутая группа, комплектовавшаяся исключительно лишь выходцами из дворян. И это в общем-то справедливо, но применительно только к XVIII — началу XIX вв. Современные исследователи С. В. Волков, В. М. Корвин, В. А. Свиридов подчеркивают, что российское кадровое офицерство, особенно со второй половины XIX в., напротив, было всесословным. Касты в полном смысле никогда не было, но существовала определенная обособленность корпуса офицеров, что вполне могло восприниматься общественностью

Специфика положения офицерства в российском обществе...

как закрытость этой прослойки от внешнего мира. Каста — это замкнутая общественная группа, которая отстаивает привилегии и интересы и доступ в которую для посторонних затруднен или невозможен². Рождение в касте предопределяет на всю жизнь права и обязанности рожденного. Офицерские права и обязанности проистекали не от рождения, а от вступления по собственной воле в офицерский корпус. И корпус этот был незамкнутым, в него ежегодно вливались сотни молодых людей всех сословий, всех групп общества, имущественных положений, а также множество отпрысков семей, никакого отношения к военному миру не имевших.

Этот приток начинался уже в кадетских корпусах, которые имели своим назначением предоставлять офицерам возможность бесплатно давать образование своим сыновьям. Для офицеров, живших в большинстве своем в весьма стесненных финансовых обстоятельствах, было облегчением, что в корпусе не только не надо платить за обучение и учебники, но и питание, и обмундирование были бесплатными. Это побуждало большинство офицеров определять своих сыновей в кадетские корпуса. Побуждал к этому и военный дух в офицерских семьях. Но дух этот не был кастовым, и офицерские сыновья по своей воле или по воле родителей свободно могли поступить не в корпус, а в какое-либо среднее учебное заведение. И нередко поступали.

Но бывало и обратное, родители, не принадлежащие к военной среде, отдавали своих сыновей в кадетские корпуса, чему закон не препятствовал. Эти кадеты назывались «своекоштными», то есть родители оплачивали их содержание и обучение. Наличие этих кадет «со стороны» опровергает мысль о кастовой замкнутости офицерства. Процент этих неофицерских детей был различен, но, по приблизительной оценке, составлял около половины всех кадет. Такой мощный «прорыв» опровергает миф о существовании офицерской касты, якобы существовавшей в России. И, конечно, едва ли возможен совершенно замкнутый

сословно корпус офицеров даже в мирное время, а в военное и подавно. Однако впитывая в себя посторонние элементы, он должен был растворять их в себе, а не растворяться в них сам.

Браки

Был и другой приток неофицерской крови в офицерскую среду — через женитьбу. Офицеры могли жениться на представительницах «штатской» среды — это не возбранялось ни законом, ни традицией, и не было к тому ни «сословных», ни «кастовых» препон. Женясь на девушках разного достатка, разных сословий и разных национальностей, офицеры устраняли возможность создания офицерской касты. Однако и здесь, казалось бы, в сугубо личном для каждого человека вопросе, как выбор спутника жизни, специфическое положение офицерства вносило свои коррективы. С 1866 г. действовал закон об офицерских браках³. Согласно ему запрещалось вступать в брак до 23 лет. До 28 лет офицеры могли жениться с разрешения своего начальника и только в случае предоставления ими имущественного обеспечения — реверса, принадлежащего офицеру, невесте офицера или обоим. Представленное обеспечение должно было приносить в год не менее 250 руб. чистого дохода⁴. Позднее эти правила были подтверждены и развиты законом от 7 февраля 1881 г. и другими актами, принимавшимися в 1887, 1901—1906 гг. По-прежнему сохранялись названные возрастные ограничения и внесение реверса офицерами, получающими до 100 руб. в месяц, а с 1901 г. и вообще всеми офицерами, получающими менее 1200 руб. в год независимо от возраста. Сумма реверса была к тому же повышена⁵. Эти и многие другие законодательные меры, направленные к ограждению браков, во многом объяснялись тяжелым материальным положением офицеров.

Еще одним немаловажным, а часто определяющим, являлся пункт о пристойности брака. Под пристойностью подразумевались добрая нравственность и благовоспитанность невесты,

Специфика положения офицерства в российском обществе...

соответствующее офицерскому званию ее общественное положение. Не разрешался брак на особе предосудительного поведения, на дочери человека с неблаговидной профессией, например ростовщика. Юнкерам и подпрапорщикам женитьба была запрещена.

Разрешение о вступлении в брак испрашивалось рапортом на имя командира полка с согласия общества офицеров.

Замечу, что брачный вопрос в офицерской среде на рубеже веков стоял очень остро и был трудноразрешимым не только для политиков и юристов, но и общества в целом. Законодательство достаточно жестко ограничивало число офицерских браков, на что очень живо реагировала периодическая военная печать того времени. Хотя, хотелось бы оговориться, некоторые авторы, допуская беспрепятственное разрешение офицерских браков, считали, что это явление приведет в дальнейшем к созданию офицерской касты, «которая таким образом явится на смену дворянскому сословию... Трудность воспитания и обучения детей в других заведениях кроме военно-учебных, в то же время легкий доступ для детей военнослужащего в эти заведения, — все это направляет детей военнослужащих по одному и тому же руслу»⁶. Однако в реальной российской действительности такое явление, как офицерская каста, не могло иметь место, и этот вывод подтвердила хотя бы ситуация, возникшая после начала Первой мировой войны, когда большая часть потомственного офицерства была убита, а их место заняли унтер-офицеры — разночинцы, прошедшие ускоренных курсы офицеров.

Положение в обществе

Говоря об общественном положении высшего командного состава армии, хотелось бы подчеркнуть еще один момент. Следует категорически отрицать наличие обособленности духовной: ни одна профессиональная группа людей в России не соприкасалась так тесно и так дружески с народом, как корпус

офицеров, ежегодно получавший из народа тысячи новобранцев и сживавшийся с ними на протяжении нескольких лет их солдатской службы. Однако внешняя обособленность от общества существовала, и на то были свои причины. Офицеру предписывалось жить по преимуществу в офицерском обществе, чтобы не терять свойств, привитых в кадетском корпусе, в военном училище, в полку. Правда, гвардейские офицеры несли много светских обязанностей, но они вращались в «высшем свете», где «светскость» и офицерское поведение отлично уживались. Но разношерстность российского общества, состоявшего из людей самого различного воспитания, образования, из людей весьма пестрых этических понятий и политических воззрений, зачастую стояла в резком противоречии с душевным, духовным, умственным единообразием и своеобразием офицерства. Поэтому оно и обособлялось от общества. Своеобразие корпуса было другой причиной его обособленности, и оно обуславливалось самим назначением офицерства. Чрезвычайно разнообразный по происхождению и воспитанию русский офицерский корпус объединялся во многом лишь чувством преданности царю и любовью к Родине. Офицер был привязан к своему полку. Чем глуше была стоянка, тем сплоченнее была там полковая семья, тем выше был там дух полка. Связи заметно ослабевали в так называемых хороших стоянках, больших гарнизонах, где появлялись посторонние, внеполковые интересы. Если можно было считать обычным бытовым явлением наличие более или менее сплоченной «полковой семьи», то единой «общеофицерской семьи» не было. Между родами оружия, да и между отдельными подразделениями одного и того же рода оружия наблюдалась рознь и отчужденность — явление старое и свойственное всем армиям. «Общими чертами ее были: гвардия глядела свысока на армию; кавалерия — на другие роды оружия; полевая артиллерия косилась на кавалерию и конную артиллерию и снисходила к пехоте; конная артиллерия сторонилась полевой и жалась к кавалерии; наконец, пехота глядела исподлобья на всех прочих и

Специфика положения офицерства в российском обществе...

считала себя обойденной вниманием и власти и общества. Надо сказать, однако, что рознь эта была неглубока и существовала лишь в мирное время. С началом войны — так было и в Японскую и в Первую мировую — она исчезала совершенно»⁷.

Это явление подчеркивается большинством авторов. Преимущества, дававшиеся офицерам гвардии и Генерального штаба, очень болезненно воспринимались армейцами, считавшими, что у них «перебивают дорогу». Справедливость требует отметить, что эти сетования в общем основательны. Гвардейские преимущества, в частности старшинство чинов, были бы поняты, сохрани гвардия ту важную политическую роль, для которой она была создана. Что касается офицеров Генерального штаба, то, получив высшее военное образование, они уже тем самым ставились в исключительно выгодные условия даже без привилегий, делавших службу строевого офицерства до чрезвычайности неблагоприятной. Главной причиной разнородности состава офицерского корпуса была разнородная его подготовка. Кадетские корпуса, а вслед за ними и военные училища делились на привилегированные и непривилегированные, в училища этой последней категории принимались и не окончившие курса в гражданских учебных заведениях. Уклад жизни, учебные программы были различны. При разборке вакансий большинство юнкеров смотрели не на полки, а на стоянки. Заканчивавшие с наивысшими баллами разбирали лучшие стоянки, заканчивавшим последними доставались «медвежьи углы». Таким образом, одни полки комплектовались портупей-юнкерами, другие — последними в списке. Но тут решающие коррективы вносила сама жизнь. Последние в училище зачастую оказывались первыми в строю и в бою, тогда как карьеристы, выбиравшие не полк, а стоянку, обычно мало что давали полку. К началу Первой мировой войны офицерский состав многих пехотных полков приобрел своеобразный мещанский облик, то есть обратился в элемент не обособляющий, а, напротив, отождествляющий себя с остальной массой армии, вместо того

чтобы сознать себя ее мозгом, ее нервной системой, ее аристократией. Единственным результатом этого, конечно в связи и с другими причинами, было непротивление революционным тенденциям массы и позднее разложение армии.

Офицерство и политика

До революции в России утверждали, что армия должна быть аполитичной. Но это неверно, в реальной жизни этого нет, и не может быть! Многие просвещенные и образованные офицеры были убеждены в том, что армия обязана стоять вне политики. Этот постулат на протяжении всей их жизни никогда не подвергался сомнению. И тем не менее нет большего заблуждения, чем это. Никогда ни одна армия не стояла вне политики. А всегда, с тех пор как армии, основанные на всеобщей воинской повинности, существуют, они служат только определенной политике и выполняют определенную политическую роль, быть может, сами того не осознавая. Чрезвычайно важным на рубеже веков стал вопрос о политической грамотности офицерства, сознательном исповедовании им определенной государственной идеологии. В наследии военной эмиграции немало места занимают воспоминания и размышления о том, как в 1917 г. армия стала разменной картой в руках политиков, не сумев противостоять революционному движению масс. Русская армия была совершенно незнакома с политическими вопросами и оказалась абсолютно беззащитной в политической борьбе.

Политическая программа российского офицерства была проста и ясна. Перефразируя известное выражение «человеческая душа — христианка», можно сказать, «офицерская душа — монархистка». Офицер в России был монархистом потому, что понятие Отечества символизировалось в личности царя — Верховного главнокомандующего Вооруженными силами. Монархизм офицерства не проявлялся в каких-либо эффектных словах или экзальтированных актах, он традиционно был составной

Специфика положения офицерства в российском обществе...

частью души офицера и основой всей его деятельности. Когда заболевший офицер подавал установленной формы рапорт: «Заболев сего числа, службу Его Императорского Величества нести не могу», — то он действительно ощущал, что его служба есть служба Его Императорского Величества⁸.

Офицерство воспитывалось и воспитывало армию и флот в сознании, что войско является не только защитником Отечества от врагов внешних, но опорой царского строя от врагов внутренних. Вопреки общеупотребительной, но ошибочной формуле «армия вне политики» армия была инструментом государственной политики, воспитывая солдат, а через них и весь народ, в преданности царю и Отечеству. Но армия была вне партийности — офицер и солдат не смели ни принадлежать к какой-либо политической партии, ни принимать участия в проявлении партийной деятельности. Офицер не должен был склоняться к симпатии каким бы то ни было партийно-политическим идеям. Более того, офицеру предлагали уйти со службы, если оказывалось установленным, что его жена увлекается партийно-политическими идеями. Еще с первой половины XIX в. при производстве в офицеры давалась подписка следующего содержания, текст которой так и оставался неизменен: «18... года... дня. Я, нижеподписавшийся, дал сию подписку в том, что ни к каким масонским ложам и тайным обществам, Думам, Управам и прочим, под какими бы они названиями ни существовали, я не принадлежал и впредь принадлежать не буду, и что не только членам оных обществ по обязательству, чрез клятву или честное слово не был, да и не посещал и даже не знал об них, и чрез подговоры вне лож, Дум, Управ, как об обществах, так и о членах, тоже ничего не знал и обязательств без форм и клятв никаких не давал»⁹. Даже после манифеста 17 октября 1905 г. всем офицерам и военным чиновникам запрещалось быть членами политических партий и организаций, образованных с политической целью, и присутствовать на собраниях, обсуждающих политические вопросы.

Практически все авторы отмечали к началу XX в. утрату либо вообще отсутствие у офицеров «политической настройки».

«Несчастливые аполитичные офицеры — еще вчерашние герои — сегодняшние враги народа убивались десятками тысяч, без всякого с их стороны сопротивления... Они не сумели организовать не только для защиты своего государя и гибнущего Отечества, но даже для защиты их собственных жизней», — писал в начале 30-х гг. полковник А. Шавров¹⁰. Между тем роль офицера в стране чрезвычайно возросла с введением всеобщей воинской повинности, и чем дальше, тем росла все больше. Офицер был главной опорой русской государственности. Сплочение воедино и политическая ориентировка офицерского корпуса стали насущнейшей из всех задач. Однако царское правительство не обратило на это внимания.

Недостаточная осведомленность русского офицерства в области политических течений и особенно социальных вопросов сказала уже в дни первой революции и перехода страны к представительному строю. А в годы второй революции большинство офицерства оказалось безоружным и беспомощным перед безудержной революционной пропагандой.

Институты офицерского корпуса

Освещение специфического положения офицерства в обществе было бы неполным, если не упомянуть о двух важнейших институтах, регулировавших во многом жизнь офицерского корпуса.

Основным атрибутом повседневной жизни российского офицерства с 70-х гг. XIX в. являются офицерские собрания. Они не только содействовали разумному проведению свободного времени, но и формировали корпоративный дух, который считался одной из основ нравственного здоровья офицерского корпуса.

Специфика положения офицерства в российском обществе...

Офицерское собрание составляло неразрывное целое с частью и находилось в прямом ведении командира, который являлся его председателем и имел значительные полномочия. Членами офицерского собрания обязательно являлись штаб-офицеры и обер-офицеры. Существовала такая категория, как необязательные члены собраний — военнослужащие, вышедшие в отставку. Почетными членами в собрание входили бывшие командиры части, которым был пожалован мундир части. Эти категории пользовались всеми правами обязательных членов. Таким образом, после окончания службы они как бы оставались в строю, сохраняли связь с воинскими коллективами, меньше тяготились одиночеством. Участие в собрании офицеров-ветеранов способствовало преемственности лучших традиций армии и флота, облагораживало молодых офицеров, воспитывало в них честь, достоинство, мужество. Тем самым оказывалось уважение отставным офицерам, которые в течение 25 лет оставались обязательными членами офицерского собрания. Врачи и чиновники военного ведомства, находившиеся в части, не могли состоять членами собрания, но могли его посещать. Участие в офицерском собрании предоставляло его членам определенные права и налагало известные обязанности. Так, по «Положению об офицерских собраниях в отдельных частях войск», принятому в 1884 г., членам собрания давалось право: участвовать в голосовании; быть избранным в распорядительный комитет и для заведования одним из отделов хозяйства, посещать собрания, а также пользоваться столовой, библиотекой, играми и всем, что будет установлено в собрании для занятий и развлечений; заносить в книгу свои заявления относительно хозяйственных распоряжений и «излагать мнения, клонящиеся к благоустройству собрания»; вводить в собрание свое семейство и знакомых¹¹.

В собрании создавался распорядительный комитет из числа офицеров, прослуживших в полку не менее трех лет. Из числа старших офицеров командир части назначал председа-

тельствующего на собрании. На распорядительный комитет своим приказом он возлагал обязанности по приему средств, имущества всего собрания. Комитет разрабатывал указания по заведованию столовой, другими учреждениями, устанавливал правила игр. Правила вступали в силу после утверждения командиром. Ему же принадлежало исключительное право давать разрешения на посещения собрания посторонними лицами. На три года избирался хозяин собрания. В его задачу входило заботиться о состоянии имущества, руководить буфетом, столовой, кухней.

В офицерских собраниях должны были соблюдаться все обычные правила и нормы приличия, а также все требования дисциплины. Очень строгими были правила допуска в офицерское собрание лиц, не являющихся его членами. Офицер нес моральную ответственность за тех, кого вводил в собрание, и не имел права покинуть его, пока там находились приглашенные им лица. Все правила офицерского собрания распространялись и на приглашенных.

Офицерские собрания функционировали на средства, поступающие из разных источников: сумм, привлекаемых из государственной казны на улучшение общественного быта офицеров; взносов членов собрания; денег, поступающих за игры, и др. Размеры членских взносов определялись общим собранием офицеров и утверждались командиром части. Денежные штрафы в офицерских собраниях не допускались, за исключением штрафов по библиотеке, а также за порчу вещей, мебели, битье посуды и пр. Также устанавливалась плата за вход в собрание. Несмотря на то что собрание служило местом культурного отдыха и каждый чувствовал себя в нем совершенно непринужденно, это не означало, что он мог забыть дисциплину, принципы поведения офицера. Офицерское собрание много делало для пропаганды истории полка, его воинских традиций, уклада службы. Особое внимание уделялось ритуалу приема офицера в члены собрания, разъяснению его частных правил.

Специфика положения офицерства в российском обществе...

Уставы офицерских собраний определяли нормы поведения и взаимоотношения между членами собрания. Даже в свободное время офицер не был вполне свободен в выборе способа своего отдыха и развлечения: у него была не только своя семья, но и полковая семья, и он обязан был проводить часть своего свободного времени в офицерском собрании, являвшемся центром жизни полковой семьи. Там бывали обеды и ужины с обязательным присутствием всех офицеров полка; танцевальные вечера с присутствием офицерских жен. Холостые же офицеры большую часть свободного времени проводили в полковой семье: в офицерском собрании были читальня, шахматы, бильярд, карточная комната.

За недостойное поведение на офицера налагался штраф, он мог получить замечание, быть исключенным из членов собрания на срок до одного года. В качестве наказания применялось и объявление о совершенном поступке офицерскому обществу — суду чести. Эта мера считалась одной из наиболее суровых, ибо напрямую затрагивала достоинство офицера. Собрание могло ходатайствовать о переводе из полка тех, кто чем-то запятнал свою честь. При этом проштрафившемуся офицеру предоставлялось самому подать рапорт об отставке.

Столовая в собрании находилась в непосредственном заведении избранного «хозяина» или сдавалась на определенных условиях в аренду частным лицам. Постоянное участие в общем столе не было обязательным для членов собрания, но в силу необходимости сближения офицеров командир части обязан был, по крайней мере во время сборов, привлечь по возможности всех офицеров к участию в общем столе. Особенно это было удобно холостым офицерам. Также питание предоставлялось в кредит: офицер мог брать продукты на всю семью. Имелась касса взаимопомощи, выдавались пособия к знаменательным датам и событиям. Помещения офицерских собраний, как правило, хорошо оборудовались. Здесь размещались портреты героев, служивших в части, картины, альбомы, наполненные релик-

виями, создавался уют и домашняя обстановка. На офицерских собраниях проводились разборы учений, решались тактические задачи, читались лекции и сообщения, проходили беседы и т. д. Проводились и семейные вечера: танцевальные, музыкальные и домашние спектакли. В ходу были шахматы, бильярд, домино, шашки, кегли и другие игры, дозволенные законом.

Важную роль в функционировании офицерского собрания играло собрание офицеров части. Оно проводилось с разрешения командира части, о чем объявлялось в приказе с указанием дня, времени и вопросов, выносимых на обсуждение. Это были вопросы службы, быта, материальной ситуации, установление денежных взносов на нужды офицерского собрания и, что особо важно в рассматриваемом аспекте, чести и достоинства офицеров. На них проходили также выборы членов суда общества офицеров, в распорядительный комитет, комиссии, заведующего офицерским заемным капиталом и т. д.

Общее собрание назначалось в дни, наиболее свободные от службы, присутствие офицеров на нем было строго обязательным. Никто не имел права оставить собрание до его закрытия, уклониться от участия в общем голосовании или передать свое право голоса другому. Вел собрание председатель, каждый раз назначаемый командиром части из числа штаб-офицеров. Вопросы на собрании решались открытым голосованием, большинством голосов присутствующих. Результаты объявлялись приказом по части, причем ее командир не имел права изменить решение по выборам. Таким образом, офицерское собрание занимало одно из важнейших мест в повседневной жизни офицеров и оказывало значительное влияние на их служебную деятельность.

Повседневная жизнь

Что же касается повседневно-бытовой стороны жизни российского офицерства, то следует сделать еще одно немаловажное замечание. Это правила или даже требования, которые были тем

Специфика положения офицерства в российском обществе...

жестче, чем элитнее был вид войск; влияла и близость к столицам. Приведу несколько наиболее ярких примеров, касающихся жизни гвардейских офицеров. Офицеры были обязаны вести образ жизни, соответствовавший офицерскому достоинству. Тут были требования, так сказать, негативного и позитивного характера: не ходить в рестораны II и III классов, не занимать в театрах, кроме Императорских, места далее 5-го ряда кресел, не носить на улице пакетов с покупками, но оплачивать доставку их на дом; требовалось, чтобы офицер вращался в «обществе», то есть в среде лиц соответствующего общественного уровня, а это было связано с хождением в гости, с приемом гостей, с посещением балов, благотворительных базаров. В обычае было, чтобы офицер не скупился на раздачу «чаевых» при выполнении этих общественных, светских обязанностей.

Людям нынешнего времени могут показаться странными такие условности, но без условностей невозможно. В те времена офицер должен был приехать к знакомым с визитом в наемной пролетке, но не прийти пешком. В провинциальных городах тягота этих светских условностей была ощутима, в больших городах: Москве, Варшаве, Киеве, Одессе она возрастала значительно, а в Петербурге она была непосильной для нормального офицерского бюджета. Поэтому при выходе из военного училища, а потом при переводах из части в часть каждый должен был считаться с наличием «дорогих стоянок». Служба на «дорогой стоянке» обрекала офицера и его семью на урезывание себя во всем ради удовлетворения офицерски-общественных, офицерски-представительных и внешне-общественных обязанностей. В гвардию же юнкер не мог выйти, если его родители не обязывались перед полком финансово поддерживать своего сына-офицера. Владимир Сергеевич Трубецкой в «Записках кирасира», рассказывая о прибытии молодых офицеров, цитирует слова старшего офицера полка, обращенные к ним: «...Теперь — относительно денежных дел... (я говорю об этом с вами в первый и, надеюсь, в последний раз). Я требую от вас

в этом вопросе высшей щепетильности. Полк требует от своих офицеров, чтобы они жили прилично, но... если у вас нет для этого средств — постарайтесь сами скорее покинуть полк. Жизнь выше средств, неоплаченные счета, долги и векселя — все это, в конце концов, приводит офицера к совершению неблагоприятных, даже бесчестных поступков. Запомните это и сделайте отсюда сами надлежащие выводы»¹².

Правовое регулирование жизни. Суды чести

Если же говорить о правовом аспекте жизни дореволюционного офицерского корпуса, то следует непременно отметить суд чести, или суд общества офицеров, — важное средство нравственного воспитания в русской армии начиная с петровских времен и до революции 1917 г. Назначение суда общества офицеров выражено в дисциплинарном уставе от 1888 г. следующим образом: «Для охранения достоинства военной службы, офицеры, замеченные в неодобрительном поведении или поступках, хотя и не подлежащих действию уголовных законов, но не совместимых с понятием о воинской чести и доблести офицерского звания или изобличающих в офицере отсутствие правил нравственности и благородства, подвергаются суду общества офицеров. Суду этому предоставляется также разбор случающихся между офицерами ссор»¹³. При этом поступки офицеров, связанные с нарушением обязанностей службы, воинского чинопочитания или противоречащие долгу службы и присяги, суду общества офицеров не подлежали.

Суды общества офицеров учреждались при полках, отдельных батальонах, артиллерийских бригадах, а также могли быть созданы в других отдельных частях военного ведомства. Их юрисдикции подлежали лишь обер-офицеры. В случаях, когда штаб-офицеры оказались виновными в поступках, несовместимых «с доблестью офицерского звания», они увольнялись со службы «с особого высочайшего на то разрешения». Суд

Специфика положения офицерства в российском обществе...

общества офицеров в полках состоял из семи человек, избираемых из числа штабных офицеров, ротных командиров и прочих офицеров не ниже штабс-капитанского чина, прослуживших в части не менее 10—15 лет в офицерском чине.

В компетенцию суда чести входило: рассмотрение дел о драках между офицерами, заем денег в долг у нижних чинов, игра с нижними чинами в карты, на бильярде, привод в офицерское собрание лиц сомнительного поведения, писание анонимных писем, нечестная игра в карты, отказ от уплаты карточного долга, двусмысленное ухаживание за женой товарища по полку, появление в общественном месте в нетрезвом или неприличном виде, отказ присоединиться к разделяемым всем обществом офицеров данной части вполне правильным взглядам на задачи армии, вызвавший единодушный протест и порицание всех товарищей.

Функционировал суд общества офицеров следующим образом: прежде всего следовало удостовериться в справедливости предъявляемых обвинений, для чего существовал специальный совет посредников, на который возлагались: 1) производство дознания о справедливости или несправедливости обвинения; 2) первоначальный разбор ссор, случающихся между офицерами; 3) изыскание средств к их примирению.

Если по окончании дознания посредники признавали обвинение недоказанным, старший из них докладывал об этом командиру полка, и совет прекращал свою работу. Если же обвинение подтверждалось, совет был вправе, опять-таки с разрешения полкового командира, предложить обвиняемому покинуть полк и подать просьбу об отставке, назначая ему для размышления трехдневный срок. В случае отказа офицера подать такое прошение совет предоставлял подробный доклад о результатах дознания командиру полка. Командир полка, получив донесение, принимал решение: следует или нет приступить к обсуждению проступка офицера с целью выявления степени его вины, при этом предметом рассмотрения являлось лишь то, о чем было доложено посредниками.

Председательствующим на суде общества офицеров назначался один из штаб-офицеров. Председатель не принимал участия ни в обсуждении, ни в вынесении приговора: он лишь наблюдал за поддержанием порядка и соблюдением правил, установленных для ведения суда и составления приговора.

Надо отметить, что ответчик имел право потребовать отвода какого-либо из членов суда, равным образом и последние могли просить суд освободить их от участия в заседании. Окончательное решение по этому вопросу оставалось за судом при решающем мнении председателя.

Решение суда принималось большинством голосов в отсутствие обвиняемого. При равенстве голосов решение признавалось в пользу обвиняемого. Если ответчик не являлся в суд без уважительной причины, решение могло быть вынесено заочно, причем вплоть до удаления его из полка. Решение, подписанное председательствующим и всеми членами суда, объявлялось привлекаемому к ответственности офицеру немедленно и затем представлялось полковому командиру. Если офицер решением суда оправдывался, полковой командир докладывал об этом по команде, офицер же приказом по полку оставался служить и уже не мог за ту же вину быть уволен по распоряжению вышестоящего командования. Если суд выносил обвинительное заключение, признавая необходимость увольнения офицера из полка и со службы, полковой командир представлял донесение об этом корпусному командиру с приложением приговора суда. При этом в высочайшем приказе и в указе об отставке офицера, как правило, не объяснялись причины его увольнения и не упоминалось, что офицер уволен по приговору суда общества офицеров, за исключением тех случаев, когда само общество офицеров по свойству проступка признавало необходимым обозначить в приказе, что офицер уволен по приговору суда с указанием причины увольнения. Офицер, уволенный по приговору суда общества офицеров, мог быть вновь принят на службу не иначе, как с особого высочайшего разрешения. Хотя

Специфика положения офицерства в российском обществе...

протесты на решение суда подавать не допускалось, обвиненный судом офицер имел все же возможность в течение тридцати суток подать командиру полка жалобу на нарушение тех или иных процессуальных правил, что могло послужить поводом к пересмотру дела, а следовательно, и к принятию иного решения. При увольнении со службы по приговору суда чести офицер не имел права для доказательства своей невиновности подавать иски в гражданский суд. Считалось, что «колебать нравственно обязательную силу заключения общества офицеров значило бы ослабить самое значение суда и доверие в нравственной справедливости его приговора. С предоставлением обвиняемому права требовать формального суда не достигалась бы и самая цель офицерского суда»¹⁴.

Дуэли

Однако не всегда и не все спорные ситуации можно было решить мирным путем с помощью суда общества офицеров. В первую очередь это касалось проблемы сохранения офицерской чести и достоинства. Ведь офицерская честь в ее сущностном понимании — это признание общественным мнением социальной значимости личности офицера, а также его чувства собственного достоинства и отношения к выполнению воинского долга. Важнейшим инструментом поддержания чести и достоинства были дуэли. Они существовали и в штатской дворянской среде, но особенно широко были распространены среди офицерского корпуса. Здесь следует особо подчеркнуть, что офицеры рассматривали дуэль отнюдь не как месть или возможность избавиться от соперника. Они рисковали жизнью, прежде всего во имя самоуважения, защиты своей чести. Считалось, что не чужая кровь смывает позор, а своя собственная или по крайней мере готовность ее пролить. Таким образом, восстанавливалась безупречная честь офицера. Отказ вызвать противника на дуэль, так же как отказ принять вызов, расцени-

вались как поступки, несовместимые с офицерским званием, присущие только тем людям, у которых отсутствует должная нравственность и благородство. Характерно, что извинение со стороны оскорбителя не считалось унижительным, а, наоборот, как бы возвышало доброе имя человека в обществе.

Официально дуэли России были узаконены приказом военного ведомства от 20 мая 1894 г. № 118¹⁵.

Дуэли случались и ранее, но жестко преследовались: всех участников отдавали под суд, и речь могла идти о наказаниях вплоть до смертной казни. Тем не менее вопросы чести считались в офицерском кругу настолько весомыми, что запретами пренебрегали. Ко времени появления российского закона только в Германии дуэли были официально разрешены.

В русское законодательство закон о дуэлях вписывался плохо и вызвал много возражений в печати, даже в военной, по причине жестокости и несоответствия нормам цивилизованного общества. И все же он был весьма сочувственно встречен большинством офицеров, так как ставил понятие офицерской чести на совершенно особую высоту, подчеркивая исключительность положения офицера в обществе. Это было особенно важно в конце XIX в., когда жизненный уровень офицеров резко упал, а престиж этой почетной профессии пошатнулся.

В «Дуэльном кодексе» определялись основные поводы для поединков: брань, пощечина, компрометирование офицера или его жены, другие оскорбления, в том числе и отказ во взаимном приветствии. Игнорирование поклона или рукопожатия, неотдание чести согласно кодексу считались грубыми нарушениями правил вежливости и признавались посягательством на честь, поскольку демонстрировали пренебрежение к личности, унижение человеческого достоинства в глазах общества. Решение о проведении дуэли «...предоставляет суду общества офицеров права свободно высказывать свое мнение об уместности или неуместности в каждом отдельном случае и участвовать затем, вместе с секундантами, в установлении условий самой дуэли,

Специфика положения офицерства в российском обществе...

когда последняя оказывается неизбежною; главное же, удалять из своей части таких офицеров, которые отказались в подлежащих случаях потребовать или дать должное удовлетворение за оскорбление»¹⁶.

Официальное разрешение дуэлей, естественно, сразу же увеличило их число. Если с 1876 по 1890 год их было всего 15, то за 10 лет со времени узаконения дуэлей число их составило 186¹⁷.

О поединках в армиях доносилось царю, как о чрезвычайных происшествиях. Важно отметить, что в России дуэльный кодекс, составленный французом Шатовильяру в 1836 г., был значительно изменен в пользу жестокости проведения поединка. За одно и то же оскорбление вопреки кодексу удовлетворение требовалось несколько раз. Российская дуэль была значительно жестче и смертоноснее. Русские офицеры дуэли на жизнь и смерть проводили постоянно. Жестокой особенностью российской офицерской дуэли, требовавшей полного хладнокровия, было правило сохранившего выстрел подозревать противника к барьеру и расстрелять его в упор, как неподвижную мишень. Считалось, что выстрелить в воздух можно только после того, как выстрелят в тебя.

Виновный в поединке нес наказание — от нескольких дней ареста до 4 лет, в зависимости от тяжести причиненного им вреда противнику¹⁸. Определенное зло дуэлей, кроме тяжелых исходов, состояло и в закреплении превосходства офицерства, культивировании презрительного отношения к штатским. В целом же закон 1894 г., как его ни расценивать с юридической точки зрения, лишь узаконил издавна принятые нормы поведения в офицерско-дворянской среде, соответствующие представлениям о благородстве и достоинстве их носителей.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что образ офицера в представлении российской общественности к началу XX в. меняется. На рубеже веков военная служба считалась непрестижной, а профессия офицера получала негативную оценку в

различных слоях русского общества. Во многом этому способствовал замкнутый образ жизни корпуса, воспринимавшийся как привилегированная каста, часто искусственно отдаленный от народа и его проблем. Вторым существенным фактором, повлиявшим на массовое негативное представление российской общественности о командующем составе армии, стали неудача России в войне с Японией и активное участие армии в подавлении революции 1905—1907 гг. Именно на этот период пришлась первая волна массовой, открытой и по-своему аргументированной критики армейских порядков, статуса и свойств офицерского корпуса.

В России офицеру чаще всего катастрофически не хватало политической культуры, идейного кругозора, государственных и военных знаний, чувства сопричастности к отечественной истории. Военный специалист преобладал над гражданином, воин — над государственным человеком, политически ответственной личностью.

Постоянно игнорировался тот факт, что в России офицерство — не только душа армии, но и становой хребет государства, что при постоянных неурядицах требовалась офицерская корпоративность высочайшего уровня, а не только полкового офицерского собрания и, следовательно, единое офицерское мировоззрение, образ жизни и действий, чтобы добиваться военных побед.

Примечания

¹ Традиции русской армии п/под ред. В. А. Золотарева. М., 2002. С. 213.

² Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1981. С. 239.

³ Офицерский быт. (Современные вопросы). СПб., 1902. С. 7.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 152.

⁶ Гее. По вопросу о браках офицеров // Военный сборник. 1898. № 9. С. 194.

Специфика положения офицерства в российском обществе...

⁷ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 61.

⁸ Керсновский А. А. Указ. соч. Т. 3. С. 150.

⁹ Там же. С. 151.

¹⁰ Домнин И. Грехи и достоинства офицерства в самосознании русской военной эмиграции // [http: // militera.lib.ru](http://militera.lib.ru).

¹¹ Традиции офицеров русской армии п/под ред. И. И. Басика. М., 2004. С. 198.

¹² Трубецкой В. С. Записки кирасира // [http: // militera.lib.ru](http://militera.lib.ru).

¹³ Суд общества офицеров и дуэли в войсках российской армии. (Действующее законодательство со всеми комментариями) п/сост. П. А. Швейковский. СПб., 1898. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 14.

¹⁵ Там же. С. 112.

¹⁶ Там же. С. 115.

¹⁷ Традиции русской армии п/под ред. В. А. Золотарева. С. 189.

¹⁸ Суд общества офицеров и дуэли в войсках российской армии. С. 163.

Т. В. РАЕВА*

БЫТ И ДОСУГ ГОРОЖАН ЮЖНОГО УРАЛА В НАЧАЛЕ XX в.

Политико-экономическое развитие южноуральского города в начале XX в. привело к серьезным подвижкам в социальной структуре населения. Увеличился удельный вес групп, наиболее восприимчивых к новым требованиям и веяниям жизни. Они являлись наиболее активной частью населения, их жизненные установки становились определенным эталоном для остальных горожан. Эти процессы отражали переход к современному, динамичному, открытому обществу, сочетающему элементы традиционного и нового.

Изменения в ценностных установках, идеологических и эстетических взглядах отражались в повседневной жизни людей, в сфере быта. Понятие быта связано с удовлетворением материальных и духовных потребностей людей, с теми вещами, которые окружают человека каждый день. Эта материально-пространственная среда города состоит из двух пересекающихся сфер, которые находятся во взаимодействии: личного пространства и общественного. Она формируется под влиянием деятельности горожан и приобретает возможность, в свою очередь, оказывать воздействие на жизнь людей. Сфера личного пространства представлена домохозяйством, включающим в начале XX в. дом, различные службы, земельный участок, внутреннее убранство дома, внешнее оформление человека. Сфера

* Кандидат исторических наук, Южно-Уральский государственный университет.

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

общественного пространства состояла из зданий и сооружений различного назначения, системы технических и транспортных коммуникаций, памятников, садов и бульваров.

Главной особенностью развития южноуральского города в начале XX в. может считаться процесс формирования городского быта как некоего целостного феномена. В этот период происходит наибольшее культурное сближение разных социальных групп городского населения, элиты и средних слоев горожан. Повседневная жизнь беднейших слоев определялась стремлением к удовлетворению основных потребностей, но даже их образ жизни несколько изменяется под общим культурным воздействием условий изучаемого времени.

Формированием, развитием и поддержанием общественного бытового пространства занимались органы городского самоуправления, действия которых регламентировались специальными правительственными уставами. Основными особенностями развития городского пространства продолжали оставаться стандартизация и регулярное типовое строительство. Внешний облик южноуральских городов, прежде всего их центральной части, обнаруживал черты типовой застройки: прямые улицы, широкая площадь, где располагались здания присутственных мест, торговые ряды, церковь, городские вокзалы, которые стали основным местом въезда в город. По типовым проектам возводились тюремные остроги, мосты¹.

В 1900—1914 гг. финансовые возможности крупных городов, распространение конкурсов на проекты, подражание столичным примерам, страсть к украшательству, тщеславие облеченных властью приводят к появлению оригинальных проектов. Среди построек этого времени самыми яркими являются Народный дом в Челябинске, Аксаковский дом в Уфе, гостинный двор в Оренбурге. В них нашли отражение современные архитектурные стили: эклектика, новорусский, модерн, применение новых строительных материалов: стекло, железобетон, кирпич, что внесло индивидуальность и разнообразие в застройку городов

Южного Урала. Тем не менее распространившиеся в столицах в начале XX в., идеи рационального зонирования городского пространства, сочетания значения и внешнего вида зданий, создания уютной среды бытования человека с целью компенсации «отдаленности от природы, бешеного темпа городской жизни»² не получили развития в городах региона.

Развитие городской инфраструктуры и связанное с этим благоустройство, мощение улиц и площадей, водоснабжение и санитарное состояние города, освещение, озеленение, транспорт в изучаемый период становятся предметом пристального внимания городских дум и управ. На эти цели они направляли средства городского бюджета, заключали концессионные договоры с фирмами, издавали обязательные постановления для горожан, регламентирующие вопросы городского благоустройства. Результаты деятельности в этой сфере во многом определялись особенностями социально-экономического облика городов, степенью востребованности новаций в материально-технической сфере, способностью правильно сочетать индивидуальную инициативу и исполнение общественных обязанностей с общегородскими принципами решения проблем.

Мостовые, тротуары, дороги в городах Южного Урала в начале XX в. строились из камня, песка, кирпича, плитняка, дерева, появились первые асфальтированные тротуары. На перекрестках строились переходы из сосновых досок, водосточные каналы. Для того чтобы стекала вода, делалась покатая улица. Мощение улиц вменялось в обязанность городским домовладельцам, которые должны были отправлять особую дорожную повинность. Думы издавали обязательные постановления, в которых оговаривались качество материала, технология и сроки замощения. Однако оказалось, что устройство мостовых не только обременительное дело, которое не каждому домовладельцу по карману — затраты в среднем составляли 350–400 руб., но и сложная техническая задача, которую они как неспециалисты не могут правильно выполнить. В городскую

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

управу направляются многочисленные прошения домовладельцев с просьбами осуществлять наблюдение за работами со стороны техника-специалиста, производить замощение улиц городом за счет домовладельцев, установить срок работ и выплат около 10 лет³.

В крупных городах, где платежеспособность домовладельцев центральных улиц, а именно с них начиналось замощение города в начале XX в., была выше, технические возможности доступнее, дело замощения шло, хотя и медленными темпами. В малых городах оно фактически осталось заботой домовладельцев. Так, в 1909–1910 гг. в Уфе общая протяженность улиц и переулков составляла 114 верст 137 сажений, из них было замощено 14 верст 150 сажений (12,4%). В Белебее — 8965 сажений и 610 сажений (6,8%), в Бирске — 16 430 сажений и 110 сажений (0,7%) соответственно. В отчетах Мензелинска и Стерлитамака указано, что из общего протяжения улиц и переулков мощеных нет⁴.

Содержание в исправности и чистоте улиц, площадей, дворов также составляло обязанность домовладельцев, порядок которой регулировался обязательными постановлениями городских дум. В них говорилось о том, что каждый домохозяин или наниматель дома, учреждения и ведомства, владеющие домами в городе, обязаны не менее одного раза в неделю очищать и выметать прилегающие к их домам тротуары и улицы, выравнивать за свой счет. Воспреещалось выливать на улицы разные нечистоты, выпускать бродить скот. Хотя документы предусматривали наказание за неисполнение правил по статьям 52, 53, 55, 56, 69, 111 Устава о наказаниях, обвиненных по ним в южноуральских городах не было. Такая ситуация объясняется несколькими причинами: отсутствием принудительных административных полномочий у органов городского самоуправления, невниманием управ к данному вопросу, массовостью нарушений со стороны горожан.

Современники, люди, живущие либо на короткое время останавливающиеся на Южном Урале, особенно «красочные»

строки посвящали городским дорогам. Приехавший в Уфу в 1910 г. по делам службы С. Р. Минцлов отмечал отсутствие мостовых, грязь, горы снега, мусора и навоза на улицах и во дворах. Еще сильнее его поразил Стерлитамак: «Видел я всякие дыры и трущобы на Руси, но хуже Стерлитамака еще не встречал! Мостовых нет и в помине, колдобины и грязища страшные, где просохло — там седой тучею висит пыль... Вокруг площади широкая канава, вся заросшая вонючей грязью, ни улицы, ни площади не метутся и чего-чего не валяется на них! О грязных бумагах и говорить нечего — их ветер взметает как листья в осень; дохлые мыши, крысы, словом, всякая мерзость и дрянь — все вываливалось на улицу. Трогуары кое-где деревянные, но с такими дырами, что зевать не следует»⁵.

Непролазная грязь, особенно во время дождя, когда «лошади вязли, колеса экипажей утопали даже в мощеных улицах... а красноречивым украшением городских мостовых становились застрявшие там и здесь калоши», кучи навоза, снега, мусора, дохлые животные были неременной принадлежностью городских улиц Южного Урала начала XX в.⁶ Современники все как один отмечают отсутствие поливки улиц летом, отчего над городами постоянно висели столбы пыли, что делало их похожими на «вулканическую поверхность Везувия»⁷.

«Исключительное неблагоустройство» городских дорог объясняется недостаточностью финансовых средств, низкой культурой населения, неспособностью городского общественного управления в силу узости личных интересов гласных, отсутствия специальной подготовки решить эту проблему, слишком быстрым ростом отдельных городов и не поспевающим за ним благоустройством.

Социально-экономические трансформации начала XX в. породили новые явления, особенно заметные в крупных торгово-промышленных центрах: высокий темп городской жизни, когда «стремление к неустанной работе в погоне за счастьем» закручивало человека как белку в колесе, активную

пространственную мобильность. Эти явления сделали необходимым развитие внутригородского пассажирского транспорта. Наряду с частными экипажами состоятельных лиц распространение получает общественный транспорт, представленный легковыми «карандасами» и «дилижансами». О востребованности их услуг говорят постоянное увеличение количества извозчиков и рост объема перевозок. В 1913 г. в Уфе было зарегистрировано 395 легковых извозчиков, они перевозили около миллиона пассажиров в год. При этом стоимость проезда в зависимости от расстояния в среднем составляла от 15 до 60 копеек, почти столько же, сколько зарабатывала в день прислуга.

Городские думы и управы были призваны регулировать ведение извозного промысла в городе, вместе с полицейским исправником осматривать экипажи и при необходимости настаивать на их исправлении. Однако качество городского транспорта не было на высоте. С. Р. Минцлов, вспоминая поездку в стерлитамакском экипаже, пишет: «Экипажи здешние, самые обыкновенные дроги, на которые поставлена огромная плетеная из толстого лозняка корзина, ни сиденья, ни рессор, на дно стелют солому, татарин садится в нее калачиком и жарит во весь дух. Растрясло меня сильно»⁸. В газетах и обращениях жителей в управу выражались жалобы на негодность пролеток и беспорядочную езду извозчиков по городу. Причины этих недостатков состоят в желании многих владельцев номеров легкой биржи сократить расходы и заработать деньги, в личных связях их с гласными Дум.

В течение изучаемого периода в южноуральских городах появляются новые виды транспорта. Так, в Челябинске по шоссе, соединяющему город со станцией, был пущен общественный омнибус. И хотя он представлял собой «деревянный ящик без окон, с двумя дырками вместо дверей»⁹, его существование говорит о возникновении потребности массовых перевозок пассажиров. В начале XX в. в крупных городах появились первые автомобили и мотоциклы. К 1914 г. в Уфе в личном пользовании

наиболее состоятельных горожан имелось 15 легковых автомобилей и 8 мотоциклов. Обзаводились автомобилями и различные заведения, которые предлагали катание на автомобильной карете как дорогое экзотическое развлечение¹⁰.

Однако в ряде случаев нововведения останавливали думских гласных. Не принесло практического результата рассмотрение Думами Оренбурга, Челябинска, Уфы вопроса об устройстве трамвая. Челябинской городской думой «ввиду полнейшей невыясненности условий» было отклонено предложение трех жителей города об устройстве конно-железной дороги. Причем энтузиасты-горожане готовы были разрабатывать проект совместно с Думой на ее условиях и реализовать на свои средства.

Для освещения городов в начале XX в. использовались газовые, керосиновые, электрические фонари. Обычно установкой газовых и керосинокалильных фонарей занимались подрядчики, а обслуживанием — наемные служащие городского общественного управления. Постройкой станций и созданием электрических сетей в южноуральских городах занимались специальные фирмы, с которыми Думы заключали договор. Часто они были хорошо известны в России, кроме того, Думы списывались между собой для того, чтобы разузнать результаты работы этих фирм. За разработкой проектов следил технико-строительный комитет МВД.

Согласно договорам Думы предоставляли фирмам исключительное право постройки в городах электрических станций. Фирмы гарантировали бесплатную установку и эксплуатацию определенного числа фонарей и льготную установку фонарей, которые могут потребоваться городу сверх означенного количества. Кроме того, в договорах устанавливались максимальные цены на устройство и эксплуатацию внешнего и внутреннего освещения для организаций и частных лиц. Таким образом, думы пытались максимально выгодно для общественного хозяйства и жителей города использовать свое право собственности на

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

городские территории. Как любое техническое новшество электрическое освещение было дорогим и оставалось показателем состоятельности и роскоши. Позволить его устройство могли только крупные богатые города. В начале XX в. освещаться электричеством стали улицы, казенные и общественные учреждения Уфы, Оренбурга, Челябинска, крупные магазины.

При строительстве и эксплуатации всех видов освещения действовал строгий принцип экономии. Фонари устанавливались только на центральных улицах, расстояние между ними выдерживалось максимально далекое, зажигали их на несколько часов, только вечером, да и то не каждый день. При этом желание блеснуть перед начальством наличием освещения заставляло управу Белебея при приезде архиерея зажечь фонари в три часа дня¹¹. Проблемы городского освещения неоднократно находили отражение на страницах местной прессы, в частности, отмечалось, что неудовлетворительное освещение сдерживает развитие городов и подрывает столь необходимую для жителей безопасность.

В начале XX в. особенно острой проблемой городского общественного быта на Южном Урале становится водоснабжение. Под влиянием загрязнения окружающей среды бытовыми и промышленными отходами, уничтожения зеленых зон, отсутствия санитарных мероприятий происходит ухудшение качества воды в естественных источниках. Однако большинство городского населения продолжало использовать воду из городских рек, ручьев и прудов, следствием чего было распространение инфекций и эпидемических заболеваний.

Кроме естественных источников в южноуральских городах устраивались искусственные источники водоснабжения — колодцы и так называемые бассейны, из которых водовозы развозили воду по городу. Колодцы могли быть частными и городскими. К началу XX в. в городах Уфимской губернии имелось 17 колодцев, из них 4 — в Уфе, 5 — в Бирске, 6 — в Мензелинске и 2 — в Стерлитамаке. Если за колодцами в цен-

тре города управа старалась следить, то на окраинах «колодцы не чистились десятилетиями, в воду попадали отбросы, анализ воды не производился»¹².

Городские управления и жители признавали постройку водопровода делом необходимым, но очень дорогостоящим. Приступали к его постройке только города, имеющие значительный бюджетный доход. В 1912 г. в Челябинске был построен водопровод. Расход от его эксплуатации в первый год составил 13 417,38 руб., а доход только 12 059,15 руб. Однако органы городского самоуправления считали пользу от постройки водопровода несомненной, а привычку населения к употреблению фильтрованной воды делом времени. В апреле 1912 г. водоразбор водопроводной воды составлял 5737 ведер, в декабре того же года — уже 11 тысяч ведер.

В течение изучаемого периода только один южноуральский город, Уфа, имел канализацию. Она обслуживала казенные здания, больницы, торговые заведения и не исчерпывала всех потребностей населения. Задачу очистки городов от мусора и нечистот решали ассенизационные обозы. Только в Белебее удаление нечистот велось «собственным попечением домовладельцев»¹³. Обслуживание обозов осуществляли в основном подрядчики, которыми часто выступали городские тюрьмы или городские чернорабочие. Санитарные комиссии городских общественных управлений отмечали недостаточное количество бочек и неудовлетворительную работу обозов. Большая часть нечистот поглощалась почвой и стекала по водостокам, не только распространяя вокруг зловоние, но и являясь источником многих кишечных и легочных заболеваний.

Одним из показателей модернизированного общества является развитие информационной системы. В начале XX в. у людей появились новые технические возможности и расширились горизонты общения. Центром развивающейся культурно-информационной системы стал город. В нем продолжали развитие уже привычные способы обмена информацией,

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

такие как почта и телеграф. Почта способствовала развитию адресной системы в городах. В течение изучаемого периода уже все улицы имели названия. Владельцы домов в соответствии с обязательными постановлениями губернаторов 1904 г. должны были обзавестись «единообразными дощечками с означением номера дома»¹⁴. В губернских центрах появились адресные столы, которые отражали процесс рационализации контактов в городах.

Новым способом оперативного обмена информацией для городов Южного Урала в начале XX в. стал телефон. Установка и использование телефона были довольно дорогими и стоили в среднем от 100 до 150 руб. Первыми абонентами телефонных станций в городах становились казенные и общественные учреждения, коммерческие и промышленные предприятия, финансово-кредитные организации, гостиницы, клубы, состоятельные частные лица, менее 0,5% городского населения, те представители городской элиты, для которых владение информацией являлось производственной и служебной необходимостью. При постройке телефонных станций городские общественные управления, осознавая удобство и оперативность телефонной связи, учитывали будущее распространение этого способа общения и предусматривали возможность подключения коммутатора.

Рост и развитие южноуральских городов в начале XX в., изменение потребностей горожан требовали не только качественного улучшения сферы бытования, но и ее пространственного расширения. В течение изучаемого периода застройка городов частными домами осуществлялась стихийным и плановым путями. На окраинах города беднейшее население, преимущественно мигранты, самовольно захватывая землю, строило небольшие избы или землянки. Эта нерегулируемая и нерегулярная застройка нарушала санитарные нормы, нормы пожаробезопасности, лишала доходов городскую казну. Органы самоуправления пытались бороться с этим явлением. Одновре-

менно Думы принимали решения о нарезке новых кварталов с учетом рационального планирования.

Места под застройку горожане могли арендовать, либо купить у города. Органы общественного управления крупных городов предпочитали арендные отношения, так как городская земля постоянно дорожала, малые — продажу, что позволяло обеспечить приток значительных средств в казну. Отдача в аренду происходила согласно принятым Думой кондициям, где оговаривался срок аренды, обычно 10–12 лет, право возобновления аренды, устанавливалась цена места. Участки сдавались с торговлицам, предложившим наивысший единовременный взнос, который составлял особый фонд, предназначенный на благоустройство квартала. Арендная плата устанавливалась в зависимости от места нахождения участка. В южноуральских городах в начале XX в. произошло выделение престижных районов — центральных улиц с развитой инфраструктурой и уютных благоустроенных окраин, отдаленных от суеты.

Сооружение построек на арендованном участке производилось самими горожанами согласно Строительному уставу и с разрешения управы. Для строительства частных домов использовались дерево, гигиеничный и теплый материал, и камень, престижный и практичный. Наряду с деревянными и каменными домами строились полукаменные дома, на высоком каменном фундаменте, либо имеющие первый каменный этаж. Постепенно распространение в городах Южного Урала приобретал кирпич как материал для строительства. Анализ источниковых материалов показал, что в течение изучаемого периода во всех городах региона произошло увеличение количества частных построек, причем темпы прироста каменных зданий существенно превосходили аналогичный показатель по смешанным и деревянным домам, исключение составляли только Уфа и Златоуст. Увеличение доли каменных построек в общем числе жилых зданий говорит о росте финансовой со-

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

стоятельности домовладельцев и изменении отношения к дому: он должен быть дорогим, престижным и долговечным.

Однако в массе своей южноуральский город оставался деревянным, внешний вид городских окраин мало отличался от сельских поселений. Тип сплошной застройки улиц многоэтажными зданиями получил распространение только в центральной части крупных городов. Основная часть города была застроена частными домохозяйственными комплексами, включающими дом, примыкающий к нему крытый двор, баню, где ее постройка была разрешена, огород, сад. Устойчивость бытования крытых дворов была обусловлена суровостью уральской зимы с большими снегопадами. Двор представлял собой замкнутый прямоугольник, одной из сторон которого была боковая сторона жилого дома, а по другим располагались другие хозяйственные постройки: сарай, хлев, конюшня сеновал, погреб. Число и качество их варьировалось в зависимости от состоятельности и профессиональных занятий владельца.

В течение изучаемого периода происходят качественные изменения в планировке жилища, причем этому процессу подвергаются не только каменные здания, но и гораздо более консервативные срубные постройки. Эволюция последних шла по пути усложнения и увеличения размеров жилища, путем разгораживания внутреннего пространства на отдельные помещения с выносом печи на середину либо посредством пристройки дополнительных срубов. В обоих случаях это давало возможность более рационально использовать площадь. Вынос печи на середину избы позволял выделить несколько комнат: горницу, спальню, прихожую и кухню.

Размер, качество, структура домохозяйства четко отражала социокультурные трансформации городского общества в начале XX в. Проследить эволюцию домохозяйств позволяют окладные книги по налогу с недвижимого имущества. Они представляют собой описи частных и общественных недвижимых имуществ с оценкой, по которой возможно выделить группы по каче-

ству жилья, установить соотношение имуществ по ценности. Определив группы домохозяйств по оценочной стоимости, можно заключить, что в Челябинске за период с 1900 по 1909 г. отмечено увеличение количества домохозяйств по всем группам. Наибольшую динамику демонстрирует группа стоимостью от 50 до 150 руб., в основном это избы либо дома с 2–3 комнатами (малые), с минимальным числом служб, принадлежащие малосостоятельным горожанам. Следующей по темпам прироста является группа домохозяйств оценочной стоимостью от 300 до 500 руб. Это средние по величине городские хозяйства с деревянным домом на каменном фундаменте, с 5–6 комнатами, сараем, конюшней, баней. В целом можно сказать, что прирост городского населения Челябинска шел за счет увеличения малосостоятельных и средних слоев.

Подавляющее большинство горожан жили в собственных домах. Но под влиянием широкой миграции в городах распространился такой источник дохода, как сдача квартир, части собственного дома либо субаренда на поделенном участке. Так, в 1913 г. число квартиронанимателей в Уфе составляло 2155 человек, в Бирске — 339, Златоусте — 2300, Мензелинске — 226, Стерлитамаке — 1078. Большинство их проживало в дешевых квартирах наемной стоимостью до 150 руб. в год¹⁵.

Вовлеченными в процесс сдачи жилья оказались не только богатые, но и малосостоятельные горожане, которые, получив дворовый участок, пытались компенсировать свой расход. Обычным делом были проживание владельца в малоприспособленных помещениях и сдача собственного дома. В крупных центрах началось строительство доходных домов. Итогом этого процесса становилась постепенная утрата городским домом характера жилища одной семьи, большая концентрация населения в бытовом пространстве.

Внутреннее убранство городского дома — бытовая сфера более свободная от регламентирующего воздействия власти, — несло печать особенностей характера, представлений владельца,

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

передавало переживание им действительности. Сложность и наполненность интерьера находились в прямой зависимости от финансовых возможностей человека. Главными факторами, действующими на процесс обустройства индивидуального быта в южноуральском городе начала XX в., стали комфорт (сочетание рационального и удобного), массовая культура и мода. Они определяли тенденции обновления вещной среды, улучшения предметов быта, соединения в них удобства и красоты.

В качестве внутренней отделки жилых помещений средние городские слои начали использовать новые материалы: линолеум, бумажные обои¹⁶. Мебель для обстановки подбиралась в соответствии с назначением комнат. Достаточно широкое распространение получили мебель фабричного производства, музыкальные инструменты, граммофон для оформления гостиных. В столовой появилась новая эмалированная, никелированная посуда. На кухни состоятельных горожан постепенно проникала бытовая техника: мясорубки, пароварки, соковыжималки, терки. Начали применяться стиральные, швейные машины, утюги. Наряду с этими новшествами сохранялись элементы прежнего убранства: вышитые и вязаные салфетки, сундуки, цветы.

Под влиянием научно-технических достижений и просвещения в городах Южного Урала получили распространение рациональные представления о человеке и его внешнем облике. Уловить эти веяния времени позволяет реклама, которая предлагает товар, рассчитанный на потребление «новым человеком XX века». Она пропагандирует идеи красоты, молодости, здоровья. Только человек, обладающий этими качествами, способен добиться успеха в жизни.

Для поддержания красоты, молодости и здоровья стали широко рекламироваться средства гигиены: мыло, душистая вода, средства от угрей, прыщей, мозолей, запаха, зубные порошки, косметические средства для красоты лица¹⁷. Появились специальные заведения, предлагающие профессиональную

помощь в «наведении красоты»: парикмахерские с новейшими усовершенствованиями, моделями причесок, меняющимися одновременно со столичной модой, окраской волос, водолечебницы со светолечебными и электромассажными отделами, оборудованные по последнему слову науки¹⁸. Для домашних спортивных занятий стали предлагаться тренажеры — «станки-велосипеды». Открыто в местной печати начали обсуждаться темы, всегда считавшиеся интимными: венерические болезни, половые расстройства, беременность и прочее.

Особенно восприимчивой к социокультурным трансформациям начала XX в. оказалась городская одежда. Она отразила тенденции демократизации, социальной активности, открытости модернизирующегося общества, развитие науки, техники и технологии. В результате этого возникла простая, удобная, гигиеничная, демократичная, массовая одежда для повседневных занятий, прогулок, путешествий, занятий спортом. В начале XX в. появился современный городской костюм, «ставший первой универсальной одеждой, который состоял из юбки и блузки для женщин, из пиджака и брюк для мужчин»¹⁹. Его можно было найти в гардеробе как зажиточных, так и малосостоятельных горожан.

О модных новинках, стилях и формах современной одежды население южноуральских городов узнавало из журналов мод, приложений с выкройками, ассортимента модно-галантерейных магазинов П. И. Кислинского, А. О. Леск, Н. Ф. Суторихина многих других. Магазины продавали готовую одежду фабричного производства: женское, мужское, детское платье по последней европейской моде, шляпы, меха, обувь, белье, отделки в декадентском стиле, аппликации. Для состоятельных горожан предлагались «редкостные» иностранные ткани и пошив на заказ.

Благодаря массовизации производства малосостоятельные слои городского населения получили возможность имитировать одежду элиты. Покрой детали, цвет их нарядов отражали взаи-

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

модеиствие нового и традиционного, городской и деревенской культур. Сохраняя форму современного городского костюма, они использовали «ромбовидные вставки на рукавах, разнообразную отделку, яркие цвета, свойственные крестьянской одежде»²⁰. Общедоступность модных новинок, подражательство средних и бедных слоев горожан внешнему облику элиты, общественная активность, изменение ролевого поведения женщины становятся чертами городского общества Южного Урала в начале XX в.

Формирование специфической городской среды в изучаемый период было связано с появлением новых форм проведения нерабочего времени. Основными требованиями, предъявляемыми к досугу, стали полезность, приятность, публичность и разнообразие. Значимость досуга в структуре времени горожан отражает появление индустрии обслуживания, общения и развлечения.

Семейный досуг во многом сохранил традиционные формы проведения. Самым распространенным способом препровождения свободного времени было гостевание. Званные приемы устраивались по семейным, календарным, храмовым, государственным праздникам, по приезду важных персон, по поводу удачной сделки, получения чина, почетного звания. Они ориентировались на известный круг лиц, поэтому на них можно было являться без приглашения. Для представителей местного «высшего» общества эти приемы выражали взаимное уважение и являлись обязательной формой социальной активности. Игра в карты, шашки, шахматы, лото, танцы, пение, граммофон были составляющими званых приемов.

Досуг малосостоятельных слоев горожан в начале XX в. сохранил связь с сельскими традициями. Большой объем хозяйственных работ и своеобразие соседских и родственных отношений способствовали живучести «помочей». Обычными были помочи при постройке дома, при сенокосных работах. Популярны были помочи весной при копке гряд и осенние «капустники». «Участники их работали дружно, весело, хозяйка

в это время готовила хороший обед. Пообедав, помочане пели песни, плясали»²¹.

Новыми элементами домашнего досуга стали семейные чтения. Многие горожане в начале XX в. выписывали центральные газеты и журналы, местные издания, которые появились в Уфе, Оренбурге, Челябинске, Троицке. Многообразие представленных на Южном Урале печатных изданий способно было удовлетворить интересы различных полвозрастных, национальных, конфессиональных, профессиональных аудиторий. Потребность в оперативной информации и полезном чтении привела к появлению на улицах городов торговцев и киосков, предлагающих книги и газеты в розницу. Живой интерес к происходящим в городе и за его пределами событиям свидетельствовал о росте культурного уровня и самосознания горожан.

Технические новшества и развитие рынка досуговых товаров и услуг расширяли возможности полезного семейного времяпрепровождения. Для состоятельных горожан обычными становятся игры в крокет, гимнастика, катание на велосипедах, семейные путешествия, летний отдых за городом на дачах, пикники, охота, рыбалка. Южный Урал предоставлял широкий выбор курортных и туристических маршрутов: кумысные санатории Уфимской губернии, горько-соленые озера Челябинского уезда, горные хребты Златоуста и многое другое.

В начале XX в. домашние формы проведения досуга все активнее вытеснялись общественными формами. В южноуральских городах сохраняли свое значение церковные, государственные праздники. Их устройством занимались органы городского общественного управления. Программа празднования обычно включала официальную часть (литургию, панихиду, молебен), которая объединяла всех горожан, и неофициальную (литературные чтения, музыкальные вечера, гуляния, приемы), нацеленную на отдельные социальные группы. Праздничные мероприятия решали задачу нравственного воспитания населения.

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

Большое распространение в городах Южного Урала получили гулянья, пикники в воскресные и праздничные дни на городских окраинах, в парках. Последние появились во всех городских поселениях, но даже в крупных центрах не все они были достаточно благоустроенными. Так, Ушаковский парк в Уфе не имел украшений и развлечений, по нему «свободно разгуливали коровы, козы, свиньи»²². Совсем иное впечатление производил парк на острове реки Миасс в Челябинске: «Берег благоустроен, дорожки посыпаны песком, обсажены кустиками, устроен кегельбан, «исполинские шаги» и другие аттракционы. Масса народу, деток, радость и оживление»²³. Разнообразие в общественную жизнь городов вносили ярмарки, на которых заводились карусели, качели, балаганы.

Зимняя городская жизнь характеризовалась затишьем и оживлялась во время праздников, когда управами, различными обществами и отдельными горожанами организовывались катания в упряжках, гулянья, колядки, катки и снежные горы. Нередко устройство зимних развлечений в городах Южного Урала отвечало самым взыскательным требованиям. В Оренбурге в 1901 г. «Общество содействия физическому развитию детей» проводило катание с гор и на коньках с танцами и музыкой. Сделано две горы кольцом, так, что, спускаясь с одной, подъезжаешь к подъему на другую. Посетителей было до 800 человек. С часу до пяти вечера в выставочном павильоне играл оркестр, и были устроены танцы»²⁴. В учебных заведениях, различных учреждениях, общественных клубах, Народных домах южноуральских городов устраивались елки с балами-маскарадами, спектаклями, литературно-музыкальными вечерами. Традиционной стала организация новогодних праздников для детей.

Интересным представляется распространение подражательства в общественном досуге малых городов крупным центрам. В «Оренбургской газете» сообщалось об устройстве маскарадов в Орске на празднование Рождества: «Орские маскарады представляют собой слабый намек на маскарады

больших городов, 10 масок — вот и весь маскарад. Число посетителей невелико и все друг друга знают, и маскированные скоро делаются известными». Однако костюмы орских провинциалов (грузинки, китайцев, японцев, русалки, цыганки, Мефистофеля) не были лишены изыска, а праздник проходил очень оживленно²⁵.

Массовые праздники в городах Южного Урала не обходились без неприятных моментов. В Уфе на елке в детском приюте чуть не случился пожар. В ночлежном доме посетители развлекались игрой в карты, дело закончилось поножовщиной. Недовольство «добропорядочных» горожан вызывало участие детей в общественных мероприятиях, что, по их мнению, было нехорошо для воспитания скромности²⁶.

В начале XX в. в южноуральских городах, особенно крупных, бурными темпами развивается индустрия досуга, рассчитанная главным образом на состоятельных горожан. Организацией проведения свободного времени малосостоятельных лиц занимались различные общества.

Представители коммерческого мира предпочитали проводить досуг в кафешантанах под приятную оркестровую музыку. Все крупные южноуральские города захлестнула так называемая шантанная культура. Кафешантаны имелись в Уфе, Оренбурге, Челябинске, устраивались в парках, садах, уютных местечках. Непременным атрибутом этих заведений были проститутки²⁷. На эти безобразия с возмущением жаловалась добропорядочная часть публики, требовавшая закрыть шантаны. Популярностью стали пользоваться рестораны и буфеты, где кроме закуски можно было собраться компанией, поиграть в карты, бильярд.

Цели приятного и полезного времяпрепровождения служили клубы. Инициатива их создания могла исходить от города, сословно-профессиональных, благотворительных обществ. Клубы могли «устроить балы, маскарады, танцевальные, музыкальные, литературные вечера, драматические представления, детские вечера и игры: в шахматы, домино, карты,

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

на бильярде, биксе и другие, выписывать книги, газеты, приглашать лиц специальных по разным искусствам и наукам для чтения лекций»²⁸.

Многие представители городской элиты, особенно бес-
семейные, оказались затянуты клубной жизнью. Обычными
стали посещения клуба после службы, бывали случаи, когда
они приходили «на службу прямо из клуба». Особенно увлекали
карточные игры, поддавшись которым «ничего не сделаешь и
не увидишь в провинции»²⁹.

Различные общества попечения устраивали в клубах на-
родные публичные чтения, спектакли, танцевальные и музы-
кальные вечера. Они, пытаясь занять свободное время горожан,
стремились главным образом оградить народ от пьянства. Горо-
жане постепенно привыкали к новым формам времяпрепровождения,
активно посещали все мероприятия, вели себя прилично.
Хотя были случаи беспорядков, ограблений, пьянства.

Театры имелись во всех городах Южного Урала, их труппы
были представлены любителями. Основу репертуара местных
театральных трупп составляли популярные комедии, водевили,
оперетки, драмы И. Щеглова, Крыловой, Куликовой, Севери-
на, А. Толстого, А. Островского и других авторов. Часто пред-
ставления проходили с большим успехом. Это не всегда было
показателем хорошего исполнения, а скорее результатом отсут-
ствия иного выбора. Поэтому большое оживление в городском
обществе вызывал приезд профессиональных гастролирующих
артистов.

Новым видом развлечения в южноуральских городах в на-
чале XX в. стали кинематографы. Они пользовались большой
популярностью, хотя качество услуг и репертуар не всегда удо-
влетворяли вкусам горожан: часто картины показывали старые,
репертуар подолгу не обновлялся. Из представленных зрителям
картин с успехом проходили исторические трагедии «Биатриче
Ченче», «За короля», панорамы и поучительные натуры «Жи-
вописных Пиренеев», «Обзор Бомбея», «Изумрудные берега

Ла-Манша», «Переселение и жизнь пчел», конечно, мелодрамы и комедии «Девочка», «Собачка Сильветы», «Забавное приключение», «Скромный мальчик»³⁰. Востребованный репертуар отражал потребности горожан в отдыхе от повседневного, не всегда легкого и приносящего удовлетворение труда, стремлении узнать новое о разных странах и народах.

Другим развлечением населения южноуральских городов были цирки. Выступали в них в основном гастролеры, русские и иностранцы, с яркими, броскими именами, борцы, бегуны, гипнотизеры. Здесь же демонстрировались удивительные технические новинки XX в.: «знаменитое русское изобретение чудочасы «Вокзал-пристань», изобретатель И. М. Гольдфаден. Показывает движение планет. Демонстрируется фонограф Эдисона. Репертуар до 100 пьес, напетых знаменитыми артистами»³¹.

Совершенно иным был досуг на окраинах городов. Корреспондент из Челябинска сообщал о традиционных «сражениях» по воскресеньям и праздничным дням на площади, разделяющей Челябинск и Пригородную слободу. В драках принимало участие до 100 человек, в основном молодежь 14–17 лет. Еще более «красочные» описания слободских «развлечений» находим у П. Н. Столпянского: «По воскресным и праздничным дням здесь происходили кулачные бои, и в редкий праздник в городскую больницу не привозили кого-либо из слободских с проломленной головой, с переломленным ребром или ножом в животе»³². Живучесть традиционных народных ухарских форм отдыха объяснялась слабой вовлеченностью беднейших слоев населения в новые формы городского досуга.

Таким образом, в городах Южного Урала под влиянием политико-экономических трансформаций, развития науки и техники, массовизации и стандартизации нового века происходят ломка сословных барьеров и превращение сословий в профессиональные группы. В течение изучаемого периода на основе активного диалога культур, взаимодействия традиционных и новых элементов формировалась особая городская

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

среда. В начале XX в. она становится способной удовлетворить возрастающий спрос на образование — дошкольное, начальное, среднее, профессиональное. Одновременно городская система образования выполняла функцию воспитания лояльного, патриотичного, трудолюбивого, здорового человека. Консервативная позиция власти в отношении народного образования, отсутствие востребованности образованного человека в профессиональных сферах сдерживали формирование представления о необходимости знаний у населения городов.

Демократизация общества, интенсификация культурных потоков в начале XX в. превратила южноуральский город в поликонфессиональный центр. Рост самосознания и самоидентификация неправославных этносов, объединение их в общины, обширная культурная и благотворительная деятельность обогащали культурную среду города. Сферы здравоохранения, призрения, культурно-просветительской деятельности не имели рациональной программы развития и широкого финансирования. Они обеспечивались из разных источников, часто непостоянных, благотворительных, но в основном оставались заботой городских Дум и управ. В течение изучаемого периода органы самоуправления проявляли большую материальную и организационную заботу о развитии этих сфер. В сознании горожан сформировалось представление о полезности, доступности и необходимости существования этих культурных институтов.

Важные социокультурные изменения в начале XX в. произошли в сфере городского быта и досуга. Наиболее четко они проявились в крупных административных и торгово-промышленных центрах. Произошло распространение новых технических достижений в сфере городского общественного быта. Основными факторами их востребованности стали комфорт и полезность. Изменилось отношение человека к себе и своему внешнему облику, идеалом времени стали красота, здоровье, молодость. В сфере свободного времяпрепровождения

отмечено усложнение и большее разнообразие досуговых услуг. Значительная доля крестьянства в составе городского населения способствовала сохранению традиционных элементов народной культуры. Анализ быта и досуга города позволяет сделать вывод о зависимости уровня городской культуры от численности населения, официального статуса города, образовательного уровня горожан, уровня социально-экономического развития города.

Примечания

- ¹ РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 39. Л. 1; Ф. 1293. Оп. 168. Д. 19. Л. 1.
- ² Браумгартен Е. Город // Городское дело. 1909. № 1. С. 1–5.
- ³ ОГАЧО (Объединенный Государственный архив Челябинской области). Ф. И–3. Оп. 1. Д. 803. Л. 1–5об., 30–42.
- ⁴ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 212. Л. 1об., 10, 12.
- ⁵ Минцлов С. Р. Уфа: Дебри жизни. Дневник 1910–1915 гг. Уфа, 1992. С. 9–10, 18–19.
- ⁶ Вестник Уфы. 1909. 18 декабря. ОГАЧО. Ф. И–3. Оп. 1. Д. 754. Л. 140, 143, 146.
- ⁷ Нечаева А. М. Челябинские впечатления // Дореволюционный Челябинск в слове современников / сост. В. С. Боже. Челябинск, 1997. С. 57.
- ⁸ Минцлов С. Р. Указ. соч. С. 9.
- ⁹ Нечаева А. М. Указ. соч. С. 60.
- ¹⁰ Уфа в кармане. 1913. Уфа, 1914. С. 74.
- ¹¹ Вестник Уфы. 1909. 18 декабря.
- ¹² Столянский П. Н. Город Оренбург. Материалы по истории и топографии города. Оренбург, 1908. С. 104.
- ¹³ РГИА. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 212. Л. 1об.
- ¹⁴ Справочная книга г. Уфы с приложением плана, 1908 год. Уфа, 1909. С. 4.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 1288. Оп. 25. Д. 75. Л. 135об.–145.
- ¹⁶ Теплоухов К. Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск, 2001. С. 109. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. И–15. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–2 об.
- ¹⁷ Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1907 год. Уфа, 1907; Уральская жизнь. 1907. 22 июля; Оренбургский листок. 1903. 5 декабря.

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.

¹⁸ Адрес-календарь Оренбургской губернии и справочная книжка на 1911 год. Оренбург, 1912; Екатеринбургские епархиальные ведомости. 1902. № 23.

¹⁹ *Яхно О. Н.* Культурная динамика уральских городов в ходе модернизационных преобразований начала XX в. // Россия в поисках национальной стратегии развития: Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2003. С. 369.

²⁰ *Яхно О. Н.* Повседневная жизнь горожан российской провинции на рубеже XIX–XX вв.: методологические и конкретно-исторические аспекты // Уральский исторический вестник. № 7. Екатеринбург, 2001. С. 249.

²¹ *Крупянская В. Ю., Полищук Н. С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. М., 1971. С. 74.

²² Уфимский край. 1911. 6 мая.

²³ Уральская жизнь. 1904. 10 января.

²⁴ Оренбургская газета. 1901. 21 января.

²⁵ Оренбургская газета. 1901. 19 января.

²⁶ Уральская жизнь. 1904. 3 января. 8 января.

²⁷ ОГАЧО. Ф. И–1. Оп. 1. Д. 6954. Л. 1–1 об.

²⁸ ЦГИА РБ (Центральный Государственный исторический архив республики Башкортостан). Ф. И–9. Оп. 1. Д. 1045. Л. 26–62.

²⁹ *Мицлов С. Р.* Указ. соч. С. 33.

³⁰ ОГАЧО. Ф. И–1. Оп. 1. Д. 6974. Л. 1. Уфимский край. 1911. 30 октября. 5 ноября. 13 ноября. 20 ноября.

³¹ Уфимские губернские ведомости. 1901. 8 мая.

³² *Столянский П. Н.* Указ. соч. С. 106.

САМОДЕРЖАВИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: ИСТОРИЯ БОРЬБЫ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Взаимоотношения власти и общественных организаций, как правило, рассматриваются исходя из представлений о подчиненном положении общественных организаций по отношению к государственным структурам и ограничении их деятельности властями. Это представление связано с тем, что обозначается понятием «общественная организация» и к какому виду общественной деятельности относится рассматриваемое явление.

В дореволюционной России более распространено было понятие «общество» (ассоциация, союз, частное и добровольное общество), представлявшее собой «частные кооперативные организации»¹, неотделимые от прочих проявлений общественной самодеятельности. Юридически деятельность таких организаций регулировалась нормами гражданского права. Очевидно, под влиянием юридической практики повсеместно общественные структуры были признаны подчиняющимися государству «внешним образом», а общественное составило «самостоятельную область явлений, существенно отличную от государства и управляемую особыми нормами права»².

В оценках представителей государственной историографической школы государственная власть названа необходимой для общества, поскольку государство в конечном счете решает

* Кандидат исторических наук, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса.

общественные задачи. Деятельность власти, таким образом, является объединяющей и организующей³, поддерживающей равновесие между общественными силами⁴ и путем издания законов предоставляющей министрам право утверждения уставов организаций⁵. Таким образом, «государственная регламентация, самоуправление и частные союзы» представляли собой «три способа осуществления разных общественных задач, способы, не исключающие друг друга, но взаимно дополняющие недостаток средств каждого»⁶.

Ключевой идеей, определившей выводы в исторических и правовых работах советского времени, стала теория о противостоянии двух систем организаций: диктатуры буржуазии и классового сопротивления пролетариата. «Сторонники» государства были объединены с ним в «единую систему политического господства» и рассматривались как составные части государственного аппарата⁷. «Противники» вели непрестанную борьбу за право создания своих объединений и освобождения от полицейского контроля государства. Соответственно в формулировке определения общественной организации подчеркивались социально-экономические и политические цели объединений и вместе с тем их добровольность и самоуправляемость⁸.

Современная российская и иностранная историография рассматривает общероссийские и региональные общественные организации как часть гражданского общества⁹, как часть сектора некоммерческих организаций¹⁰, видит в них новый тип социальной организации¹¹ и выявляет примеры «универсализирующей социальной идентичности»¹². Общей чертой является отделение неполитических организаций, наиболее полное определение которых дано А. С. Тумановой¹³, и в основном критическое отношение к подчиненному положению объединений или гражданского общества по отношению к государству вплоть до утверждения о конфликте власти и общества. С другой стороны, впервые поставлен вопрос о возможности компромисса власти и общественности¹⁴.

Взаимоотношения обществ Дальнего Востока и власти не становились темой специального исследования, тем не менее почти все работы, посвященные деятельности дальневосточных обществ в различных областях, представляют картину постоянного взаимодействия власти и организаций, подчеркивают как поддержку со стороны властей, так и ограничения и преследования частной деятельности. Последнее в основном относится к рабочим и профессиональным объединениям, возникшим в период революции и вынужденным закрываться, как и большинство обществ, в период реакции¹⁵. Наряду с более поздним здесь распространением буржуазных законов отмечается особая влияние административной власти, негативно отразившаяся на организациях рабочих¹⁶.

Попытаемся проследить на примере Дальнего Востока основные направления взаимоотношений власти и общественных организаций, а именно добровольных частных легальных неполитических и непрофессиональных объединений (обществ), не преследующих целей прибыли. Учитывая разницу в целях и деятельности обществ, условно разделим их на три категории: 1) общества развлечения, ставившие своей целью организацию культурного и полезного досуга; 2) общества вспомоществования, цель которых — оказание помощи различным категориям населения, в том числе помощь в исключительных обстоятельствах и при стихийных бедствиях; 3) общества, содействующие изучению края, духовному развитию и распространению искусства и образования.

С принятием в 1782 г. Устава благочиния и последующих затем ряда циркуляров и законов разработка понятия «законных обществ» (уставы которых утверждены императором) и «противозаконных», или тайных (всех остальных), а потому жестоко преследуемых, были закреплены статьями 116—118 Устава о предупреждении и пресечении преступлений (1890 г.). Только в эпоху великих реформ право утверждать «общества, учрежденные с благотворительной или другой общепольной

целью», по предложению Александра II, начало передаваться министрам¹⁷. Завершился этот процесс в середине 1890-х гг. или в 1897 г.¹⁸ Для желающих создать общество были изданы так называемые образцовые — нормальные и примерные уставы, представлявшие собой, по замыслу авторов, образец для написания устава, практически — правила и условия, при соблюдении которых устав мог быть утвержден.

Признание пользы от некоторых видов общественной деятельности и «дарованное право»¹⁹ устраивать общества еще не означали признания правительством юридического права на самодеятельность. Государство не спешило узаконить сферу свободной деятельности, то есть предоставить подлинную социальную свободу²⁰, как из опасения оппозиции со стороны обществ, так и из представления о самодеятельности «как области властеотношений, допускающих регламентацию в административном, а не в законодательном порядке»²¹.

Изданные в соответствии с Манифестом 17 октября Временные правила 4 марта 1906 г. об обществах и союзах «утверждали условия пользования населением гражданскою свободою»²². По отношению к обществам это выразилось в необязательном следовании «образцу» и утверждении устава особой инстанцией — губернским присутствием по делам об обществах и союзах под председательством губернатора. Кроме того, правовое расширение свободы объединений сопровождалось активным полицейским надзором за ними. Таким образом, отношения общественной организации с государством свелись фактически к их отношению с местными властями. Учитывая, что взаимоотношение обществ с местной властью — явление многостороннее, остановимся только на одном, но важнейшем его аспекте — на порядке утверждения устава и открытия действий общества.

В 1876—1906 гг. устав обществ Дальнего Востока утверждался в соответствующем министерстве (или в Главном управлении) по ходатайству приамурского генерал-губернатора или губер-

натором (для некоторых групп обществ: сельскохозяйственных, пожарных, потребительных, благотворительных, вспомоществования учащимся), если устав был составлен применительно к нормальному уставу²³.

Ходатайство учредителей и проект устава направлялись через посредство губернатора в канцелярию приамурского генерал-губернатора, в которой проект тщательно сверялся с соответствующим нормальным уставом или утвержденным ранее уставом обществ того же рода. Последнее было особенно распространено на Дальнем Востоке в 1880-х гг., пока случаев учреждения обществ было немного²⁴. Важнейшим условием ходатайства генерал-губернатора было соответствие проекта устава закону, о чем свидетельствуют отметки на документах: «не встречаю закон, препятствующий до утверждения проекта» или «со своей стороны не встречаю препятствий к утверждению проекта»²⁵. Резолюция ставилась, даже если в пунктах, регулирующих внутренний распорядок организации, тексты проекта и «образца» значительно отличались²⁶.

Разрешение генерал-губернатора на открытие организации, даже такого общества, чей устав отступает от норматива, могло быть дано на основании убеждения генерал-губернатора в «полезности» общества, с тем чтобы предоставить устав на утверждение министра, «когда на практике выяснится прочность его существования и целесообразность составленного для него проекта устава»²⁷. Так, на основании проекта устава, «собственной властью» генерал-губернатора были открыты: Амурское общество любителей фотографического искусства (1894), общественные собрания Никольска (1893, утвержден в 1902 году) и Хабаровска (1880, утвержден в 1886 году), Владивостокское собрание приказчиков (1889, утвержден в 1908 году), Владивостокский певческий кружок (1890-е, утвержден в 1908 году), Хабаровское пожарное общество (1895, утвержден в 1897 году); примерно через год после открытия утверждены уставы 4 обществ любителей охоты²⁸. Такое по-

Самодержавие и общественные организации на Дальнем Востоке...

кровительственное отношение позволяло «политически благонадежным» обществам надеяться на высокопоставленного союзника.

В группе обществ, содействующих духовному развитию, примеров открытия обществ до утверждения устава больше — 4 из 6 оказано разнообразное покровительство представителей местной администрации, часто являющихся учредителями обществ; еще 3 вошли в состав императорских обществ и приняли положения уже существующего устава: Приамурское отделение [И]РГО; Общество изучения Амурского края (1884, отделение Приамурского отдела [И]РГО); отделение Императорского Русского технического общества (1895)²⁹. Входящие в состав известные и уважаемые люди, предполагаемая обществами научно-исследовательская деятельность, необходимая для ускоренного изучения края, обеспечивали этой категории обществ сочувствие и содействие властей.

Поддержкой губернатора и, как правило, его непосредственным участием или участием его супруги пользовалась частная инициатива в сфере благотворительности. Призрение бедных и забота о развитии в губернии благотворительных заведений относились к числу непосредственных обязанностей правителя губернии (статьи 336, 349 Св. Губ. Учр.)³⁰; обращать внимание на состояние частных благотворительных обществ предписывала статья 445 Уст. Общ. Призр.³¹ Помимо того, городские управы, получившие с 1887 г. в свое ведение благотворительные учреждения Приказа общественного призрения³², всячески поддерживали эти общества. Примеры совместных мероприятий дальневосточных обществ и поддержки местного самоуправления подробно изучены³³.

К 1906 г. открылось 8 благотворительных обществ, из них не меньше 4 начало действовать до утверждения устава — Южно-Уссурийское благотворительное (до 1900 г., утвержден в 1902 г.), Николаевское благотворительное (1890-е, создано в 1898 г.), Амурское лечебно-благотворительное (1886), основанное на

базе Благотворительного фонда губернатора, Благотворительное общество Владивостока (1875, утвержден в 1877 г.)³⁴.

Таким образом, уже на этапе утверждения уставов в 1876–1906 гг. по отношению к обществам оформилась своеобразная система предпочтений, при которой безоговорочно поддерживались организации, так или иначе содействующие выполнению государственных задач освоения и заселения региона. Надо отдать должное, общества со своей стороны всячески подчеркивали «высокополезность» своих целей, полгая, что «правительство должно видеть в них своих помощников», выполняющих «часть работ центральных и местных органов управления», «не только полезную, но и необходимую на окраине по причине необъятности отечества», готовых выполнять заказы правительства, могущих принести пользу медицинскому управлению области и так далее³⁵.

Установленная временными правилами регистрация устава присутствиями принесла для большинства обществ новый порядок утверждения устава и передала губернатору административную функцию. Канцелярия губернатора, делопроизводство которой, как, например, в Амурской области, практически лежало на плечах трех человек³⁶, в качестве канцелярии присутствия получила дополнительный объем работы, для которого требовался навык обращения с документами обществ. По причине отсутствия последнего заключение канцелярии содержало в основном сведения о количестве служащих среди учредителей³⁷.

Весьма многочисленны примеры излишней придирчивости присутствий. Отмечается, например, большая строгость Амурского присутствия по сравнению с Приморским, что очевидно на примере отказа в регистрации обществам, уставы которых предусматривали право иметь печать общества. Так, 1912 г. отмечен отказом в регистрации обществам Амурской области, уставы которых предусматривали такое право³⁸, и утверждением уставов обществ Приморской области с соответствующим пунктом³⁹.

Такая ситуация свидетельствовала о слишком тщательной проверке в присутствиях и стала возможной потому, что статья 21 правил 4 марта подразумевала, но не указывала прямо на право иметь печать. Документы же об отказах в регистрации присутствий (как Амурского, так и Приморского) свидетельствуют о том, что проект устава сверялся совсем не с комплексом законоположений об обществах и тем более не с разъяснениями Правительствующего сената, в том числе о печати, а только с правилами 4 марта⁴⁰, статьи которых не давали четких указаний. Сомнения присутствия, выносящего решение по обществу, объяснялось уточнением в каждом конкретном случае полномочий присутствия, или, по выражению Н. Л. Гондатти, «права разрешать»⁴¹. Этим, очевидно, объясняется частое использование присутствием «права запрещать».

Вопрос о том, насколько присутствия были подвержены давлению губернатора, является спорным. Следование губернаторов закону оценивалось как излишнее «верноподданничество»⁴², мотив их действий назывался «монархизмом», причины которого скрывались в «воспитании, жизненном опыте, карьере»⁴³, в приверженности «консервативной идее, ценностям авторитарного строя и «полицейской» управленческой практике»⁴⁴.

Излишняя строгость присутствий и полицейский надзор для целого ряда обществ компенсировались вмешательством со стороны генерал-губернаторов или иногда ходатайством губернаторов, активно участвовавших в делах некоторых обществ⁴⁵. Причина здесь не только в управленческом таланте, но и в действии отмеченного выше критерия «пользы», учитывавшего и нужды края, и общественно-политическую обстановку. «Дело полезное», «срочное», «правильно поставленное», «открытие полезного для края учреждения нахожу крайне желательным», «поддержать самым энергичным образом», — таковы отметки на документах организаций, поставленные как генерал-губернатором, так и губернатором⁴⁶.

Примерно с 1911 г. и до революций 1917 г. для политики правительства характерно повышение интереса к категории обществ «развлечений», причиной чему стала возрастающая необходимость в сотрудничестве с ними, особенно в тех сферах, в которых не были развиты или только формировались государственные структуры. Например, с 1911 г. помощь Правительственной Агрономической организации, в число задач которой входит содействие развитию деятельности сельскохозяйственных обществ, получали: Ханкайское сельскохозяйственное общество, Южно-Уссурийское общество любителей садоводства и огородничества, Сучанское и Спасское сельскохозяйственные общества⁴⁷.

Согласно «Положению о мобилизации спорта» (8 января 1916 г.) на время войны спортивные и гимнастические общества, «как по собственному почину, так и по предложению Главнаблюдающего за физическим развитием народонаселения», образовали по одному военно-спортивному комитету и проводили допризывную подготовку. В тех городах, где таких обществ не оказалось, их заменили другие (например, в Амурской области — Благовещенское туристическое общество и Общество поощрения рысистого коннозаводства). С 1910 г. во Владивостоке спортивное общество уже занималось обучением солдат, а общество охотников проводило народные стрельбы по просьбе П. Ф. Унтербергера, не допуская, однако, к оружию «ненадежную часть населения»⁴⁸. Для общества такая работа гарантировала всяческую поддержку, вплоть до оплаты долгов общества (при содействии генерал-губернатора и городской думы), как это было с упомянутым обществом спорта⁴⁹.

Итак, с момента открытия первого на Дальнем Востоке общества в 1875 г. и до Февральской революции 1917 г. процесс регистрации и отчасти деятельности местных обществ представлял собой сочетание элементов сотрудничества и борьбы с властями. Последнее чаще всего представляло собой борьбу с бюрократическим порядком самодержавной административной

системы. И даже в этом случае общества могли рассчитывать на союзника в лице представителей высших административных чинов, приобретавших в лице общественных организаций добровольных союзников, дополняющих деятельность местных властей.

Сложно сказать, насколько правительство, всегда относящееся к обществам с точки зрения их потенциальной «полезности», признавало необходимость самостоятельности общественных структур или же, осознавая, опасалось их преимущества перед официальными структурами. Так или иначе, представив общества некоторых категорий как союзника, самодержавной системе удалось найти компромиссное решение и, сохраняя контроль государства над общественными организациями, предоставить им возможность активной деятельности, направленной на защиту общих интересов.

Примечания

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 3. Д. 299. Л. 35.

² Чичерин Б. Н. *Философия права*. СПб., 1998. С. 202.

³ Градовский А. Д. О современном направлении государственных наук. Речь, произнесенная на годичном акте Императорского С.-Петербургского университета 8 февраля 1873 года ординарным профессором А. Градовским // *Градовский А. Д. Сочинения*. СПб., 2001. С. 205.

⁴ Ключевский В. О. *Русская история. Полный курс лекций в трех книгах*. М., 1994. Кн.1. С. 13.

⁵ Гессен В. М. *Общества* // *Энциклопедический словарь*. Репринт. воспроизв. издания Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. 1890–1900. Ярославль, 1992. Т. 42. С. 610.

⁶ Градовский А. Д. Указ. соч. С. 27.

⁷ Ямпольская Ц. А. *Общественные организации в СССР. Некоторые политические и организационно-правовые аспекты*. М., 1972. С. 42; Щиглик А. И. *Добровольные общества в переходный период от капитализма к социализму* // *Вопросы теории и истории общественных организаций*. М., 1971. С. 180; Степанский А. Д. *Самодержавие и общественные орга-*

низации России на рубеже XIX – XX вв.: учебное пособие по спецкурсу. М., 1980. С. 28.

⁸ *Степанский А. Д.* История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979. С. 3.

⁹ *Туманова А. С.* В поисках компромисса с общественностью: власть и общественные организации 1860–1880-х гг. // Клио. 2001. № 1 (13). С. 180–187; *Она же.* Общественные организации и союзы в начале XX в. // Россия и современный мир. 2002. № 3 (36). С. 108–121; *Она же.* Правительственная политика в отношении общественных организаций России 1905–1917 годы: Автореф. дис. ... д.и.н. М., 2003. *Миرونнов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 2002; *Кимбэлл Э.* Русское гражданское общество и политический кризис в эпоху великих реформ. 1859–1863 // Великие реформы в России 1856–1874 п/под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 260–281; *Бредли Дж.* Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–89.

¹⁰ *Мерсиянова И. В.* Становление негосударственных некоммерческих организаций как результат самоорганизации населения. Режим доступа: <http://www.auditorium.ru/books/115/Mersyanova.htm>. 2000. С. 1–19; *Дегадьцева Е. А.* НКО и социальная политика России в условиях трансформации общества: уроки прошлого и новые возможности (на примере Западно-Сибирского региона) // Региональная конференция 17 октября 2002 г., г. Барнаул. «Социальная политика реалии XXI века: региональный аспект». http://www.socialpolicy.ru/grantprog/doc/thesis_barnaul/deg.doc. 2002).

¹¹ *Хэфнер Л.* «Храм праздности»: ассоциации и клубы городских элит в России (На материалах Казани. 1860–1914 гг.) // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / *Зорин А. Н., Зорин Н. В., Каплуновский А. П., Каплуновская Э. Б., Ключина Е. В., Хэфнер Л.* Ульяновск, 2000. С. 475.

¹² *Каплуновский А.* Приказчики: агенты модернизации или новое сословие? Торговые и промышленные служащие в дореволюционной России. История, культура и быт. Итоговый отчет по гранту № КИ 673–1-01. Режим доступа: http://www.iriss.ru/attach_download?object_id=000100000248&attach_id=000116. 2002. С. 2.

¹³ *Туманова А. С.* Правительственная политика в отношении общественных организаций России 1905–1917 годы. С. 3.

Самодержавие и общественные организации на Дальнем Востоке...

¹⁴ *Туманова А. С.* В поисках компромисса с общественностью: власть и общественные организации 1860–1880-х гг. С. 180–187.

¹⁵ *Вишневский В. М.* Революционная борьба во Владивостоке в 1905 — январе 1906 г. // *Материалы по истории Дальнего Востока*. Кн. 1. 1860–1917. Владивосток, 1960. С. 97; *История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.)*. М., 1991. С. 336.

¹⁶ *Галлямова Л. И.* Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток, 2000. С. 24.

¹⁷ *Степанский А. Д.* Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX — XX вв. С. 8.

¹⁸ *Туманова А. С.* Общественные организации и союзы в начале XX в. С. 109; *Ануфриев Н. П.* Правительственная регламентация образования частных обществ в России // *Вопросы административного права*. М., 1916. Кн. I. С. 27; *Степанский А. Д.* Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. С. 7.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 9. Л. 43.

²⁰ *Туманова А. С.* Из истории взаимоотношений неполитических организаций и тамбовской губернской администрации на рубеже XIX–XX столетий // *Общественно-политическая жизнь российской провинции. XX век: Сб. ст. Вып. III*. Тамбов, 1997. С. 5.

²¹ *Ануфриев Н. П.* Указ. соч. С. 32.

²² *Приамурские ведомости*. 1906. 29 апр. № 939.

²³ *Плато Г. К. фон*. Положения о частных обществах, учреждаемых с разрешения министерств, губернаторов и градоначальников. Рига, 1903. С. 1.

²⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2612. Л. 6; Ф. 702. Оп. 3. Д. 47. Л. 1; Д. 9. Л. 12.

²⁵ Там же. Ф. 702. Оп. 3. Д. 9. Л. 22; Д. 47. Л. 4.

²⁶ См., напр.: там же. Д. 9. Л. 13, 36–38.

²⁷ Там же. Д. 106. Л. 30.

²⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 800. Л. 15; Ф. 702. Оп. 3. Д. 106. Л. 30; Д. 384. Л. 107, 119; Д. 95. Л. 8; *Приамурские ведомости*. 1901. 2 дек. № 414.

²⁹ *Приамурские ведомости*. 1901. 7 окт. № 406, 11 марта. № 376; *Дальний Восток*. 1895. 7 июня. № 59; 10 марта. № 28; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 5. Л. 3

³⁰ *Туманова А. С.* Из истории взаимоотношений неполитических организаций и тамбовской губернской администрации на рубеже XIX–XX столетий С. 19.

³¹ *Плато Г. К.* Указ. соч. С. 8.

³² *Власов П. В.* Благотворительность и милосердие в России. М., 2001. С. 227.

³³ *Сергеев О. И., Лазарева С. И., Тригуб Г. Я.* Местное самоуправление на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в.: Очерки истории. Владивосток, 2002. С. 143, 183—189, 201—207, 210—218.

³⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 925. Л. 5—7; Ф. 704. Оп. 1. Д. 200. Л. 99—101; Дальний Восток. 1901. 13 окт. № 148; Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год. Владивосток, 1901. С. 37; *Матвеев Н. П.* Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток, 1990. С. 109.

³⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 299. Л. 113 об.; Оп. 3. Д. 384. Л. 217, 279об., 600 об.; Ф. 1595. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

³⁶ *Троицкая Н. А.* Военные губернаторы Амурской области: к вопросу о кадровом обеспечении // Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.). Владивосток, 2001. С. 96.

³⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 342. Л. 31, 77об., 291, 294, 348—359; Д. 417. Л. 59, 71 и т. д.

³⁸ Там же. Л. 4—6.

³⁹ Там же. Д. 384. Л. 96, 174 об., 179 об., 184, 218.

⁴⁰ См., напр.: там же. Д. 304. Л. 50; Д. 342. Л. 353; Д. 417. Л. 200.

⁴¹ Там же. Д. 342. Л. 351.

⁴² *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 223.

⁴³ *Дубинина Н. И.* Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 72; *Гридяева М. В.* Он сам сделал выбор / Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000. С. 84.

⁴⁴ *Туманова А. С.* Правительственная политика в отношении общественных организаций России 1905—1917 годы. С. 2.

⁴⁵ *Троицкая Н. А.* Слово о чиновниках: вместо комментариев // Дальний Восток России: из истории системы управления. Документы и материалы. К 115-летию образования Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток, 1999. С. 227—228.

⁴⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 304. Л. 113; Д. 428. Л. 51; Д. 342. Л. 348; Д. 417. Л. 15, 19; Оп. 5. Д. 19. Л. 216

⁴⁷ Обзор Приморской области за 1911 г. Владивосток, 1912. С. 63, 59, 74.

⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 388. Л. 10; Д. 304. Л. 346.

⁴⁹ Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 491. Л. 14; Ф. 702 Оп. 3 Д. 463. Л. 7, 53; Приамурские ведомости. 1916. 12 янв. № 278.

ИСТОРИЯ УСАДЬБЫ ИЗМАЛКОВО

У любого города, поселка, села или деревни есть своя история, как правило, уходящая в глубь веков, но очень часто мало кто ее знает, кроме удивительного типа людей, именующих себя краеведами. Но существуют места, о которых знают многие, и если даже не знают, то по крайней мере слышали о них. Например, когда речь заходит о Переделкине, то тут же вспоминаются литературный поселок, находящийся в этой местности, и имена писателей и поэтов, живших здесь в разное время. Многие считают, что литературный и творческий «дух» пришел в эти места одновременно с появлением в 1936 г. знаменитого Городка писателей с тем же названием «Переделкино». Тогда прекрасные дачи в сосновом бору были предоставлены лучшим из лучших советских писателей. Но действительно ли «литературное» Переделкино, о котором в последнее время так часто говорят, появилось только в тридцатые годы прошлого столетия?

В самом деле, сегодня это один из немногих поселков творческой интеллигенции, который сохранился с советских времен, несмотря на многие изменения, произошедшие в нашей стране. Здесь по сей день живут и трудятся литературные деятели. Но, может быть, этот удивительный творческий «дух», которым наполнена вся жизнь Переделкина, пришел сюда раньше..? Ведь не зря до сих пор эта местность имеет два названия: первое — это Городок писателей Переделкино, а второе,

* Преподаватель кафедры музееведения Московского государственного университета культуры и искусств, научный сотрудник Дома-музея К. И. Чуковского,

известное историкам, философам, литературоведам и долгие годы передающееся из уст в уста местными жителями, — усадьба Измалково, которая долгие годы принадлежала старинному дворянскому роду Самариных.

В исторических источниках первые сведения об этих местах встречаются в Писцовых книгах 1627 г., где поместье значится за Иваном Федоровичем Леонтьевым. Состояло оно тогда из деревни Лукино на реке Сетуни «Московского уезду Сетуньского стану». Через двадцать лет во владение Ивана Федоровича входило не только село, но и деревня Измалково. В те далекие времена небольшая деревня Измалково расположилась на речке Переделке, притоке Сетуни.

Владелец поместья Иван Федорович Леонтьев был стольником, воеводою, царским ловчим и «верным другом» царя Михаила Федоровича. Впоследствии имение из поместья перешло в вотчину семьи Леонтьевых. После Ивана Федоровича имением владел его сын Федор, а за ним его внуки — братья Павел и Василий. Правда, уже на рубеже XVII—XVIII вв. единственным владельцем значится Василий Федорович Леонтьев. В апреле 1725 г. имение перешло к вдове Василия Федоровича — Ирине Александровне, урожденной Ляпуновой. Последней же владелицей вотчины из рода Леонтьевых стала Татьяна Федоровна — внучка Ивана Федоровича и жена князя Василия Васильевича Щербатова.

В 1729 г. имение приобрел князь Михаил Владимирович Долгоруков, который отдал его своей дочери Аграфене. При ней в 1757 г. в Измалкове была возведена каменная церковь Дмитрия Ростовского.

Через тридцать лет, в 1786 г., село Измалково являлось уже владением девицы Анны, дочери секунд-майора Василия Лаврентьевича Петрово-Соловово. При Анне Васильевне имение состояло из деревни Измалково, усадьбы Измалково, названной селом по стоявшему здесь храму, и деревни Передельцы. В селе, а вернее в усадьбе, кроме церкви, располагался господский дом и при нем регулярный сад с плодовыми деревьями.

История усадьбы Измалково

Летом 1829 г. в усадьбе Измалково впервые появляется семья Самариных. Вот как они излагали историю своего рода: «...предки известны с конца XIII столетия, когда они пришли в Москву из Галиции на службу к князю Ивану Калите. Позднее, при великом князе Дмитрие Донском, один из них, боярин Иван Родионович Квашня, сражался в битве на Куликовом поле во главе Костромского полка. От внука его, Степана Самары, произошли семьи Самариных и Квашниных-Самариных. Потомкам этого рода пришлось испытать гонения при Иване Грозном, тяжелое Смутное время. В самом начале XVII века Самарины... были перемещены из разоренного Смоленска в Ярославские земли. Как и все дворяне, они несли в те времена пожизненную службу Московскому государству. Имена их встречаются в Дворцовых Разрядах и других исторических документах»¹. Действительно, сведения о Самариных можно найти в различных источниках. Представитель этой семьи, Михаил Михайлович Самарин, был сенатором первого состава Сената, его сын, Николай Михайлович, — прокурором Государственной коммерц-коллегии при Елизавете Петровне. Именно с этой ветвью рода связано имя славянофила Юрия Федоровича Самарина.

В то знаменательное лето, когда Самарины впервые приехали в Измалково, Федор Васильевич Самарин арендовал усадьбу на весь сезон для своей семьи. К тому времени он был действительным статским советником, шталмейстером Двора императрицы Марии Федоровны. Родился же Федор Васильевич в 1784 г. и, получив домашнее воспитание, поступил на службу в гвардию и стал участником не одной военной кампании, а с 1817 г. находился на гражданской службе. Но его дипломатическая карьера была прервана в апреле 1818 г. женитьбой на очаровательной девушке по имени Софья — дочери поэта Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого.

Возможно, именно с поселением в Измалкове семьи Самариных тут появился удивительный «дух», и эта местность стала на долгие годы связана с русской литературой. Ведь несмотря

на то что в семье не было литераторов, в ближайшем родстве их было огромное количество. Сам Федор Васильевич Самарин принадлежал не только к старинному дворянскому роду по отцу, но и мать его, Марья Васильевна, была из не менее древнего рода князей Мещерских. Интересно, что из ближайших потомков ее отца, князя Василия Ивановича Мещерского, было 7 литераторов. Женой князя Мещерского и матерью Марьи Васильевны была Наталья Андреевна Матвеева, отец и дед которой оставили несколько сочинений по истории, а в родстве с ней состояли поэт Иван Козлов и семья Барятинских. Софья Юрьевна Самарина была дочерью Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого и Екатерины Николаевны, урожденной Хованской. Юрий Александрович был известным поэтом и в его доме бывали баснописец и его ближайший друг Иван Андреевич Крылов, писатель Михаил Матвеевич Херасков, поэт Иван Иванович Дмитриев, историк Николай Михайлович Карамзин и многие другие видные деятели того времени. Получается, что и Федор Васильевич, и Софья Юрьевна не были людьми далекими от литературы, а знали ее и впитывали с самого раннего детства...

После свадьбы Самарины жили в Петербурге, но в 1826 г. они перебираются в Москву. Выйдя незадолго до этого в отставку, Федор Васильевич принял решение полностью посвятить себя воспитанию детей.

Первый ребенок Федора Васильевича и Софьи Юрьевны появился на свет 21 апреля 1819 г., в день годовщины свадьбы родителей и был назван в честь деда-поэта Юрием. Он был одаренным мальчиком, и младшие дети всегда равнялись на него. Мария, появившаяся на свет через два года, так же как и Юрий, тянулась к знаниям, не зря о ней говорили как об одной из самых образованных женщин своего времени. К сожалению, трое последующих детей прожили совсем короткие жизни, Михаил — 24 года, Екатерина — 15 лет, а Александр не дожил и до 10 лет, но о них всех всегда с теплотой вспоминали в доме.

История усадьбы Измалково

Младшие братья Владимир, Николай, Петр, Дмитрий, равняясь на старшего брата и видя, как предан он своей работе, выбрали делом жизни служение Отечеству.

Но тогда, в 1829 г., дети были еще маленькие, а лето, проведенное в усадьбе, так запомнилось всей семье, что ровно через год Федор Васильевич решает купить Измалково с соседними деревнями, а также «с господским в селе Измалкове домом, со службами, со всею мебелью, садом, оранжереями, плодовитыми деревьями и цветами, и крестьянским всякого рода строением и их имуществом, с хлебом наличным на корню стоячим и вновь посеянным, со скотом рогатым и не рогатым, с лошадьми и со птицы, с пашенною и не пашенною садовою, огородною, огуменною удобною и неудобною землею с лесы, сенными покосы и со всеми угоды, как означенных селеньях так и в пустошах...»².

В семье Самариных сохранилось предание, что, «будучи женихом, Федор Васильевич подарил своей невесте Софье... очень богатое ожерелье. В течение всего первого года их супружества Софье Юрьевне ни разу не привелось надеть на себя эту драгоценность, и она предложила своему мужу дать этому заветному подарку другой и более полезный для нее вид, купивши на цену ожерелья подмосковную деревню, и таким образом было приобретено Измалково»³.

Как ни странно, но самая скромная по своим размерам усадьба Измалково, а Федор Васильевич имел земельные владения в Самарской, Симбирской, Тульской и двух уездах Московской губерний, стала одним из самых любимых мест семьи.

Архитектурный ансамбль усадьбы начал складываться еще при прежних хозяевах, во второй половине XVIII в., но при Самариных, по всей видимости, был отстроен заново. Единственная постройка, воздвигнутая ранее и бережно сохранявшаяся Самариными, — это церковь. В 1830 г., когда в Измалкове стали обживать Самарины, двухэтажный деревянный усадебный дом в стиле ампира с двумя ризалитами, обращенными на юг,

был еще совсем новый. Тогда и по прошествии времени в семье говорили, что это самый просторный, удобный и уютный дом. Северный фасад дома имел уложенную камнем террасу, над которой находилось главное украшение дома — большой открытый балкон, поддерживаемый шестью дорическими колоннами. С балкона открывался очаровательный вид на большой проточный пруд и деревню Измалково, которая размещалась на его противоположной стороне. Южная терраса, расположенная между ризалитами, не имела крыши и на лето затягивалась парусиной, а над самой террасой располагался узкий балкон-галерея. Здесь же подъезд и выход из гостиной на террасу украшали чугунные и мраморные львы. Слева от дома параллельно друг другу расположились два одноэтажных флигеля. Говорят, что в левом хозяева останавливались зимой, в правом была кухня и жил управляющий. Флигели сложены из рубленых бревен, а единственным их украшением по сей день являются двухколонные портики с лежащими над ними слуховыми окнами.

Усадебный парк вокруг дома был разбит еще в XVIII в. Обширный и включавший в свой ансамбль несколько прудов, он имел регулярную планировку, которую Самарины решили не менять. От северной стороны дома начинался луговой спуск к огромному проточному пруду, справа и слева к которому подступали лиственницы парка, образуя высокие группы. Прудов в усадьбе было несколько: один проточный с маленькой пристанью, лодками и деревянной купальней и два копаных. Большой пруд ныне носит название Самаринский, а копаные пруды, к сожалению, не сохранились.

С южной стороны напротив дома был правильный круг, в котором было несколько клумб среди травы, окруженный обступившими его высокими деревьями, между которыми выделялись вершины лиственниц. Круг перед домом охватывали две дорожки, соединявшиеся против дома в короткую и широкую аллею выезда, между двух каменных столбов. Под прямым углом

к западу от этой аллеи, параллельно южной границе парка, шла дубовая аллея. Это единственная аллея в парке, которую высадили Самарины еще при Федоре Васильевиче.

Прямая липовая аллея от восточной стороны круга вела к небольшой каменной церкви елизаветинского времени, которая стояла справа от дома. Церковь, освященная в честь св. Дмитрия Ростовского, была построена в стиле позднего барокко с классической декорацией. Она не имела самостоятельного статуса и относилась к приходу храма Преображения Господня в Лукине. За церковью все пространство до восточной границы парка занимала большая липовая роща.

К сожалению, время и люди уничтожили первоначальную планировку не только парка, но и интерьеры самаринского дома. Дома, который был известен многим не только теплотой гостеприимства и уюта, но и огромной библиотекой, живописными и граверными работами.

По воспоминаниям известно, что господский дом в Измалкове был обставлен в стиле 30—40-х гг. XIX в. На нижнем этаже находились большая зала-библиотека, две гостиные, буфет, передняя, девичья и жилые комнаты, на втором же этаже — два кабинета, библиотека, а также жилые комнаты и кладовая.

В библиотеке было собрано огромное количество книг. В семье приветствовалось знание иностранных языков, и книги собирались не только на русском, но и на французском, немецком, английском языках. Николай Иванович Надеждин вспоминал, что самаринская библиотека состояла «преимущественно из французских книг, каких я в глаза не видывал»⁴. Библиотека собиралась долгие годы и всевозможными способами: книги выписывали из-за границы, заказывали друзьям, отправляющимся в европейские страны. Федор Васильевич тщательно собирал произведения по истории и географии России, о путешествиях русских первооткрывателей. Особое внимание при сборе книг уделялось произведениям близких и знакомых семьи: Нелединского-Мелецкого, Крылова, Гоголя, Лермонтова,

Аксаковых и многих других. Здесь же, в Измалкове, хранился семейный архив — деловая и частная переписка, различные публицистические труды и другие материалы, касающиеся истории семьи и деятельности ее представителей.

В доме располагалась коллекция семейных портретов, большинство из которых находилось в малой, или «южной», гостиной дома. Среди портретов висели карандашные рисунки сыновей Федора Васильевича, выполненные художником Бодри: «Эти рисунки, должно быть, делались постепенно, по мере подрастания юношей, так как все шестеро предстают приблизительно в одном возрасте, но в манере они выдержаны все в одном стиле — 1840-х гг.

Для художественного проникновения в образ рода и семьи эти портреты ценны — в них хорошо выражено общее и личное. Все шесть братьев, каждый отдельно, нарисованы сидящими, с небольшим разнообразием в позах, наклоне головы и положении рук и ног. В сюртучках, застегнутых до шеи и расстегнутых, в жилетах клетчатых и полосатых, они держат в руках — кто трость, кто книгу, кто сигару. «Курчавые, расчесанные на пробор, они смотрят исподлобья, из-под нависших век. Взгляды их щелеобразных глаз — серьезные, строгие и умные...». Ведь именно «под тенью измалковских лип... под строгим и неусыпным водительством Федора Васильевича, росли, читали и учились эти серьезные юноши...»⁵.

Самарины в разное время очень часто рисовали пейзажные виды Измалкова и интерьеры усадебного дома, а в начале XX в. увлекались фотографированием, и, наверное, где-то в архивах сохраняются образы того прежнего Измалкова, когда в нем жила эта удивительная семья.

Вся история имения очень тесно переплетается с историей домашней школы Самариных, которую создал для своих детей Федор Васильевич. Поселившись в Измалкове, Самарин стал активно заниматься обучением и воспитанием детей, ведь еще весной 1824 г. он пригласил к маленькому Юрию воспитателя —

француза Пако. Собственно, заключением договора с молодым преподавателем французского колледжа Федор Васильевич положил начало домашней школы, которая просуществовала несколько десятилетий. Сыновья с пяти лет и до поступления в университет учились в этой школе по индивидуальным программам с помощью приглашаемых преподавателей, большинство которых были в настоящем либо в будущем профессорами Московского университета. Среди них были доктор этико-филологических наук, издатель и критик Николай Иванович Надеждин, историк Петр Николаевич Кудрявцев, академик и знаток древнерусской культуры Федор Иванович Буслаев и многие другие.

Первый воспитатель и учитель домашней школы Самариных — Адольф Иванович Пако впоследствии также стал преподавателем Московского университета, но тогда, в середине 1820-х гг., он взялся за дело с удивительным рвением и представил подробный трехлетний план обучения и физического развития мальчика. В то время ни учитель, ни ученик не знали, как сильно они сблизятся и что Пако станет не только главным воспитателем Юрия Федоровича, доведшим его до университета, но и лучшим другом.

Через домашнюю школу прошли все дети Самариных. Впоследствии традиции этой школы передавались в семье от одного поколения к другому и давали весьма плодотворные результаты. Братья Юрий, Николай, Петр и Дмитрий Федоровичи стали деятельными проводниками реформ 1860-х гг., а представители следующего поколения, сыновья Дмитрия Федоровича — Федор, Петр, Сергей и Александр — общественными и земскими деятелями, уделявшими при этом большое внимание народному просвещению.

Федора Васильевича Самарина волновало образование не только своих детей. Он писал управляющему в свое волжское имение Васильевское, что при каждой церкви нужно обучать мальчиков и девочек. При этом последних надо обязательно

учить, так как каждая девочка, став матерью, сможет больше внимания уделять обучению своих детей, нежели отец, который бывает дома реже и более нетерпелив в отношении своих учеников. Он считал, что вместо священника при главной школе учителем должен быть «из кончивших семинарию по первому разряду, добронравный, пользующийся любовью у населения»⁶.

Почти все детские и юношеские годы будущего общественного деятеля и славянофила Юрия Федоровича Самарина прошли в Измалкове. В 15 лет он поступил в Московский университет, учась в котором был счастлив научными занятиями. В те годы Юрий Федорович наслаждался всей полнотой жизни, ведь он был окружен людьми, представлявшими все самое лучшее в обществе того времени. Практически сразу он как равный занял место среди них, окружающие оценили и признали его талант. Необыкновенно благоприятные внешние условия обеспечивали ему полную свободу и независимость. Он хотел жить в Москве, ездить к друзьям, спорить о новой статье Хомякова или новом сочинении Гоголя, об особенностях русской народности или о логике Гегеля, писать статьи, а летом уезжать в Измалково.

Еще во время подготовки к выпускным экзаменам Самарин сближается с Константином Аксаковым. У него в доме Юрий Федорович знакомится с Николаем Васильевичем Гоголем. Самарин присутствовал и на первом чтении «Мертвых душ», а вслед за тем у него с Николаем Васильевичем завязалась переписка.

Интересно, что на именинах Гоголя в 1840 г. Юрий Федорович встретился с уже знакомым ему Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Это была их третья или четвертая встреча, которая в дальнейшем переросла в теплые дружеские отношения. Самарин познакомился с поэтом в январе 1838 г. на вечере у родственников — Оболенских, живших в Москве на Солянке. В апреле 1841 г. Лермонтов приезжал в Москву в последний раз и встречался с Юрием Федоровичем. После смерти Михаила

Юрьевича Самарин принял активное участие в собирании и публикации наследия поэта.

Тогда же, в 1840—1844 гг., Юрий Федорович жил в Измалкове почти постоянно. На зиму он оставался один, так как углубленно работал над магистерской диссертацией. Это «измалковское одиночество» Юрия Федоровича было весьма плодотворно: он написал три тома диссертации под названием «Стефан Яворский и Феофан Прокопович», которую блестяще защитил в июне 1844 г.

В это же время Федор Васильевич начинает торопить сына со службой. Он очень не хотел, чтобы сын превратился в московского дворянина-литератора, едущего в гости и ведущего бесконечные беседы на разные темы. Отец был убежден, что молодым людям надо служить, и настоял на том, чтобы Юрий Федорович поступил на службу. В начале августа 1844 г. Самарин отправляется в Петербург, где его определяют в Департамент юстиции. Служба его очень тяготила и при первой же возможности в 1852 г. он уходит в отставку.

Юрий Федорович всегда с теплотой и нежностью вспоминал Измалково, ведь именно здесь он увлеченно читал Гете, отдыхал от усиленных университетских занятий, создал литературно-философские этюды о Вертере и написал диссертацию, рисовал, вел дневник, начал писать воспоминания о своем детстве, переписывался с родными и друзьями, ни дня не проводил без охоты и верховой езды.

В 1853 г. умирает Федор Васильевич. В этом же году для Отечества наступают нелегкие времена, ведь начинается Крымская война. Владимир Федорович и Николай Федорович отправляются воевать в регулярных частях, а Юрий Федорович заниматься набором ратников. После окончания войны Юрий Федорович усердно работает над запиской о крепостном праве, а в 1856 г. эта записка была уже готова, но до знаменитой «великой реформы» остается еще целых пять лет, и он начинает усиленно заниматься крестьянским вопросом.

Юрий Федорович всегда помнил не только о самой усадьбе, как самом дорогом месте, но о тех, кто жил в имении. Именно поэтому он в письме к отцу просил обязательно сообщить крестьянам указ 3 марта 1848 г. об их праве приобретать собственность. Зачатки такого отношения к крестьянам шли из детства Юрия Федоровича. Семнадцатилетний юноша вспоминал «преlestный вечер», проведенный всей семьей в Измалковском лесу: «Мимо прошел пастух, прогоняя свое стадо. Какая противоположность: мы были все веселы, а он один среди своего стада, бедный, без надежды на будущность, он, казалось, изливал свою грусть на заунывной волынке...»⁷

В самаринских имениях было принято заботиться о крестьянах — в них создавались крестьянские капиталы для помощи бедным и для покупки рекрутских квитанций взамен отдачи рекрутов по повинности. После реформы 1861 г. эти капиталы, составившие весьма значительную сумму, были все переданы крестьянам. Юрий Федорович, мечтавший дожить до полного «уничтожения крепостного состояния», не раз сообщал отцу обо всех новых законоположениях, касающихся улучшения жизни крестьян.

На протяжении всего XIX в. село Измалково оставалось небольшим. По данным 9-й ревизии 1852 г., в нем было 6 крестьянских дворов, в которых жили 33 мужчины и 33 женщины, а в соседних деревнях Глазыниной — 24 «мужеска» и 25 «женска», Переделках — 21 «мужеска» и 21 «женска» душ, а, следовательно, на все имение приходилось всего 157 душ. Заметим, что Федор Васильевич Самарин в то время владел в общей сложности 17 селами и деревнями с 4 тысячами душ. Правда, в 1890 г. только в селе Измалкове уже числилось 103 души. Здесь работало начальное училище, на которое Самарины с 1872 г. ежегодно отпускали средства для оплаты учителей, священника, на приобретение необходимых учебных пособий. В целом на благотворительные цели уходило около одной шестой годового усадьбного бюджета, и это при том, что сама усадьба была убы-

История усадьбы Измалково

точной и Самариным приходилось вкладывать на ее содержание от 5 до 9 тысяч рублей ежегодно.

С 1854 г. по завещанию, написанному Федором Васильевичем, усадьбой стала владеть его вдова, Софья Юрьевна. При ней возникает замечательная традиция — новобрачным после свершения таинства венчания отправляться в любимую усадьбу. Основоположником этой традиции стал младший сын Софьи Юрьевны и Федора Васильевича — Дмитрий, который в апреле 1857 г. женился на Варваре Петровне Ермоловой. Венчание Дмитрия Федоровича и Варвары Петровны происходило в их приходе — церкви Воскресения в Брюсовском переулке, после чего они на тройке уехали в Измалково.

Варваре Петровне в приданое досталось небольшое подмосковное имение Собакино в Звенигородском уезде Московской губернии. Первые два года своей совместной жизни Дмитрий Федорович и Варвара Петровна провели в Собакине, которое располагалось сравнительно недалеко от Измалкова. Софья Юрьевна Самарина приезжала к ним в гости проводить новобрачных, а в ответ сестры Варвары Петровны — Катя и Нина ездили в Измалково. В то время в Измалкове бывало много молодежи. Как правило, приезжали к своей матери братья — Петр, Николай и Владимир Федоровичи, которые очень оживлялись с приходом двух красивых барышень. Они все вместе устраивали домашние спектакли, которыми пытались развлечь Софью Юрьевну.

В 1858 г. в семье Самариных произошел раздел имений, по которому самое маленькое владение — село Измалково с деревнями Измалкова, Глазынина и Переделки — досталось Софье Юрьевне в полном его составе, а через 13 лет она «подарила родному сыну, законному и ближайшему ко мне наследнику, надворному советнику Николаю Федоровичу Самарину, собственную мою, свободную от запрещения землю, состоящую Московской губернии, Звенигородского уезда, при селе Измалково, деревнях Переделки и Глазынины»⁸.

Николай Федорович, живя в Измалкове, занимался разбором семейного архива и стал летописцем рода. Но кроме домашних дел он не забывал и другие, ведь именно Николай Федорович открыл в Измалкове училище и стал оплачивать труд учительниц и священнослужителей.

Усадьба Измалково постепенно вошла в жизнь Самариных не только как место воспитания подрастающего поколения, но и как место проведения досуга и творческого отдохновения. Сюда, в усадьбу, приезжала молодежь для встреч и отдыха. Здесь бывали родные и друзья из Москвы и близлежащих подмосковных имений, а это Мещерские, Мансуровы, Осоргины, Гагарины, Свербеевы, Лермонтовы, Мусины-Пушкины, Аксаковы и многие другие. В усадьбе ставились домашние спектакли, звучала музыка. Прогулки, катания на лодках и игры на воздухе чередовались с чтением в домашней библиотеке и игрой в шахматы.

У Николая Федоровича с его женой Екатериной Николаевной Рахмановой не было детей, и в 1892 г. Измалково перешло к семье его племянника Федора Дмитриевича.

Федор Дмитриевич наполнил этот дом удивительным ощущением спокойствия и взаимопонимания родных и близких людей. Одна из дочерей писала о нем: «Надо увидеть Папа в измалковском лесу, поздней осенью, когда, сопровождаемый шедшей по пятам примолкшей младшей дочкой, он шел по просеке в пальто и шляпе, погруженный в глубокую и скорбную думу, иногда останавливаясь, поднимая голову, слушая шепот осеннего леса...»⁹ Измалково было связано для Федора Дмитриевича с самыми счастливыми годами, когда он наслаждался безоблачной семейной жизнью, которая оказалась очень недолгой.

Жена Федора Дмитриевича, Антонина Николаевна — дочь князя Николая Петровича Трубецкого и княгини Софьи Алексеевны, урожденной Лопухиной, — от природы открытая и жизнерадостная, с молодости была слаба здоровьем и прожила

История усадьбы Измалково

недолгую жизнь. Последние четыре лета своей жизни она провела в Измалкове вместе с мужем и детьми — Софьей, Варварой, Дмитрием и Марией. Антонина Николаевна скончалась в марте 1901 г. в возрасте 36 лет. Именно в Измалкове долгие годы хранились остатки ее приданого, которые лежали в кованом сундуке в кладовой.

Федор Дмитриевич, оставшись один с четырьмя детьми, не знал, что это не все тяжелые испытания, которые выпадут на его долю. Сначала он был вынужден оставить службу из-за тяжелой болезни глаз. Зрение у него было слабым с детства, а в первый год семейной жизни еще и повреждено, когда после бессонной ночи, из темной спальни жены, где только что родилась его первая дочь — Соня, Федор Дмитриевич вышел на свет яркого июльского дня и поднял глаза к солнцу. Именно с этого времени у него начались глазные заболевания, а врачи очень часто запрещали писать и читать. Но, не смотря на болезнь, Федор Дмитриевич продолжал работать. Он трудился над вопросом крестьянского землеустройства, изучал положение крестьян, в котором они оказались после реформы 1861 г., занимался вопросами народного просвещения, а также изучал вопросы богословия, истории Церкви, исследования текстов Священного Писания.

Очень часто сюда, в Измалково, к Федору Дмитриевичу приезжал его брат Александр, сначала один, а потом и со всем своим семейством. Женой Александра Дмитриевича стала Вера Саввишна Мамонтова, которая всем известна как «девочка с персиками» с одноименного портрета Валентина Серова. Несмотря на то что Александр Дмитриевич и Вера Саввишна принадлежали к разным сословиям, он — дворянин, она — из купеческого рода, встретившись, они практически сразу поняли, что вряд ли смогут жить друг без друга. Правда, ждать благословения на этот брак им пришлось довольно долго, а сама семейная жизнь оказалась очень короткой, ведь Вера Саввишна умерла через четыре года после свадьбы, оставив трех малолетних детей.

Федор Дмитриевич Самарин, главный хозяин усадьбы, будучи членом Государственного совета и активным деятелем Московского губернского земства, был вынужден постоянно находиться либо в столице, либо за границей, и в имении жили его дети. С ними связана целая эпоха дома, отображенная в воспоминаниях и письмах, которые дети регулярно писали отцу. Именно дети Федора Дмитриевича стали тем связующим звеном, которое соединило жителей усадьбы Измалково и Городка писателей Переделкино.

Как ни удивительно, но Измалково избежало упадка, который наступил во многих усадьбах в начале века. Здесь не было никаких беспорядков и волнений в 1905—1907 гг., и это несмотря на то, что в имении большей частью хозяйничали две девушки — две сестры Софья и Варвара, которые замещали отца во время его постоянных отлучек.

В конце 1905 г. Варвара Федоровна писала отцу из Измалкова: «...Все думаешь о том же, чем это все кончится, как в частных случаях, так и во всей России, и невыносимо тяжело делается; одно утешение, что это несомненно для нашего же блага.

Здесь, слава Богу, все очень тихо, жизнь наша идет себе спокойно и правильно, отношения у всех довольно мирные; пишу довольно, потому что конечно бывают обыкновенные споры, но самые незначительные, без которых нельзя обойтись... к нам приехал дядя Саша, которого совсем не ожидали и потому особенно ему обрадовались. Мы с ним очень приятно провели вечер, много говорили; после обеда сначала играли в блошки, потом играли ему все три на фортепьяно; он нашел, что я сделала большие успехи и очень меня этим обрадовал. После чая сидели с ним довольно долго...»¹⁰

Другая дочь — Мария в 1914 г. вышла замуж за Сергея Павловича Мансурова и покинула отчий дом. Сергей Павлович, изучая житийную литературу, написал «Очерки по истории Церкви», а после революции работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры и

История усадьбы Измалково

служил там же заведующим библиотекой. За три года до смерти он принял священство с посвящением в диакона, а затем в иерея. Мария Федоровна долгие годы писала воспоминания о рано умершем муже, отце Сергии (Мансурове), и об их совместной жизни.

Как ни удивительно, но в семье одного из первых поселенцев Городка писателей, Константина Федина, жила Мария Николаевна Соколова. Она до революции была монахиней Дубровского монастыря, где служил отец Сергей. После закрытия монастыря в 1928 г. она попала в дом отца Сергия и его жены Марии Федоровны. Мария Николаевна жила в доме в нелегкое время, когда отец Сергей был уже тяжело болен. Она упоминается в воспоминаниях Марии Федоровны о последних минутах жизни ее мужа. По загадочному стечению обстоятельств на могиле монахини Марии, а умерла она в 1957 г., был поставлен каменный крест со старого кладбища, которое когда-то располагалось недалеко от церкви св. Дмитрия Ростовского в Измалкове. Правда, в семье Константина Александровича не знали о «дореволюционном прошлом» Марии Николаевны.

Единственный сын Федора Дмитриевича Самарина, Дмитрий, был талантливым философом своего времени. Дмитрия Федоровича можно встретить в автобиографической прозе Бориса Леонидовича Пастернака: «Охранной грамоте» и «Людях и положениях». Пастернак вспоминал о нем, описывая Московский университет, где они оба учились на философском отделении историко-филологического факультета, а также при упоминании Марбурга.

С Дмитрием Федоровичем случилась трагедия: он тяжело заболел душевно, когда осенью 1912 г. в Марбурге писал критическую работу о Марбургской философской школе, направленную против ее рационализма. Перед Первой мировой войной семье удалось перевести его в лечебницу под Смоленском, откуда Дмитрий Федорович уехал и долгое время скитался. Он ездил по монастырям, бедствовал. Почти семь лет он провел в

скитаниях по России и Сибири. До семьи доходили сведения, что в часы прозрения он читал блестящие лекции по философии. Летом 1921 г. Дмитрий Федорович неожиданно вернулся в Москву, где скончался через 6 недель в кругу родных и близких ему людей.

В конце 1930-х гг., когда Борис Пастернак получил дачу в писательском поселке Переделкино, он не мог не знать, что детство его университетского товарища Дмитрия Самарина прошло именно здесь, в усадьбе Измалково. Возможно именно поэтому в 1943 г. Пастернак пишет стихотворение «Старый парк», где угадывается уже к тому времени достаточно запущенное имение Самариных:

...Парк преданьями состарен.
Здесь стоял Наполеон
И славянофил Самарин
Послужил и погребен.

Здесь потомок декабриста,
Правнук русских героинь,
Бил ворон из монтекристо
И одолевал латынь.

Если только хватит силы,
Он, как дед, энтузиаст,
Прадеда-славянофила
Пересмотрит и издаст...

Брюссельский профессор Альбер Деман, увидев сходство судеб Самарина в «Людах и положениях» и главного героя «Доктора Живаго», спросил об этом Пастернака в письме. Борис Леонидович ответил: «Прототипы героев «Доктора Живаго» действительно жили на свете, но герои сами по себе — видоизменения этих моделей. Ваше замечание о Дмитрие Самарине очень тонкое и точное. Его образ был передо мной, когда я описывал возвращение Живаго в Москву»¹¹.

История усадьбы Измалково

Последней владелицей Измалкова стала вторая дочь Федора Дмитриевича — Варвара, которая сначала хозяйничала в усадьбе самостоятельно, а потом вместе с мужем Владимиром Комаровским, вошедшим в семью в 1912 г.

Род Комаровских известен с XV в. Представители этой семьи дружили и общались со многими видными деятелями русской литературы. Дед Владимира Алексеевича — Егор Ефграфович, литератор-дилетант и переводчик, дружил с Пушкиным, Жуковским, Иваном Козловым, был женат на сестре Дмитрия Веневитинова и служил в Комитете иностранной цензуры под началом Тютчева. В литературном же салоне его дочери, Анны Егоровны, бывали Достоевский, Тургенев, Владимир Соловьев.

Граф Владимир Алексеевич Комаровский родился в 1883 г. в семье Алексея Егоровича Комаровского и Александры Васильевны, урожденной Безобразовой, где уже к тому времени было двое сыновей: Василий и Юрий. Алексей Егорович был смотрителем Императорского вдовьего дома в Москве, заведующим Румянцевским музеем, хранителем Оружейной палаты. Будучи художником-дилетантом, он всем своим детям передал любовь к живописи. Возможно, потому, что семья была связана с литературными и художественными традициями. Один из братьев Комаровских, Василий, стал поэтом, а Владимир — художником-иконописцем.

Старший брат Владимира, Василий, был с детства болен. Почти десять лет Василий Комаровский прожил безвыездно в Царском Селе, где познакомился и подружился со многими видными деятелями первой половины XX в. К сожалению, из-за болезни в свет вышла только одна книга его стихов под названием «Первая пристань», а большинство рукописей было утеряно. Рецензию на единственную книгу поэта написал Николай Гумилев.

Мало кто знает, что последние месяцы жизни поэт Василий Комаровский провел в маленькой подмосковной усадьбе Измалково у своего брата. Так случилось, что в начале 1914 г. у

Василия началось очередное обострение болезни, и Владимир Алексеевич принял решение забрать его к себе... в Измалково. О последнем месяце жизни поэта известно из письма Федора Дмитриевича к своей сестре Анне: «В ночь с воскресенья на понедельник скончался Вася Комаровский. ...Я, кажется, писал тебе, что Вася Комаровский еще в Петербурге был в очень нервном состоянии, почему Володя и решил увезти его оттуда. У нас в Измалкове он был, казалось, совершенно спокоен. Но в последние дни у него сделалась бессонница и большое нервное возбуждение. Тогда Володя решил увезти его опять в Петербург, но уже в Москве состояние его настолько ухудшилось, что пришлось поместить его к Лахтину. Тут он долго был буен, но к концу минувшей недели стал успокаиваться... Однако вскоре... совершенно неожиданно сделался сердечный припадок... Несмотря на все меры, деятельность сердца становилась все хуже... Он скончался совершенно тихо, просто угас...»¹² Похоронили Василия Комаровского в Москве на кладбище Донского монастыря.

Владимир Алексеевич Комаровский был талантливым художником-иконописцем и теоретиком иконописи. Среди его работ были иконостас для храма в имении графа Медема неподалеку от города Хвалынска, проект росписи притвора в Троицком соборе Почаевской лавры, иконостас храма Сергия Радонежского на Куликовом поле, который он выполнил вместе с другом Дмитрием Семеновичем Стеллецким. К сожалению, большинство его работ утрачено.

Накануне революции в усадьбе жизнь шла своим чередом. Весной перебирались из города в имение, что было связано всегда с рядом хлопот, ведь необходимо было приготовить дом, отремонтировать или покрасить крышу, проверить печи и при необходимости привести в порядок, подготовить дом для проживания. Пруды, парк, оранжереи требовали постоянного внимания и заботы. Но как только все было готово, в доме поселялись хозяева, к которым направлялись гости из соседних

История усадьбы Измалково

имений, из Москвы, и жизнь дома продолжала быть веселой, шумной и интересной.

Все изменилось в 1917 г., когда Октябрьская революция и последующая за ней национализация усадеб сильно изменили Измалково. Известно, что, лишая бывших владельцев права на владение имениями, советские постановления разрешали некоторым, — кто не предпринимал контрреволюционных действий и желал трудиться на земле, — жить в усадебных домах в качестве «трудовых землепользователей». При этом занимая минимальную площадь. Так случилось и в Измалкове, где разрешили остаться семье Комаровских. Сюда к ним, а они жили в одной комнате, так как остальные занял интернат для детей советских ответственных работников, приехала сначала семья Петра Владимировича Истомина, а потом к ним присоединилась и семья Осоргиных. В начале 1920-х гг. в усадьбе побывали: жена и дети философа Евгения Николаевича Трубецкого, а также сын его брата, философа Сергея Николаевича — Владимир Сергеевич Трубецкой. Тогда же почти год здесь прожил деятельный член Религиозно-философского кружка в Москве и в прошлом дипломат Павел Борисович Мансуров. В доме в то время жили не только Трубецкие и Мансуровы, но и Раевские, Урусовы, Шереметевы, Голицыны, а также Владимир Федорович Джунковский, профессора Иван Ильин и Федор Петровский и многие другие. Но это уже была совсем другая жизнь...

Около 1918 г. Владимир Алексеевич Комаровский написал большой образ Донской Божией Матери для часовни на лесном кладбище близ усадьбы Измалково. С начала 1920-х гг. он стал преподавать рисование в сельской школе в селе Измалкове, именовавшейся Самаринской, по имени ее основателей. В 1921 г. Комаровского в первый раз арестовали, но через полтора месяца он был освобожден. Тогда, в 1921 г., появляется удивительное письмо от «несчастливых» крестьян в защиту «своего барина»:

«В Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и злоупотреблению по службе

Крестьян Московской губернии, Козловской волости деревень:
Измалково, Переделкино, Глазынино и Губкина

Прошение

Мы, граждане вышеуказанных деревень, общим приговором порешили ходатайствовать перед Чрезвычайной Комиссией о разрешении выпустить под общую нашу круговую поруку заарестованного в настоящее время гражданина Владимира Алексеевича Комаровского, состоящего учителем при нашей местной Сельской Самаринской школе; в нем ощущается крайняя необходимость по его должности, как учителя»¹³. В конце письма стояло полсотни подписей жителей Измалкова. Но, несмотря на письма в защиту хозяев имения, в 1923 г. владельцы были окончательно выселены из усадьбы, а в дальнейшем подвергнуты репрессиям.

Комаровские перебрались в Сергиев Посад, где Владимир Алексеевич с 1923 по 1925 г. работал художником Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры. Правда, его титул графа не давал покоя властям, и он неоднократно арестовывался. В 1925 г. его отправляют в ссылку в город Ишим, тогда Уральской, а ныне Тобольской области, сроком на три года. В 1928 г. он возвратился в Москву и вместе с семьей поселился в трех километрах от Переделкина в исчезнувшем ныне селе Федосьине. Но и это было не последнее возвращение, а аресты стали следовать один за другим.

В перерывах между арестами Владимир Алексеевич продолжал заниматься росписью храмов и в 1928–1929 гг. расписал главную часть храма Святой Софии на Софийской набережной в Москве. Последней работой Комаровского стала в 1936 г. роспись алтаря церкви на городском кладбище Рязани.

В последний раз Владимир Алексеевич был арестован в 1937 г. и 3 ноября тройкой при УНКВД по Московской области был приговорен к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение 5 ноября 1937 г. на полигоне Бутово под Москвой.

История усадьбы Измалково

Дети Варвары Федоровны и Владимира Алексеевича — Алексей, Антонина, Софья, Федор — прошли бесконечные паспортизации и ссылки из-за своего дворянского происхождения. В том же 1937 г. семья Комаровских переселилась в Верею. Варвара Федоровна была тогда уже больна, а перед самой войной она с детьми перебралась в Дмитров, где и скончалась.

К тому времени в измалковском доме уже давно была размещена детская санаторная колония. Интересно, что сохранилось «Описание села Лукина и сельца Измалкова», составленное в середине 1920-х гг. Российским обществом туристов, где можно прочитать следующее:

«Последним владельцем усадьбы Измалково был Самарин. В имении сохранились дом XIX века, в котором в настоящее время помещается учебное заведение, и церковь, сооруженная в 1757 г. В парке сохранился бюст греческого философа. На кладбище стоит часовня деревянная, а в ней сохранилось скульптурное распятие. По словам настоятеля Лукинской церкви, это распятие первоначально стояло на улице в одной из окрестных деревень, но бывший владелец Лукина барон Боде-Колычев нашел более приличным убрать его с улицы. Часовня для него была сооружена после того, как одна местная жительница увидела во сне этот крест»¹⁴.

По переписи 1926 г. здесь в Измалкове значилось 33 хозяйства и 216 жителей, а в дальнейшем усадьба приходит в упадок, к постепенному разорению.

За время национализации и репрессий многие семейные реликвии Самариных были утрачены. В 1920-е гг. большинство городских и усадебных библиотек спасалось при помощи охранных грамот, но инструкции Наркомпроса при этом устанавливали, что библиотека лишь «временно оставляется в распоряжении частного лица» и Наркомпрос имеет право дать ей иное назначение. Самаринская библиотека получила охранную грамоту, но ее это не спасло, и вся библиотека в 1923 г. была продана в Пражский университет.

В начале 1930-х гг. снесли церковь Святого Дмитрия Ростовского. Тогда же началось наступление на усадьбу поселка писателей: на месте кладбища и измалковского леса стали строиться дачи...

И началась другая история — история Городка писателей Переделкино, с его радостями и невзгодами, дружбой и ненавистью и новой эпохой советской литературы. И как жаль, что мало кто знает те ушедшие века, когда в этих местах была другая жизнь, связанная не только с литературой, но и с долгом перед Отечеством; ведь основой воспитания в семье Самариных было то, что, чем бы ты ни занимался, где бы и кем ни служил, главное, что ты можешь совершить в жизни, — это принести благо своему Отечеству.

Примечания

¹ Государственный музей А. С. Пушкина. Собрание Ю. Б. Шмарова. Дело Самариных. Л. 35.

² Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 265. Самарины. К.12. Ед. хр.12. Купчая на продажу имения Измалкова. 1830. Л. 1.

³ Буслаев Ф. И. Мои досуги: Воспоминания. Статьи. Размышления. М., 2003. С. 113.

⁴ Цит. по: Поддубная Р. П. Из истории библиотек Самариных // Самарские книжники. Самара, 2000. С. 90.

⁵ Государственный музей А. С. Пушкина. Собрание Ю. Б. Шмарова. Дело Самариных. Л. 62.

⁶ Цит. по: Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI—XX вв.: Исторические очерки. М., 2001. С. 355.

⁷ Цит. по: Иванова Л. В. Домашняя школа Самариных // Мир русской усадьбы. Очерки. М., 1995. С. 22.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 265. К.233. Ед. хр. 34. Раздел имений Софьи Юрьевны Самариной между сыновьями. 1858. Л. 2.

⁹ Мансурова М. Ф. Детские годы // Самарины. Мансуровы. Воспоминания родных. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. С. 17—18.

История усадьбы Измалково

¹⁰ НИОР РГБ. Ф. 265. К. 179. Ед. хр. 15. Письма Комаровской Варвары Федоровны, урожденной Самариной, к отцу Федору Дмитриевичу Самарину. 1895–1914. Л. 62.

¹¹ *Пастернак Б. Л.* Полное собрание сочинений в 11 томах. Т. X. Письма 1954–1960 гг. М., 2005. С. 460.

¹² *Комаровский В.* Первая пристань. СПб., 2002. С. 146.

¹³ Просим освободить из тюремного заключения (письма в защиту репрессированных) / сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М., 1998.

¹⁴ НИОР РГБ Ф. 177. Московское областное бюро краеведения. К. 37. Ед. хр. 80. Российское общество туристов. «Село Лукино и сельцо Измалково». 1920-е гг.

М. Ю. Агапова*

СБОРНИКИ РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Сборники Русского исторического общества (РИО) занимают особое место как крупнейшая серийная публикация источников по истории России XVIII–XIX вв. За пятьдесят лет существования общества, с 1866 по 1916 г., было выпущено 148 томов Сборника.

РИО одним из первых начало масштабную публикацию источников по истории нового времени. С момента издания первого тома Сборника РИО сложилась ставшая впоследствии общей для изданий Общества форма оформления публикаций. Это были книги формата 1/8 печатного листа, объемом около 30–74 печатных листов, что составляло 240–550 страниц в каждом томе. Для воспроизведения основного текста использовался шрифт «цицero № 11». Тираж первого тома составил 2400 экземпляров. Все издания имеют переплет. При оформлении Сборника почти не использовался цвет, за исключением слова «Сборник», которое печаталось на титульном листе красным цветом. Художественное оформление Сборника было строгим, традиционным для научных изданий. Обычная цена тома составляла 3 руб.

До второй половины XIX в. история предшествующих полутораста лет оставалась малоизученной из-за недоступности

* Научный сотрудник научно-методического отдела Государственного исторического музея.

источников. Скудость введенных в научный оборот источников не только затрудняла научно-исследовательскую работу и создание учебных пособий, но и решение проблем государственного реформирования, требовавших обращения к опыту предшествующих поколений. «Главною основною мыслью учреждения Русского исторического общества, — писал один из его основателей А. А. Половцев, — послужило то убеждение, что история нашего Отечества делается тем более привлекательною, чем более она будет известна, что лучшим способом сделать ее известною является беспристрастное напечатание имеющих историческое значение актов и документов, хранившихся недоступными в архивах, а по напечатании имеющих дать прочную основу исторической литературе»¹.

О важности данной проблемы свидетельствуют те факты, что идея создания РИО возникла в кругах, непосредственно связанных с управлением страной: большинство членов — основателей Общества были сотрудниками МИД, а сам проект был поддержан царем — почетным председателем Общества стал наследник престола, будущий император Александр III.

Изучение Сборников РИО как исторического источника представляет интерес не только с точки зрения выявления информативности материалов и научно-справочного аппарата издания, но и как характеристика основных приемов публикаторской деятельности РИО, а также уровня развития отечественной исторической науки данного периода в целом.

Тематика опубликованных в Сборнике материалов обширна и включает в себя документы, относящиеся как к внутренней, так и к внешней политике государства. Среди них можно выделить шесть крупных серий: «Материалы по истории Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового Уложения 1767 г.», «Бумаги Екатерины II», «Материалы для истории высших государственных учреждений России в XVIII веке», «Материалы для политической и бытовой истории в 1812 году», «Дипломатическая переписка иностранных послов и

посланников при русском дворе», «Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными», включающие документы XV–XVII веков². Помимо этих серий в Сборнике публиковались личные бумаги Петра I, Петра II, Екатерины I, Александра I, Николая I, Александра II, а также документы, связанные с деятельностью видных государственных сановников.

В Сборнике публиковались отчеты о годичных собраниях Русского исторического общества. Во время подготовки издания Русского биографического словаря в двух томах Сборника (тома 60, 62) был помещен азбучный указатель имен русских деятелей.

Основная работа по подготовке издания Сборника лежала на ответственных секретарях РИО. Первым таким секретарем стал один из наиболее деятельных организаторов Общества А. А. Половцев.

В разное время в работе Общества принимали участие крупные историки: С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, Н. Ф. Дубровин, П. П. Пекарский, В. И. Сергеевич, Я. К. Грот, А. Н. Филиппов, И. Е. Забелин, А. Н. Пыпин, С. Ф. Платонов, В. С. Иконников, Н. Д. Чечулин, А. Н. Попов и др.

Над материалами к каждому тому работали чаще всего несколько специалистов, но их имена не всегда указаны в Сборнике.

Принципы отбора текстов складывались постепенно; направленность этой работы определялась целями Общества: собирание, обработка и распространение архивных материалов, преимущественно послепетровского времени. Первые тома Сборника содержали разрозненные документы, небольшие тематические подборки документов и статьи. Впоследствии Общество перешло к подготовке томов, посвященных одной теме, а также многотомных серий документов, тематически связанных между собой.

Сборники Русского исторического общества...

Состав публикаций и построение серий свидетельствует о том, что их подготовка основывалась на стремлении подобрать материал к биографии русских царей, истории отдельных царствований, показать «возвышенные, существенные стороны нашей государственной жизненной деятельности, создавшие великую и всем дорогую Россию»³. В соответствии с этими целями намечались к печати группы источников, производился их отбор.

Тем не менее за время своего существования Общество не выработало единого подхода к отбору источников — каждый ученый руководствовался собственными интересами и возможностями. При подготовке материалов к публикации наиболее важным был принцип защиты государственных интересов.

Ярким примером подобного принципа работы с источниками является одна из крупнейших серий сборника «Дипломатическая переписка иностранных послов и посланников при русском дворе». Отбор документов, проведенный иностранной цензурой и Русским историческим обществом, характеризуется в предисловии, например, к английской дипломатической переписке следующим образом: «...отложено лишь весьма незначительное число бумаг, содержавших почти исключительно неблагоприятные слухи о подробностях семейной жизни известных в то время лиц».

Приемы воспроизведения источников и создания научно-справочного аппарата также отличаются отсутствием единообразия. В уставе Общества было записано, что материалы публикуются «в том виде, в котором они находятся в архивах и у частных лиц с объяснениями, примечаниями, комментариями, которые признаны будут советом Общества необходимыми. Документы и акты, писанные на иностранных языках, печатаются в подлинном тексте с переводом на русский язык»⁴. Эти общие приемы в целом сохранялись при подготовке Сборников.

В основу системы расположения документов был положен хронологический принцип. Передача текста осуществлялась во временной последовательности.

В методах обработки документов можно выделить два направления: а) подготовка документов к публикации с тщательным пояснением всех особенностей текста документов, главным образом формально-справочного характера, б) подготовка документов, которые имеют минимальный уровень научной обработки текста, без примечаний и предисловий к публикуемым документам. К первой группе изданий можно отнести тома, посвященные внутренней истории страны, в частности 11-й и 25-й тома. Текст документов этих изданий напечатан с сохранением правил правописания источника. Каждый документ имеет легенду, содержащую сведения о пометах, внешнем виде, месте хранения, ссылки на издания, если документ опубликован. Трудно читаемые части слов напечатаны в квадратных скобках. Ко многим из них в виде примечаний указаны варианты прочтения некоторых слов, исправления в тексте, сделанные издателями.

Документы дипломатической серии опубликованы на языке подлинника с переводом на русский язык. Большинство документов этой серии публикуется в извлечениях без пояснений. Лишь в редких случаях оговорены неп прочитанные места. В некоторых публикациях применяется прием пересказа части документа, но пересказ ничем не отделяется от подлинного текста.

Предисловия к разным томам Сборника также отличаются по своему составу. Они содержат элементы исторической и археографической частей. Некоторые из них претендуют на краткие исследования по вопросам внешней политики России на основании публикуемых документов (предисловие Э. Германа к донесениям Иоанна Ле-Форта⁵). В качестве предисловия могли помещаться документы, характеризующие дипломатические отношения между государствами, составленные чиновниками

департамента иностранных дел, с государством которого велась переписка

Научно-справочный аппарат Сборника РИО состоит из оглавлений, указателей, примечаний и приложений. Большинство томов Сборника имеют подробные оглавления, раскрывающие содержание каждого документа, которые помогают ориентироваться в опубликованных документах. Использование данного приема особенно важно при публикации дипломатической переписки, где принята сокращенная форма заголовка документов. В некоторых томах можно встретить оглавления, имеющие структуру поэлементного указателя (11-й том). При составлении оглавлений не всегда выдерживались строгие принципы деления документов на главы и разделы, допускались неточности. Некоторые документы, а иногда и указатели (тома 52, 61) не были обозначены в оглавлении.

Общим для всех томов Сборника элементом научно-справочного аппарата является именной указатель (в разных томах он имеет название «Азбучный», «Алфавитный указатель личных имен»). Указатель содержит различные по степени полноты пояснения к включенным в него именам. В некоторых томах можно выделить два типа оформления статьи указателя, которые чаще всего применяются одновременно в одном указателе. Один, краткий, содержит характеристику лиц — полное имя, титул, чин, должность, даты жизни и перечисление страниц, где они упоминаются. Второй содержит более подробную характеристику упоминаемого лица, а также краткую характеристику содержания каждого документа с указанием номера страницы, иногда в конце статьи дается ссылка на издания, содержащие информацию о данном лице. Наиболее подробно статьи составлены к именам лиц, которым посвящены опубликованные в данном томе материалы (Петр I, Екатерина II, граф Б. П. Шереметьев и другие). В составе указателей встречается ряд неточностей, таких как наименование титула вместо имени (Голштинский, Царица, Царевич — 34-й, 40-й тома), включение

в именной ряд наименования ордена (Андрей Первозванный — 40-й том).

Эта форма указателя, несмотря на несовершенство и перегруженность в отдельных случаях, значительно выигрывает перед глухой формой именного указателя, которым чаще всего сопровождались публикации документов того времени.

В изданиях серии «Материалы для политической и бытовой истории в 1812 году»⁶ впервые в Сборнике появляются «указатель географических имен» и «указатель предметный и войсковым частям».

Примечания к материалам Сборника содержат информацию о первоначальном написании слов в документе, месте его хранения, об упоминаемых в нем лицах и событиях. Большинство документов дипломатической переписки вообще не имеет примечаний. Не всегда можно определить, кем они были составлены, так как текст дан и на иностранном, и на русском языке, а указания приводятся только к авторским примечаниям подлинника.

Приложения также не равнозначны по своему характеру. Они включают информацию иллюстрирующего характера: различные документы, не вошедшие в основную публикацию.

Сборники РИО получили широкое распространение в научном обществе второй половины XIX в. Общество рассылало свои издания многим ученым. Регулярно в отечественных журналах, таких как «Русская старина», «Исторический вестник», «Журнал Министерства народного просвещения»⁷, публиковались рецензии на вновь вышедшие тома Сборника. С 1880 г. по предложению министра народного просвещения Д. А. Толстого Общество начало снабжать своими изданиями библиотеки высших и средних учебных заведений, находящихся в ведении министерства (151 учреждение). С 1881 г. 371 экземпляр Сборника безвозмездно поступал в библиотеки учебных заведений⁸.

Публикация Обществом большого числа источников по внутренней и внешней истории отдельных царей, царствований

и высших государственных учреждений, привлечение к работе над Сборником крупнейших русских историков того времени обусловили постоянный интерес к Сборнику со стороны многих ученых. Высокую оценку получило издание однородных собраний исторических материалов. Так, А. Брикнер в серии статей, посвященных вопросам взаимоотношений между Россией и Францией в первой четверти XVIII в., говорит, что документы, напечатанные в 34-м и 40-м томах Сборника, «занимают видное место между источниками для истории последнего времени царствования Петра Великого» и что они «служат дополнением к тем сведениям, которые встречаются в XVIII томе Истории Соловьева и в донесениях иностранцев, находившихся в это время в России»⁹.

Как исторический источник материалы Сборника получили широкое применение в научных исследованиях. Они с развитием исторической науки стали изучаться не только с точки зрения содержания документов. Публикация является важным источником для изучения: 1) истории формирования основных приемов публикации источников, 2) истории развития археографии и источниковедения во второй половине XIX — начале XX вв., 3) влияния государственных учреждений на научные преобразования, роли Министерства народного просвещения в организации науки. Помимо этого, публикации Сборника дают богатый материал для сравнительного анализа реальной значимости РИО в системе научно-исследовательских организаций и обществ. Этим вопросам посвящены работы М. А. Полиевктова, П. Н. Жуковича и А. А. Лаппо-Данилевского, П. Г. Софинова, Д. М. Эпштейн, В. И. Чеснокова, О. В. Камардиной и других¹⁰.

В настоящее время материалы Сборника и его научно-справочного аппарата широко используются как источник в научных исследованиях, посвященных проблемам внутренней и внешней политики страны XV—XIX вв.¹¹, истории государственных учреждений¹², истории материальной культуры и быта

XVIII–XIX вв.¹³ Наиболее часто в исследованиях используется биографический материал Сборников¹⁴.

Сборники РИО являются ценнейшим источником по истории России нового времени. Серийное издание документов было положительным явлением в русской археографии и способствовало дальнейшему развитию исторической науки.

Примечания

¹ *Грицков В. В.* Из истории Сборников Русского исторического общества // Сборник Русского исторического Общества. М., 1999. Т. 1 (149). С. 12.

² Издание перешло в Русское историческое общество от II Отделения императорской канцелярии.

³ *Грицков В. В.* Указ. соч. С. 11.

⁴ Сборник Русского исторического общества. Т. 1. СПб., 1867. С. 3.

⁵ Сборник Русского исторического общества. Т. 3. СПб., 1868. С. 317–320.

⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 128. СПб., 1909.

⁷ *Брикнер А.* Французские дипломаты в России (1719–1721 гг.). Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 40. СПб., 1884 // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. № 8. С. 270–290; Рецензия на Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 20. СПб., 1877 // Русская Старина. 1878. Т. XXI. Кн. 3–4. С. 376–377.

⁸ Императорское Русское историческое общество в 1882 году // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1883, № 6. С. 78.

⁹ *Брикнер А.* Указ. соч. С. 270–290.

¹⁰ Императорское Русское историческое общество. 1866–1916 гг. / под ред. П. Н. Жуковича, А. А. Лаппо-Данилевского. Пг., 1916; *Полиевктов М. А.* Рецензия на книгу Императорское Русское историческое общество. 1866–1916 / под ред. П. Н. Жуковича, А. А. Лаппо-Данилевского. Пг., 1916 // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 113–126.; *Разгон А. М.* Исторические общества // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 6. Стб. 545–551; *Степанский А. Д.* К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 38–55; *Софинов П. Г.* Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957; *Корнеева И. И., Тальман Е. М.,*

Сборники Русского исторического общества...

Эпштейн Д. М. История археографии в дореволюционной России. М., 1969.

¹¹ См., напр.: *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982.; *Бычкова М. Е.* Двуглавый орел в российской государственной символике конца XV—XVII вв. // *Гербовед.* 1999. №38. С. 39—42.; *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство. СПб., 2003.

¹² *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001.

¹³ См., напр.: *Захарова О. Ю.* Светские церемониалы в России XVIII — начала XIX вв. М., 2003.

¹⁴ См., напр.: *Павленко Н. И.* Петр I. М., 2003; *Павленко Н. И.* Екатерина Великая. М., 2003; *Песков А. М.* Павел I. М., 2003; *Томсинов В. А.* Аракчеев. М., 2003.

Р. С. ЛУНЕВ*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ШЕБЕКИНСКОГО РАЙОНА БЕЛГОРОДЧИНЫ В КОНЦЕ 1920-х — 1930-х гг.

В 2003 г. отмечалось 60-летие победы советских войск на Курской дуге и освобождения территории Белгородчины от немецко-фашистских захватчиков. В Шебекинском районе в 2003 г. отмечалось сразу два знаменательных события в судьбе района и города: 65-летие города Шебекино и 75-летие образования Шебекинского района. В 2004 г. Белгородчина широко праздновала 50-летие образования Белгородской области.

В первой половине XX в. на долю нашей страны выпали суровые испытания. Страна пережила великие потрясения: три революции, две мировые войны, гражданскую войну, два смертоносных голода 1932—1933 гг. и 1946—1947 гг., все это непосредственно коснулось и населения нашего края.

Шебекинский район входит в Центрально-Черноземный промышленный регион, занимающий не последнее место по своей ресурсной оснащенности. Изучение истории края в период конца 1920-х — начала 1940-х гг. представляет большой интерес для отдельного исследования, так как это было время нэпа и коллективизации, когда имело место большое разнообразие особенностей социального и экономического развития города и района.

Рассмотрим вопросы, касающиеся политики коллективизации сельского хозяйства на территории Шебекинского района,

* Аспирант кафедры педагогики РГПУ им. А. И. Герцена (СПб).

Социально-экономическое развитие Шебекинского района...

а также сельскохозяйственную деятельность в Шебекинском районе в 1930-е гг.

Итак, до образования в 1928 г. Шебекинского района город Шебекино был центром Шебекинской волости. В Шебекинскую волость входило 10 сельских советов: Безлюдовский, Волковский, Крапивинский, Логовской, Масловский, Новотаволжанский, Старо-Таволжанский, Титовский, Устинский и Чураевский¹.

В ходе административно-территориальных преобразований в 1924 г. Курская губерния была разделена на пять округов. Образованный Белгородский округ вобрал в себя Белгородский и Корочанский уезды. Тогда же укрупнялись и все волости. В Шебекинской волости насчитывалось уже 13 сельсоветов и 20 населенных пунктов с населением 30 854 человека².

В 1928 г. в связи с новыми административно-территориальными преобразованиями и укрупнением субъектов была образована Центрально-Черноземная область с центром в Воронеже. Также в результате реформы волости были преобразованы в районы. Так в 1928 г. Шебекино стало центром образованного Шебекинского района³.

Шебекинский район, созданный в 1928 г., был примерно вдвое меньше современного, так как восточную часть нынешней территории его занимал Больше-Троицкий район. Шебекинский район до объединения в 1962 г. с Больше-Троицким районом занимал территорию, размер которой не превышал 922,82 кв. км, с земельной площадью 99 298 га.⁴

Шебекинский район населяли представители преимущественно двух национальностей: русские и украинцы. Его население на 1 мая 1931 г. насчитывало 70 067 чел., которые по национальному составу делились следующим образом: русских проживало 49 467 чел., или 70,6%, украинцев 26 389 чел., или 29,1%. Представителей других национальностей 211 чел., или 0,3%⁵.

Перепись 1937 г. дала следующие цифры: население района возросло на 20 000 чел. Средняя плотность населения общая по району — 71,5 чел. на 1 кв. км. Плотность населения по селам — 65,5 чел. на 1 кв. км.⁶

Административное деление Шебекинского района выглядело следующим образом: административной единицей являлся совет. В районе было 27 советов, из них городских — 1, сельских — 26. В составе района находился 101 населенный пункт, из них 2 рабочих поселка, 44 села, а остальные — мелкие населенные пункты (хутора). Каждый сельский совет объединял сразу несколько населенных пунктов. На один сельсовет приходилось по 3—4 населенных пункта⁷.

Вынужденный переход советской России к новой экономической политике в 1921 г. поднял экономику страны. Заработала промышленность, начала крепнуть деревня. К 1925 г. в Шебекинской волости приходится 10,5 железного плуга на 1000 десятин земли. В 1925 г. в Шебекине создан свекловодческий кооператив «Объединение свекловодов», располагающий даже тракторами и помогающий крестьянам техникой и семенами⁸. В целом период времени с осени 1926 г. до весны 1927 г. характеризуется ликвидацией острого товарного голода и восстановлением относительного рыночного равновесия. В этих условиях хлебозаготовки шли относительно спокойно и успешно.

Для борьбы с инфляцией и для обеспечения рентабельности хлебного экспорта, который существовал для закупки оборудования, в конце сентября 1927 г. было решено существенно снизить государственные закупочные цены на хлеб. Наряду с недостатком промтоваров это явилось важной причиной падения планов хлебозаготовок.

В то время, в 1927 г., в Шебекинской волости существовало 4 ТСОЗ — товарищества по совместной обработке земли, возникших во времена нэпа вместо неудавшихся коммун. Таковые были в с. Чураево и один в с. Крапивное, объединяя очень незначительную часть крестьянства, а именно — 115 крестьян-

ских семей-бедняков. Отношение большинства крестьян к организуемым коммунистами ТСОЗ характеризует следующий пример. В 1924 г. комсомольцы Ново-Таволжанского сахарного завода решили организовать ТСОЗ в с. Графовка. После выступления комсомольцев на эту тему крестьяне села подняли их на смех. Из воспоминаний А. Ф. Ярошенко: «Выступали с юмором, под общий хохот всех присутствовавших, другие выступали с издевкой, третьи в своих речах высказывали всю свою злобу по поводу идей о создании товарищества»⁹.

К 1926 г. в Белгородском округе насчитывалось 42 сельскохозяйственной артели и 25 ТСОЗ. В июне 1929 г. Чураевское ТСОЗ им. Молотова и Ютановское ТСОЗ им. Калинина объединились в сельскохозяйственную артель «Профинтерн»¹⁰.

В Шебекинском районе было 13 000 крестьянских хозяйств, из которых только около 500 относились к беднейшим. Хозяйства содержали 9239 коров и 4429 свиней¹¹.

Следует отметить, что ТСОЗ и сельскохозяйственные артели являлись прообразами будущих колхозов; так сказать, более мягкая форма колхоза. Вообще же, ТСОЗ и сельскохозяйственные артели как форма ведения хозяйства просуществовали до 1930 г., после чего в связи с коллективизацией были трансформированы в колхозы. В с. Крапивное в 1930 г. вместо ТСОЗ решили создать колхоз, но, поскольку нашлось слишком мало желающих в него вступать, ТСОЗ ликвидировали и создали из остатков товарищества колхоз «Революционная Заря». В него добровольно вошли 17 бедняцких хозяйств. Председателем назначили рабочего 25-тысячника Подольского мехзавода Т. А. Чижова — одного из 200 рабочих, присланных партией для создания колхозов в Белгородском округе¹².

В русле решений XV съезда ВКП(б) 12 июля 1928 г. в Шебекине проходила первая районная партконференция, в которой участвовали 62 делегата. Конференция взяла установку на создание колхозов в районе, а также комитетов бедноты, упраздненных еще в 1918 г. Это был силовой орган партии, куда

входила люмпенизированная часть крестьянства, зачастую подменявшая всю законную власть на селе и по своему усмотрению отбиравшая землю, инвентарь и хлеб у зажиточных крестьян в создаваемые колхозы. К декабрю 1928 г. их существовало в районе 17¹³.

В 1928 г. в Шебекине создается колхоз «Коминтерн» во главе с бедняками А. М. Коробкиным и Л. Романовым¹⁴. Компания по коллективизации набирала темпы. ЦК ВКП (б) приказал местным парторганизациям увеличить темпы коллективизации и количество колхозов. Следуя установкам Шебекинского РК ВКП(б), в районе на базе кооперативов и товариществ было создано несколько колхозов. Чтобы как-то поддержать создаваемые колхозы, государство оказывало значительную помощь: кредитование и снабжение машинами и орудиями, предоставление налоговых льгот, передача лучших земель и др. Но даже все эти меры позволили в 1929 г. охватить 25 колхозами по Шебекинскому району только 16,6% крестьянских хозяйств¹⁵.

С конца 1928 г. началось широкое применение чрезвычайных мер-репрессий по отношению к сопротивляющимся насаждаемому колхозному строю крестьянам. Крестьян, отказывавшихся продавать свой хлеб, стали привлекать к ответственности по ст. 107 УК РСФСР за спекуляцию или по ст. 61 УК РСФСР, предусматривающую ответственность за отказ от выполнения государственных заданий.

У крестьян отбирали не только товарные излишки хлеба, но и запасы для потребления и посева. Особенно широко и жестоко чрезвычайные меры применяли в хлебозаготовительную кампанию 1929 г. В селах начались повальные обыски и аресты.

М. П. Нутов, крестьянин с. Нежеголь Шебекинского района, заявлял: «Хлебозаготовка нам не нужна: хлебозаготовки истощили крестьянство»¹⁶.

К весне 1929 г. завершилась высылка крестьян с. Купино, имущество было распродано или передано в созданный колхоз им. Сталина, объединивший 16% крестьян. Крестьяне были

Социально-экономическое развитие Шебекинского района...

согласны на все, лишь бы не покидать родные места. Группа крестьян, явившись в Шебекинский райисполком, тщетно пыталась доказать свою «непричастность к кулацким элементам». При этом они заявляли: «Лучше убейте, отрубите нам головы, а из села мы никуда не поедem»¹⁷. В Шебекине на заседании комбеда (председатель Иван Шилов) были раскулачены Озеров, Коробкин, Чередников и другие крестьяне. Дом Озерова отошел сельсовету. В с. Логовое имущество крестьянина Тарасова — паровая молотилка, сеялка и другой сельскохозяйственный инвентарь отошли к колхозу¹⁸.

В ответ на эти меры росло сопротивление крестьян. Белгородские власти летом 1929 г. вынуждены были признать значительное увеличение «преступлений террористического характера, совершенных исключительно в связи с мероприятиями по хлебозаготовке»¹⁹.

Проводимая коммунистами в пользу бедных кампания по «раскулачиванию» ударила по самим же неимущим крестьянам. Вот мнение одного пастуха из сводки Белгородского окружкома ВКП(б) за 1929 г.: «Вы, коммунисты, описываете имущество кулаков и забираете у них хлеб, а все село остается без хлеба. Нам, беднякам, до нового урожая нигде хлеба не дадут. Пусть они, по-вашему, кулаки, но они нам давали хлеб и по дешевой цене, и даже в долг — без денег»²⁰.

Были отмечены и такие настроения: «Вы у кулака продаете все имущество, а чем же будем обрабатывать землю, ведь он имел лошадей, волов и обрабатывал землю больше, чем мы, и давал государству больше хлеба, а теперь все мы станем бедняками и будем с одной лошадию засеивать хлеба только на одну семью»²¹.

В ответ на реквизицию скота крестьяне начали его резать — «все равно отберут, так нам хоть что-то останется». В Шебекинском районе к началу 1930 г. по сравнению с 1928 г. скота уменьшилось в два раза. Партия приняла репрессивные меры. Газета Шебекинского РК ВКП(б) «Пламя» пестрела заголов-

ками: «Обрушить пролетарский гнев на убийц скота», «Дать кулакам и зажиточникам твердые задания». Бюро Шебекинского РК ВКП(б) запретило убой скота и его продажу. Милиции и угрозыску было поручено в подобных случаях «производить дознание в самый кратчайший срок, чтобы можно было через два дня закончить следствие». «Виновные подлежат ответственности как за вредительство»²².

План хлебозаготовок по Белгородском округу к июлю 1929 г. был выполнен на 66,8%, а к 1 декабря 1929 г. — уже на 108%²³. По решению коллегии Наркомзема РСФСР в декабре 1929 г. Белгородчина была объявлена зоной сплошной коллективизации. Осенью 1929 г. в с. Вознесенка был создан колхоз «Красный партизан», в с. Маломихайловка — «ВЭСЭЛЭ ЖІТТЯ», в с. Н. Таволжанка — «День урожая», в с. Устинка — «Красный октябрь». В одном с. Логовое стало 4 колхоза²⁴.

В начале января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП (б) принимает постановление «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», то есть от политики ограничения и вытеснения кулака перешли к политике ликвидации его как класса. 30 января во все местные парторганизации Белгородчины по телеграфу был направлен текст постановления.

Причину массового вступления в колхозы также раскрывает документ от 9 февраля 1930 г. Органами управления ГПУ была проведена операция в Белгородском и Шебекинском районах. Имущество кулаков передано в колхозы, причем бедняки сами помогали и указывали «надо такого-то...». Крепкий середняк боится, молчит и в массовом порядке идет в колхоз. В колхоз не принимают, идут в райком, говорят: «Берите все, только примите в колхоз». Один старик сказал: «Возьмите не только имущество, но и старуху мою, только примите»²⁵.

Требуя проведения репрессивных мер по отношению к зажиточным крестьянам, коммунисты стремились скрыть от населения масштабы репрессий. Раскулачивание, выселение

Социально-экономическое развитие Шебекинского района...

семей за пределы района старались проводить по ночам. Этот факт подтверждает директивное письмо секретаря Белгородского окружкома ВКП (б) П. Я. Павловцева райкомам ВКП(б) о неразглашении сведений о раскулачивании от 14 февраля 1930 г.: «Предлагается обеспечить конспиративность решений партии в вопросе раскулачивания и категорически воспретить публикацию в печати и стенгазетах фактов репрессий, особенно в части применения высшей меры репрессий к кулакам»²⁶.

Чтобы быстрее доложить в центр о ликвидации «кулачества», Белгородский окружком ВКП (б) в начале 1930 г. спустил в райкомы ВКП (б) развертку, где было определено, сколько, какой категории должно быть раскулачено. В хлебозаготовительную кампанию 1929—1930 гг. Шебекинский РК ВКП (б) мобилизовал 810 членов районного и сельского актива. Они обходили дворы, забирали хлеб и гужевым транспортом, так называемыми красными обозами, отправляли его на станции²⁷.

Конфискованное имущество раскулаченных распределяли без всякого ведома. Печин, председатель Пристенского сельского совета, переехал в кулацкую хату, имея свое хозяйство. Савостин, председатель колхоза в с. Пристенъ, тоже из своего дома переехал в новый — кулацкий. Анохина, родственница обоих, не только переехала в освободившийся дом, но и пользовалась по своему усмотрению всем конфискованным добром этого дома²⁸. В колхозе конфискованное имущество раскулаченных распределялось между своими.

В постановлении ЦК ВКП (б) от 15 марта 1930 г. признавалось, что «немало перегибов было допущено и с раскулачиванием. Особое же зло — это командование мужиком, грубое обращение с ним. Нужно честно сознаться в своих ошибках и открыто, а не тайком их исправить. Основным в настоящее время является большевистское признание всех ошибок, допущенных при коллективизации, и немедленное их исправление»²⁹.

Однако надо было отмежеваться от перегибов так, чтобы не помешать теми же темпами и дальше загонять крестьян в кол-

хозы. Вот почему постановление, сказав коротко о главном — о нарушении принципа добровольности в колхозном движении, далее сосредотачивает внимание на мелочах. Было решено отказаться от головоутицкого перетаскивания крестьян от артельной формы к коммуне, от закрытия церквей и базаров, от обобществления мелкого скота и птицы, от ликвидации приусадебных огородов. В Шебекинском районе были отмечены следующие факты. Так, в с. Никольское была создана коммуна во главе с рабочим Подольского завода Н. Л. Богорадовым. В с. Муром — закрыта церковь, в с. М. Пристань церковь была передана сельсовету под культурные нужды³⁰. С подобными явлениями при коллективизации предлагалось решительно покончить. Но темп коллективизации согласно постановлению необходимо было закрепить, что также выделил П. Я. Павловцев в докладе на пленуме Шебекинского райкома: «Некоторые увлеклись успехами раскулачивания и думают, что классовая борьба в колхозах закончена. Это в корне неверно. Кулак ведет активную, решительную борьбу, и нам предстоит здесь проделать двойную работу». Признав в целом принцип добровольности вступления и выхода из колхоза, он все же подчеркнул, что «...мы решительно против такой добровольности, которая может разрушить колхоз, которую стремится навязать нам кулак»³¹.

Здесь необходимо отметить, что если бы постановления ЦК ВКП (б) не было, то, по признанию самих коммунистов, возникла бы реальная угроза существованию советской власти. В закрытом письме ЦК ВКП (б) от 2 апреля 1930 г. «О задачах колхозного движения в связи с борьбой с искривлениями партлинии» ситуация оценивалась следующим образом. Поступившие в феврале в ЦК сведения о массовых выступлениях в Центрально-Черноземной области, на Украине, в Казахстане, Сибири, Московской области вскрыли положение, которое нельзя назвать иначе, как угрожающим. Если бы не были тогда немедленно приняты меры против «искривлений партлинии», «мы имели бы теперь войну повстанческих крестьянских хо-

Социально-экономическое развитие Шебекинского района...

зяйств», добрая половина наших «низовых работников была бы перебита крестьянами, был бы сорван сев, было бы подорвано колхозное строительство и было бы поставлено под угрозу наше внутреннее и внешнее положение»³². По существу, речь шла не об угрозе, а о начале крестьянской войны против насильственной коллективизации, против партии и советской власти.

Тем не менее крестьянин в массовом порядке побегал из колхоза. Весной 1930 г. в с. Купино родственники высланных «кулаков» разобрали из колхоза лошадей, скот, сельскохозяйственный инвентарь. В с. Муром из более 300 крестьянских хозяйств осталось 18, даже к 1932 г. в этом селе удалось коллективизировать только 55% хозяйств³³. В с. Чураево в колхозе от прежней численности осталось только 25% крестьян-бедняков. Начались серьезные конфликты из-за земли. Вышедшие крестьяне требовали обратно свою землю и урожай. Среди них были даже партизаны 6-го Корочанского повстанческого полка, сражавшиеся за советскую власть в годы гражданской войны и также выступившие против насаждаемого колхозного строя. Но все равно лучшие земли забирал колхоз, а остальные были отданы обратно крестьянам.

По апрельской сводке 1930 г. Белгородского окружкома ВКП (б): из 3690 подвергшихся раскулачиванию хозяйств по 1313 было отменено раскулачивание, но только 35,6% из этих ошибочно раскулаченных восстановлено в правах³⁴.

Наступило кратковременное «затишье», своеобразная стабилизация, когда «низы» добровольно не хотели возвращаться в колхозы, а тем более создавать новые, а растерявшиеся «верхи» на местах не решались начинать новое наступление на крестьян.

После этих событий в Шебекинском районе из всех крестьянских хозяйств 45 стало единоличниками. К 1930 г. в деревне осталось только два слоя: колхозники и единоличники³⁵. Это не устраивало партию. К середине 1930 г. с помощью чрезвычайных мер процесс массового выхода из колхозов был остановлен и

количество коллективных хозяйств начало постепенно расти. 27 сентября 1930 г. в городе Шебекино проходит 4-я партконференция, которая, основываясь на постановлении ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», взяла установку на формирование темпов сплошной коллективизации в районе. Все это для отчетности было приурочено к определенной кампании.

С 15 по 25 октября 1930 г. в СССР были объявлены «дни урожая». В Шебекинском районе они проходили под лозунгом «За 10 дней удвоить ряды колхозников», что и было сделано по району, как требовал Шебекинский РК ВКП (б), ровно за 10 дней.

В ноябре 1930 г. проходит пленум ЦК ВКП (б), который подвел итоги сплошной коллективизации : «Хлебозаготовительный план нашего района на 1 ноября выполнен на 100,8%, выдвинутый сверх этого плана встречный план хлебозаготовок, составляющий 20% годового плана, в основном тоже выполнен»³⁶.

Кроме этого, силами Шебекинского комсомола к 16-му международному дню юношества 5 сентября было организовано движение «красных обозов» в количестве 30 000 пудов, к 13-й годовщине Октября было организовано 6 «красных обозов». В этот момент район был коллективизирован на 29%³⁷. РК ВКП (б) дал также указания комсомолу: «Комсомольская организация поведет решительную борьбу с проявлением левых и правых загибов в рядах нашей партии и комсомола»³⁸.

Если весной 1930 г. в Шебекинском районе было 43 колхоза, то на начало 1931 г. — 47, а к июлю 1931 г. — 59 колхозов. К осени 1931 г. уже 70% крестьянских хозяйств в Шебекинском районе вступило в колхоз.

Подытоживая вышеобозначенные факты, сделаем некоторые выводы. Итак, до образования Шебекинского района (1928 г.) город Шебекино был центром Шебекинской волости. Шебекинский район населяли представители преимущественно двух национальностей: русские и украинцы. К 1923 г.

Социально-экономическое развитие Шебекинского района...

в Шебекинской волости на долю частника приходилось 52% товарооборота. Крестьянские хозяйства, являвшиеся своего рода предпринимательскими, начали набирать большой рост развития к 1925—1927 гг., а число бедняцких хозяйств уменьшилось до 20—25%. Период политики преобразования мелких, единоличных крестьянских хозяйств в крупные общественные социалистические хозяйства путем кооперирования положил начало массовому недовольству среди зажиточного населения района, что дало толчок массовым репрессиям со стороны государства.

Рассмотрим сельскохозяйственную деятельность в Шебекинском районе в 1930-е гг. В районе в рассматриваемый период было 61 867 га сельскохозяйственных угодий³⁹. Пашня занимала территорию, равную 923 га, усадебные земли занимали площадь в размере 6081 га, на сенокос отводилось 3275 га⁴⁰. В 1931 г. в сельском хозяйстве Шебекинского района было занято 17 253 чел. — 43,3% от общего населения района⁴¹. Шебекинский район ко дню 5-й районной партконференции был коллективизирован на 63%, удельный вес социалистического сектора превысил индивидуальный. В общей землеобеспеченности района социальный сектор занимает 70,7% и по пашне — 72,5%. В районе значительно увеличивается рост посевных площадей и в особенности по соцсектору. Если в 1930 г. совхозы засеяли 6889 га, то в 1931 г. — 7325 га, колхозы в 1930 г. засеяли 9700 га, а в 1931 г. — 30 000 га⁴².

Площадь посева у единоличников сократилась в результате политики раскулачивания (реквизиций в пользу соцсектора). С каждым днем колхозы пополнялись вступающими единоличниками. Вся площадь посева также увеличилась по сравнению с 1930 г. В 1930 г. было засеяно 49 299 га, а в 1931 г. — 5205 га. Удельный вес посева соцсектора поднялся до 72,8%.

Шебекинский район — район сахарной промышленности, и вполне понятно, что основной культурой в районе является сахарная свекла. Из года в год увеличивается площадь посевов

сахарной свеклы, и по сравнению с 1929 г. посевы сахарной свеклы увеличились на 100%: в 1929 г. было посеяно 3715 га, в 1930 г. — 6049 га, в 1931 г. — 7311 га⁴³.

Расширение посевной площади под сахарную свеклу шло главным образом за счет земли, занятой под пары. Кроме сахарной свеклы в районе выращивали следующие сельскохозяйственные культуры: рожь, пшеницу (яровую и озимую), ячмень, овес, зерно, горох, просо, картофель. Урожайность в 1930 г. по свекле была 3 062 228 ц с гектара, в 1931 г. удалось получить 676 777 ц. Валовой урожай и сбор за 1936 г. с 1 га составил⁴⁴:

Таблица 1

Название культуры	Посевная площадь (га)	Урожайность (ц/га)	Валовой сбор
Рожь озимая	5 407	9,06	54 103
Пшеница озимая	4 649	14,4	65 272
Пшеница яровая	2 526	10,3	26 018
Ячмень	4 845	10,3	4 903
Овес	2 390	11,9	2 841
Вика-зерно	236	10,8	3 629
Горох	907	4,1	3 718
Просо	979	6,97	6 823
Картофель	322	80	4 869
Сахарная свекла	6 373	87,9	560 488

Валовой доход сельского хозяйства из года в год повышался. Если в 1929 г. в колхозах прибыль от полеводства составила 156 712 руб., то в 1930 г. — 1 625 956 руб., а в 1932 г. — 4 105 710 руб.⁴⁵

В животноводстве после катастрофического падения численности поголовья скота в 1930 г. были достигнуты значительные успехи. Численность поголовья была восстановлена, в особенности по социалистическому сектору сельского хозяйства. Если на 1 июля 1930 г. в колхозах крупного рогатого скота

Социально-экономическое развитие Шебекинского района...

было всего 332 головы, в совхозах — 985 голов, в единоличных хозяйствах — 8530 голов, то на 1 июля 1931 г. в колхозах имелось — 701 голова, в совхозах — 1423 головы и в единоличных хозяйствах 15 108 голов. Значительно увеличилось за год поголовье другого скота — овец, свиней, лошадей. К 1937 г. поголовье сельскохозяйственного скота увеличилось: крупный рогатый скот — 22 526, волы — 1447, свиньи — 13 187, мелкий рогатый скот — 12 503 голов.

Животноводство в колхозах развивалось главным образом по линии организации молочно-товарных и свиноводческих ферм. К 1931 г. в колхозах было создано 9 молочно-товарных ферм с 460 головами скота и 2 фермы ЦРК и ЗРК. В районе было 17 свиноферм по колхозам с количеством скота 662 головы, а в общем по району — 20 свиноферм с количеством скота 903 головы (данные на 1931 г.).

Вместе с тем, по сообщению районной газеты «Пламя», в колхозе «Красный партизан» (с. Вознесеновка) свиноводческому хозяйству не уделялось достаточного внимания. Уход за свиньями, особенно за свиноматками, был поставлен из рук вон плохо. В Марьинском совхозе скот содержался в плохом состоянии. Правильное кормление отсутствовало. В особенности был плох уход за телятами и поросятами. Телята болели легочными заболеваниями, и падеж их составил 42%. Имелся и падеж поросят от плохого ухода за ними. В колхозе им. Ленина (с. Пенцево) за имеющимися свиньями не было налажено никакого ухода, «от недогляду матка поросят подавила». Самоуправление колхоза, по словам газеты, недооценивало вопросы свиноводства и часто снимало свинаярей, посылая их на другие работы.

Работали колхозники в созданных колхозах не за деньги, а за «трудодни», «палочки», то есть единицы. Детям до 14 лет — по 5 «палочек». На одну «палочку» было положено 3 пуда хлеба (48 кг). Однако получали колхозники это раз в году, после уборки урожая и полного расчета с государством. Но так как урожаи в

колхозах были очень низкими, а государство забирало почти все, крестьянам практически ничего не оставалось. Кормились они с приусадебных участков. Реальная картина была такая: в 1932 г. в Шебекинском районе колхозники на трудодни получали по 2,2 кг хлеба, в 1933 г. — 4 кг, в передовых колхозах — 5–7 кг, а в некоторых колхозах его и вовсе не получали.

Основой колхозной организации труда являлась сдельщина. Сдельщина означает распределение доходов колхоза в соответствии с количеством и качеством затраченного колхозником труда. При подведении итогов, когда колхоз рассчитывался со всеми обязательствами перед государством и приступал к распределению доходов среди колхозников, эти доходы распределялись по выработанным каждым колхозником трудодням. Следовательно, запись о выработываемых трудоднях являлась основным условием сдельщины, без учета проведения сдельщины теряло всякий смысл, являлось формальным.

Знание каждым колхозником количества выработанных им трудодней было обязательным условием проведения сдельщины. Выработываемые отдельными колхозниками трудодни были известны всем участникам бригады с целью повышения конкуренции между колхозниками. Это служило основой соревнования и вызывало стремление не отставать от других.

Между тем, по сведениям, которые поступали в редакцию газеты «Пламя», с учетом труда колхозников дело обстояло из рук вон плохо. Во многих колхозах учета труда вовсе не было, а если он и имел место, записи зачастую велись таким образом, что впоследствии недоразумения при распределении были неизбежны.

Почему необходимое условие правильной сдельщины не проводилось в жизнь? Местные органы объясняли это тем, что до колхозов еще не дошли соответствующие учетные формы, что на местах не хватало счетных работников.

Отсутствие четкого учета трудодней делало невозможным налаживание составляющих основ социалистического труда

(ударничества и соревнования) в колхозе. Непосредственная проверка проведения сдельщины на местах показывала, что сплошь и рядом она проводилась лишь формально.

При сдельщине каждая работа имела свою расценку. Колхозная сдельщина отличалась тем, что расценки работ велись не в деньгах, а в трудоднях. То, что колхозник должен был работать не за деньги, а за трудовые «палочки», партийное руководство трактовало следующим образом: «Устанавливать расценку в деньгах в колхозе нельзя. В колхозе не может быть зарплаты, ибо зарплата бывает при работе по найму, а в колхозе работают хозяева, равноправные члены хозяйства. Колхоз — это хозяйство колхозников. В колхозе между его членами распределяются доходы. Для колхоза твердая зарплата — вреднейшее явление»⁴⁶. В ответ на обращения колхозников о начислении зарплаты в денежном эквиваленте шли обвинения в адрес как бы уже ликвидированного класса кулачества, говорилось, что якобы кулак старается подбить колхозника на требование твердой зарплаты, пытается представить колхоз в качестве хозяина для колхозника. А колхозники должны знать, что они сами являются хозяевами, что их доходы будут целиком определяться количеством затраченного труда. Но заранее определить, какой будет доход, устанавливать твердые ставки не предполагалось. Поэтому и применялись определенные расценки колхозных работ в трудоднях⁴⁷.

Трудодень был не только временем работы — 8, 10 или 12 часов. Под этим понятием подразумевалось количество работы и ее качество. Именно такое количество, которое могло быть произведено в течение дня напряженной работы. Нормами трудодня были 3/4 га вспашки, 5 га боронования, 5,5 м двухрядной прополки⁴⁸.

В каждом колхозе в зависимости от условий работы и наличия орудий труда трудодень устанавливался по-своему. Важно было, чтобы трудодень как можно ближе подходил к тому, что в действительности в течение напряженного рабочего дня могло быть выработано лучшим колхозником.

Например, в чураевском колхозе «Профинтерн» постановка учета и организации труда были не налажены. Бригадир, которые должны были вести учет в своих бригадах, этим вопросом не занимались. Функции некоторых бригадиров выполнял табельщик, который после работы замерял, сколько сделано, и отмечал, а бригадир только следил за работой⁴⁹. Не было точной разбивки бригад, люди в них менялись. Иногда две бригады по собственной инициативе соединялись и работали вместе. Также недостаточно четко были проработаны нормы выработки. Например, за покос 1 га травы на 6 человек давали 9 трудодней, то есть 1,5 трудодня на человека, в то время как сами колхозники говорили, что эта норма низкая, что можно выработать и больше⁵⁰. Индивидуальная сдельщина совершенно отсутствовала, вследствие чего отсутствовало ударничество и соцсоревнование. Имелись случаи, когда колхозник работал неполный день и не вырабатывал установленной нормы выработки, а ему записывали полный трудодень. Так, правление пенцевского колхоза им. Ленина было осуждено за бездействие в газете «Пламя». Поводом для этого послужил эпизод из колхозной жизни: 7 июля 1931 г. колхозница А. В. Осадченко пришла жаловаться в правление колхоза на то, что многие женщины не дают ей работать по-ударному, не дают ей перевыполнить нормы выработки, едва только она начинала в работе уходить вперед. Это подтвердил и бригадир⁵¹. Правление же колхоза, в свою очередь, вместо того чтобы дать отпор антиударническим настроениям и создать атмосферу для развертывания ударничества, также обвиняло Осадченко.

Между колхозами заключались договоры о социалистическом соревновании. Но большинство колхозников не очень торопилось перевыполнить план. Агитаторы, находившиеся среди них, подговаривали колхозников не торопиться выполнять план работ раньше других, так как передовиков посылали на помощь отстающим хозяйствам⁵².

Из валового дохода в колхозе распределению между колхозниками подлежало:

Социально-экономическое развитие Шебекинского района...

— продовольственное зерно и другие продукты, за исключением подлежащих сдаче государству сменного, страхового и специальных продовольственных фондов, образованных по постановлению самих колхозников;

— корма, за исключением подлежащих сдаче государству и откладываемых фуражному фонду.

Во время колхозных работ колхозникам должны были выдаваться авансы продовольственными продуктами в счет причитающейся им доли продукции в соответствии с выработанными трудоднями. В каждом колхозе в зависимости от количества продовольственных продуктов, подлежащих распределению, устанавливалось, сколько продовольственного зерна получал колхозник, выработавший наибольшее количество трудодней. При этом колхозник, выработавший меньшее количество трудодней, по сравнению с лучшим колхозником получал меньшее количество продовольственного зерна⁵³.

Кроме выполнения контрактации перед государством колхозы отчисляли ежегодно государству налоги, страховку и долги по кредитам. В колхозах создавался неделимый фонд, который предназначался для покупки машин, рабочего и продуктивного скота. Отчисления в неделимый фонд поступали от старых колхозов в размере 15% и 10% в колхозах новых, организованных после октября 1930 г.⁵⁴

Насилие порождало насилие. Всю свою злобу и ненависть за унижение и разорение крестьяне направляли на непосредственных исполнителей репрессивной политики: 1 июля 1931 г. убит председатель сельского суда с. Устинка Г. П. Молчанов, 5 ноября 1930 г. в с. Никольское был убит активист колхозного движения коммунист Столяров, в августе 1932 г. убит председатель колхоза «Красный октябрь» в с. Устинка З. А. Лазарев. Недаром в сводке ОГПУ от 23 июля 1932 г. говорилось об «ухудшении политнастроения части колхозников», «росте массовых выходов из колхозов, разборе скота, имущества и сельскохозяйственного инвентаря»⁵⁵.

В 1933 г. были созданы так называемые политотделы при МТС и совхозах, начавшие чистку кадров колхозов и МТС с отдачей их под суд, а также организацию партячеек в созданных колхозах. В Ржевском совхозе политотдел возглавил 25-тысячник А. И. Удалов, Шебекинскую МТС — Гусев, Зиборовскую МТС — Зелкан⁵⁶. Просуществовали политотделы до 1935 г. Политотделы не подчинялись ни сельским советам, ни районным земельным органам.

В селах возобновилась реквизиция хлеба в пользу государства. Особенно остро встал вопрос в 1932 г., когда зерна было собрано меньше, чем в 1931 г. А хлеб надо было взять. И для этих целей при сельсоветах образовывались специальные бригады. Ярким примером ликвидации прорыва в хлебозаготовках была ситуация, сложившаяся в с. Нежеголь, описанная подробно в газете «Пламя» 24 ноября 1932 г.: «17 ноября в 17.00 нежегольские организации рапортовали району о выполнении плана хлебозаготовки. Колхозный сектор первый по селу выполнил долг перед государством, но Нежегольский сельсовет тянул вниз единоличный сектор, задолженность за которым составляла 98 ц из плановых 692, а вследствие невыполнения плана по культурам предстояло еще изъять 150 ц.

11 ноября в 6 часов вечера собралась Нежегольская парторганизация на совещание. На повестке дня стоял один вопрос — план хлебозаготовок по единоличному сектору выполнить во что бы то ни стало.

Во время ударной работы были обнаружены до 40 случаев укрытия хлеба. Хлеб прятали всюду. Вот отдельные факты. У Диничева, не выполнившего плана хлебозаготовок, хлеб в количестве 10 мешков был обнаружен спрятанным в соломе, там же были спрятаны 8 овчин, которые также были конфискованы. У единоличницы Снимщиковой было обнаружено просо, которое было подвешено за иконами, под крышкой стола и под загнетью печи в земле. У Семенкова в сенах под полом было обнаружено 3 мешка пшеницы. У Жданова Д. И., твердого

Социально-экономическое развитие Шебекинского района...

должника, в яме на огороде было обнаружено 3 центнера проса. У Щекинова Ф. А., Жданова Я. Г., Закурдаева М. П., Пономарева М. Т. — хлеб был найден закопанным в ямах, в сараях, под навозом, на огородах и т. п. Попутно с хлебом были обнаружены у тех же единоличников ямы с сахарной свеклой и с сахаром. Некоторые умудрялись прятать хлеб и сахар на пустых кулацких усадьбах»⁵⁷.

«17 ноября в 5 часов вечера план хлебозаготовок по единоличному сектору был выполнен со следующими показателями: уточненный план с остатками невыполненного был установлен в 248 цт, выполнено 268,76 цт — 108,3% плана и сверх плана сдано масленичных культур»⁵⁸.

Но даже в это время темпы коллективизации не были остановлены. В Шебекинском районе уже к январю 1934 г. 83% крестьянских хозяйств было коллективизировано⁵⁹.

Этому непосредственно способствовало введение единовременного налога для единоличных крестьянских хозяйств. Постановление ЦИК, СНК СССР установило единовременный налог на следующих основаниях. К единовременному налогу привлекались все единоличники, занимавшиеся сельским хозяйством, проживающие в сельской местности, дачных поселках и городских поселениях, с которых взимался сельхозналог. От единовременного налога освобождались хозяйства рабочих и служащих, уплачивающих сельхозналог, у которых основным доходом являлась зарплата, хозяйства колхозников, военнослужащих, милиции и единоличные хозяйства, освобожденные по маломощности в 1932 г., инвалиды войны и труда, отнесенные к I и II группе инвалидности⁶⁰.

Хозяйства облагались сельхозналогом по твердым ставкам. Уплачивали единовременный налог в размере 15–20 руб. Хозяйства, облагаемые сельхозналогом по прогрессивным ставкам, уплачивали единовременный налог в размере от 100 до 175% к окладу сельхозналога 1932 г., но не менее 25 руб.⁶¹ Кулацкие хозяйства уплачивали единовременный налог в размере 200%

оклада сельхозналога 1932 г. Хозяйства, вступившие в колхозы до 10 декабря 1932 г., от единовременного налога освобождались, а хозяйства, вышедшие и исключенные из колхозов, привлекались к налогу наравне с единоличными. Райисполком Шебекинского района, пользуясь правом, оговоренным в постановлении ЦИК и СНК СССР, повысил для хозяйств «кулаков» ставки единовременного налога и увеличил ставку единовременного налога до 300%⁶². Ставка налога для каждого сельсовета была установлена в процентном соотношении к сельхозналогу.

МТС полностью не справлялись с возложенными на них обязательствами. Трактора приходилось перегонять часто из колхоза в колхоз, из-за чего имелись длительные простои. Сорвана была 23-часовая работа. В связи с необеспеченностью перевозными средствами бригады недостаточно обслуживались механиками, трактора обслуживались непостоянными трактористами, так как в каждом колхозе происходила смена водителя; вследствие чего внимание тракторам уделялось недостаточное, поэтому они часто ломались. К числу основных проблем относилось и неумение дирекции МТС увязать работу тракторов с наличием тягловой силы в колхозах, отсутствие достаточной помощи колхозам со стороны агрономов МТС по внедрению плановости и учета, а также проверки качества работы. Также имели место большие простои тракторов из-за несвоевременной подвозки горючего и воды, часто планы работы МТС не были согласованы с колхозами. Во время сева произошло 52 простоя, из которых 23 — из-за недоброкачества ремонта, а остальные 29 — по вине тракториста. Простои по «Фордзонам» были особенно велики — 2297 часов, или 63% по отношению к выработанным часам. По «Интерам» простой был меньше — 1615 часов, или 22% по отношению к отработанному времени. Норма выработки на тракторах также не выполнялась. Имел место значительный перерасход топлива, отсутствие освещения на тракторах срывало непрерывную работу. Не хватало

специалистов⁶³. Однако Шебекинская МТС неоднократно участвовала во всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В 1940 г. ей вручили диплом 1-й степени.

Работам МТС на полях колхозов предшествовало подписание договоров о совместной деятельности. Образец договора был разработан Наркомземом СССР и утвержден СНК СССР 5 февраля 1933 г.⁶⁴

Колхоз обязан был обеспечить доставку горючего и машин со станции, железных дорог и подвозку воды к месту работы трактора. Установка скирд и молотья хлебов производилась в определенных местах по указанию МТС. Подвозка продукции, причитающейся МТС, производилась перевозными средствами колхоза, за его счет. В целях наиболее производительного использования сложных сельхозмашин, принадлежащих колхозу, МТС покупала у колхоза по особому соглашению все сложные молотилки и локомобили. Колхоз рассчитывался с МТС не деньгами, а натуральными продуктами (зерном, хлопком, свеклой, льном). За проведение всех основных сельскохозяйственных работ МТС получала от колхоза в оплату своих расходов натуральным продуктом 20% урожая по зерну, кукурузе, подсолнуху, хлопку и льну, 17% по свекле и 16% по картофелю⁶⁵.

В перечень всех основных сельскохозяйственных работ входили: по зерну — вспашка, посев, косьба, молотья или уборка комбайном, по кукурузе — вспашка, посев, культивация и уборка, по подсолнуху — вспашка, посев, молотья, культивация, по картофелю — глубокая вспашка, посадка и копка, по льну — две вспашки, посев и тербление. В случае если МТС в колхозе производила не все основные работы, колхоз оплачивал ей лишь каждую произведенную работу в процентах от урожая.

Расчеты по работам, проведенным МТС до начала молотья, производились из первых партий намолоченного зерна, но не позднее одного месяца после начала обмолота, а за молотью

расчет производился по мере обмолота. Урожайность для данного района определялась специальной комиссией в следующем составе: председатель РИКа или его заместитель, райуполномоченный Комзаг СТО (Комитета по заготовке с/х продукции при Совете труда и обороны), директор соответствующего колхоза. Причитающееся МТС за работу зерно и подсолнух сдавались колхозом всеми зерновыми культурами и подсолнухом пропорционально посевным площадям каждой культуры. По свекле и картофелю расчеты производились из первых партий собранной продукции. Урожайность по свекле и картофелю определялась особой комиссией. Расчеты по остальным культурам производились не натурой, а деньгами в сроки и на условиях особого соглашения МТС с колхозами.

Работы МТС по подъему паров, озимому севу, зяблевой пахоте производились в порядке беспроцентного кредита колхоза с натуральной оплатой из урожая следующего года.

Оценивая производительную деятельность МТС в колхозах, следует заметить, что сложившаяся форма производственно-технического обслуживания со стороны МТС воспринималась крестьянами неоднозначно. Часть крестьян считала, что натуральная оплата, которая взималась с колхозов (хотя и на добровольных началах), была слишком кабальной. После выполнения плана хлебазаготовок и натуроплаты (зерном) у многих колхозов оставалось мало зерна для распределения на трудодни. Недовольны были крестьяне и тем, что МТС были слабо заинтересованы в повышении урожайности, так как денежное начисление производилось не от урожайности, а в зависимости от количества гектаров обработанной земли⁶⁶.

Таким образом, рассмотрев противоречивые тенденции социально-экономического развития Шебекинского района Белгородской области, в заключение заметим, что к середине 1930-х гг. он занимал не последнее место по числу сельскохозяйственных угодий. Высокими темпами развивалась сахарная промышленность, в которой была задействована большая часть

Социально-экономическое развитие Шебекинского района...

рабочей силы города и района. Колхозное хозяйство имело первостепенное значение. На протяжении 1930-х гг. в промышленное производство внедряются новшества, направленные на улучшение урожайности, повышения заготовительной сырьевой базы. И, наконец, большой вес в данный период приобретает агропромышленный комплекс.

Примечания

- ¹ Поздняков Э. Н. История Шебекино XX в. Белгород, 2001. С. 16.
- ² Там же.
- ³ ГАБО. ФР–959. Оп. 1. Д. 7. С. 71.
- ⁴ Там же. С. 72.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ ГАБО. ФР–959. Оп. 1. Д. 6. С. 6.
- ⁸ Там же. Л. 7.
- ⁹ Поздняков Э. Н. Шебекино в 20–30-е гг. // Красное знамя. 1998. 30 июня.
- ¹⁰ Поясов С. А. Шебекино: историко-краеведческий очерк. Шебекино, 1970. С. 85.
- ¹¹ Там же. С. 86.
- ¹² Кузюлев Н. Н. Крепнуть колхозам, богатеть колхозникам // Красное знамя. 1985. 23 октября.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Поясов С. А. Указ. соч. С. 87.
- ¹⁵ Кузюлев Н. Н. Заботы райкома партии // Красное знамя. 1985. 1 июня.
- ¹⁶ Поясов С. А. Указ. соч. С. 89.
- ¹⁷ Кузюлев Н. Н. Заботы райкома партии.
- ¹⁸ Гончаренко Ю. Резерв душ для отсева сеятелей // Белгородская правда. 1990. 4 августа.
- ¹⁹ Трапезников С. П. Коммунистическая партия в период наступления социализма по всему фронту. Победа колхозного строя в деревне (1929–1932 гг.). М., 1960. С. 103.
- ²⁰ Кузюлев Н. Н. Заботы райкома партии.
- ²¹ Гончаренко Ю. Указ. соч.
- ²² Там же.

- ²³ Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 45.
- ²⁴ См. подробнее: Пламя. 1930. 2 ноября.
- ²⁵ Гончаренко Ю. Указ. соч.
- ²⁶ Пламя. 1930. 8 марта.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Пламя. 1930. 5 июня.
- ³⁰ Гончаренко Ю. Указ. соч.
- ³¹ Пламя. 1930. 8 марта.
- ³² Пламя. 1930. 26 марта.
- ³³ Зеленин И. Е. Революция сверху: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. №10. С. 28–29.
- ³⁴ Кузюлев Н. Н. Крепнуть колхозам, богатеть колхозникам.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Гончаренко Ю. Указ. соч.
- ³⁷ Кузюлев Н. Н. Крепнуть колхозам, богатеть колхозникам.
- ³⁸ Он же. Заботы райкома партии.
- ³⁹ Он же. Трудные дни становления // Красное знамя. 1985. 25 июля.
- ⁴⁰ Он же. Заботы райкома партии.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Кузюлев Н. Н. Крепнуть колхозам, богатеть колхозникам.
- ⁴³ ГАБО. ФР–959. Оп. 1. Д. 7. С. 71.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Пламя. 1931. 30 июля.
- ⁴⁹ Пламя. 1931. 19 августа.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ ГАБО. ФР–959. Оп. 1. Д. 6. С. 7.
- ⁵⁵ Тепцов В. Н. Аграрная политика на крутых поворотах 20–30-х гг. М., 1990. С. 20.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Гончаренко Ю. Указ. соч.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Пламя. 1934. 19 января.

Социально-экономическое развитие Шебекинского района...

⁶⁰ Поздняков Э. Н. История Шебекино XX в. С. 45.

⁶¹ Там же. С. 46.

⁶² Зеленин И. Е. Указ. соч. С. 34.

⁶³ Рогалина М. А. Коллективизация: уроки пройденного пути. М., 1989. С. 166.

⁶⁴ Тепцов В. Н. Указ. соч. С. 29.

⁶⁵ Рогалина М. А. Указ. соч. С. 167.

⁶⁶ Тепцов В. Н. Указ. соч. С. 27.

ИНФОРМАЦИЯ

Правительственная программа поддержки талантливой молодежи в 2010 году

VI Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым. 2010»

Организаторы конкурса

Общероссийская общественная организация «Союз маркетологов России», Федеральное агентство по образованию, журнал «Русская история».

Цели конкурса

Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым. 2010» проводится в целях активизации изучения и научной разработки истории России, формирования нового поколения историков посредством выявления, содействия становлению и развитию молодых и талантливых специалистов, а также популяризации исторического знания.

Принципы конкурса

Приветствуется соблюдение традиционных научных принципов ведения исторических исследований — объективность, документальное подтверждение излагаемых мыслей, рассмотре-

Информация. Правительственная программа поддержки...

ние исторического материала в широком контексте изучаемой эпохи. Еще более приветствуется сочетание этих принципов с привязкой к современным проблемам, изложение мыслей ясным русским языком без узкоспециальных научных и псевдонаучных терминов.

Основная идея конкурса заключена в его названии «Наследие предков — молодым». Отбор работ, особенно призовых, проводится исходя из того, что можно рекомендовать из русской истории подрастающему поколению в его духовный багаж.

Номинации

- 1. История Руси (допетровская эпоха).**
- 2. Переломные точки русской истории.**
- 3. Доходчиво и интересно о нашем прошлом.**
- 4. Русское краеведение.**

Награждение

По итогам очного тура победителям в каждой номинации (1 место) и призерам (2, 3 место) присуждаются премии в рамках Правительственной программы поддержки талантливой молодежи в целях реализации приоритетного национального проекта «Образование» в установленных размерах в количестве выделенных грантов

Авторы работ, допущенных к участию в конкурсе, получают диплом участника. Победитель конкурса, призеры, победители по номинациям и получившие поощрительные призы от спонсоров конкурса, получают соответствующие дипломы.

Условия

В Конкурсе могут принимать участие совершеннолетние физические лица, возраст которых не должен превышать 25 лет на 31 мая следующего за Конкурсом года.

Информация. Правительственная программа поддержки...

Конкурс состоит из двух туров — **первого** (заочного) и **второго** (очного). Задания очного тура и порядок его проведения устанавливаются и утверждаются Оргкомитетом.

Конкурсные материалы подаются в машинописном и (или) электронном виде и состоят из:

- **заявки**, оформленной в соответствии с Приложением;
- **статьи на тему по русской истории** по одной из объявленных номинаций.

К конкурсу допускаются до четырех статей (по одной на каждую номинацию). Объем каждой статьи не должен превышать 1 издательский лист (40 тысяч знаков или около 30 страниц машинописного текста). К статье должен быть приложен список используемой литературы.

Работы, написанные в соавторстве, или с использованием чужих текстов более предложения, не оформленных как цитирование, к участию в конкурсе не принимаются.

Критериями оценки работ по первым двум номинациям будут новизна излагаемого материала или свежесть осмысления известных фактов, степень обобщения малоизвестных источников по русской истории.

Критериями оценки работ по двум последним номинациям будет доступность и легкость изложения материала, социальная и духовная значимость его содержания.

Конкурсные материалы принимаются до **31 декабря 2010** года по адресу:

107078, Москва, а/я 289

E-mail: ist@moscowia.su

Справки по телефону:

8 (499) 261 22 11

Информационная поддержка

Работы, содержание которых существенно пополняет русскую историческую науку, или в доходчивой форме излагающие

Информация. Правительственная программа поддержки...

малоизвестные, но значимые факты из русской истории, будут предложены к опубликованию в журнале «Русская история», «Русском историческом сборнике», а также предложены к опубликованию в специализированные исторические издания

Все работы, допущенные к участию в конкурсе, будут размещены на сайте:

www.moscowia.su

Приложение

**Форма заявки на участие в конкурсе
на участие в конкурсе**

Заявка на участие в конкурсе «Наследие предков — молодым. 2009»	
Ф. И. О. участника	
Название работы	
Номинация	
Паспортные данные	
Дата рождения	
Адрес регистрации	
Фактический адрес проживания	
Телефон	
E-mail	
Место работы, учебы	
Ученое звание, должность	
Членство в исторических обществах	
С Положением о Всероссийском конкурсе на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым» ознакомлен в полном объеме, с условиями конкурса согласен (с Положением можно ознакомиться на сайте www.moscowia.su).	
ПОДПИСЬ	
Дата подачи заявки	

Журнал «Русская история»

Уважаемые коллеги!

Мы предлагаем вашему вниманию новое издание, сочетающее популярное изложение материала с научным подходом к изучению отечественной истории. Богато иллюстрированный, с разнообразной тематикой, журнал станет украшением домашней библиотеки.

«Русская история» — общероссийский молодежный исторический журнал, рассчитанный на юношей и девушек, интересующихся историей своей Родины.

В новостной рубрике мы помещаем известия о мероприятиях по подготовке к празднованию знаменательных исторических дат, выдающихся исторических находках, а также иные, полезные для любого читателя сведения.

Любителей исторической литературы мы просим присылать отзывы о прочитанных книгах. Лучшие из них будут опубликованы.

Мы приглашаем к сотрудничеству молодых историков с их свежим взглядом на проблемы и загадки минувшего и их старших коллег, которые смогут помочь молодежи в поисках исторической истины. Всем им мы предлагаем развернуть на страницах нашего журнала захватывающую дискуссию по проблемам современной исторической науки.

В состав редакционной коллегии и общественно-редакционного совета журнала входят известные историки, деятели науки и культуры.

Журнал выходит раз в два месяца.

В 2009 году уже вышли номера, посвященные темам: *«Школьникам об истории», «Традиции православия», «Великие сражения», «Женщины в истории России», «Защитники Отечества», «Край, где мы живем»*.

Темы 2010 года:

«Народные традиции» — № 1

«Великая Отечественная» — № 2

«Историческая правда» — № 3

«Правители России» — № 4

«Столицы» — № 5

«История православия» — № 6

Подписку на журнал «Русская история» на 2010 год российские и зарубежные читатели могут оформить в специализированных агентствах.

Индекс издания по каталогу «Газеты. Журналы» агентства «Роспечать» — **47208**, подписка через ближайшее отделение почтовой связи.

Через Отдел прямой подписки «Роспечати» на журнал «Русская история» можно также подписаться с любого месяца. Справки по телефону: **(495) 921 25 52**, по e-mail: **pretenz@rosp.ru**.

Индекс по каталогу агентства «Вся Пресса» — **Ш0919**, справки по телефону: +7 (499) 270 07 82 или по e-mail: **allpress@sovintel.ru**.

Индекс по каталогу агентства «ИНТЕР-ПОЧТА-2003» — **16770**, справки по телефону: +7 (495) 500-00-60 или через сайт: **www.interpochta.ru**.

Индекс по каталогу агентства «Информнаука» — **19973**, справки по телефону: +7 (495) 787-38-73 или через сайт: **www.informnauka.com**.

Индекс по каталогу агентства «МК-периодика» — **09901**, справки по телефону: +7 (495) 684 50 08 или через сайт: **www.periodicals.ru**.

Ознакомиться с журналом и условиями подписки через редакцию можно на сайте: www.moscowia.su.

Справки по телефону: (499) 261-22-11 или по e-mail: moscowia@list.ru; red@moscowia.su.

Содержание

Предисловие.....	3
------------------	---

В. В. Грицков

Наследие предков — молодым	7
----------------------------------	---

ИСТОРИКИ СПОРЯТ

СТЕНОГРАММА круглого стола: «Февральская революция 1917 г. в российской истории» в Институте российской истории РАН 15 марта 2007 г.	27
---	----

СТАТЬИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Я. Н. Шапов

Старинная усадьба Александрово-Щапово в XXI в.	97
---	----

М. В. Корогодина

Проблемы изучения русских средневековых исповедных текстов как исторического источника	110
---	-----

О. В. Новохатко

Бюрократия в век безумного мудрствования (Размышления над книгой Л. Ф. Писарьковой «Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы». М., 2007).....	121
--	-----

Е. В. Белякова, Н. А. Белякова

Святая Елизавета Федоровна и вопрос о пути русского монаше- ства.....	133
--	-----

А. А. Иванов

А. И. Савенко: метаморфозы русского националиста	147
--	-----

С. В. Дроков

**Мария Бочкарева: краткий биографический очерк русского
воина 168**

Протоиерей Александр Балыбердин

**«Открытое письмо верующих Кировской епархии патриарху Алек-
сию» и судьба его автора Б. В. Талантова 198**

ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

И. А. Курляндский

**«Алексей Максимович! Если бы вы только видели весь этот
ужас!» (А. М. Горький и голод 1932–1933 гг.) 207**

**Письмо П. И. Иванова А. М. Горькому о голоде на Украине 1932–
1933 гг. 224**

В. В. Лобанов

**Дело «епископа» Лазаря (архивные документы о преследованиях
обновленческого духовенства в годы «большого террора») 241**

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ: ЛУЧШИЕ РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Д. А. Ляпин

**Апокрифический источник рассказа о разделе земли сыновьями
Ноя в Повести временных лет 255**

Г. Г. Донской

**Роль надписей на надгробиях Александра, Михаила и Василия
Никитичей Романовых в политической борьбе начала XVII в. ... 269**

В. И. Меркулов

**Древнерусское предание, ожившее в пушкинской «Сказке о царе
Салтане» 280**

И. В. Шаповалова

**Мелкопоместное дворянство Центрального Черноземья в 1850-х —
начале 1860-х гг. 296**

Е. Г. Чунина

Специфика положения офицерства в российском обществе (последняя четверть XIX — начало XX вв.)	316
Миф о «кастовости» офицерского корпуса.....	318
Браки	320
Положение в обществе.....	321
Офицерство и политика.....	324
Институты офицерского корпуса	326
Повседневная жизнь	330
Правовое регулирование жизни. Суды чести	332
Дуэли	335

Т. В. Раева

Быт и досуг горожан Южного Урала в начале XX в.	340
--	-----

Н. В. Котляр

Самодержавие и общественные организации на Дальнем Востоке: история борьбы и сотрудничества	364
--	-----

Н. А. Александрова

История усадьбы Измалково	377
--	-----

М. Ю. Агапова

Сборники Русского исторического общества как исторический источник	402
---	-----

Р. С. Лунев

Социально-экономическое развитие Шебекинского района Белгородчины в конце 1920-х — 1930-х гг.	412
--	-----

<i>Информация. Правительственная программа поддержки талантливой молодежи в 2010 году. V Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков — молодым. 2009»</i>	438
---	-----

Журнал «Русская история»	442
---------------------------------------	-----

Грицков Виктор Владимирович

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК
Выпуск II

Художественное оформление *А. П. Зарубин*

Компьютерная верстка *И. В. Белюсenco*

Корректор *О. Н. Егоренкова*

Издательство «Кучково поле»

123022 г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.

Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.

E-mail: kuchkovopole@mail.ru

Подписано в печать 17.05.10. Формат 60х90/16.

Усл. печ. л. 28. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ № .

Отпечатано в ОАО «Дом печати — ВЯТКА».

610033, г. Вятка, ул. Московская, 122.

ISBN 978-5-9950-0059-4

9 785995 000594 >